

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XIV

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is fluid and appears to be the name of the man in the portrait above.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

XIV

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчуев, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор В. А. Воропаева

Ответственный редактор:

академик НАН КР Т. К. Койчуев

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф. В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчуев. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих учёных Кыргызстана, внёсших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, А. Ататюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор журнала «Диалог цивилизаций».

Награждён почётными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений учёного.

В. М. ПЛОСКИХ

АМАН ГАЗИЕВ

Бишкек — 2020

ББК 66.2
А 56

Плоских В. М.

П 74 **Аман Газиев.** Исторические повести. — Бишкек. 2020. — 480 с. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских; — Т. XIV).

ISBN 978-9967-03-476-5

В XIV том собрания сочинений вошли исторические повести, написанные В. М. Плоских в соавторстве с историками В. Мокрыниным и Ю. Бородиным под псевдонимом Аман Газиев: «Барс-бег — каган кыргызов», «Таласская битва», «Во времена Караханидов», «Первое Посольство», «Белая кость (Ак-Суек)».

Повести охватывают исторические события, связанные с героическим кыргызским батыром Барс-бегом, рассказывают о решающей битве на реке Талас между китайцами и арабами, положившей начало распространению ислама на Тянь-Шане, о великих учёных средневековья Юсуфе Баласагуни и Махмуде Кашгари, живших в Караханидскую эпоху.

В книгу включены также исторические повести о кыргызских лидерах XVIII—XIX вв. и истоках кыргызско-русских отношений.

ISBN 978-9967-03-476-5

© Плоских В. М., 2015

**БАРС-БЕГ,
КАГАН
КЫРГЫЗОВ**

*Историческая
повесть*

УТОПЛЕННИК

«...Был Барс-бег. Это мы дали ему титул кагана. И мы дали ему в жены мою младшую сестру-княжну. Но он изменил нам...»
(Из тюркской эпитафии в честь Кюль-тегина)

Всадник ехал крутым берегом реки. С другого берега было видно, как он то приближался к самым обрывам, стараясь заглянуть вниз, то удалялся в обход, и тогда его силуэт мелькал среди сосен. Как видно, всадник искал брод.

Хотя и стояло лето, но довольно широкая горная река с быстрой ледяной водой — опасное препятствие. Ее не одолеешь где угодно. А брода, как видно, все не находилось.

На другом берегу реки тоже ехал всадник: он давно заметил первого всадника и теперь наблюдал за ним. Двигались они параллельно, в одном направлении. Но второй всадник старался не попасться первому на глаза: при нем не было оружия, кроме кинжала за поясом. Первый же был отлично вооружен: в левой руке он держал длинное копье, спину прикрывал круглый щит, на голове — конический шлем, из-под которого выглядывала меховая опушка подшлемника. Кожаная куртка сплошь усеяна металлическими бляхами и когда солнечные лучи падали сквозь хвойные лапы вниз, броня поблескивала весьма внушительно. У пояса висел меч в ножнах, на втором стрелковом поясе — большой составной лук в чехле и берестяной колчан, полный стрел.

Наконец, первый всадник отыскал брод по ему одному известным признакам. Здесь берег полого спускался к самой воде. Конь понюхал воду, тронул копытом, фыркнул

и поднял голову: не хотел идти. Всадник ударил его плетью и зло прикрикнул. Обиженный скакун прыгнул. И сразу их понесло. Как видно, приметы подвели седока, брода здесь не было. Ледяная вода развернула коня по течению и напрасно хозяин старался повернуть его мордой к другому берегу — быстрые струи не давали. Воин попытался достать дно копьем — оно целиком погрузилось в воду. Тогда человек направил коня наискось, справедливо рассудив, что, если действовать таким образом, вода сама в конце концов доставит их на противоположный берег.

Второй всадник с интересом наблюдал за переправой. Разгадав намерение первого, пробормотал:

— Они как раз попадут вон в ту стремнину и разобьются о скалу... Он поскакал к тому месту.

Между тем все так и случилось. Конь, выбиваясь из сил, приблизился к водовороту. Седок заметил опасность, когда было уже поздно. Их закружило и неудержимо несло к скале. Вода ударила их о камень и накрыла с головой.

Второй всадник подоспел вовремя. Перед самой скалой он увидел ощеренную морду с обезумевшими глазами; конь бил передними копытами по воде. Седок завалился на круп, широко разинув рот, шлем съехал ему на самые брови.

— Держись! — закричал второй всадник и ловко бросил петлю, захлестнув шею и правую руку седока с зажатым обломком куста. Умный скакун уперся всеми четырьмя копытами, подался назад. Аркан натянулся как струна.

Рывок был силен. Утопающего выдернуло из седла, словно травку. Река окунула его с головой, протащила несколько шагов и выкинула на прибрежную мель. Освобожденный от седока конь поплыл дальше.

...Всадник долго не мог прийти в себя, кашлял, харкал и все выплевывал воду. Глаза его были совершенно бессмысленными. Спаситель, вытащив его на берег, сидел рядом, наблюдая.

Наконец, утопленник пришел в себя окончательно. Он сел, озираясь. Спаситель сказал:

— Много же ты выпил воды, парень...

Тот подышал еще немного, потом отрывисто прокашлял:

— Это... ты... меня... вытащил? А где мой конь?

— Вон он, пасется...

Действительно, скакун выплыл на сотню шагов ниже и теперь стоял, понунив голову, — видимо, тоже приходил в себя, как и его хозяин.

Утопленник опять забеспокоился — попытался закинуть руку за спину, ощупать.

— Меч! Где меч!

Он с видимым усилием стащил лук, колчан. А потом — длинный кожаный чехол. Пощупал:

— Ага, тут. Слава Вечному Небу.

Второй с усмешкой сказал:

— Я вижу, обстоятельный ты воин...

— Меня зовут Уткул, сын Багыша, — сказал первый. — Да, я воин из личной дружины государя нашего великого ажо Барс-бега Ынынчу Алп Бильге, повелителя всех кыргызов. А ты кто, вытащивший меня из воды?

— Имя мое Ярук. Простой человек.

— Да пребудет над тобой вечная и неизменная милость Неба, простой человек Ярук! Благодарность в сердце моем безгранична. Как видишь, я — воин. Нет горшей доли для воина окончить жизнь не в славной битве, а быть утопленным безмозглой рекой!..

Скоро новые знакомые сидели у костра (воин — совсем голышом). В подвешенном котелке булькало варево. Оба скакуна обнюхались, пришли к мирному соглашению и теперь дружно паслись рядом.

Воин Уткул оказался очень разговорчивым.

— Когда мы приедем домой, я достойно отблагодарю тебя. У меня есть богатая юрта. И еще две юрты. И в каждой

полно добра. У меня есть овцы, кони, даже верблюдица с верблюжонком. Выбирай, что хочешь — мне не жалко.

— Зачем об этом говорить! Не стоит благодарности.

— Как зачем? Как — не стоит? У меня есть три жены. Младшая — из народа азов. Ничего... Я захватил ее и ее братца в набеге — до того, как мы с азами заключили союз. Теперь подарю тебе. Будешь доволен. Как — зачем? Разве мужчина от красивой женщины откажется? Да ты не сомневайся: у меня есть еще две жены — кыргызки. Все равно они с младшей-токол — без конца ссорятся...

Закончили обед. Одежда подсохла. Воин Уткул встре-пенулся, забеспокоился:

— Надо ехать! Меня ждут. Ты со мной?

— Мне тоже в ту сторону, — отвечал Ярук.

ЧЕЛОВЕК С ДВУМЯ ГОЛОВАМИ

Уткул не умолкал ни на минуту.

— Думаешь, ты спас простого воина? Нет, уважаемый. Знай же: мне доверяют важные дела сам Ынанчу Алп Бильге, наш великий ажо-каган... Не веришь? А вот на это взгляни.

Уткул достал сверток и вынул длинный железный меч. Он отсвечивал синим, только лезвия из наваренной стали сверкали, будто серебряная кайма.

— Это не простой меч! Его сделали для самого ажо-кагана... Добывали лучшую руду из брюха горы Темир!.. Ты наверняка не видел, как это делается, и как искусные кузнецы куют меч, как наваривают стальные лезвия, перед которыми не устоит никакая кольчуга... А сталь для наварки острия падает с неба... Не удивляйся. Ее посылает сама Тенгри-кудай, когда идут дожди. Видел ли ты, как падают звезды?

— Вон я вижу юрту, — сказал Ярук, — не подкрепиться ли нам у гостеприимного хозяина?

Уткул посмотрел вперед. Там, в распадке, у склона холма, виднелась невзрачная юрта; около нее курился дымок,

— Э! Не стоит туда заезжать. Там живет презренный человек. Гость от встречи с таким хозяином может оскверниться.

— Не понял...

— Что же тут непонятного? Когда я говорю «презренный человек», значит, так оно и есть.

— Все равно надо заехать. Припасов у нас нет, а брюхо начинает ругаться.

— Ладно. Ты меня вытащил из воды, — я уступаю. К тому же и мое брюхо подает голос.

Когда они подъехали ближе, стало видно: у летнего открытого очага хлопотали две женщины, бегало несколько ребятишек. Пегая лошадка, помахивая хвостом, паслась неподалеку. По склонам холма разбрелись десятка два овец. За первой юртой стояла вторая, такая же убогая.

При виде всадников женщины с громкими воплями, хватая ребятишек, скрылись в задней юрте. Навстречу гостям бежал волкодав, давясь от злобного лая.

Уткул с руганью отогнал его плетью. Наконец, из передней юрты вышел хозяин, высокий седой человек с угрюмым изможденным лицом. Он отозвал волкодава, сделал пригластительный жест и вновь скрылся за откидным пологом. Уткул спешился, но Ярук остался сидеть, словно окаменев. На лице его сквозь бронзовый загар проступила сероватая бледность, даже губы стали синими...

— Ты чего?..

Ярук опомнился.

— Что это у него висело на шее? — хрипло выдавил он.

— Разве не видел? Голова его сына-вора. Наказан по обычаю. Теперь будет носить ее до самой смерти. Потому и Презренный человек.

Ярук наконец спешился. Лошадей стреножили, пустили тут же, на сочную траву, и вошли в юрту. Хозяин стоял у входа. Он не приветствовал их ни единым словом, только угрюмо показал на почетные места — две стопки овечьих шкур. Когда гости уселись, пробормотал:

— Сейчас подадут еду. — И остался стоять.

Бледность Ярука исчезла, теперь лицо его налилось багровым румянцем. Он не мог оторвать взгляда от груди хозяина: там, на тонкой жиле висела человеческая голова. С короткими русыми волосами. Сморщенная, уменьшенная в размерах, прокопченная и будто траченная молью. Это была голова юноши лет семнадцати; насколько можно было

разглядеть, черты лица были бы даже приятны, если бы не мучительная гримаса, застывшая навеки.

Вошла женщина. Низко нагнувшись, не глядя на гостей, молча расстелила старую, но чисто выстиранную скатерть, наломала кусочками лепешки. Вошла другая, поставила две чашки для кумыса и подала бурдюк. Женщины принесли также на блюде вяленое мясо, катышки сыра и приправу: соль в солонке и пучок острой травы, вызывающей аппетит. После этого молча исчезли. Хозяин все так же стоял у порога.

Уткул с рвением принялся за еду. Но Ярук не мог есть. Он старался преодолеть спазмы дурноты; ему казалось, ужасный запах копченого трупа липнет к его коже, проникает тяжелой струей в ноздри и поднимается тоскливо из желудка к горлу. Пот выступил на его лбу. Преодолевая себя, он сказал:

— Уважаемый, займи свое хозяйское место.

Уткул как будто ничего не чувствовал. Он поднял голову и с набитым ртом возразил:

— Презренный человек с Двумя Головами, по обычаю, не может разделять трапезу с гостями, удостоившими его посещением. Разве тебе это неизвестно, о Ярук? Ведь его сын — вор, и голова сына — на груди его.

— Это плохой обычай, — ответил Ярук. — Но есть и другой обычай: если гость хочет того, хозяин садится.

— Этого еще не хватало! Чтоб я нюхал эту копченую воровскую голову...

— Есть и третий обычай: если гость разрешает, хозяин на время имеет право эту голову убрать...

— Поступай, как знаешь, — сердито ответил Уткул.

Ярук поклонился:

— Сделай как я прошу, хозяин...

Тот послушно снял свой страшный амулет, шаркающей походкой прошел к стопке посуды и бережно спрятал там его в глиняную корчагу, накрыв крышкой. Ярук заметил,

что корчага была полна сухих душистых трав: полыни и еще каких-то. После этого сел подальше от гостей, ближе к выходу, подальше от почетного места.

Вошли женщины, подали горячий бульон.

Разговор не клеился. Уткул хлебал с наслаждением. Ярук же только делал вид, что ест. То же самое — и хозяин.

Насытившись, воин кагана смачно рыгнул, откинулся на шкуры и стал опять разглагольствовать. В тоне его слышались надменно-презрительные нотки.

— Давно я не был в твоей юрте, человек с Двумя Головами... Помнится, ты кочевал ближе к реке. Давно ты здесь?

— Две луны.

— Имеешь ли связи с родственниками?

— Нет.

— И правильно! — одобрил Уткул. — Зачем обременять людей таким родством?

Хозяин ничего не ответил, зато Ярук сказал:

— Ты бы посмотрел своего коня: может далеко уйти, а ведь ты спешишь.

— И то верно! Пойду взгляну. Как бы не увели: места-то воровские, хэ-хэ-хэ!..

Довольный своим остроумием, Уткул вышел.

Ярук тотчас обратился к хозяину:

— Не буду говорить слова утешения, хозяин. Одно скажу: ты мужественно переносишь горе, постигшее тебя.

Хозяин ответил:

— Разве может Незапятнанный понять Запятнанного...

— А разве ты знаешь, кто я? Может быть, я сам — вор...

Хозяин с изумлением уставился на гостя.

— Да, я вор, говорю тебе. Был я очень молод, совсем щенок. Нашим багом управлял Тексин-инал, жирный кабан. Приглянулась ему моя старшая сестренка. Он и взял ее. И сделал даже не женой — у него было уже семь жен — а так, служанкой у подушки. И калым заплатил — две

овцы и хромого мерина. А ведь сестренка у меня была красавицей...

Ярук вытянул правую ногу, поджал левую.

— Обида меня взяла. Сговорились мы со сверстниками и угнали у Тексин-инала нескольких кобылиц... Какой шум поднялся! Жирный кабан Тексин-инал разослал повсюду сотни йигитов. Нас поймали. Ночью я сбежал, ушел в горы. А друзей моих казнили. Их отцы и сейчас, как ты, обязаны носить головы сыновей на своих шеях...

Волнение исказило черты хозяина, он хрипло спросил:

— Как твое имя?

— Ты все еще не узнал меня, почтенный Мамыр-ата? Перед тобой Тиклич, друг твоего казненного сына. Только теперь зови меня Яруком. Не признаешь — и не мудрено: прошло двадцать зим! Твой сын был нашим предводителем, вожаком всех молодых йигитов нашего айла. И моя сестренка была его невестой. Вот мы с ним и решили отомстить жирному кабану Тексин-иналу... Двадцать зим, двадцать лет я прятался в горах. Сначала доставал руду из брюха гор — хуже этой работы не бывает! Зато там не спрашивали, какого ты рода-племени... А теперь вот хочу повидать родные места. Чего теперь бояться? Если ты меня не узнал, кто узнает?

Хозяин не успел ответить. Вошел Уткул:

— Пора на коней. Меня ждет сам великий каган.

Уходя, Ярук шепнул:

— При первой же возможности я навещу тебя, отец...

В СТАВКЕ БАРС-БЕГА

Ставка ажо-кагана располагалась в удивительно красивой местности.

Просторная, чуть всхолмленная равнина там и сям прорезана речками и ручейками с хрустальной, ледяной даже в летнюю жару водой. Огромные нетронутые лужайки перемежались полями с ячменем и пшеницей, их окаймляли светлые и нарядные березовые рощи. На отрогах гор, подходивших к долине, густой шапкой поднимались хвойные леса.

Сама ставка находилась на берегу реки и была обнесена надолбами. Множество больших юрт концентрическими кругами располагались вокруг центра — шатра самого ажо. Над шатром на высоком шесте полоскалось Главное Знамя — огромное цвета крови полотнище, в котором обитал Дающий Победу — бог войны, покровитель кыргызского воинства.

Шел срединный летний месяц 710 года.

В этот ясный чудесный день в шатре правителя кыргызов Барс-бега заседал военно-государственный совет в полном составе. Здесь были два старших и два младших брата повелителя, носившие редкостные титулы «Умай-бег»: весь род Барс-бега находился под особым покровительством божественной супруги небесного владыки Тенгри, которую кыргызы звали Умай-эне.

Здесь были и три главных советника, три главнокомандующих. Первый, по имени Тексин-инал, возглавлял правое крыло кыргызского народа, второй, Куличор, — левое, и третий ичреги Эзгене был помощником правителя. Рядом

с ичреги Эзгене сидел еще один личный советник кагана знаменитый дипломат Эрен Улуг из могущественного рода булсаров.

Здесь же находились шесть иналов (*князей*) — крупнейших феодалов, управляющих шестью областями — багами Страны кыргызов. Кроме них присутствовали знатные люди рангом пониже: десять управителей, пятнадцать делоправителей, а также главы сильнейших родов.

Помимо них в Ажо-шатре восседали на почетных местах два гостя. Один из них, в затейливой шапочке с кисточками и фарфоровыми колокольчиками, в дорогом шелковом халате с такими широкими рукавами, что в каждом из них можно было спрятать ягненка, представлял империю Тан. Его имя было Тао Гу.

Другой, в обычной одежде знатного кочевника, являлся доверенным лицом Сакал-кагана тюркешского. Звался он Баглилой и по слухам владел в стране Семи рек целым городом с округой.

На центральном месте, противоположном входу, сидел сам правитель, гордость кыргызского народа ажо Барс-бег Ынанчу Алп Бильге-каган. Это был семидесятитрехлетний, еще крепкий старик с румяным лицом и совершенно белыми бровями, усами и бородой.

Про Барс-бега давно уже ходили легенды. В молодости он прославился как лихой йигит, в воинском искусстве не знавший равных. Он возглавил страну как раз в тот момент, когда восточные — орхонские — тюрки разгромили объединившихся татар, курыкан, токуз-огузов и отуз-татар. Барс-бег не ввязывался в войну и сумел сохранить свою армию.

Барс-бег хорошо знал мощь тюркского каганата, его неисчерпаемые людские ресурсы. Учитывал он и разницу в готовности к войне. Бойцы Капаган-кагана, прирожденные степные грабители, от поколения к поколению учились военному делу в бесконечных походах. Их стойкость,

² Том XIV. В. М. Плоских

выносливость, ярость в бою были общеизвестны. Уже Кутлуг-чор, основатель второго Восточнотюркского каганата, принявший тронное имя Ильтериш-кагана (682—691 гг.), нанес ряд поражений степным племенам и разгромил танские пограничные отряды. А его брат и наследник, ныне здравствующий Капаган-каган, шесть раз форсировал Хуанхэ и совершенно разграбил Северный Китай.

Что мог противопоставить такой грозной силе Барс-бег? Да, кыргызы тоже хорошие воины и вооружение у них замечательное. Но у них нет такого боевого опыта, нет постоянной привычки к войне. Тут сказались и многолетнее владычество тех же тюрков, и привычка к мирной жизни.

В богатой и плодородной Минусинской котловине, отличавшейся более мягким климатом, чем окружающие земли, кыргызы сеяли просо, ячмень и пшеницу. В приречных поймах и на степных просторах жировал скот: косяки лошадей, отары овец, стада коров и даже верблюдов — кыргызы были умелыми скотоводами.

Очень любили они охоту. Охотникам здесь было раздолье: лоси, косули, «чернохвостые» козы, похожие на кабаргу, тарпаны. Много водилось пушных зверей: лисиц, соболей, куниц, белок. Пушнину также выменивали на хлеб и ремесленные изделия у северных «лесных» народов или брали ее в виде дани.

Гордились кыргызы и своими умельцами ремесленниками. Особенно прославились их горнорудные мастера. Все окрестные государства, народы и племена высоко ценили знаменитые кыргызские мечи, ножи, кинжалы, панцири. Тюркские каганы, покорившие земли по Енисею в середине VI в., в первую очередь требовали от кыргызов «дань железом». Да, страна давала все необходимое для мирной жизни и торговли, вот почему жители ее не имели большого боевого опыта, да и тяги к войне. Но могли разве в таком случае они, втрое-четверо меньшие

по численности, противостоять Хозяину Степи — Восточнотюркскому каганату?

Нет. Надо было искать союзников.

И Барс-бег их нашел. Он заключил договор с Танским императором, номинально признав себя его вассалом. Направил посольства к тюргешам в Семиречье во главе с ичреги Эзгене.

Мало того. Не надеясь на этих союзников, он втайне от них готовил посольство в Тибет.

ПРИНЦ НЕИСТОВЫЙ И НЕТЕРПЕЛИВЫЙ

Все эти активные внешние действия Барс-бега вызвали сильнейшее раздражение в ставке Капаган-кагана. Его племянник, знаменитый батыр Кюль-тегин, прозванный за свой характер Неистовым и Нетерпеливым, настоял на посольстве к Барс-бегу, которое возглавил он сам.

Тюрки прибыли в ставку. И теперь в Ажо-шатре ожидали появления самого Кюль-тегина. Барс-бег нарочно пригласил на прием китайского и тюргешского послов: пусть надменный принц увидит мощь нового антитюркского союза!

Снаружи слышались голоса, шаги, звон оружия. Вошел управитель гостей и объявил:

— Посланник от сына Неба, Сына Волчицы, Божественного Тюрка достойный воитель — Кюль-тегин из рода Ашина!

Полог откинулся, быстрыми шагами вошел высокий стройный воин с богатырскими плечами. Плоское молодое лицо его поражало безобразием — никаких признаков усов и бороды. Черные глаза имели желтоватый, как у рыси, оттенок, ими он обежал присутствующих, словно настоящий хищник — стадо овец. Громким резким голосом он огласил краткое приветствие.

Барс-бег сказал:

— Мы рады Высокому гостю! Пусть он займет почетное место, положенное ему по доблести, званию и праву рождения!

Кюль-тегина бережно провели мимо присутствующих и усадили неподалеку от трона, однако дальше, чем сидели танский и тюргешский союзные послы. Хмурое лицо тюрка стало совсем мрачным.

Подали угощение. Завязался обычный в таких случаях вежливый разговор. Барс-бег, следуя этикету, задавал вопросы:

— Здоров ли мой родственник, Божественный Тюрк, сын Волчицы?

— Здоров! — отвечал посол. — И того желает своим друзьям и данникам. Врагам же и завистникам — неминуемой смерти.

Несмотря на такой дерзкий выпад, Барс-бег продолжал:

— Все ли благополучно в державе тюрков? Плодятся ли скот? Увеличивается ли число подданных?

— Благополучно. Плодятся. Увеличивается, — отвечал Кюль-тегин. — И земля наша увеличивается. Она и будет увеличиваться, пока не обретет границы, в которых была держава наших великих Бумын-кагана и Истеми-кагана.

Подал голос тюргешский посол Баглила:

— Лучшее, что есть — это мир между соседями. Пусть каждый владеет своим и не зарится на чужое.

Кюль-тегин резко повернулся к нему:

— Вы — тюргеши, от предков наших признавали власть потомков кагана Истеми из рода Ангина! Вы были всего лишь малым народом из народа Десяти Стрел и владели одной стрелой. Ваш правитель носил титул «эльтебер» и сидел далеко слева от трона Истеми вместе с другими эльтеберами. А теперь ваш Сакал прозывается «каганом», будто и он из рода Ашина! Будто от незаконного звания он станет сильнее! Нет! Есть только один настоящий каган в мире — это Повелитель Степей Божественный Тюрк Капаган-каган, мой дядя! Придет срок и вы содрогнетесь от копыт наших коней, падете как степная трава под ударами наших клинков!

— Это прямая угроза! — громко сказал возмущенный Баглила.

— Скоро от угроз мы перейдем к делу! — бросил Кюль-тегин. Мягко и проникновенно заговорил танский Тао Гу:

— Такие хорошие люди... Зачем же говорить резким языком, испытывать гнев...

Кюль-тегин повернулся к нему:

— Вот и ты раскрыл рот, табгач! Как ты смеешь без нашего позволения присутствовать здесь, в шатре нашего вассала! Разве мало вам того, что мы шесть раз переходили Желтую реку, чтобы наказать вашего кагана за лживость и лицемерие? Вы хотите, чтобы мы сделали это в седьмой раз? Но клянусь, тогда мы не ограничимся только севером, дойдем до самой вашей столицы и поставим свои юрты в садах вашего правителя!

Барс-бег, слушая, как оскорбляют послов, в глубине души был даже доволен. Пусть они разъярятся, пусть передадут эти оскорбления своим повелителям! Тогда вражда к заносчивым тюркам станет непримиримой, а враждебный им союз — крепче.

Однако Кюль-тегин переходит за пределы пристойности. И Барс-бег вмешался.

— Достославный! В моей юрте негоже одному гостю оскорблять другого. Такое запрещает обычай.

Кюль-тегин повернулся к нему и сказал с явной насмешкой, в то время как его глаза метали желтые молнии:

— О мудрый! О, белобородый! А зачем ты привечаешь таких гостей без соизволения на то Божественного Тюрка?

— Божественный Тюрк не вправе указывать мне в моих землях, — отвечал Барс-бег.

— Разве? А не кыргызы ли шесть поколений были данниками рода Ашина? Разве не ковали нам мечи? Не поставляли меха и рабов? Давно ли вы стали такими храбрыми?

— Давно, — отвечал Барс-бег. — С тех пор, как мы освободились от вашего владчества! Тому уже сорок зим.

— Мой дядя, великий каган, слишком милостив к вам, непокорным. Он снизошел до тебя и отдал тебе в жены мою сестру. А чем ты платишь за это? Неразумной строптивостью?

Ты, словно паук, сидишь и ткешь паутину. Но мы не мухи, и я говорю: берегись!

Тут сразу громко загомонили все присутствующие:

— Позор!

— Он оскорбил кагана!

Кюль-тегин, словно волк, поворачивался корпусом вправо-влево и кричал, ощерившись:

— Вашему ажо мой дядя пожаловал этот титул! Из милости! Но он может и забрать его обратно! Слугу награждают за усердие, а за строптивость наказывают плетью!

Этого уже невозможно было стерпеть. Неистовый и нетерпеливый принц попрал все степные обычаи и больше не мог рассчитывать на посольскую неприкосновенность. Отовсюду раздавались гневные возгласы:

— Смерть обидчику! Смерть негодяю!

Десятки рук потянулись к дерзкому. Но всех опередил пылкий Кули-чор. В два прыжка он очутился рядом и вlepил оглушительную затрещину — прямо по плоской безбородой физиономии. Кюль-тегина дернули за ноги, повалили на пол. Но поднятый шум перекрыл грозный голос Барс-бега:

— Не сметь!!!

Возбужденная толпа раздалась. Перед тронem оказался поднятый Кюль-тегин: из носа его текла кровь, один глаз успел вздуться. Четверо делоправителей держали его за руки.

Барс-бег сказал:

— Нельзя его убивать. Вы знаете степной обычай. По этому обычаю мы и будем его судить. А пока свяжите его и отведите в Деревянную юрту.

Кюль-тегина поволокли к выходу. А снаружи доносился не меньший шум — там обезоруживали и вязали посольскую дружину...

Вновь собрался совет. Барс-бег сказал:

— Война с быстротой пожара приближается к нашим пределам. Она была предрешена Капаган-каганом уже тем, что он отправил к нам послом Неистового и Нетерпеливого. Всем известно, Кюль-тегин владеет оружием, но не владеет Разумом и Словом.

— Войны все равно было не избежать, — сказал Эрен Улуг. Два медведя не уживаются в одной берлоге.

— И поэтому поторопись с отъездом, — сказал каган. — Время не терпит. У нас могущественные враги. И нужны такие же союзники.

— Все готово, повелитель. Я думаю, через месяц мы тронемся в путь.

ЧТО МОГУТ БАКШИ

Уткул выполнил все, что обещал. Он задал спасителю пир, длившийся три раза по три дня. Он затаскал его по родственникам. Ярук получил кучу подарков. Из своих достатков Уткул предлагал:

— Возьми половину овец! Коня! Верблюдицу с верблюжонком!

— Куда мне их девать? У тебя есть пастух, а мне придется пасти самому. К тому же у меня нет даже юрты.

— Возьми любую юрту! У меня их три.

— У тебя в каждой юрте по жене. Отдашь юрту мне, куда лишнюю жену денешь?

— Возьми жену! Смотри, азка какая молодая, красивая! Всегда кипит, как вода в казане. Бери, не пожалеешь!

И Ярук уступил:

— Ну, хорошо, давай сделаем так: пусть эта азка, и юрта, и скот побудут у тебя. А когда я решусь на такое, ты мне их уступишь.

— Вот это разговор! — сразу повеселел Уткул. — Но все-таки возьми брата азки! Тебе ведь нужен слуга: за конем присмотреть, оружие почистить. Не смотри, что он маленького роста и молод. Очень ловкий и выносливый паренек. Все делает быстро, не ленится.

— Хорошо, хорошо! — сдался Ярук. — Пусть будет маленький аз. По крайней мере он — мужчина, значит, сам о себе позаботится.

...Когда случился скандал с Кюль-тегином, каган приставил к срубе-тюрьме стражу во главе с воином Уткулом.

Часовые слышали, как всю ночь пленник метался по Деревянной юрте, словно тигр в клетке. А наутро, когда слуга принес еду, он накинулся на вошедшего и чуть не убил.

После этого есть ему не приносили, только на третий день просунули воду через оконце в ковше на длинной ручке. Невидимый пленник вцепился в ковш и втянул его внутрь: слышно было жадное бульканье.

На пятый день в оконце замаячило плоское безбородое лицо.

— Эй! — кричал Кюль-тегин. Стража приблизилась.

— Принесите чего-нибудь из пищи.

Поскольку слуги категорически отказались входить к бешенному пленнику, напросился Ярук, новый приятель начальника стражи.

— Будь осмотрительным! — напутствовал его Уткул. — Поставь еду на пол и сразу — за дверь.

Ярук усмехнулся:

— Все будет в порядке. Забыл тебе сказать, что я — бакши (*бакши* — шаман). А бакши, как тебе известно, никто не может причинить вреда. Кроме того, я возьму с собой маленького аза, подаренного тобой. Азы — все сплошь бакши. Два бакши против одного йигита — сила.

Уткул от удивления взялся за подбородок: как это его бывший раб, низкорослый паренек-аз, может быть бакши?.. А он-то и не догадывался!..

С тех пор Ярук и маленький аз два раза в день исправно выполняли свои добровольные обязанности. Так продолжалось половину луны.

Тем временем по приказу кагана разослали гонцов во все кочевья. Представители родов должны были явиться в ставку на курултай для суда над Кюль-тегином. Кроме того, Мудрый Барс-бег решил таким образом оповестить весь народ о предстоящей тяжелой войне. Пусть люди узнают правду и пусть готовятся! Беспечность в таких делах губительна.

По приказу кагана строились деревянные дома — амбары, куда свозились припасы со всей страны. В предгорных селениях принялись за усиленную выплавку железа. В поселках кузнецов не умолкал стук молотов о наковальни: готовили много оружия.

Начали съезжаться родовые предводители. А Кюль-тегин все сидел в Деревянной юрте... Когда луна в третий раз пошла на ущерб, Ярук попросился у своего друга Уткула отлучиться на день-другой. А еду пленнику может носить и маленький аз. Уткул, конечно, отпустил.

И Ярук, оседлав свою лошадку, поехал в сторону гор. К полудню он достиг стоянки Человека с Двумя Головами. Как и прежде, женщины и дети с криками бросились было в заднюю юрту. Но, присмотревшись, остановились. С лаем бежавший навстречу волкодав неожиданно радостно взвизнул, завилял хвостом. Лицо вышедшего навстречу хозяина, всегда такое хмурое, на этот раз озарилось улыбкой.

Ярук спешился, отдал поводья подбежавшим детям, низко склонился и прижался щекой к голове, висевшей на груди старика. Потом сказал:

— Отец, надо поговорить по серьезному делу.

— Пойдем в юрту. Сейчас подадут еду.

...Они беседовали в юрте очень долго. Когда Ярук уезжал, старый хозяин сказал ему:

— Не беспокойся, сынок. Все сделаю, как надо. Кони из табунов жирного борова Тексина — будут. Я как раз знаю один косяк неподалеку...

Множество родоправителей съехалось в ставку. Вопросы нужно было решить очень важные. Но сначала гостеприимный хозяин-каган устроил для своих подданных богатый пир. Так велит обычай. За хорошим застольем люди начинают лучше понимать друг друга.

Уткулу очень хотелось принять участие в празднике хоть как-то, хоть с краешку... Ярук убеждал друга-приятеля:

— Иди с чистой совестью! Кюль-тегин сидит за крепким засовом. Дружина его тоже. Оставь мне несколько воинов и все будет в порядке..

Уткул ушел. Трем часовым Ярук принес хороший бурдюк с кумысом и много баранины. Часовые уселись под березой и стали угощаться. И когда пришли сумерки, все они громко храпели: в кумыс было подмешано сонное зелье.

...На рассвете августовской ночи Ярук вошел в Деревянную юрту. Кюль-тегин сверкнул на него белками глаз из темноты.

— Все готово. Доблестный! Стража спит, все остальные тоже.

— А моя дружина?

— Вашу дружину сейчас выпускает маленький аз. Кони за ручьем, в ста шагах отсюда.

Они тихо вышли. Ущербный серп луны догорал среди редких звезд. Под березой беспечно храпели стражники. Кюльтегин нагнулся над ними... Послышался сдавленный вскрик, перешедший в хрипенье. Все стихло. Принц вернулся с мечом и кинжалом.

— Напрасно, Доблестный. Они не принесли бы вреда.

— Тремя врагами стало меньше, — отвечал принц. — Теперь быстро!.. За ручьем в березовой роще слышалось пофыркивание. Человек с Двумя Головами и четверо его подростков-сыновей охраняли оседланных коней — целых три десятка, на всю дружину. В тот же миг запыхавшейся толпой подоспели дружинники. Вел их маленький аз.

— В седло! — скомандовал Кюль-тегин. Маленький лобно воззвал:

— Господин! Господин!

— Ну! — буркнул Кюль-тегин.

— Большой господин обещал освободить мою сестру.

— Глупый! — с досадой сказал принц. — Думай, что говоришь! Разве возможно это сделать сейчас? За нами

скоро погонятся. Пройдет несколько лун — и мы вернемся. Тогда кыргызов не спасет даже Умай-эне.

— А как я узнаю об этом?

— Ты поедешь со мной. А потом вместе вернемся, чтобы отомстить. Не бойся, глупец, освободишь сестру! Бог войны — за нас!

Кюль-тегин обернулся к Яруку:

— Эх, жаль! В ожидании казни я спрятал драгоценный перстень, который достался мне, когда мы грабили страну табгачей. Перстень принадлежал, как говорят, самому табгачскому кагану. Очень сильный амулет. Но не возвращаться же назад.

— Я вернусь, — сказал Ярук. — Где он?

— Отдери половицу под окошком и вытащишь тряпицу, а в ней — амулет. Но ты не успеешь, лагерь скоро проснется.

— Успею. Обещаю привезти вам его.

Кавалькада всадников двинулась на юг, в сторону гор. Ярук поворотил назад.

...Уже совсем рассвело. Уткул, проснувшись после хмельного пира, почувствовал угрызения совести: «Как там с пленником?». И поспешил к Деревянной юрте.

Сердце екнуло, когда под березой он заметил трех своих часовых в неестественных позах. Он подбежал ближе...

Зарезаны! И дверь в срубе открыта настежь. Он помчался туда, одним прыжком вскочил на крыльцо.

Внутри, в неясном свете возилась какая-то фигура. Ярук!.. Пленного нигде не было видно.

Уткул все сразу понял.

— Ах, негодяй, — закричал он. — Ты обманул меня! А я считал тебя за брата!

— Да, обманул, — отвечал Ярук, выпрямляясь. — И не только тебя. — Самого Барс-бега! Теперь Кюль-тегина не догнать.

— Предатель! Проклятый! Что может быть гнуснее человека, предавшего свой народ!

— Мой народ? — закричал Ярук. — А что оно такое, мой народ? Жирный боров Тексин, уничтоживший всю мою семью? Или такие как ты, сытые, мордатые, на всю жизнь наказывающие отцов за ошибки их несмышленишей-сыновей?.. Не нужно мне такого народа! Мой народ там, где справедливость! А Кюль-тегина вам не догнать!

— Вор и сын вора! Какой позор, что именно ты вытащил меня из воды! Лучше бы мне утонуть! Твои руки грязные! Пусть тюрк ушел, но ты не уйдешь! Я убью тебя своими чистыми руками!

И Уткул прыгнул через скамью с мечом в руке. Ярук обнажил свой. Лязгнул металл, скрестились взгляды. Опытный воин встретил сильного врага. Недаром Ярук столько лет ковал оружие в горах — мечом кузнецы владели в совершенстве.

— Осторожнее! — говорил Ярук с усмешкой, легко отбивая яростные удары. — Мне так не хочется делать дырку в твоём животе, славный Уткул! Зачем оставлять вдовами сразу трех хороших женщин! Иди-ка ты лучше к ним и дай мне дорогу.

— Не уйдешь! — рычал Уткул.

Ловким ударом Ярук выбил у него меч. И тотчас начал отеснять в угол — от двери, приставляя острое то к шее, то к животу противника.

— Дай мне уйти и ты останешься жив...

Уткул клокотал от ярости. Он пытался поймать меч врага голыми руками, но Ярук не давал. Тогда Уткул, уже ни с чем не считаясь, бросился прямо на меч. Но Ярук не воспользовался оружием; он применил китайский способ борьбы — сильно ударил противника в пах. Уткул свалился как подрубленный и стал корчиться на деревянном полу.

— Ничего, выживешь.

Ярук быстро взглянул в оконце с лопнувшим бычьим пузырем. К дому бежали люди. Он метнулся к двери и захлопнул ее. Сруб был окружен воинами ажо-кагана.

— Ну, вот и все... — пробормотал Ярук. — А перстень-амулет я так и не передам...

В дверь уже ломились. Под яростными ударами она пала и ворвавшиеся воины увидели скорчившегося на полу Уткула, а в двух шагах от него — человека с мечом под сердцем — обе его руки крепко держались за рукоятку...

ВЛАДЫКИ СТЕПИ

Неспокойно было в ставке Божественного Тюрка на Орхоне. После бегства Кюль-тегина и его рассказов о том, что увидел, стало ясно: нужно немедленно действовать. Если, конечно, тюрки хотят сохранить свое лестное прозвище Хозяев Степи!

Самая близкая опасность не в тюргешах, которые ввязались в войну с арабами в Согде, и не в ослабленном Китае. На севере чересчур усилился Барс-бег — каган кыргызов. Эти трое заключили между собой военный союз против тюрков. Что делать? Как победить многочисленных врагов?

На военном совете опытный мудрый Тоньюкук, главный полководец и воспитатель кагана, почти развеял опасения своего господина. Он сказал: врагов необходимо бить порознь. И как можно быстрее. Не надо ждать, пока они объединятся и выступят все разом. Нужно действовать первыми.

Но кого же ударить в первую очередь?

Кто более всего опасен?

Тюргеша? Они пока не в состоянии наступать. У них полно дел с арабами.

Табгачи? (китайцы). Но они далеко. После шести рейдов тюркской конницы Северный Китай обезлюдел и пока император двинет войска за Великую стену, пройдет много времени. К тому же его можно из врага превратить хотя бы во временного союзника. Как? Заключить династийный брак.

Итак, остается третий, самый опасный...

Пришла зима с ее снегопадами, буранами и морозами. На военном совете Тоньюкук сказал:

— Теперь самое время ударить по кыргызам.

Военный совет больше походил на праздничный пир — так уж заведено у истинных народов. Капаган-каган с гордостью оглядывал своих помощников, знаменитых славными делами.

Вот его племянник Кюль-тегин. Слава о его подвигах ширится во все стороны света. В битвах он всегда впереди, а убитых им лично врагов исчисляют десятками.

Вот мудрый Тоньюкук. Он служил еще старому Кутлугу, а теперь — его младшему брату Капаган-кагану. О, Тоньюкук, хитрый степной волк! И внешность у него самая воинственная: и облик, и взгляд, и даже усы — как две сабли, до поры до времени дремлющие по обеим сторонам рта. Это он, Тоньюкук, водил шесть раз войска за Хуанхэ. Он покори́л саяно-алтайские племена чиков и азов. Даже Неистовый и Нетерпеливый Кюль-тегин смиряет свой бурный нрав, когда Тоньюкук говорит: «Нельзя!»

А вот ловкий дипломат Чыкин Чур, вечный противник Тоньюкука и Кюль-тегина. Он — хороший противовес им обоим. Сам же каган пользуется советами с той и другой стороны, взвешивает и выбирает истину.

Вот и сейчас, когда старый Тоньюкук предложил ударить по кыргызам, Чыкин Чур сразу возразил:

— По льду Улук Кема (Енисея) кыргызы соорудили сплошной завал из обледенелых бревен от одной скалы левого берега до другой скалы правого берега. Идти через зимние перевалы — и думать не следует. Что же советует Тоньюкук?

— Атаковать, — ответил старый полководец.

— Где?

— Через те перевалы, о которых и думать не следует...

³ Том XIV. В. М. Плоских

И вот ясным зимним утром конное войско тяжеловооруженных алпов выступило на север. Вели его неистовый Кюльтегин и многоопытный Тоньюкук.

Переход по зимней степи не представлял особых трудностей: дело привычное.

Но вот и Саяны. Как одолеть донникам эту громадную — до небес — заснеженную стену? Впервые многим показалось решение старого полководца неосуществимым. Но Тоньюкук спокойно обратился к принцу:

— Теперь слово за твоим слугой.

Неистовый выдвинул вперед маленького аза.

— Показывай дорогу...

И маленький аз повел. Он старался вести страшных воинов подальше от поселений своего малочисленного народа.

Шли день. Другой. Третий, четвертый, пятый... Поднялись высоко в горы. Здесь ветры были особенно сильны, морозы — невероятно злючие. Но маленький аз — «путеводитель» — уверенно шел вперед.

На шестой день разразилась пурга. Она длилась двое суток. Все это время кони и люди, укрывшись кто как мог, переживали.

Утром восьмого дня встало солнце и горы засверкали нестерпимым блеском.

Снова двигались целый день. У многих оказались обморожены пальцы ног, рук, щеки и кончик носа. А выхода из дышащих холодом смерти гор все еще не было.

Утром девятого дня стало ясно, что «путеводитель» сбился окончательно. На его лице застыло выражение растерянности и отчаяния.

— Ты — предатель! — сказал старый полководец. — От тебя больше нет пользы. Эй, возьмите его!

Тотчас двое воинов схватили проводника и повели к обрыву. Он покорно шел между рослыми угрюмыми алпами.

Лицо его теперь выглядело тупо-бесстрастным. Вот и конец жизни, конец мечте освободить сестру...

Тело маленького аза, пронзенное копьями, полетело в пропасть. Тотчас вслед за ним сорвалась снежная лавина, словно густой белый клубящийся дым, и навсегда похоронила его...

Кюль-тегин воззвал к своему наставнику:

— Отец! Придумай же что-нибудь! Неужели мы погибнем здесь, как погибают овцы во время степного бурана?

— Есть выход! — отвечал Тоньюкук. — Видишь эту гору, покрытую лесом? Там снега меньше. Нам ее придется одолеть.

Приготовили длинные шесты. Тоньюкук объяснил передовому отряду задачу:

— Вы должны протаптывать снег. За вами пойдут ослабевшие и обмороженные. Тащите лошадей в поводу.

Кюль-тегин, как всегда, возглавил передовых. Самые сильные воины, упираясь шестами, начали прокладывать дорогу вверх. Воины часто сменялись. Двигались весь день, ночь и еще день практически без остановки. Утоптанная дорога-туннель в глубоком снегу теперь змеилась на самую макушку горы и оттуда спускалась к подошве. Там передовые отряды задержались, поджидая отставших.

И вот последний воин присоединился к армии. Взорам открылись необъятные просторы... В снежном одеянии раскинулась большая страна. В вечернем солнце сверкали ровные поля, между ними стояли молчаливые леса под снеговыми шапками. В морозном воздухе там вдалеке поднимались к небу прямые, как мечи, столбы дыма...

СТРАШНАЯ НОЧЬ

...Морозная звездная тихая ночь. Слышно потрескивание деревьев в ближайшей роще...

И в эту тишину ворвался многомерный, многоголосый визжащий скрип мерзлого снега под тысячами копыт. Эта черная лавина как бы пожирала под ужасный скрип белое заснеженное пространство, текла со скоростью весеннего половодья... Именно так воспринял увиденное Тексин-инал, когда, позевывая, вышел из юрты по нужде.

Он дрался отчаянно. От его палаша отправились в нижний мир к Эрклигу трое алпов. Еще трое, тяжелораненые, валялись на снегу. Но силы Тексина-ата уходили! Он обливался потом и кровью, дышал натужно, с хрипом, широко раскрыв рот. В этот хрипящий рот и вонзил копьё подскакавший молодой, полный сил Кюль-тегин...

Армия стремительно неслась вперед. И ужасный визг снега под копытами тысяч коней не намного опережал ее...

Прошла уже большая половина ночи, когда вырвавшиеся вперед отряды достигли Западного лагеря — в нем стояли Силы Помощи заставам. И опять все повторилось: яростный лай псов сменился жалобным воем, забегали фигурки... В этом «холостяцком» лагере стояло до трех тысяч воинов, поэтому Тоньюкук оставил пятитысячный отряд. Главное же ядро войска неудержимо катилось вперед, вперед! Неистовый Кюль-тегин вел эти силы. Он горел одним желанием — добраться до самого Барс-бега.

Когда Большая Медведица повернула свой ковш к утру, они достигли надолбов, окружавших ставку.

Армия стремительно неслась вперед.
И ужасный визг снега под копытами тысяч
коней не намного опережал ее...

Здесь их встретили совсем по-другому. Как видно, службу при кагане несли бдительные стражи. А может, кто-то все-таки прорвался и предупредил...

Гнусаво затрубил боевой рожок. С вала в черную лавину, обтекавшую надолбы, ударила туча стрел. И сразу десятки всадников и коней покатались по снегу. От неожиданности на них валились следующие. Произошло замешательство. Алпы пытались с ходу взлететь на вал, но копыта скользили по обледенелым склонам, лошади вместе со всадниками съезжали вниз.

В одном месте гремел голос Кюль-тегина, в другом конце Тоньюкук отдавал короткие, ясные приказания.

— Ищите вход! Ворота! Эй, Кюль-тегин!

— Ох-хой! Ворота здесь!

* * *

Ставка была взята. Сотни трупов валялись между большими юртами. Кричали женщины, захлебывались в плаче дети. Не слышно было только собак.

Но Барс-бег ушел...

Тюркам эта победа досталась недешево. Семьсот воинов забрал Бюрт — бог скорой смерти. Много оказалось раненых. Все это еще более распалило ярость Кюль-тегина. Он рвался немедленно броситься в погоню.

Однако мудрый Тоньюкук остановил своего воспитанника: — Бюрты! Хватит пока! Барс-бега сейчас не догнать. Да в этом и нет нужды. Он все равно будет наш — завтра, послезавтра. Войску надо отдохнуть, до полудня. Перевязать раны, подкормить лошадей...

В полдень по приказу старого полководца несколько больших отрядов двинулось по разным направлениям — разорять кыргызские кочевья, уничтожать боеспособных, сеять панику.

Главные же силы устремились в погоню за кыргызским каганом.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ В ЧЕРНИ СУНГА

Семидесятитрехлетний Барс-бег не слезал с коня уже вторые сутки. Оставшиеся с ним воины, израненные, угрюмые, ждали Слова: что делать дальше?

Небо наказало нас за беспечность, — говорил старый каган. — Но мы — воины. Нельзя падать духом. Кто же защитит народ, если не мы?

После этих слов молодым стало стыдно, они приободрились.

В этот тяжелейший час каган проявил недюжинную энергию. Горе как будто не коснулось его — он словно помолодел. А ведь два его брата погибли в Ставке, погиб один из трех взрослых сыновей и четыре внука-воина. И сам он был трижды ранен.

Барс-бег не стал создавать совет, теперь он распоряжался один, решительно и властно. И это придавало уверенность остальным: значит, он знает и надеется!

Каган приказал отправить спасенные семьи далеко на север к границам лесных народов. К управителям и родам, во все значительные кочевья немедленно поскакали вестники со Стрелой Войны. Приказ был один: всем силам собраться в черни Сунга.

Прошла уже вторая четверть после ночного разгрома. С вечера над ущельями, оврагами Сунга поднималась молодая луна. Она светила на кыргызский лагерь, на скалы, хвойные леса — «чернь», на замерзшую реку. Каждый день и каждую ночь сюда прибывали новые и новые дружины. Добирались небольшие группы всадников, а то и одиночки. Спешили, спешили, спешили... Разведка, высланная

каганом, доносила: тюркские отряды нащупали беглецов и теперь со всех сторон стягиваются к черни Сунга.

Битва началась с решительной атаки отборного отряда Кюль-тегина. Принц был всем замечен на своем белом коне. За ним, вдохновленные примером, кинулись в битву алпы. Но в него же, слишком выделявшегося, летели стрелы тучей. Лучшие вражеские бойцы стремились выбить батыра из седла. Пока это никому не удавалось.

Тюрки старались откинуть кыргызов от скал и сбросить в реку. Кюль-тегин могучим клином врезался в дружину Куличора и стал теснить. Но кыргызский военачальник собрал все силы и отбросил врага.

Обозленный Кюль-тегин распекал своих алпов, обзывал их сусликами и черепахами; он с позором прогнал в тыл десяток воинов, отступивших первыми. Там они немедленно покончили с собой.

Перегруппировав клин, принц вновь повел его в атаку. Он кричал:

— Эй, Куличор! Пастух! Трус, бьющий безоружного! Немощная старуха, нацепившая меч! Где ты? Прячешься за спины? Выходи! Пусть все увидят, так ли ты храбр в поединке, как в шатре своего ажо! Выходи, усатая потаскуха!

Он подскакал к бревенчатому валу. Один из кыргызских воинов не выдержал, вскочил на вал. Кюль-тегин пронзил его стрелой!

Под градом стрел алпы растащили бревенчатый вал и в образовавшуюся брешь хлынула тяжелая конница. Отряд Куличора опять начали теснить. Кыргызов медленно, но неуклонно отжимали к реке. Горячий Куличор призывал теперь Умай-эне и, проклиная трусов, бросился с несколькими телохранителями наперерез всаднику на белом коне. Он ударил врага копьем, но Кюль-тегин ловко отбил копьё своим круглым щитом и оно вонзилось в бедро благородного скакуна.

Конь взвизгнул от боли, поднялся на дыбы и тут же стал валиться набок. Уже падая, принц достал копьем врага: оно вошло Куличору ниже нагрудной пластинки в живот на целую ладонь... Уткула, бросившегося на помощь вождю, Кюль-тегин сразил вторым ударом своего страшного копья...

В этом месте оборона кыргызов была прорвана и тюркские алпы ударили в бок остальному войску ажо-кагана.

Барс-бег бился в рядах как простой воин. Да и где тут было разобрать простых и начальствующих! Все смешалось. Дикие вскрики, стоны раненых, яростное тяжелое дыхание, ржание коней, топот копыт, лязг металла... За этой ужасной музыкой нельзя было расслышать никаких команд. Битва стала неуправляемой, распалась на тысячи поединков.

Мужество и доблесть проявлялись в равной степени с обеих сторон. И те и другие призывали в помощь Тенгри и Умай-эне. Но у тюрков было два преимущества: численный перевес и непревзойденное воинское искусство. Эти преимущества решили дело. Тенгри и Умай, божественная чета, присудили победу сильнейшему.

...Три дня длилась битва в Черни Сунга. И вот настал четвертый день. Солнце встало над ущельями и оврагами, над остановившимися реками, над лесистыми склонами... на снежной кошме всюду лежали тысячи фигур в самых неестественных позах... С карканьем летали вороны и сиделись на дальние березы.

Кюль-тегин уже на другом жеребце объезжал место битвы. За ним почтительно следовала свита. Принц искал тело Барс-бега.

Тысяча алпов, знавших в лицо кыргызского кагана, осматривала каждого убитого.

Но Барс-бега не нашли. Об этом и доложили Кюль-тегину.

— Не взял же его Тенгри к себе в голубые высоты! Не стащил же Эрклиг под землю! Ищите! — кричал разгневанный принц.

Алпы опять искали. Опять докладывали. Неистовый кричал опять. Алпы разводили руками... Нет, Барс-бег не мог убежать. Не такой он человек. Видели его, белобородого старика, в самой гуще боя. Этому нашлись десятки свидетелей. Утверждали также, что ажо-каган сразил несколько знаменитых батыров и сам получил множество ран. А вот что с ним дальше произошло, никто не мог сказать с достоверностью. Напрасно искали его победители — чтобы восторжествовать. Напрасно искали побежденные — чтобы оплакать и совершить погребальный обряд. Барс-бег словно улетел. Навсегда.

ЭПИЛОГ

Поражение кыргызов в битве при Черни Сунга трагически отозвалось на судьбах всего народа. Снова — на тридцать с лишним лет — по Енисею стали тюркские гарнизоны. Вновь собирали дань, принуждали горных мастеров добывать руду, плавить железо, ковать для них знаменитые мечи.

В 745 г. Восточнотюркский каганат окончательно пал. Однако на смену старым завоевателям приходили новые. И так продолжалось столетие. Лишь в середине VIII в. государство енисейских кыргызов набрало силу.

Личность Барс-бега слабо освещена в исторической литературе. И не мудрено, слишком мало сведений о нем. Но одно ясно: он был несомненно выдающейся личностью и сыграл важную роль в судьбе кыргызского народа, в его консолидации.

Он явился объединителем кыргызских племен. Он первый и последний из правителей ажо принял титул кагана — высший титул в Степи — и тем самым заявил о полной независимости кыргызов от Восточнотюркского каганата. Он сделал попытку поставить кыргызский племенной союз в один ряд, как равный, с величайшими державами Центральной Азии. В его время этому не суждено было сбыться. Кыргызский народ не накопил еще достаточно сил и враги его были слишком могущественными.

Эпитафия в честь Барс-бега

Десять лун носила (меня) моя мать! Она принесла (меня) моему элю (народу). Я утвердился на земле благодаря моей доблести. Я храбро сражался с многочисленным врагом и покинул мой эль, (оставив) его в раскаянии. Увы! Своим младшим и старшим братьям Вы снимали — сгружали верблюжьи вьюки (с дарами). Тем, что было на земле — моими деяниями и моей доблестью — я, Барс, не пресытился! Без отца Вы героем были! Когда псы преследовали (дичь), Вы пронесились мимо кочевий! Сгинь, (дух) смерти со своей младшей братией! О, Барс, не покидай (нас)! Увы! Наше звание.., наш бег — Умай (вар.: наше звание таково: мы умай-беги), мы храбрые воины (нашего) рода-племени (вар.: родичи, храбрые воины!)/ Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял! Скакуна с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял! О, моя драгоценность! О, мое сокровище! Не покидай (нас)! ...мы (прежде) радовались. О, дичь золотой черни Сунга, множься! Рождай (свое потомство)! Мой Барс покинул коней и быков, (весь этот) мир, он ушел! Увы! Ради моей воинской доблести, ради могущества моих старших братьев и моих младших братьев мне воздвигли (этот) вечный памятник¹.

¹ Намогильная надпись сделана в честь кыргызского кагана Барс-бега, убитого в 711 г. во время похода восточно-тюркских войск в Минусинскую котловину. По форме она похожа на кыргызский кошок (плач по умершему). В эпитафии выдаются скудные, но пока единственные сведения биографического характера о выдающейся личности — кыргызском правителе Барс-беге, которого можно считать прототипом Манаса.

Кошок (плач) по Барс-бегу

Надписи на трех гранях памятной стелы из Алтын-кё-ля в честь правителя кыргызов Барс-бега (начало VIII в.)

Левая сторона

Мать меня во чреве десять лун носила,
К моему народу приобщила.
Доблестью своей я утверждался,
С тьмой врагов отважно я сражался
И с народом в трауре расстался.
Увы!

Лицевая сторона

Вы дары в верблюжьих вьюках
Своим братьям присылали
В том, что было на земле,
В доблестных своих деяньях
Пресыщения не знали.
Без отца вы доблестным героем были сами.
Псы за дичью гнались, по кочевьям мчались
Вы за псами.
Сгинь, дух смерти со своей нечистой силой!
Пропади!
Барс! О, Барс! Не покидай, не уходи!
Увы!
Умай-беги – наше званье таково,
Храбрецы – бойцы народа своего!
Ты оставил шестерых – с собой не взял
Скакуна оставил ты – с собой не взял,
Трёх сосудов дорогих – с собой не взял.
О, сокровище! О, драгоценный Барс!
Нас не покидай! Как прежде радуй нас!

Правая сторона

О, дичь черни золотой Сунги моей,
Умножайся и рождай потомство впрок.

Барс быков покинул и коней,
Мир оставил и ушел в свой срок.

Увы!

Ради доблести моей военной

И могущества моих собратьев –

Старших моих братьев, младших моих братьев –

Мне воздвигли памятник нетленный.

Стихотворный перевод
профессора *М. А. Рудова*

**ТАЛАССКАЯ
БИТВА**

*Историческая
повесть*

ТЮРГЕШИ

Каган Сулук Чабыш-чор бежал с поля битвы. Бежал уже пятый день. Маленький отряд всадников редко останавливался на отдых. Лишь только кони, задыхаясь и храпя, начали спотыкаться от усталости, старый сотник сверстник и доверенный кагана, приподнимался на стременах и оглядывал окрестности, отыскивая подходящее место для короткого привала. Редкие селения обходили стороной. Сейчас любой кетхуда¹, позарившись на арабские динары, мог связать сонного владыку тюргешей и выдать победителю. Нет, подальше от глиняных стен и башен с их льстивыми и коварными обитателями, спящими на мягких подушках. Ничего нет безопаснее для кочевника, чем ручей с травянистыми берегами, да кошма, сваленная женщинами из горных айлов.

Только раз удалось сварить мясо. Обычно воины и сам божественный тюргеш-каган довольствовались горсткой талкана², разведенного в воде. За пять дней пути каган не проронил и слова. Горькие думы о сегодняшнем дне чередовались с воспоминаниями о былом, давно ушедшем. Думы терзали воспаленный мозг старика, рвали на части изболевшее сердце. И только воспоминания приносили мимолетное облегчение, отвлекали от тяжелой нависшей глыбы страшного и неотвратимого: «Что же теперь будет?». Он — каган. Он должен держать ответ перед своим народом.

¹ Кетхуда — староста селения.

² Талкан — поджаренная на жиру ячменная мука крупного помола.

⁴ Том XIV. В. М. Плоских

С чего и началась беда? Как так случилось, что он, единоличный повелитель всех народов и племен от Черного Иртыша и до Желтой Амударьи на двадцать втором году своего правления оказался в положении беглеца, уклонявшегося от случайной встречи с последним кетхудой своей державы? Почему стертые с лица земли его храброй конницей арабы вдруг оказались победителями:

О, позор! Об этом лучше не думать, что разграблены обозы, что потеряна казна?

Ведь пришлось бросить на поругание мусульманам даже свою любимую жену. О, Тенгри-ата! О, Умай-эне! Где взять силы, чтобы вынести все это?

С чего же началось несчастье народа тюргешей? А может быть и вправду Аллах сильнее, чем Тенгри-ата? Не сделал ли он ошибку, прогнав послов халифа Хишама, когда те предлагали ему принять ислам? Каган хорошо помнил этот день.

Его войска только-только вернулись в Суяб. И в селениях, и в кочевых — веселье, радость. Не было ни одного нищего обозного слуги, который бы не надел новый халат. Конные воины получили месячное жалованье: хочешь — кусок гладкого согдийского шелка, хочешь цену этого куска — 25 полновесных серебряных дирхемов. Праздник возвращения с победой омрачали только вдовы и матери павших воинов. Рвут волосы, царапают щеки. Слезы и кровь размазывают по грязным лицам...

Кагану жалко бедных женщин. Он подошел к ним и тоже поплакал, надрезал кинжалом мочку уха, приказал выделить часть добычи и уплатить жалованье семьям погибших... Чего же еще? Так нет. Бросают шелк в грязь, топчут его ногами, требуют вернуть сыновей и мужей. Глупые бабы. Оттуда, куда ушли храбрые воины, рожденные ими, не возвращаются. Богу смерти Эрклигу тоже нужны всадники. Да, если бы так недостойно вели себя

неписанные дочери карабодуна¹. Вон келин² Огуш-тархана, красавица Бакыт. Щеки изрезала, волосы распустила, большой, как бухарский арбуз, живот бесстыдно выставила и уставилась на него ненавидящими глазами. Так бы и съела! Кагану понятно, нелегко оставаться вдовой в ее годы. Сколько ей? Лет пятнадцать-шестнадцать, наверное. Если бы не беременность, можно было бы взять в свой гарем. Ну, да эта не пропадет. У Огуш-тархана подрастает второй сын, Турсун. Ему уже десять минуло.

За Бакыт Огуш-тархан дал большой калым³. Не пропадать же богатству. Поэтому красавицу по обычаю отдадут за Турсуна, когда немного подрастет. Правда, куда этому сопляку до его старшего брата, Огул-Барса. Каган помнил, как погиб муж красавицы Бакыт. О, это был настоящий алп-герой, несмотря на то, что вместо усов и бороды на лице его курчавился редкий черный пушок.

Тогда, он силами дихканов⁴ Ферганы, Шаша⁵ и Тарабенда⁶ осаждал крепость Кемерджи, что под Бухарой. Дихкане утверждали, что Кемерджи защищают пятьдесят ослов и хвалились, что возьмут ничтожную крепость за пять дней. Эти пять дней обернулись в два месяца. Целых два месяца арабы, укрывшись за стенами, успешно отражали приступ за приступом.

Когда он, сделав успешный набег на Несеф, Кеш и Самарканд, вернулся под Кемерджи с богатой добычей и полоном, крепость стояла, как ни в чем не бывало. Только мосты через ров были сожжены, а в стенах кое-где зияли бреши.

¹ Карабодун — букв. «черный народ», простолюдин.

² Келин — сноха.

³ Калым — выкуп за невесту.

⁴ Дихканы — в средние века земледельческая аристократия.

⁵ Шаш — область Ташкента.

⁶ Тарабэнд — область Отара (совр. Шаульдер).

Ох, и досталось тогда дихканам! Он обругал их самих ослами и приказал снять осаду. Молодой и самолюбивый царь Тарабенда из славного тюркского племени чаруков выступил вперед:

— Э, повелитель! Разреши сказать!

— Говори!

— Мы не прилагали особых усилий для взятия этой кучи глины. Завтра утром мы покажем себя. А ты — смотри и не помогай нам.

— Не думаю, что вы добьетесь успеха.

— А вот отдай мне двух невольниц из арабов. Что сидят близ твоего шатра. Тогда я только с тарабэндцами возьму крепость.

Каган хорошо помнил то ранее утро скорби. Царь Тарабенда, несмотря на разящие стрелы и камни, пробился к самой стене, верх которой был разрушен. Вдруг из-за обломков стены показался араб из племени бану-тамим и бросил в царя крюк. Крюк зацепился за кольчугу и тамимит с помощью женщин и детей втащил царя наверх и на глазах всего войска пронзил мечом. Тарабэндцы, потеряв 6 или 7 человек, отхлынули от стен, оставив тело своего царя на поруганье.

Вот когда показал себя безбородый муж этой злойки Бакыт, несчастной келин Огуш-тархана. Он кошкой взобрался на стену, убил тамимита, взял его аркан с крюком и меч, взвалил на плечи тело царя Тарабенда и без единой царапины вернулся. Многие, да и сам герой, сочли это чудом. Только каган и опытные рубаки знали, что чуда не было. Было обычное везение безудержной молодости. И еще одно знали старики: такие долго не живут. Арабы запомнили юношу. Много раз лучшие наездники из них вызывали Огул-Барса на единоборство. Отец разрешал ему выезжать только тогда, когда противник был в богатых доспехах и на хорошем коне. Трех витязей сразил юноша. Старый Огуш-тархан радостно потирал руки: только

за добытые доспехи можно было купить табун лучших ферганских кобылиц. А вот за жизнь самого Огул-Барса теперь никто из ветеранов не дал бы и потертого дирхема: разве воины ислама оставят без отмщения смерть своих лучших рыцарей?

Каждую победу юноши молодежь приветствовала торжествующими криками и звонкими ударами мечей о щиты, а старики переглядывались, да только головами качали.

Арабы перестали вызывать Огул-Барса на единоборство. И это было очень подозрительно. Ему бы поберечься, а он каждое утро выезжал под стены с тугим луком и полным колчаном. Правда, это было пустым занятием. Стрелы его ранили еще двух защитников Кемерджи, а толку? Их же не ограбишь — они на стенах. Эх, молодость, молодость-Судьба подстерегала Огул-Барса ранним утром у южных ворот Кемерджи. Там была еще маленькая калитка. Она оказалась приоткрытой, а через ров была перекинута доска. Эх, Огул-Барс, Огул-Барс! Он, верно, подумал, что это проход для лазутчиков, которые вышли ночью и еще не вернулись в крепость.

Какой случай проникнуть в город, запереться в башне и обеспечить штурм города через южные ворота! Он спешился, побежал по доске и...

Потом пленные арабы рассказывали, что это было делом хитрого Галиба ибн ал-Мухаджира ат-Тан вкупе с еще двумя негодьями из племен шайбан и наджи. Они перебросили подпиленную доску через ров и затаились за приоткрытой дверью калитки. Когда доска обломилась и Огул-Барс упал в ров, они выскочили из засады с натянутыми луками. Наджиец попал прямо в переносицу юноши, но на нем был тибетский шлем с забралом. Стрела высекла искру и отскочила. Шайбанит целил в глаз и не попал. А проклятый Галиб ударил под левую мышку. Там не было брони...

Да, а с чего это он вспомнил доблестного юношу. Да, с чего бы? Ах, да! Из-за этой разгневанной тигрицы Бакыт, келин Огуш-тархана. Не любят своего кагана женщины тюргешей, ой, не любят! Сколько славных воинов полегло в Согде, Тохаристане, Бухаре, Шугнаке, Кашгаре, сколько вдов осталось, сколько сирот...

А Бакыт почему вспомнил? Да, почему? А... как раз, когда он оплакивал павших воинов, и смотрел на злущую вдову, на явно запаленном коне подскочил почтарь халифа Хишана. Они добиваются встречи с каганом. Ну, что ж! Послы, так послы. Послушаем, что скажет халиф. А почтаря велел выпороть, чтоб впредь берег лошадей своего кагана...

Послов встретили, как положено, с почетом. Разместили неподалеку от суябской цитадели, где жил сам каган. Правда, по-соседству с посольским домом с одной стороны был монастырь буддийских братьев, а с другой — церковь сирийских тарса¹... Прислуга дома послов докладывала, что благочестивые мусульманские улемы с одинаковым отвращением затыкали уши и плевались как при звуке буддийского гонга, так и при звоне христианских колоколов. Просили переселить их в другое не столь шумное подворье. Он отказал. Мусульманские фанаты, которые гвоздями прибивали чалму к головам инаковерующим, должны понять, что есть другой, отличный от ислама мир, в котором хватает места для любой религии.

Каган приказал поставить багдадских дипломатов на довольствие и позвал Харриса ибн-Сурейджа. Его интересовала личность самого посла. Что он за человек? Имеет ли все при дворе халифа правоверных? Есть ли слабости? Не падок ли на золото, женщин, земли? Не пьет ли запрещенное Мухаммедом вино? И что немаловажно, узнать основную цель визита послов. Многолетняя дипломатическая

¹ Тарса (тюрк.) — христиане.

практика показала, что эти сведения неоценимы при решении многих государственных дел.

Сведения, которые принес Харрис, были самые неутешительные: посол — ортодоксальный мусульманин, аскет и давно перестал интересоваться женщинами из-за весьма преклонного возраста. Он в почете при дворе халифа, предан ему и слывет знатоком не только Корана, но и военного дела.

Каган уважал таких людей. Они всегда говорят прямо и с ними бесполезно кривить душой. Напрямую, так напрямую. А чего ему изворачиваться? Он изгнал войско ислама из Мавераннахра¹. Только горстка их сидит в цитадели Самарканда, из которой они и нос высунуть боятся. Все налоги и деньгами, и зерном поступают ему, кагану тюргешей. А в арабском Хоросане и в его столице Мерве — голод, как после джута. Ни единого зернышка туда не попадает из Согды и Бухары. Говорят, что лепешка на мервском базаре стоит целый дирхем, да и то не сыщешь. Скоро будут продавать зерно поштучно.

Узнать обо всем этом для Харриса не составило большого труда. Он подарил секретарю посольства два динара и узнал, что халиф предлагает кагану мир и союз при одном условии: каган, все беги, все цари подвластных кагану народов и весь кара-бодун принимают ислам.

¹ Мавераннахр (*араб.*) — название территории между Амударьей и Сырдарьей.

ВЕСТНИК

На берегу широкой, но мелководной реки правильно раскинулась хан той — ставка верховного правителя карлуков. Стоял конец весны, и засуха еще не поразила степь: до самого горизонта простирался изумрудно-зеленый ковер, испещренный мириадами ярко-алых огоньков — то цвели маки. Скоро, скоро вся эта красота увянет, исчезнет и останется только унылая пыльная полупустыня. И тогда кочевники поднимутся высоко в горы, на благодатные летние пастбища. А пока сотни юрт тянулись вдоль берега. Подобно могучему кургану возвышался среди них роскошный шатер правителя — Эльтебера.

Весь этот кочевой город с наступлением дня наполнялся шумом людских голосов, тугим конским ржанием, жалобным блеянием ягнят, привязанных короткими поводками к длинным веревкам между двух кольев. По всем направлениям сновали пешие и конные. В ставке всегдалюдно и шумно. Поэтому никто не обратил внимания на одинокого всадника, пробиравшегося между войлочными шатрами. На нем была простая черная одежда степняка, шапка надвинута на глаза. Оружие.

Всадник добрался до шатра эльтебера, где его остановила стража. Гвардейцы в полном вооружении (блестящая броня, шлемы с крылышками, мечи, копья и булавы) представляли внушительное зрелище. Последнее время эльтеберы начали претендовать на происхождение от рода Ашина — древних и славнейших повелителей всех тюрок. И для своей гвардии возродили боевую форму времен кагана (первый джабгу) Истеми. Всадник усмехнулся:

ходят слухи, что карлукский правитель уже не довольствуется титулом «эльтебер» и желает называться более высоким — «джабгу».

Пока всадник препирался с гвардейцами, из шатра вышел человек в нарядном зеленом халате. Стражники сразу вытянулись: ведь это самый главный церемониймейстер-распорядитель двора проверяет их службу! Вельможа равнодушным взглядом скользнул вокруг и повернулся, чтобы уйти. Всадник окликнул:

— Бирук Хаккулы!

Тот пристально взгляделся, внезапно расширил узкие глазки и от изумления прикрыл рот ладошкой.

— Вижу, ты узнал меня, — сказал всадник, — Доложи своему господину: я с важной вестью.

— Повелитель только что откушал и теперь выслушивает своих буюруков! — отвечал Хаккулы-распорядитель, приходя в себя. — Какая может быть весть у «черного» тюргеша к повелителю карлуков?

— Хорошая. Он будет доволен.

Бирук-распорядитель недоверчиво пожевал губами, но все же скрылся в шатре.

Его долго не было. Наконец, обращаясь к гвардейцам, сказал:

— Пусть этот человек войдет.

Гость переступил порог шатра. Все присутствующие (а их было здесь много) выжидательно повернули головы в его сторону. Он оглядел блестящее собрание. Почти всех он знал в лицо.

Сам правитель сидел в дальнем конце зала на троне, сделанном в виде барана (подлокотники). (Когда-то этот трон принадлежал ныне побежденному согдийскому владетелю Кушана). По правую его руку, чуть ниже, расположился стройный джигит с хищным лицом — брат правителя, знаменитый воин Утембек. По левую руку — тоже молодой человек в согдийской дорогой одежде с золотым

поясом — сын владельца Чача (область и город в Средней Азии, теперешний Ташкент). Слева и справа — ряды знатных людей в зеленых халатах — предводители трех племен, составлявших народ карлуков. Они же — буюруки т. е. советники правителя.

Гость произнес традиционное цветистое приветствие Эльтебер смотрел на него тяжелым взглядом, не предложив сесть, мрачно бросил:

— Говори.

— Великий Эльтебер! У меня весть, приятная для царственного слуха. Твои союзники — арабы выступили в поход! Через половину луны ты увидишь их коней под стенами Тараза.

Чуть слышный шепот пробежал по рядам присутствующих. Знаменитый воин Утембек радостно хлопнул себя по колену. Сын правителя Чача сказал возбужденно:

— Наконец-то! Пришло время отомстить табгачам за смерть моего отца!

Но правитель молчал. Лицо его было мрачно, он все тем же тяжелым взглядом смотрел на пришельца. Шепот и возгласы стихли: владыка гневается. Однако — по какой причине? Весть-то действительно приятная.

Догадался один лишь распорядитель Хаккулы. Он закричал на вестника:

— Как ты смеешь именовать повелителя эльтебером? Разве ты не знаешь, что он соизволил принять титул «джабгу»?

Вестник усмехнулся:

— Нет, не знаю. К тому же никто не может сам называться «джабгу», этот титул жалует лишь каган.

От такой дерзости все присутствующие слегка ахнули; лицо владыки побурело, он хрипло бросил:

Если ты все сказал, можешь идти. Вестник проговорил, усмехаясь:

— За хорошую весть положи подарок...

Грузный джабгу неожиданно легко вскочил с трона:

— Дайте мне меч! Схватить дерзкого!

Вмиг руки вестника оказались скручены за спиной.

Он кричал:

— Я — твой гость, а гость находится под защитой обычая! Я — добрый вестник, а вестников не убивают! Что ж — Убей меня и пусть разнесется из края в край по степи твой позор!

Ближайшие буюруки что-то тихо нашептывали владыке. Наконец тот пришел в себя, сел на трон, скрестив ноги, и дал знак стражникам: гостя отпустили.

Джабгу сказал:

— Слушай меня, «черный» тюргеш! Я не звал тебя! И весть твоя ничего не значит: через день — другой мои воны принесли бы ее на своих быстрых конях! Ты виноват передо мной. Степь полна разговоров о твоих грабительных действиях. Разве не ты со своей шайкой угнал косяк кобылиц у почтенного Баглилы?

Один из буюруков злобно осклабился и крикнул:

— Он! Он!

Джабгу продолжал:

— Ты грабишь караваны, проходящие по нашей земле и тем подрываешь торговлю, а заодно и наши доходы с нее! А теперь ты оскорбил меня в собственной юрте! Ты — дорожный грабитель, опозоривший свой когда-то славный род!

Гость выпрямился:

— Да! Я из славного рода кагана Чабыш-чора Сулука, некогда повелителя «черных» тюргешей, я — Байташтегин¹, а ныне бездомный нищий скиталец! Когда-то у меня были косяки быстроногих коней и отары овец. Где они! Их забрали твои люди, эльтебер! И твои союзники — «желтые» тюргеша. А ведь я веду свое происхождение — пусть от младшей ветви — от Ашина, как и ты, эльтебер!

¹ Тегин — царевич.

Значит, мы — родственники. Разве справедливо твои люди поступили со мною?

— Меч — высший судья, — отвечал эльтебер. Ты не покорился мне и был разбит. Имущество побежденных принадлежит победителям. Это справедливо. А теперь — убирайся!

Байташ сузившимися, как у рыси глазами, обежал собрание. Он походил на барса, изготовившегося к прыжку. Однако голос его прозвучал спокойно:

— Я собрался жениться. Но мне нечем заплатить за невесту. Вот я и думал получить за радостную весть награду от тебя, эльтебер-джабгу! По-родственному.

Правитель откинулся на трон. Лицо его излучило торжество: вот он, гордый и заносчивый тюркешский принц Байташ, стоит перед ним в позе нищего просителя! И джабгу сказал:

— Я даю тебе награду — твою собственную жизнь! Эй, кулы! Добавь к этому полмешка проса, полмешка пшеницы. И ферганского урюка четверть мешка. Навьючьте на ту хроющую кобылу... Пусть забирает — мне не жалко... Я сказал!

«Черный» тюркеш Байташ выехал из лагеря; на луку его седла был намотан повод от прихрамывавшей навьюченной кобылы. Сопровождавшие гвардейцы остановились у крайних юрт и долго смотрели вслед.

Один сказал:

— Такой насмешки Байташ-тегин не простит никогда... Второй возразил:

— А что он может сделать нашему джабгу? Он — как воробей против орла.

— Однако теперь я даже вдесятером не рискнул бы выехать в степь... Он хорошо запомнил нас, охранявших шатер повелителя и нашу одежду...

Второй сказал испуганно:

— А чем виноваты мы? Мы — люди маленькие. Что прикажут — то делаем. Пусть в своих делах они сами разбираются.

— Ступка и пестик рассердились друг на друга. Однако целы остались, а просо, что попало между ними, превратилось в талкан.

В СОГДИЙСКОМ СЕЛЕНИИ

С древнейших времен жили-были в оазисах Средней Азии согдийцы-земледельцы, трудолюбивый народ. Да и как земледельцу не быть трудолюбивым? Он привязан к земле. Эту землю он каждую весну разминает между пальцами, унавоживает, поливает водой из арыков, собственным потом, а иногда и слезой. А урожая ждет летом. Каждый на своем участке. Такова особенность тех, кто обрабатывает землю и кормит весь мир. Ибо земля не терпит наспех сделанного, временного, непостоянного.

Из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век жили согдийцы по дедовским обычаям, растили сады, создавали города, сложную систему ирригации, строили храмы, дворцы своих владык и все прочее...

Но вот пришли тюрки-кочевники... Кочевник не привык трудиться на земле. Он не привязан к жалкому клочку. Ему нужны просторы. Перегонять стада с места на место — для этого требуется ловкость, напористость, смелость, наконец, ибо земля не бесконечна и обязательно кому-нибудь принадлежит — земля, необходимая для пастбищ! Значит, ее надо отобрать — ведь стада есть хотят!

Поэтому всегда готов к битве. Арабам тюрки представлялись такими: «Они широколицые, с плоскими носами, с большими руками, в дурном расположении духа» (Абу Дулаф).

У кочевников за века выработалась особая психология: то, что можно добыть кровью, не добывай потом, мозолями! Ибо взятое силой — почетное, славно, приличествует

настоящему мужчине. Добытое же мозолями и потом — удел трусливых душ, удел рабов.

История фиксирует: создатели высочайшей культуры еще за полторы тысячи лет до нашей эры — земледельцы.

Лучшие воины, степные рыцари, бесстрашные грабители, оценивающие свою (а тем более чужую) жизнь дешевле плевка — кочевники.

Во время разгула тюркского нашествия в Среднюю Азию местные земледельцы — согдиаты были настолько подавлены лихостью тюркских наездников, что оказались не в состоянии оказать им какое бы то ни было сопротивление. Хотя простой инстинкт самосохранения продиктовал сельским жителям особый вид построек — «кешк». Это нечто вроде примитивного глинобитного «замка» об одной башне (где жила семья) с высоким дувалом.

Но разве запоры, стены и крепкие двери могли спасти хозяина, если дух его ослаб?

...Степной рыцарь Байташ побился об заклад со своим приятелем Тутуком...

...Байташ подскакал на горячем коне к усадьбе согдийца Давана и крикнул:

— Эй, хозяин, выгляни!

— Не выглядывай! — испуганно прошептала жена. Дети притихли, глаза у них стали круглыми, как у совят.

— Э-э-эй! — слышался голос.

— Надо идти, — сказал Даван. — Ведь это тюрк!

— Спаси нас, Анахито и Ахура Мазда, — заплакала жена. В двери кешка послышались сильные удары. Верный пес Вахрам лаял, захлебываясь от злобы. И снаружи тюрк — тоже начал злиться.

Даван отодвинул ставню — внизу бушевал всадник. Он бил тыльной стороной копыя в двери:

— Почтенный!... — окликнул Даван.

Тюрк осадил коня, задрал голову... Хорошо бы сейчас его сверху... Наверняка... Но что толку?... За одного убитого примчится отомстить сотня тюрков...

— Эй, тат, вылезай!

«Тат» — презрительное прозвище, которое тюрки дали земледельцам-согдийцам. Тем, кто ковыряет землю, набивает мозоли и всегда стремится к миру. Презренные люди. Рабы.

— Выходи! — бесновался тюрк.

— Почтенный! — Даван унял дрожь ненависти и попытался говорить доброжелательно. — Если тебе или твоему коню требуется еда...

— Выходи!! — завыл тюрк, настроение которого вконец испортилось. — Или я завтра возьму приступом твою башню, жену отдам воинам, детей — торговцам рабами, а тебя ... Выходи!

— Выхожу!..

Даван спустился вниз. Через дверь спросил:

— Если я отдамся тебе в руки, не тронешь семью?

— Не трону! — Всадник сразу успокоился. — Давай, давай, мне некогда.

Хозяин отпер дверь и вышел. Тотчас его захлестнула арканом петля. Жена и дети сверху видели, как главу их семьи разбойник погнал на холм, подбадривая плетью.

...Скоро хозяин вернулся. Он объяснил плачущему семейству:

— Тюрк потребовал с меня выкуп — один медный фельс...

— Фельс? — поразилась жена. — Но ведь за такую монету не купишь даже курицу!

— Более того! — продолжал хозяин. — Когда тюрк получил с меня фельс, он подумал-подумал, разрубил фельс пополам и вернул мне половину... сказал, что я не стою большего... Видно, просто резвились молодцы... Да паразит их Анхра.

Рассказанная выше история случилась неподалеку от города Атлаха в многолюдном согдийском селении. И это несмотря на бесконечные набеги соседей, извечные войны, которые перекачивались через многострадальную Таласскую долину... Жители отличались веселым нравом. Недаром их селение называлось Рамуш, т. е. «радость, веселье». Было у них также еще одно качество — изворотливость, помогавшая выжить в то трудное время.

Однако сейчас, в начале июня 751 года в селении Рамуш веселья мало: оно полно беженцев с Бухарского оазиса, до песен ли тут?

Несколько месяцев тому назад весь Бухарский оазис запылал в огне восстания. Народ поднялся против своих угнетателей — арабов и местных феодалов-дихкан. Во главе встал бедный араб-шиит Шарих ибн Шейх аль Махри. В течение тридцати семи дней 30000 повстанцев сражались с войском арабского полководца Зияда ибн Салиха и правителя города бухархудата Кутейбы. Повстанцы шли в бой со знаменами, на которых было начертано изречение их вождя: «Не для того мы проливали кровь в борьбе против Омейидов¹, чтобы стать рабами Аббасидов»².

Беженцы рассказывали страшные истории. Войско Зияда подошло к городу и стало лагерем у ворот Мох. Несколько штурмов не принесли арабам успеха. Они смогли ворваться в Бухару лишь после того, как в тыл восставшим ударило феодальное ополчение бухархудата Кутейбы. Но и после того сопротивление не было сломлено. Каждая улица и площадь превратились в поле битвы.

Тогда Зияд приказал поджечь город.

¹ Омейиды — династия арабских халифов, происходившая из рода омейя мекканского племени курейш.

² Аббасиды — династия арабских халифов, обосновывавшая свое право на престол происхождением от Аббаса, дяди Мухаммеда.

⁵ Том XIV. В. М. Плоских

Первым загорелся базар Чуба-и-бакалак, где стояло множество деревянных бакалейных лавок. Затем огонь перекинулся на усадьбы богатых купцов — кашкушанов. Пылала вся улица Риндан и улица Каха, мечеть Бану Ханзаль, мастерские-дуканы ремесленников. Загорелся даже знаменитый дворец бухархудатов, построенный на «семи столбах» и повторяющий в плане созвездие Большой Медведицы. Никакие усилия не смогли его потушить, и он сгорел дотла вместе с богатствами бухархудата Кутейбы и его знаменитым тронем, сделанным в виде верблюда. Могила Сиявуша у ворот Гуриян была осквернена, а сами ворота тоже сгорели и рухнули.

Когда в пылающих кварталах стало невозможно дышать раскаленным воздухом, повстанцы отступили. Они вышли за пределы города, продолжая сражаться. Но тут в помощь арабам и своему правителю в тыл восставших ударило еще одно, только что подошедшее ополчение богатых дихкан-феодалов: в Бухаре их звали хамуками, т. е. «жемчужинами».

Окруженные со всех сторон, повстанцы подверглись нещадному избиению. По всем 12-ти бухарским каналам плыли трупы. Множество пало в битве, множество сгорело в самом городе. В том числе и вождь Шарих. Тысячи были взяты в плен и повешены или утоплены в канале Аухитраф.

Лишь малой части удалось вырваться из окружения и рассеяться по соседним областям. Беглецы достигли даже Таласской долины, где жили переселенцы-бухарцы, ушедшие сюда еще в прошлом веке от арабских притеснителей.

Немало беженцев оказалось и в селении Рамуш. Жители приняли их с сочувствием — измученных, израненных, обремененных семьями. Ведь это были их земляки! Ибо предки теперешних рамушцев пришли когда-то из Бухарского оазиса, из селения того же имени; по легенде оно было построено Кей-Хосровом, сыном Сиявуша.

Была и другая забота у жителей селения. Несколько месяцев назад они вскладчину снарядили караван и отправили его в западные страны. Войны — войнами, а обрабатывать землю, растить детей и торговать — неизбывная обязанность человека.

Эта торговая операция обещала изрядную прибыль. Однако сроки возвращения караванщиков давно прошли, а они все не появлялись. И те, кто вложил средства, пребывали в тревоге. Если случилась беда, значит, будет нанесен ущерб не только их имуществу: у многих с караваном отправились близкие люди!

В числе переживающих был и мастер Пастун, известный в округе гончар. Его хумы — сосуды для зерна, миски, кувшины, чаши-пиалы и затейливые светильники-чираги пользовались неизменным спросом. Жил он вполне безбедно — ведь в работе отцу помогали трое взрослых сыновей.

Теперь Пастун ругал себя: зачем ввязался в дальнюю торговлю? Не иначе злой Анхра Майнью нашептал в ночи столь безумную мысль.

Одно только несколько утешало старика: с караваном ушел Барбад — знаменитый музыкант, вскруживший всем девушкам глупые головы от Тараза до Атлаха. Этот Барбад с некоторых пор начал петь слишком нежные песни, из которых, как из опрокинутого кувшина, текла любовная тоска.

Ни для кого не составляло секрета, что причина этой тоски — младшая дочка мастера, пятнадцатилетняя Дугдгонча.

Пять сыновей и пять дочерей было у Пастуна-бобо. Два старших сына погибли, остальные уже женаты. Замужем и четыре дочери, все хорошо пристроены, слава Ахура Мазде.

Осталась младшая, горе и радость старика. Как правило, самый младший ребенок — избалован. Ведь он последний плод запоздалой любви. Младшего всегда жалеют.

Дочь Пастуна была красива. Подрастая, она становилась все прекраснее и соседи прозвали ее мушкиназ — «нежная, как мускус». Это новое имя со временем настолько закрепилось за девушкой, что никто уже не вспоминал ее прежнее имя, даже родители.

И еще одно качество отличало младшую дочь Пастуна от прочих: она умела танцевать, как никто другой. Танцевать могли все женщины селения, как везде и повсюду, но это совсем не то! Когда в танце плыла «Нежная, как мускус», у юношей горели лица, а старики и старухи с умилением вытирали глаза: до чего же берет за душу! Не иначе этот дар ниспослала девчонке сама Анахита!

И вот нищий музыкант, пусть даже и хороший, вдруг предъявил некие права на такое сокровище! А ведь у самого — ни кола, ни двора, как говорится; и живет-то тем, что ходит по праздничным сборищам, свадьбам и поминкам и улаживает своей игрой слух людской! Разве получится из него самостоятельный хозяин?

А хуже всего, что и дочь к этому перекаати-полю казалась не совсем равнодушной...

И Пастун втайне думал: если что плохое случилось — Барбад не вернется. Старик и сам стеснялся этих грешных мыслей: разве Ахура Мазда одобрит такое?..

...В тот памятный вечер почтенные кетхуды — главы семейства, как обычно, собрались на площади селения, чтобы в десятый раз обсудить предполагаемые причины задержки каравана.

Но тут непредвиденное событие направило мысли собрания совсем в другую сторону... Ведь злой Анхра Майнюю всегда готов нарушить порядок, установленный добрым Ахура Маздой...

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР

По вечерней пыльной улице между усадьбами простучали копыта, и перед стариками предстал тюркский воин на золотистом тулпаре. Он спешился, бросил поводья (конь стоял как вкопанный, лишь помахивал хвостом, отгоняя комаров) и вразвалку направился к собранию.

Присутствующие, вытянув шеи, наблюдали за тюрком словно замороженные. Еще бы! Кто не знал Байташ-тегина, грозы степей! Из всех степных алпов-богатырей он был самым бесстрашным и дерзким.

К тому же из очень знатного рода: еще каких-то двенадцать лет назад всем этим краем правил его двоюродный дядя каган Сулук Чабыш-чор из рода «черных» тюргешей. Сулук прославился как неистовый воитель против арабов. Много раз он бил этих пришельцев с запада, принесших с собой веру в Аллаха и его пророка; за это они прозвали его Абу Музахим — «Бодающийся».

Потом Сулука убил, подкравшись ночью, предводитель рода «желтых» тюргешей Баха-тархан. Но Баха-тархан недолго правил. Его разгромил и взял в плен арабский наместник Хорасина Наср ибн Сейяр. А потом убил и даже труп сжег, что считалось большим унижением, несчастьем.

Несколько лет назад возвысились новые кочевые племена — кардуки. С востока пришли еще одни захватчики — табгачи (китайцы).

И теперь все окрестные земли беспрестанно переходят из рук в руки. И каждый новый господин спешит поскорей собрать налоги в свою пользу.

Все эти войны и противоборствования сделали принца из бывшего правящего дома степным бродягой, предводителем грабительских шаек, не признававших ничьей власти. Опасный человек!

Почтенный Даван, присутствовавший здесь, сразу узнал своего давнего обидчика: это он оценил голову кетхуды в половину медного фельса.

Что же нужно этому разбойнику?

На этот раз вид у тюрка был совсем не воинственный. Лицо его было угрюмо (ну, это в обычае у тюрков). Многие даже подметили некое затаенное страдание в его резких чертах.

Он вежливо поклонился. (Удивительно!).

Собрание многоголово закивало в ответ. Освободили почетное место и гость сел. Глаза его обежали присутствующих (Даван поежился) и остановились на мастере Пастуне.

— Отец! — обратился к нему тюрк. — Я приехал по очень важному делу: отдай за меня дочь!

Собрание было ошарашено таким неожиданным предложением. Все молчали. Наконец, Пастун сказал:

— Но мои четыре дочери уже замужем...

— Есть еще пятая, — прервал тюрк. — И она прекрасна.

— Где ты видел мою дочь! — изумился гончар.

— Видел, — кратко отвечал Байташ-тегин. — На вашем празднике. Я был в другой одежде, — пояснил он.

Пастун выражал всем своим видом полную растерянность.

— Но она еще молода...

— Ничуть. Ей уже пятнадцать, я знаю. Так как же?

— Высокородный! — Пастун собрался с духом. — Но разве важные вопросы решаются сгоряча? Надо все обдумать.

— А что тут думать? Скажи «да» или скажи «нет». Если ты беспокоишься о выкупе, то назначь сам цену. Любое твоё желание я приму без возражений.

Все эти войны и противоборствования сделали
принца из бывшего правящего дома степным
бродягой, предводителем грабительских шаек

Такая покладистость грозного воителя несколько успокоила Пастуна. Остальные с величайшим напряжением, затаив дыхание, следили за разговором. На их глазах совершалось неслыханное: тюркский принц сватался к дочке гончара!

«Скажи «нет!» — лихорадочно думал старый гончар. — А назавтра он и дочь украдет, да еще и обратит мою судьбу в дым!».

К тому же в сознании пробивалась горделивая мысль: шутка ли — не кто-нибудь — принц!

— Так как же! — нетерпеливо повторил Байташ-тегин.

— Но ведь это... это не по обычаю, — вырвалось у Пастуна. Чуя, что тонет, он хватался за последнюю соломинку. — Явился под вечер, когда начинают брать власть силы тьмы и добрые люди... Без сватов, без выкупа. Да что у меня дочь, коза прилудная, да? А брачный договор? А...

— У тебя пять сыновей, — перебил тюрк. — Одного убили табгачи, другого — арабы. Осталось три. Не думаешь ли ты, что и они могут погибнуть? Если же я породнюсь с тобой, то семья твоя приобретет надежного защитника.

«Это верно», — подумал Пастун, закашлялся и кашлял долго.

«Он умеет делать свои дела. С ним и впрямь не пропадешь».

— Хорошо, — наконец, сказал он (по собранию прошелестел еле слышный вздох). — Хорошо. Но я должен потребовать с тебя, если твоя милость позволит, — большой калым. Иначе это было бы унижением столь высокородного жениха.

— Говори!

Пастун приосанился:

— Ты должен дать мне четырех верблюдов (по числу сторон света). И чтобы на спине каждого был тук с то-варями, соответствующими этим сторонам...

— О-о-о! — прошелестело собрание. Пастун горделиво посмотрел на соседей:

— Разве моя дочь не достойна этого? И разве такой выкуп не прибавит чести для могучего высокородного принца?

Гость поднялся и тихо свистнул. Конь звякнул удилами и подбежал к хозяину.

Байташ-тегин мрачно ответил:

— Будет тебе калым.

Сел на коня и уехал.

* * *

После отъезда Байташ-тегина на площади поднялась целая буря.

— Ты хочешь породниться с потомком Афросиаба, убийцы Сиявуша? — кричал Даван и кое-кто вторил ему.

— Чего ты озлобился? — ядовито парировал гончар. — Ведь он должен тебе всего полфельса.

Подал голос деревенский маг — крец, дотоле молчавший. Маг, как ему и положено, был самым ярым ревнителем исконной веры согдиатов — маздеизма и потому всегда противился смешению с иноверцами. Закрыв глаза, начал он читать по памяти священный текст из «Авесты»:

— «...В качестве второй, лучшей из областей и стран я, Ахура Mazda создал Гаву, обитель согдийцев. Во вред ей Анхра Майнью Смертоносный произвел несущих гибель скифов... В качестве третьей лучшей из областей и стран я, Ахура Mazda, создал Маргиану, сильную, преданную Арта-Правде. Во вред ей Анхра Майнью смертоносный произвел народ мардов... Я создал Бактрию Прекрасную с разбросанными поселениями... Во вред им Анхра Майнью произвел народ дербиков...».

Жрец открыл глаза — синие-синие, как два горных озера в летний безоблачный день и окинул взглядом притихших односельчан. Голос его зазвучал трагически-торжественно:

— Братья! От истоков Бытия враждуют между собой два начала; Свет и Мрак, Добро и Зло, Правда и Кривда, Мир и Война, земледельцы и скотоводы. У наших предков было много врагов, носивших разные имена: скифы, массагеты, марды, дорбики... У нас их тоже не меньше. Злая сила одолевает. Но помните: на нашей стороне благородный Сиявуш, на их — мрачный Афросиаб...И еще не забудьте мудрость веков: «Кто возделывает хлеб, тот возделывает правду...». Возблагодарим же великого Заратуштру из Раги, принесшего нам свет знания и помянем в наших молитвах его покровителя, лучшего из царей — Кази Виштаспу Бактрийского. Молитесь Ахура Мазде, люди!

— Ты прав и неправ, благородный маг. Да, скотоводы-тюрки вечно притесняли нас. Но теперь времена меняются. Меняются и дела вместе с ними. Разве не установил каган тюргешей (а теперь карлукский джабгу) справедливый налог? Разве меньше мы платим нашим единоверцам — царю Гуреку Самаркандскому и владельцу Шаша? И разве только скотоводы бывают нам враждебны? А табгачи, пришедшие с востока? Или те же арабы с их новой верой? Не враждовать, а объединяться надо нам с кочевниками. Вон сколько их уже осело и превратилось в горожан... Хотя бы в том же Атлахе, или Таразе. И браки между земледельцами и скотоводами сейчас — обычное дело: от таких браков произошел целый народ — аргу...

Большинство поддержало гончара:

— Торговать с кочевниками выгоднее, чем воевать.

Жрец скорбно смотрел на односельчан: где прежняя сплоченность? Где единокровие? Даже здесь, в малом селении, нет больше согдийцев: есть сторонники арабов, китайцев, тюрков...

«Ахура Маздра, защити нас от нас самих!...».

В АРАБСКОМ ЛАГЕРЕ

Раннее летнее утро. Коршун вылетел из-за холма и величественно поплыл в восходящем потоке струй, зорко оглядывая землю.

Там, внизу, у горной речки, где всегда было пустынно, он увидел множество пестрых шатров, а между ними — снующие фигурки. Чуть доносилось конское ржание, скрадненное расстоянием.

Коршун взмыл повыше и стал делать круги. Он знал: там, где люди, всегда есть, чем поживиться.

Огромный арабский лагерь возник в долине, словно по волшебству. Еще вчера здесь ничего не было. Еще вчера арабы находились в десяти фарсангах отсюда. А теперь — вот здесь...

Стремительность арабского войска — одна из причин их военных удач.

Кто же такие эти завоеватели гор Тянь-Шаня и долин Испании? Удивительный феномен арабов вот уже несколько веков будоражит воображение историков.

В 612 г. скромный погонщик караванов житель города Мекки, сорокалетний Мухаммед начал проповедовать новую религию. В 622 г., спасаясь от гонений, переселился в город Ятриб. А еще через 10 лет, к году своей смерти в 632 г. он был уже настолько знаменит, что его последователи — мусульмане стали вести свое летоисчисление с момента его переселения (хиджры), а сам Ятриб переименовали в Медину (Медина эль Наби) — означает город пророка.

Ислам распространялся стремительно, как пожар. Обездоленные и богачи, скромники и честолюбцы, робкие труженики и воинственные фарисы — каждый находил в новой вере изюминку для себя.

Мухаммед-пророк объявил всех принявших ислам братьями. Это означало: взаимопомощь, конец всякой междоусобной вражды. Перед племенами бедуинов, скитавшихся в бесплодных пустынях раскаленного Аравийского полуострова, возникли новые горизонты. Вместо бесконечных усобиц, когда одно нищее племя грабит другое, такое же нищее, посланник Аллаха призвал всех арабов объединиться и пронести истинную веру по свету, в сказочные страны с райскими зелеными кущами, полноводными реками и всяческим изобилием жизненных благ. Имущество неверных по праву должно принадлежать им, покорным истинному Богу.

И произошло удивительное. Арабские племена, собранные в единый могучий кулак, обрушились на ничего не подозревавших соседей, словно карающая десница. Напор их был поистине сокрушительным. За несколько десятилетий они покорили Египет, Сирию, Палестину, страны Магриба, сасанидский Иран. Их войска стояли под стенами Константинополя. Копыта их лошадей омыли воды Гибралтарского пролива. Зеленое знамя пророка с романтическим полумесяцем развевалось на островах Средиземного моря и по ту сторону Пиренеев — в самом сердце Европы.

На глазах потрясенного человечества возникла мировая держава — Дамасский халифат...

Вслед за покоренным Ираном настала очередь Средней Азии. В 651 г. арабам без боя сдался Мерв. В 706 г. военачальник Кутейба захватил Балх.

Затем началось планомерное завоевание Мавераннахра — так арабы называли земли севернее Джейхуна (Аму-Дарьи).

Здесь они встретили упорное сопротивление согдийцев. Царь Гурек (710—738 гг.) в течение всего царствования вел

с ними борьбу с переменным успехом. Арабы захватили и разграбили Пайкенд. Владелец Пянджикента Диваштич был ими пленен и распят. В конце концов, города прекрасной Согдианы и Бухарского оазиса вынуждены были открыть перед ними ворота.

Но тут включились в борьбу кочевые тюркские племена. Тюркешский каган Сулук не раз наносил захватчикам поражения, за что они и прозвали его — Абу Музахим («Бодающийся»).

В 750 году внутри халифата произошли значительные события: смена династий, смена эпох. Аббасид Абул-Аббас устроил поголовное избиение царствующего рода Омейядов. Погибло множество. Спасся лишь принц Абдуррахман, бежавший в Испанию. Там он основал Кордовский эмират, ставший впоследствии халифатом — средоточием блестящей арабской средневековой культуры.

В Средней Азии от имени Аббасидов действовал их эмиссар, наместник Хорасана — перс Абу Муслим, в прошлом раб. Экспансия арабов продолжалась.

Но к тому времени на среднеазиатской арене появилась новая сила. Войска Поднебесной — так официально называлась средневековая китайская империя династии Тан — вступили на территорию Тянь-Шаня. В 748 г. они захватили столицу кочевников в Чуйской долине г. Суяб и разрушили его. В 749 г. они взяли в плен и казнили владельца Чача¹. Сын казненного обратился за помощью к Абу Муслиму.

Тот не упустил случая и послал на восток армию под командованием Зияда ибн Салиха.

И вот теперь в июне-июле 751 г. войска двух мировых империй двигались к Таласской долине навстречу друг другу...

¹ Чач — по-китайски «Ветка тутовника» (нынешн. Ташкент).

И лихая же десятка разведчиков была у Хакима-сарханга¹.

Обычно арабы сражались, построившись по племенам и родам; эти же все происходили из разных племен и давно потеряли связь с родичами.

В чем причина? Об этом, может быть, дадут кое-какое представление прозвища, которыми они наградили друг друга.

Вот, например, самый высокий и тощий в десятке — Лакам. В переводе с арабского означает «проталкивающий», т. е. тот, кто, держа один кусок во рту, проталкивает его вторым, не удосужившись разжевать первый.

Или: Массас — «Высасывающий». Он имел привычку выхватывать из общего котла трубчатую кость и высасывать из нее мозг прежде, чем спохватятся сотрапезники.

У третьего прозвище было тоже ничего себе: Мухалким. Он имел обыкновение разговаривать с набитым ртом, отчего крошки и брызги летели в физиономию собеседника.

Четвертый — «Мусаввич» — («Запивающий») — не утруждал себя разговорами во время еды: он хватал такие большие куски, что давился ими, и тогда на помощь приходила чашка с водой.

Следующего звали Латта («Облизывающий»). Этот вел себя и вовсе непристойно: запускал палец в кашу, облизывал его и вновь запускал в общий котел...

Был тут и Маддаб — «Тянущий»: по свидетельству аль-джахиза, это тот, кто, взяв в зубы жилу, тянет ее что есть силы рукою ото рта: жила рвется и забрызгивает вокруг сидящих.

Но хватит гастрономических прозвищ!

Были еще в десятке сарханга два названных брата: аль-Бакка («Плакальщик») и Даххак («Смеющийся»). И последним назовем 18-летнего Хашима, сына самого Сарханга.

¹ Сарханг — нечто вроде сержанта; десятник.

Юноша славился справедливостью и честностью. Поэтому ему частенько поручали готовить и делить пищу. Когда припасов было мало, Хашим делал тюрю: крошенный в воду хлеб, сдобренный маслом. Может быть, и отсюда его имя: Хашим — «крошитель»?

О его удивительной судьбе мы упомянем чуть позже...

В этот вечер десятка сарханга решила устроить пир. Для этого нашлась веская причина: кувшин вина, захваченный в качестве трофея в одной брошенной усадьбе. И хотя Коран запрещает правоверным пьянство, разве нельзя сделать послабление для воинов, денно и нощно рискующих жизнью?

Приготовить угощение, как всегда, поручили юному Хашиму. Остальные разбрелись по лагерю, коротая время.

Юный Хашим решил побаловать друзей асыдой — густой кашей, приготовленной из муки, заваренной кипятком и сдобренной медом и маслом. Все составные части этого лакомства, а также дрова имелись под рукой. И он с вдохновением взялся за дело. Он всегда испытывал необыкновенное удовольствие, заботясь о других.

...Откуда-то вынырнул Латта. Подошел к котлу, воровато оглянулся по сторонам и запустил пятерню в казан.

Хашим, возмущенный увиденным, выскочил из палатки и закричал сердито:

— Что это такое? Почему ты запускаешь в еду все пять пальцев?

Латта оторопел (улика-то налицо!). Пробормотал растерянно:

— А сколько я еще могу запустить? Ведь я не шестипалый.

— Послушай, есть ли у тебя хоть один друг?

— Один у меня друг — еда...

Латта быстро сунул горсть в рот:

— Не бросать же обратно, — бормотал он с набитым ртом.

Хашим смотрел на него с горестным недоумением:

— И человеком-то тебя нельзя назвать...

Латта кое-как проглотил, давась, кашу и ответил виновато:

— Хорошо тебе говорить! Ты родился в семье сарханга и никогда не испытывал голода. Мой же отец был рабом и сколько я себя помню, я всегда голодал. Я всегда хотел есть. Я мечтал хоть раз наесться досыта! Аллах свидетель, только здесь, в войске, я почувствовал, что могу кое-как утолить голод... Но жадность к пище вошла в мою кровь... Прости меня, брат...

Хашим впервые услышал от Латты подробности его биографии.

— Я действительно никогда не испытывал особенного голода...

Он положил в деревянную миску целый черпак и подал Латте:

— Сегодня его много... На всех хватит.

— Нет, нет! — Латта отталкивал миску, но глаза его горели...

Наконец, собрались все. Пир удался на славу. Подобревшие сытые разведчики угостили даже несколько человек из других десятков.

После выпитого вина завязался разговор. Аль-Бакка спросил Даххака:

— Как ты думаешь, ушел ли довольным от нас святой месяц поста Рамазан?

— Еще бы ему не быть довольным!

— А как ты это докажешь?

— Потерпи год и ты убедишься: он опять к нам пожалует, этот святой пост Рамазан. А если б он не был довольным, пришел ли бы он снова?

Все шумно одобрили ответ «Смеющегося».

— До следующего года еще дожить надо, — заметил Хаким-сарханг.

— Половина наверняка доживет, — беспечно сказал Даххак.

— Прах тебе в рот, предсказатель черноты! — закричали остальные.

Тут вступил в разговор обычно молчаливый Массас — «Вымывающий»:

— Когда мы жили с матерью в селении Мухаррам, то нас считали за удивительных предсказателей. Все, что мы ни предскажем, исполнялось.

— И хвастун же ты!

— Аллах свидетель! Вот, к примеру, о погоде: показывается туча. У нас спрашивают: будет дождь или нет? Мать говорит: «будет!». А я — «нет!» И обязательно сбывается — или то, что я предсказал, или то, что она...

В это время раздался голос муэдзина, призывающий на молитву. Все тотчас совершили омовение из кувшинов, растелили молитвенные коврики... Только Даххак замешкался.

По окончании молитвы Хаким-сарханг сказал:

— Послушай, «Смеющийся». Был ли ты хоть раз первым в каком-нибудь деле?

— В одном деле я всегда первый, — ответил Даххак. — Из мечети я раньше всех выхожу. Особенно, когда в ней с минбара вещает наш имам аль-Харши. Правда, зато прихожу я в нее позже всех...

Ударили барабаны: «отход ко сну». Хаким-сарханг сказал:

— Все по палаткам. Спать! Да удалит от нас Аллах все дурное!

Скоро арабский лагерь затих. Звездная ночь плыла над миром...

ВИДЕНИЯ ГАО СЯНЬЧЖИ

В 11-й год «Тяньбао» войска Поднебесной империи по приказу сына Неба, дракона — государя Сюань-Цзуна из династии Тан...

Короче говоря, танская армия, выступив из Суяба к Таразу, двигалась чрезвычайно медленно. Разноязыкие пехотные и кавалерийские части, в которых за время бездействия значительно ослабла дисциплина, громоздкие обозы: маркитанты-торговцы, множество обслуживавшего люда, быки, ослы, мулы, верблюды, повозки — все это оказалось неповоротливым скопищем на марше.

А зачем спешить? Главнокомандующий Гао Сяньчжи был уверен в своей силе. Сто тысяч бойцов — кто может противостоять им? Он даже мысли не допускал такой. Любой противник будет смыт и уничтожен доблестными войсками Поднебесной.

За паланкином главнокомандующего шел его личный обоз: десятки повозок везли роскошные спальные принадлежности, кухонную посуду, изысканный провиант под присмотром поваров. Тут же следовали пленные согдийские танцовщицы и оркестр музыкантов из Кучи — главнокомандующий без музыки не мог прожить и дня.

Личная гвардия охраняла все эти богатства от жадных взоров собственных солдат. В день проходили несколько ли¹. В жару разбивали бивуаки и в степи тотчас возникал палаточный город. Дымились костры, дрожало в воздухе пахучее марево от трещавших жаровен и сковородок.

¹ Ли — 0,3 км.

Солдаты скучали. Одни чинили поизносившиеся одежды, наводили глянец на доспехи, чистили оружие. Другие играли в кости или слонялись просто так.

У многих душа тосковала по родным местам. Все здесь чужое, все надоело. Те, кто были родом из Чанъани, без конца вспоминали столичную жизнь, веселые кварталы Пинкан и Люэсань, где жили гетеры. Вспоминали веселые праздники, новогоднюю иллюминацию, знаменитое искусственное «огненное дерево» на главной площади: оно было украшено вышивками и драгоценными металлами. На его ветвях горело пятьдесят тысяч чаш-светильников. Тысяча красавиц с цветами-шпильками в черных кудрях присматривали за ним.

Все улицы были уставлены рядами восковых свечей, и ночь напролет люди веселились...

А здесь только звезды над головой да крики ночных птиц...

Тосковали по родине и провинциалы: — У нашей семьи в Шандуне три цина земли... Зачем было идти в войска?..

За три года, проведенные в этих краях, никто не обогатился. Зато многие получили раны, другие и вовсе лишились жизни — «ушли к желтым истокам». Зачем?.. Кому это нужно?..

Лишь малая часть солдат — из тех, у кого на родине не осталось ни дома, ни земли, ни родни, а также наемные отряды северных кочевников не желали возвращения: война обещала добычу.

Главнокомандующий Гао Сяньчжин был настроен точно так же, как и большинство его солдат. Чач, Суяб и вся страна ему давно прискучили.

...Роскошен громадный шатер главнокомандующего! Струящийся шелк с вытканными драконами составляет его стены. Высокие деревянные колонны подпирают потолок. Занавесы, украшенные золотом и перьями зимородка, разделяют шатер на две половины. В первой — приемная,

где проводились военные советы. Во второй — личные покои. Он любил уединяться здесь от воинских забот, когда накатывала тоска...

По своей природе Гао Сяньчжи был склонен к меланхолии. Его ужасала быстротечность времени; яркие воспоминания обостряли ностальгию: он как бы жил в прошлом.

Еще совсем маленьким мальчиком отец, бежавший от гнева государя Силы, вывез его с родины. Маленький Гао, носивший тогда совсем другое имя, смутно помнил Кенчжу — столицу корейских правителей. Большой пышный город, разделенный прямыми перекрещивающимися улицами на кварталы. Он раскинулся в котловине, окруженной горами; по горам вились стены с башнями. Еще припоминалась освещенная гора Тхохамсан, а на ней — пещерный храм Соккульям с рельефными замечательными скульптурами...

Долго помнил он и «Башню для наблюдения звезд» недалеко от столицы, на которой побывали они с отцом поздно ночью. Мальчика всегда укладывали спать рано, поэтому впервые увиденный звездный мир, опрокинутый над головой, поразил его детскую душу.

С годами эти воспоминания все тускнели и тускнели... Их вытеснили иные видения...

Частенько лицо его темнело, становилось сумрачным, словно гора Хаоминшань поздней осенью, когда ветер гонит над ее вершиной черные мохнатые тучи... Тогда военачальники без крайней нужды старались не попадаться ему на глаза... Однако никто и предположить не мог причину тоски...

Это случилось несколько лет назад. Сын корейского эмигранта благодаря своим способностям, уже в те годы достиг немалых чинов и находился среди придворных штата императора Сюань-Цзуна.

...Как-то на пиру в Западном дворце Императорского знамени, Гао Сяньчжи, веселый и довольный тем, что

находится среди знаменитых сановников и принцев, увидел входящего Сына Неба... Все почтительно встали... Император милостиво кивал головой и улыбался... Сановники вновь заняли свои места... Только Гао все стоял, словно одинокая пагода в поле: он очнулся, когда его дернули за рукав... И в продолжение всего пира бросал взгляды туда, где находился император...

Но не на повелителя он смотрел — на юную девушку рядом с ним.

С чем сравнить ее белоснежное лицо? А эти брови? А смеющийся алый рот?

Она была прекраснее Ли¹, обворожительнее Сяо².

Потом он узнал ее имя — «фаворитка Мэй» («Слива»). Так прозвал ее сам Мин Хуан³, за любовь к цветущим сливовым деревьям...

У императора было три первых жены, девять вторых, двадцать семь третьих и восемьдесят одна четвертая. Сорок тысяч наложниц обитало в трех дворцах Чаньани и в двух дворцах Восточной столицы — Лояне. И все они были забыты ради Мэй...

...А потом для фаворитки настали черные времена. Евнух Гао Ли-ши (любимец императора, крупный политический деятель того времени) раздобыл ослепительную звезду — Ян Гуй Фей, прозванную впоследствии Тай-Чжень («Великая святая»). Новая фаворитка вскоре полностью овладела сердцем императора. Ее родственники заняли высшие должности в государстве.

Танский новеллист Чен Кун передает: «Род Ян Гуй Фей славился и знатностью и богатством, одежда, экипажи, лошади ее родных...

¹ Ли — супруга Ханьского Императора У-ди, прославленная красавица древности.

² Сяо — имя, ставшее символом красивой девушки.

³ Мин Хуан — имя императора Сюань-Цзуна.

В конце годов «Тяньбао» Го-Чжун, родной брат фаворитки, пролезший на должность главного советника, распоряжался государственными делами, как хотел...».

Состарившийся император теперь единственный смысл и радость жизни находил лишь в обществе Тай Чжень, в ее улыбке, милых шутках и т. д.

По всей империи супружеские пары не мечтали больше о сыновьях — пусть лучше родится дочка, подобная Ян Гуй Фей!

«Великая святая» оказалась ревнивицей. Ее властному, напористому характеру ничего не смогла противопоставить мягкая, уступчивая Мэй. И она была сослана в Северный дворец Шангян. Там ей представилась возможность сколько угодно изливать тоску в стихах и поэмах, которые вскоре широко распространились.

Гао Сяньчжи обладал книгой, в которой все семь поэм «фаворитки Мэй» были запечатлены письмом Иду¹, дабы никто не смог прочесть и узнать его тайну. Ведь Ян Гуй Фей жестоко преследовала тех, кто склонялся перед ее соперницей.

Полководец, уединяясь, перечитывал эти поэмы и печально размышлял: почему судьба так жестока? Разве у него мало женщин? Зачем же он мучается лишь одним образом, для него недоступным?

И тогда он призывал флейтисток, певиц и приказывал им исполнить мелодию «флейта инородца» или знаменитую песню «Одно ху² жемчуга», слова которой сочинила Она — красавица Мэй...

Пехотинец Чжан Лао происходил из Путяна. Когда стали набирать солдат для войны на востоке по всем 634-м военным округам, забрали и его, молодого мастера по изготовлению бумаги.

¹ Письмо Иду — первая система корейской письменности.

² Ху — мера объема, более 51 л.

А еще Чжан умел замечательно играть на флейте. Этому он научился у матери, преподававшей в одном из цзяотаней¹ Чандани.

Соседями их была семья Цзян. Глава ее Чжун-сун славился как искусный врач и неплохо зарабатывал. Поэтому у него была возможность холить и лелеять свою единственную дочку. Она не знала черной работы, от которой грубеют руки, искажается фигура и слезятся глаза.

Она выросла настоящей красавицей, хоть и была еще очень молода.

Дочка Цзянов часто проводила время в своем сливовом саду — она безумно любила сливы в пору их цветения. И с некоторых пор ей стала очень нравиться флейта Чжана Лао.

Молодые люди украдкой познакомились — через забор. Чжан был на три года старше своей соседки; оба еще слишком юные, чтобы совершить что-либо предосудительное, они относились друг к другу с глубокой нежностью, скорее как брат и сестра.

Родители, узнав об этом, не стали наказывать детей: обе семьи занимали примерно одинаковое положение в обществе, поэтому для брака препятствий не нашлось.

Поговаривали о скорой свадьбе.

Но тут князь ада Янъло (не иначе!) прислал в Путян евнуха Гао Лиши, любимца императора. Евнух искал красавиц для императорского гарема.

Дочь Цзянов только-только стала заказывать прическу (т. е. ей исполнилось пятнадцать лет). Когда Гао Лиши увидел ее, он понял, что нашел сокровище.

Состоялась сделка. Родители получили изрядное богатство, а их истинное, единственное богатство было увезено в Чанчань «служить у подушки» (т. е. стать наложницей) императора.

¹ Цзяотан — школа музыки и танцев.

Горю Чжана Лао не было предела. Вид соседей доводил его до иступления. Он хотел наложить на себя руки. Соседи вскоре переехали: купили роскошный дом и стали жить на широкую ногу.

Время шло. Двадцать четыре сезона (по китайскому календарю год делится на 24 сезона) менялись другими 24-мя, а Чжан оставался холостяком, несмотря на все просьбы родителей.

До Путьяна уже донеслись слухи о том, что дочка Цзяна стала любимицей Мин Хуана, что она проводит время на пирах вместе с ним и что Сын Неба в ней души не чаёт и зовет ее «фавориткой Мэй» («Сливой»). Он даже велел посадить целую сливовую рощу — в угоду своей возлюбленной.

Слышать все это Чжану было нестерпимо. Хотя он и понимал: для его любимой настала совсем не та жизнь, какую бы он мог ей предложить...

Наконец, когда три года назад военные чиновники — угуани производили набор солдат, он пошел служить, вопреки воле родителей...

...Пересекая как-то лагерь в роскошных носилках, главнокомандующий вдруг встрепенулся: его изощренный слух поразила доносившаяся откуда-то издалека чуть слышимая мелодия... Он узнал ее...

Тотчас было велено разыскать игравшего солдата. Привели немного испуганного Чжана Лао.

— Это ты играл? — сумрачно спросил полководец.

— Да, великий господин.

— А знаешь ли ты, что это такое?

— Да, великий господин. Это мелодия песни «Одно ху жемчуга».

— А знаешь, кто сочинил слова этой песни?

Солдат опустил глаза.

— Откуда мне знать, великий господин?

Однако весь вид его говорил: врет.

Полководец приказал Чжану явиться в его шатер на-завтра.

А назавтра Чжан Лао был зачислен в личную охрану Гао Сяньчжи.

...Теперь частенько, когда подкатывала тоска, полководец вызывал своего телохранителя и приказывал поиграть... И всегда одну-единственную мелодию. А сам шепотом повторял слова...

...Как-то в порыве откровения он сказал:

— Знаешь ли ты, верный мой Чжан, что мелодию эту написали придворные музыканты на стихи... «фаворитки Мэй»?

Солдат опустил глаза:

— Знаю, великий господин.

Разговорившись, почти как равный с равным (что было необычным и для высокомерного аристократа Гао Сяньчжи и застенчивого простолюдина Чжана Лао... Два тоскующих воина нашли общий язык... Тут еще помогло согдийское сладкое вино и гаоляновая водка... Они рассказали друг другу почти все — о любви безответной. Гао Сяньчжи говорил:

— Теперь лепесток сливы в опале. Я не знаю, радоваться этому или огорчаться. Но плохо, когда Поднебесной управляет случайные люди, все эти дядья и братья Ян Гуй Фей...

Спохватившись, что сболтнул лишнее, полководец пристально посмотрел солдату в глаза. Тот ответил прямым и открытым взглядом:

— Я ваш верный слуга и телохранитель, великий господин. Разве я похож на доносчика?

Гао успокоился. Но отныне не спускал глаз со своего телохранителя и всегда держал его при себе.

Вскоре Чжан Лао получил большое повышение — стал командиром сотни из личной охраны полководца...

Признательность и верность его возросли. Но он не знал, что в его сотне есть два младших командира, которые следят за каждым его шагом: при первом же подозрительном поступке им велено убить своего начальника...

ПРАЗДНИК «ЗВЕЗДЫ ДОЖДЯ»

Середина лета — самое засушливое время года. Жара стоит удручающая. На небе — ни облачка. Даже засухоустойчивый тутовник в изнеможении опустил свои полузавядшие листья. «Пить! Пить!» — просит земля. «Пить! Пить!» — вторят деревья и травы.

Но что это за шум в селении Рамуш? Вон живописные группы юношей и девушек бегают вдоль арыка и обливают друг дружку водой. Громкий смех, веселое повизгивание... Э!... Да ведь сегодня справляется праздник, самый веселый праздник иранского мира — в честь «Звезды дождя» Тиштрии (Сириуса)! Восход этой звезды на иранском небосводе означает начало долгожданного сезона дождей.

(Этот праздник — «Абпашон» — дожил с седой древности до наших дней в Таджикистане).

Молодежь веселится вовсю, но и солидные степенные люди по-своему дурачатся.

Деревенскому старосте Давану предложили соседи:

— Давай взвесим, у кого борода тяжелее! (А борода у Давана — самая длинная, зато не очень густая).

— А как? Не отделишь ведь ее от подбородка!

— Э! Пустяки.

Сейчас же принесли весы. Каждый вставал на колени, клал свою бороду на чашу, а веселый Бухлюль — весовщик восклицал:

— Пол-сира! Три четверти сира! О! Целый сир! — это относилось к бороде мастера Пастуна.

Даже вечно печальные беженцы сегодня развеселились. Большинство из них, лишившись имущества, нанялось

в батраки к рамушцам. Лишь у некоторых еще сохранились бухарские серебряные монеты с изображением бухархудата Канна, современника халифа Абу Бекра Сыддыка...

Беженцы вспоминали достопримечательности родного города: ворота моабид, где похоронен Афросиаб — олицетворение враждебного кочевого мира; ворожа Гуриан, где покоится прах светлого Сиявуша... музыканты и певцы исполнили в честь Сиявуша песни «Кин-и-Сиявуш» («Борода Сиявуша»). Чувствовалось: ох, как тоскуют по родине эти бедные люди!..

В самый разгар веселья по главной улице проследовал небольшой караван из четырех верблюдов. На спине каждого покачивались по два внушительных тюка.

Впереди ехал стройный всадник на золотистом коне. Словно на крыльях ветерка, пронесся слух: «Байташ-тегин!» «Черный тюргеш»!..

Всадник подъехал к усадьбе мастера Пастуна, спешил, привязал повод от переднего верблюда к одинокой шелковице и уселся в холодке. Казалось, он собирался ждать долго.

Очень скоро из-за ближнего угла вывернулся старый гончар.

Одетый в праздничный легкий халат и белую, с вырезом на груди, рубаху, шествовал он торжественно, не спеша, как и подобает кетхуде.

Однако пот, струившийся по смуглому лицу, и прерывистое дыхание говорили о другом.

— Отец! — сказал Байташ. — Я доставил то, что ты требовал.

* * *

Свадьбу — по согдийскому обычаю — справляли всем селением. Угощения хватило на всех. Еще бы! Двое пастухов пригнали отару овец в сотню голов — тоже подарок жениха.

Половина из этой сотни пошла в праздничный плов, а другую половину гончар заботливо укрыл в своем загоне.

Вот уж когда селение Ромуш оправдало свое название. Веселились все. За исключением молодых парней — те выглядели задумчивыми.

Все понимали, какую огромную выгоду получает селение, породнившись с такой важной птицей. Теперь у них есть защитник! За ним надежней, чем за крепостной стеной.

Только парни думали иначе. По их мнению, никто не спрашивал, как никто не интересовался чувствами одного из главных действующих лиц торжества — невесты...

Не будем рассказывать о согдийской свадьбе, ибо пришлось бы повторяться. Ведь о подобном торжестве уже поведено в повести «Путешествие Земарха».

Немного удивляло одно: почему столь высокорожденный турк прибыл без слуг, без аксакалов, без дружинников?

Однако, хорошенько рассудив, удивляться перестали. Во-первых, Байташ — изгой. Конечно, у него есть богатые и знатные родичи. Но ходят слухи, что он давно перессорился с ними. А теперь, к тому же, берет в жены простую девушку, чего родичи не одобряют. Это — во-вторых. И, в-третьих, всем известен капризный и взбалмошный нрав Байташ-тегина...

Что ж... То, что не дозволено простому смертному, высокорожденным сходит с рук... Подарки-то у него — вон какие!...

* * *

На третий день, чуть свет, согласно обычаю, невесту вручили жениху. Он тотчас объявил о своем отъезде. И отказался от почетных провожатых. Проверил запасную тетиву для своего дальнобойного лука, бережно обернул ее тряпочкой и спрятал за голенище правого сапога.

За все дни свадьбы Дугдгонча не произнесла ни слова. И лицо ее, спрятанное под покрывалом, тоже ничего

не говорило. А когда убрали покрывало перед женихом, всем почудилось: они видят не живую девушку, а ее окаменевший портрет, изваянный неким божественным мастером.

Глянув на дочку, заплакала мать. Ее быстро увели. Сестры проливали ритуальные слезы и ласково звали:

— Мушкиназ! Мушкиназ!

Никому она не ответила. Братьям — тоже. Когда же Байташ хотел посадить ее на своего золотистого коня, она решительно воспротивилась. Тогда привели маленькую смирную кобылку — подарок от сельчан.

Так она и уехала, никому не сказав прощального слова...

* * *

Десятка Хакима-сарханга выехала в дальнюю разведку поздно вечером. Ехали по ночной степи в полном молчании. Слышались только удары копыт да неумолчно пели сверчки в пожухлой траве.

Из-за гор взошла луна, озарила степную дорогу и дальние предгорья, чуть видневшиеся в лунной дымке.

Впереди взлетела какая-то птица и, мягко взмахивая крыльями, унеслась прочь со зловещим криком: «Искуни! Искуни-и!».

Вся десятка невольно остановилась, прислушиваясь, пока эти крики не затихли вдали.

— Сова! — сказал Лакам. — Дурная примета...

Сарханг Хаким проехал несколько шагов, поднял концом копыа что-то с земли... Это «что-то» оказалось человеческим черепом.

Все сгрудились вокруг.

— Так вот почему она кричала «Искуни!» («Напоите меня!»). Разве вы не знаете древнее поверье? Нечистая птица поселяется в черепе убитого и призывает к путникам до тех пор, пока убитый не будет отомщен и душа не напьется крови убийцы.

— Но мы не знаем ни самого убитого, ни виновника его смерти.

— Помните, два года назад бесследно пропал Омар ибн Сахль?... И как раз в этих краях.

— У Омара ибн Сахля была пробита голова слева к затылку. Потом рана затянулась, но он часто жаловался на головную боль...

— Тут есть на черепаке вмятина и как раз слева к затылку, — сказал Сарханг.

Все тотчас заключили, что череп принадлежал ибн Сахлю, хотя в тот бурный век мало ли черепов валялось в степи со всевозможными вмятинами!

— Значит, его убили тюрки, больше некому...

— Давайте убьем первого встречного тюрка и душа ибн Сахля успокоится...

Все так и порешили. Отряд двинулся дальше.

Проехав еще полфарсахга, сделали привал. Рассветало. Скоро запели птицы, нежные лучи брызнули над миром. Испарилась ночная роса с придорожных камней, однако воздух еще был упоителен своей утренней свежестью.

Тут разведчики заметили двух всадников, проезжавших поодаль.

— Смотри-ка! Один из них — тюрк.

— А второй — женщина в согдийской одежде...

— Аллах посылает нам этого тюрка во исполнение нашего решения, а женщину — в награду за верность клятве.

— Аллах Акбар! Вперед! — скомандовал сарханг. Всадники вырвались из ложбинки и бросились к путникам.

Тюрк, увидев нападавших, что-то сказал женщине, вытянул плетью ее кобылу, а сам стал как вкопанный, видно, как он натягивает тетиву на свой дальнобойный лук.

«Вжик!» — просвистела парная стрела — сарханг едва увернулся.

«Вжик!» — просвистела вторая и ударила в Лаккама.

— Я ранен! — закричал Лакам, хватаясь за грудь. «Вжик!» — просвистела третья и Латта с глухим стоном пополз с седла; его верный конь сразу остановился.

Но четвертая стрела не просвистела. Арабы видели, как тюрк снова натянул лук и... что-то с ним случилось. Он опустил свое смертоносное оружие и бросился наутек вслед за женщиной.

— У него лопнула тетива! — догадался сарханг. Это сразу воодушевило атакующих.

— Стой, бездельник!

— Не уйдешь, сын греха!

Тюрк улепетывал во все лопатки. Конь под ним — огненная молния, даже знаменитым аравийским скакунам не догнать такого. А вот под женщиной — типичный согдийский конек, хоть и хорош с виду, но годный только в хозяйстве. Женщина стала отставать.

Тюрк крутился около нее, словно хинн, хватался за узды. Даже пытался на ходу пересадить ее к себе в седло. Там у них происходило что-то непонятное — женщина, видно, из страха как будто сопротивлялась.

Между тем, арабы уже были совсем близко. Они яростно скалились и размахивали клинками. Их было семь против одного (Латта и Лакам отстали, юный Хашим остался с ними).

Тогда тюрк, отчаявшись, бросил упрямую женщину и поскакал вперед во всю прыть.

Арабы окружили неожиданную добычу. Мухалким, как самый нахальный, протянул руку, сорвал покрывало с женщины... и плотоядно зачмокал губами...

Остальные невольно издали восторженные восклицания.

Девушка (совсем юная) была необыкновенно хороша. Отпетым воякам давно не приходилось видеть такой красоты. Они молча глазели, сдерживали коней.

Наконец, аль-Бакка пробормотал:

— А ведь она в наряде невесты...

— Она стоит целого каравана, — сказал Массас.

— А тюрк-то, тюрк, посмотрите...

Тюрк, отъехавший на безопасное расстояние, крутился на своем золотистом жеребце. Даже отсюда было видно, как он исходил бессильной злобой.

— Кто ты, о женщина? — спросил сарханг. Девушка отвечала по-согдийски. Все отлично поняли ее — за годы службы в Мавераннахре «десятка» основательно изучила этот язык.

— О воины, — сказала красавица. — Взываю к вашей совести: Ведь вы мне — отцы и братья. Пощадите мою честь... У вас тоже есть дочери и сестры. Что вам во мне? А вот у того тюрка за голенищем правого сапога спрятан бадахшанский рубин необыкновенной величины. Потребуйте с него выкуп за меня и он с радостью согласится. Тогда вы купите целых два каравана...

Воины сразу поверили.

— Эй, Массак, — скомандовал сарханг. — Оставайся с этой райской гурией. И смотри у меня! Остальные — во славу Аллаха! — за мной.

Массак поглядел им вслед, повернулся к девушке:

— Ты лучше-ка спешься, красавица... А кобылку твою я спутаю, чтобы далеко не убежала...

Они догонят тюрка, убьют его, заберут рубин, а тебе скажут, что ничего не нашли, — сказала красавица.

Массас нахмурил брови. Быстро связал передние ноги лошадке хитроумным узлом.

— Надо бы и тебя связать, красавица... Да ладно... Далеко не убежишь. Посиди-ка на камушке, а я помогу своим единоверцам.

И Массас, гикнув, поскакал вслед за остальными... Тюрк, увидев приближающихся врагов, снова пустился наутек. Напрасно арабы кричали ему и делали отчаянные жесты — тюрк не понимал.

⁷ Том XIV. В. М. Плоских

— Стойте! — сказал сарханг.

Остановились. Тюрк — тоже. Все стали наперебой делать ему знаки, показывая на правое голенище.

— Отдай рубин! — кричали, надрываясь, арабы.

— Мы вернем девушку!

— Ууу! Бестолковый!

Наконец, тюрк понял. Даже отсюда было видно, как он радостно осклабился, полез за голенище и вынул серую тряпицу.

Сейчас увидим рубин...

Вот и пришло к нам богатство... Тюрк развернул тряпицу...

Смотрите! — закричал Мухалким.

— Чего смотреть! — сказал сарханг. — Сейчас он этот рубин натянет на лук и нам несдобровать. Назад! Назад, говорю!

Теперь уж все увидели: тюрк вынул из тряпки тетиву и стал лихорадочно натягивать на лук.

Воины поворотили коней и пустились по той же дороге — только теперь вспять — со всей прытью, на которую были способны их скакуны.

«Вжик! Вжик!» — то и дело свистели стрелы.

«Спаси Аллах и помилуй!» — каждый ощущал беззащитными лопатками приближающуюся смерть.

Они промчались мимо ничего не понимающего Массаса, мимо спутанной лошадки, мельком отметили, что девушки не видно. Некогда! Тюрк настигал!

Массас, крича и оглядываясь, мчался за ними следом.

Они проскакали полфарсанга и остановились только у того места, где бродили три знакомые лошади, и виднелась фигура юного Хашима...

Тюрк, наконец, отстал.

* * *

Грустно закончилось это утро, начавшееся так хорошо. Раненный Лакам кряхтел и посапывал, держась за перевязанную грудь.

А Латта... Юный Хашим вытирал слезы:

— Ему уже нельзя было помочь...

Друзья похоронили Латту. Молча и скорбно постояли у могилы. Ближайший его друг Латам произнес надгробное слово:

— Теперь ты будешь питаться в райских кущах. А то, что у нас имеется из еды, для тебя уже бесполезно. Покойся с миром.

После этого отправились восвояси. Маленький холмик в степи — вот все, что осталось от завоевателя Латы — человека, который всегда хотел есть...

Когда страж ускакал вслед за остальными, Дугдонча бросилась в неглубокий овраг и по его руслу побежала — сама не зная куда, лишь бы подальше от странных людей в полосатых платках и белых бурнусах. Она боялась их еще больше, чем своего жениха.

Долго бежала девушка по руслу высохшего ручья, следуя его поворотам, и с размаху попала в руки притаившихся людей. На них были странного покроя одежды, такое же странное, непривычное вооружение и шлемы в виде маленьких буддийских пагод...

И Дугдонча мгновенно вспомнила: так выглядели табгаки — солдаты Поднебесной империи. Один раз они проходили через их селение. Ну и пограбили, конечно.

Несчастья, свалившиеся на девушку за последние три дня, доконали ее. Она закричала, забилась в руках радостно ухмылявшихся врагов, и мрак покрыл ее сознание...

...Чжан Лао, возглавлявший гвардейский дозор, отдал приказ возвращаться. Они увидели все, что было нужно. К тому же такая редкостная добыча требовала немедленной заботы и ухода. Как бы не померла!

Девушку положили на импровизированные носилки и скрытно, высохшим руслом двинулись назад. Чжан Лао шел рядом, с жалостью глядя на прекрасное бледное лицо незнакомки. Своей беспомощностью, красотой и юностью она напоминала ему незабвенный Лепесток Сливы.

НАПАДЕНИЕ

За арабскими и китайскими войсками, действовавшими в Средней Азии, тащилось множество бродяг, людей без роду-племени. Они собирались в шайки, грабили по дорогам, убивали отставших. Нападали даже на обозы.

Несмотря на то, что бродяг-мародеров беспощадно уничтожали как арабы, так и китайцы, их не становилось меньше. Но не только безродные бродяги занимались разбоем. Некоторые тюркские «алпы», лихие сорвиголовы, на собственный страх и риск искали славу и добычу.

Случалось, они угоняли целые косяки воинских лошадей. Они словно дразнили судьбу, играя со смертью. И часто находили смерть там, где надеялись обогатиться.

* * *

Сегодня у «десятки» опять хороший вечер. Эти пройдохи названные братья Дахкак и аль-Бакка снова раздобыли где-то бурдючок со сладким бухарским вином: «Надо же помянуть усопшего Латгу!».

Подвыпивший аль-Бакка до того расхвастался своими воинскими подвигами, что друзья не выдержали и подняли его на смех.

Тогда «плакальщик» обозвал всех глупцами и отправился спать, предварительно привязав своего Талька отдельно:

— Не хочу, чтобы мой чистокровный скакун стоял рядом с вашими клячами!...

...Глухая безлунная ночь. Трепещут звезды в необъятной бархатной глубине. Спит арабский лагерь. Даже всегда бдительные часовые от усталости потеряли бдительность:

одни дремлют, опершись на копьё, другие вышагивают, спотыкаясь...

...Несколько теней выскользнули из оврага и неслышно, по-змеиному, подползли вплотную к лагерной черте.

Слышен шепот:

— Элетмиш пойдет в ту сторону, я со своими — в эту... Часового возьму на себя.

На фоне звездного неба показался темный силуэт часового. Он брел неверными шагами — видно, совсем сморил сон...

Глухой удар от метко брошенного ножа. Часовой даже не вскрикнул, повалился на землю.

Тотчас над ним возникла фигура, склонилась: убийца осматривал убитого...

— Слышите, вон в той стороне фыркают кони... Значит — туда...

Темные фигуры засновали между белеющими палатками...

Спустя некоторое время возник шум, где-то раздался пронзительный крик, лязг оружия. Заржали кони, там и сям вспыхнули факелы. Какие-то всадники скакали между палатками, размахивали мечами.

Наконец, раздался звук трубы: «Тревога!»

Проснулся весь арабский лагерь. Замелькали всюду огни. Шум поднялся такой, словно джины собрались на ночной базар. Сам полководец Зияд ибн Салих выскочив из шатра, натягивая доспехи: слуги торопливо помогали ему. Загремели крики команд. Воины быстро собирались в отряды, чтобы дать отпор врагу.

...Шум еле разбудил «десятку» сарханга Хакима. После попойки воины никак не могли прийти в себя.

...Муссавиг бросился взнуздывать своего коня, но со сна и от страха никак не мог разобрать, где у коня морда, а где круп, и все напяливал узду на круп, заправлял ее под хвост и бормотал:

— Голова у тебя всегда большая и лоб широкий, но как могло у тебя на лбу за одну ночь столько волос вырасти, да еще таких длинных, ума не приложу...

Пробежавший мимо Даххак остановился в недоумении:

— Что ты делаешь, несчастный?

— Не видишь, что ли? — буркнул Муссавиг. — Взнуздываю.

— Первый раз вижу, чтобы взнуздывали задницу. А под морду ты что же, шлею пропустишь?

Муссавиг, наконец, сообразил, что к чему.

— Э!.. Не иначе как иблис (дьявол) вмешался...

...Наконец, когда войско было готово к битве, выяснилось, что сражаться не с кем. Нашли только двух-трех убитых часовых. Пропало полсотни коней, в том числе и любимый конь главнокомандующего. И — никаких врагов.

Зияд ибн Салих произвел строгое дознание и велел дать каждому оставшемуся в живых часовому по двадцать пять плетей. А начальник ночного караула получил вдвое больше — соответственно своему рангу...

...Когда ложная тревога кончилась, Муссавиг подошел к Даххаку и заискивающе сказал:

— О, брат мой! Ты уж никому не рассказывай...

— Двадцать дирхемов, — перебил Даххак.

— Побойся Аллаха!

— А теперь двадцать пять дирхемов.

Муссавиг плюнул и полез в пояс, заменявший воинам кошелек...

В эту ночь украли коня и у аль-Бака.

— Ну, не говорил ли я, что мир — это гнусное вместилище воров и прелюбодеев! — горестно восклицал он. — Мой Тальк — не простой конь. Он вынослив, как верблюд. Однажды, когда мы сражались против черных тюргешей дбу Музахима, я получил три раны, но держался до конца в строю. Кровь текла у меня из ран и капала на шерсть коня. Когда бой кончился, и мы вернулись в лагерь, только

тогда я обнаружил в груди моего Талька две тюркские оперенные стрелы: они вошли глубоко, на полпальца. Рядом с ними зияла широкая колотая рана от удара копья; на боку — длинная глубокая борозда от удара меча какого-то пехотинца. Изо всех этих ран текла кровь, а Тальк даже виду не подал! Он нес меня легко и свободно, будто ничего не произошло! Кровь наша смешалась...

А теперь бессовестный вор украл его, моего верного товарища!

Члены «десятки» принялись корить его:

— Ты сам виноват, надо было поставить коня вместе с нашими.

— И не напиваться, как житель оазиса.

— Мог бы два-три раза встать ночью и проверить...

— Да и конь твой виноват — глуп, как его хозяин...
Мой никогда в чужие руки не дается...

— Помилуйте! — восклицал аль-Бакка. — Пусть я не досмотрел, а с коня какой спрос... Но неужто вор ни в чем не виноват?...

* * *

Через несколько дней в ставке джабгу карлуков опять появился Байташ-тегин.

Добившись приема, он сказал правителю:

— Славный Эльтебер! Я не забыл об имуществе, которым ты одарил меня: о хромой кобыле и двух торб с просом. Взамен я привез подарок: он ждет тебя у твоего царственного шатра.

Джабгу на этот раз не рассердился. Но лицо его приняло напряженное выражение. Он размышлял: «Пойти взглянуть? А вдруг «черный» тюргеш вздумал посмеяться надо мной? Пригнал какого-нибудь старого вонючего козла с двумя запаршивевшими овцами? Дорого же обойдется ему этот смех!».

Но когда джабгу вышел наружу, совсем другое выражение появилось на его круглой физиономии: радостно-удивленное.

Двенадцать чистокровных арабских коней нетерпеливо били копытами у коновязей. Особенно хорош был один жеребец — светлой масти, в яблоках.

Вокруг них уже суетились рабы — конюхи.

— Принимаю! — воскликнул джабгу. — Теперь я твой должник!

— Пустяки! — возразил «черный» тюргеш. — Я же знаю, ты всегда мечтал о таких скакунах... Вот я и купил их по сходной цене...

— Я уплачу тебе большие деньги!

— Э! Какие могут быть счета между родственниками... Младший брат правителя, знаменитый воин Утембек, увидев светлого жеребца, потерял голову:

— Царственный брат мой! Отдай мне этого коня! Бери взамен что хочешь!

Джабгу великодушно подарил ему жеребца. А Байташтегина пригласил на пир в его честь...

Коварный тюргеш думал про себя: «Радуйтесь, глупцы. Этим подарком я вбил клин между вами и проклятыми арабами, отнявшими у меня невесту... Скоро вы запоете совсем по-другому...»

ВОЗВРАЩЕНИЕ КУПЦОВ

Однажды в полдень селение Рамуш огласилось радостными криками.

Наконец-то вернулись долгожданные купцы-земляки с караваном.

Однако вскоре радостные крики перешли в горестные возгласы и женский плач. Трех из купцов, в том числе музыканта Барбада привезли ранеными. Пропала также треть верблюдов с товарами. Несчастье! Большие убытки!

Мастер Пастун горевал меньше всех. Он тоже потерял кое-что из прибыли. Однако подарки «черного» тюргеша с лихвой покрывали все убытки.

Старый согдиец пребывал в благодушии до тех пор, пока купцы не увидели его верблюдов.

Что тут поднялось!

— Это наши верблюды! — кричали купцы. — Откуда ты их взял?

А когда узнали о свадьбе и выкупе, все сразу разъяснилось.

— Твой зять — разбойник и грабитель! — кричали пострадавшие. — Наша беда — его рук дело! А ты — укрыватель награбленного!

Расстроенный мастер выволок недавно полученные тюки во двор и начал трясущимися руками срывать матерчатую упаковку.

— За что вы ругаете меня, люди? В чем моя вина? Берите верблюдов, товары ... Покрывайте свои убытки... разве вас, а не меня ограбил этот разбойник — тегин? Он увез мою дочь, радость моих старых глаз... О, горе!

О несчастье!... Где теперь искать ее, мою голубку, попавшую в руки степного волка?...

На радостях купцы рассказали все, как было, ничего не скрывая.

Вот их рассказ...

На ночь остановились на самом пороге песков Моюн-Кум среди невысоких холмов. В небольшое полувысохшее озерцо впадал жалкий ручеек. Зато рыбы там было! В камышах слуги зарубили двух громадных сазанов. Можно было и много больше. Да куда их? Протухнет, не дождавшись утра. Рыбу, завернув в листья лопухов, испекли на угольях жаркого саксаула и начали трапезу. Тут из-за бугра появился какой-то всадник на мохнатой лошаденке, замер от неожиданности, затем гикнул, развернул лошаденку и исчез.

— Плохо дело, — сказал караван-баши. — Придется сторожить всю ночь. Видно, где-то поблизости аил кочевников.

Люди осмотрели оружие и улеглись не раздеваясь. Издалека еле доносился тревожный лай аильных собак...

— Плохо дело, — повторил караван-баши, — надо их поугаать. Он медленно поднялся на холм, осмотрелся и, приставив пиалу к щеке, пронзительно заорал во все горло: «Я, кровожадный отуз-оглан из тюргешей! Окружные люди, не подходите близко. Убью-у-у! Если украдете верблюда или что-нибудь другое, берегитесь: я отыщу вас и расправлюсь, куда бы вы не спрятались!». (Следовало перечисление всех близлежащих и дальних пустынь и гор). «Я не табгач, не Кашгари, не сугди, не фаргани, не бухори, не тохаристани!». (Каждое из названий народа сопровождалось особо нелестным эпитетом). «Я, кровожадный отуз-оглан из тюргешей! Берегитесь: я слышу лучше, чем лисица, а ночью вижу лучше, чем тигр! Берегитесь и не мешайте мне спать, такие-сякие!». (Дальше следовали отборные, необыкновенно длинные, забористые и замысловатые ругательства). Так он орал до зари... Молодым

согдийцам обидно было, что старик-согдиец так ругал собственный народ, но что поделаешь? Вокруг пустыня — где тюрки, как рыба в воде.

Ночь ушла, и забрезжил рассвет. Мало кому удалось вздремнуть, но все сразу без проволоочки поднялись и собрались в путь.

Солнце только взошло, и сразу началась жара. Маленький караван из двенадцати верблюдов, четырех всадников и четырех слуг на осликах продвигался по пустынной местности, заросшей корявым саксаулом. Только опытный и бывалый не потеряется в этом лесу пустыни.

Караванчики торопились. Скоро жара станет нестерпимой, а до ближайшего колодца еще добрых два фарсаха пути. Внезапно слуга, ехавший впереди, издал тревожный возглас. Все повернули головы и увидели всадника на золотистом жеребце, поднимавшегося на ближайший холм.

Караван остановился. Люди приготовили оружие. Встреча в пустыне чревата опасностью, ибо грабителями полны дороги. Сейчас за этим всадником появится другой, третий, десятый...

Но всадник оказался один. Он спустился с холма и направился прямо к путникам.

Старый караван-баши, хорошенько разглядев пришельца, уверенно определил:

— Тюрк... И не та вонючка, что помешала нам спать. Это — волк.

Всадник привстал на стременах и громко спросил:

- Кто хвалился, что он отуз-оглан? Выйди вперед!
- Среди нас нет таких.
- Я вижу, что нет. Вы все таты. Отуз-оглан я.
- Отойдите от верблюдов!

Такая неслыханная дерзость, исходившая от одного-единственного воина, возмутила караванщиков: они принялись ругать его последними словами.

Тюрок пустил свою лошадь вперед; люди не успели опомниться, как он уж был среди них, ударил ближайшего копьём и сбросил с коня. Все накинулись на грабителя, но он умчался как ветер.

Слуги подняли раненого. Пока перевязывали его рану и ругали незнакомца, тот опять появился совсем рядом и снова закричал:

— Отойдите от верблюдов!

Разъяренные караванщики бросились на него. Всадники растянулись цепочкой, соответственно резвости своих коней, слуги и вовсе отстали. Тюрок словно злой дух вертелся на своем коне, ударил еще одного всадника злополучным копьём и снова умчался.

Беда, неожиданно-негаданно свалившаяся на караванщиков, повергла их в уныние. С проклятиями и причитаниями, призывая светлого Ахура Мазду в помощь, они стали перевязывать рану второму своему товарищу.

И снова слышали грозный окрик:

— Отойдите от верблюдов! Тюрок опять был здесь.

— Эх, не говорил ли я вам: надо всегда иметь при себе лук и стрелы, — сказал старый караван-баши. — Мы бы подстрелили его как перепелку.

— Мы же не лучники, — уныло сказал один из слуг. Решили не преследовать больше тюрка и продолжать путь. А тот вертелся рядом и покрикивал время от времени:

— Эй! Отойдите от верблюдов!

На его окрики не обращали внимания, но следили за ним зорко.

И все же тюрк нашел момент, подскакал вплотную к голове каравана.

Один из всадников (это был Барбад) ударил его копьём, но попал в высокую кованую луку седла и копьё сломалось.

Тюрок же бросил противника с коня, угодив копьём прямо в грудь.

Да, мастерски владел копьем этот грабитель и лошадь у него была дьявольской породы. Пока остальные подбежали, он снова ускакал, остановился на вершине холма и крикнул оттуда:

— Отойдите от верблюдов! Не то я уничтожу вас всех! Страх обуял несчастных путешественников.

— Это злой дух пустыни! — говорил один.

— Надо предложить ему половину, — сказал старый караван-баши. — Иначе он действительно убьет всех нас.

— Эй, — закричали караванщики. — Подъезжай и возьми половину!

Тюрк выслушал и приказал:

— Это много. Отделите четырех верблюдов и оставьте здесь. С остальными можете продолжать путь.

Бедные караванщики так и сделали. Восемь верблюдов, трое стонущих от ран мужчин, привязанных к седлам — чтобы не упали, старый караван-баши и четверо слуг тронулись в путь.

Они видели, как проклятый тюрк погнал оставшихся верблюдов в пустыню и вскоре скрылся за ближайшим холмом...

Далеко за пределами своих кочевий были известны имена тюркских батыров, лихих удальцов... Таких, как Утембек, Тутук, Элетмиш, Алп-Арслан, Байташ-тегин... Да мало ли!..

А мирным людям от них приходила одна только беда...

НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

Танская армия все также медленно двигалась к городу Таразу.

Главнокомандующий Гао Сяньчжи по-прежнему отчаянно скучал. Еще больше душила тоска по ночам. Было очень жарко и «куньлуньский» раб (т. е. чернокожий) равномерно обмахивал своего господина, держась за эбеновую ручку, драгоценным опахалом из хвостовых перьев королевского фазана.

Рядом с ложем — яшмовый столик. Хотанская яшма, по выражению поэтов, — это ставший кристаллами лунный свет...

На столике, распространяя восхитительный аромат, горит свеча с делениями: по этим делениям определялось время.

Гао Сяньчжи принял из рук слуги нефритовую чашу с самаркандским вином и весь отдался привычным видениям... Вспоминалась двухмиллионная столица империи Чаньань, императорские пиры, помпезные празднества, иллюминации и фейерверки... А то сгушались и таяли перед взором берега озера Тайи с плакучими ивами; изукрашенные лодки, полные придворных красавиц... Виделся дворец пышности и чистоты, ажурные беседки, затемненные вьющимися цветами...

Снились песни и танцы музыкантш из «Грушевого сада»... (школа искусств при императорском дворе). Ах, как они исполняли знаменитую «Из радуги сотканный шелк, из сверкающих перьев убор!». А изумительный балет «Трели весенней иволги», написанный музыкантом Бо Минда

из Кучи! Он смотрел его в присутствии императора, рядом с которым сидела Лепесток Сливы... Его тайная и единственная любовь... «Веер, выброшенный осенью»¹. Вернуться! Вернуться бы в тот благословенный край!

Но нет! Нет дороги назад!... Первый министр Ли Линь-фу передает новые и новые повеления императора. Все они сводятся к одному: захватить и удержать страну Давань и близлежащие земли. Этого требуют интересы Поднебесной!..

..Чжан Лао, зная о тоске начальника, решил преподнести ему сюрприз — пленную красавицу.

Но с начала этот добрый малый переговорил с ней. Умея изъясняться на местных диалектах, он объяснил пленнице, что у нее есть выбор: если она поет, танцует или играет на цитре, то может занять соответствующую должность при шатре господина. Если же ничего этого не может, то и тогда у нее остается выбор: или стать почетной наложницей самого господина, или же пойти к кому-нибудь из военачальников. Большой господин очень добр и не навязывает девушкам свою волю...

— Я умею танцевать! — закричала Дугдгонча.

— Это надо проверить, — сказал Чжан Лао. Словно императорский чиновник в школе танцев Цзя-отан, принимал гвардейский сотник экзамен у пленницы. Мушкиназ — «Нежная как мускус», увидев проблеск спасенья от бесчестия, старалась как никогда. И хотя не все у нее получалось так, как могло быть, очарованный Чжан Лао забыл на какой-то срок даже свою вечную любовь — Лепесток Сливы...

Эти экзамены продолжались и день, и два, и три, пока евнух Ван Чэнь не донес господину: «Сотник Чжан Лао наслаждается один небесными танцами...».

¹ Поэтический образ покинутой женщины.

Гао Сяньчжи потребовал показать ему искусство новой танцовщицы. Она должна была с группой других согдийских девушек исполнить местные танцы на пиру у командующего.

...Оркестр из флейты, цитры и туркестанского барабана наигрывал «Танец Чача»... Перед оркестром — пять огромных искусственных лотосов.

Белые лепестки начали раскрываться... Из их сердцевин возникли юные согдиатки, прекраснее самих лотосов...

Оркестр убыстрял темп, музыка становилась нервной. Девушки в газовых вышитых халатах с серебряными поясами, в остроконечных шапочках с золотыми колокольчиками, в красных парчовых туфельках... Плавные движения их постепенно становились порывистыми, юные тела извивались с такой горячей страстью, что присутствовавшие военачальники почувствовали себя наполовину моложе... Вот полетели в сторону халатики. Теперь танцовщицы остались в одних полупрозрачных рубашках с узкими рукавами. Под конец девушки сделали глазки зрителям, приспустили с белых плеч рубашки и под исступленную музыку исчезли за пологом...

Военачальники шумно вздыхали. Они словно поднялись на гору Янтай — место любовных встреч по древней легенде...

...Несмотря на июльскую духоту ночи, Дугдгончу знобило. Евнух заботливо укрыл ее одеялом из гусяного пуха, под голову положил валик из фарфора, чтобы не испортить прическу...

До сих пор ей удавалось сохранить свою честь. Но что будет дальше?...

* * *

Во исполнение приказа джабгу карлуки приготовились к походу. Каждый воин прихватил с собой бурдюк из выдубленной сайгачьей кожи — для воды, лук с запасной

⁸ Том XIV. В. М. Плоских

тетивой и полный колчан стрел. В переметных сумках — сушеное мясо, катышки окаменевшего творога — курт и немного соли.

* * *

Арабы стремительно двигались к Таразу. Аль-Бекка вконец обнищал после потери коня: он даже не мог вносить свою долю в общий котел.

Тогда он решился на отчаянный поступок.

Однажды, когда сам Зияд ибн Салих проезжал мимо их палатки, он остановил его:

— Дозволь обратиться к тебе, о меч Ислама!

— Спрашивай! — Зияд придержал коня.

— Хочу обратиться к тебе не как простой воин к своему предводителю, а как человек к человеку.

— Спрашивай! — повторил Зияд, насторожившись.

— Твой отец — Адам. И мой отец — Адам. Твоя мать — Ева, и моя мать — Ева. Верно ли я говорю?

— Верно.

— Значит, мы с тобой — братья. Но у тебя столько добра, а у меня нет. Почему бы тебе не поделиться со мной по-братски?

— Только-то? — С облегчением сказал главнокомандующий.

Он порылся в поясе и подал на раскрытой ладони мелкую монетку — один данг, шестую часть дирхема.

— Вот тебе деньги.

— И это называется справедливая дележка? — воскликнул Аль-Бакка.

Толпа, собравшаяся вокруг, молча глазела.

— Тсс! Не кричи так громко, — прошептал Зияд. — Видишь, сколько братьев стоит? Не дай бог услышат, так тебе и этого не достанется.

И Зияд ибн Салих тронул коня.

...Весь день после этого друзья-приятели потешались над неудачником-просителем.

Однако к вечеру главнокомандующий прислал своему воину трофейную лошадь.

БИТВА

Наконец-то!.. Армии двух мировых империй встретились на берегах реки Талас. Их разделяла неширокая быстро-текущая вода. Даже сейчас, в середине лета, она была ледяной, ибо питалась ледниками с вершин Небесных гор — Тянь-Шаня.

Зияд ибн Салих построил свою армию в традиционном порядке — в четыре боевые линии.

Первая линия символически называлась «Утро псового лая». Она состояла из рассыпного строя всадников — самых отпетых головорезов, которым и жизнь, и смерть — наплевать. Конечно же, десятка сарханга Хакима была тут (теперь их осталось девять человек; но мы для краткости будем называть их по-прежнему).

Кони нетерпеливо пританцовывали, грызли удила — они ведь тоже чувствуют и понимают: настал тот самый час.

И этот час объединил всю десятку: теперь не было Лакала, Массаса, Мухалкима и прочих обжор. Только воины. Вооруженные арбалетами, опытные, беспощадные, бестрепетные, с крепко сжатыми губами и прищуренным взглядом — сама решительность и бесповоротность.

Юный Хашим, вознося значок на копье, сдерживая приплясывавшего коня и сам весь рвался туда, за реку: там бесконечной ровной линией сверкали щиты и броня, солнечные зайчики отскакивали от шлемов.

— Скоро, отец?

Хахим-сарханг не ответил. Зато Даххак оскалил белые зубы:

— Нашему «Крошителю» не терпится сделать из танов тюрю...

Вторая линия войск называлась «День помощи». Тут стояли хорасанские полки, они должны были вступить в битву, если первая линия не добьется успеха.

Третью линию составляли бойцы из Мазандерана и конные полки бедуинов. Отборные войска. Их задача — остановить прорвавшегося врага и дать время обойти его с флангов последней, четвертой линии, для окончательного удара. Третья линия называлась «Вечер потрясения»; четвертую неофициально прозвали «Аллах поможет».

Это был последний резерв. Составляли его три конных полка ветеранов и верблюжий полк на одnogорбых верблюдах из Южной Аравии, так называемых Махари. В скорости они не уступали лучшим скакунам.

Мы забыли упомянуть, что в первой линии стоял небольшой тюркский отряд. Это карлукский джабгу прислал арабам дружину алпов-богатырей во главе со своим братом — в помощь и для укрепления доверия.

«Десятка» оказалась неподалеку от них. Аль-Бакка только разок взглянул на коня одного тюрка и уже не смог глядеть ни на что другое. Глаза его загорелись красным пламенем, челюсть отвисла. Он глотнул слюну, дернул кадыком и громко позвал:

— Тальк! Тальк!

Конь под тюрком насторожил уши, повернул голову. Ноздри его затрепетали. И сам он весь затрепетал, стал нервно переступать копытами. Не понимая, в чем дело, тюрк ласково погладил коня по выгнутой шее, приговаривая:

— Хоп! Хоп!

— Тальк! Мой Тальк! — закричал Аль-Бакка. — Правовверные! Я нашел бессовестного вора! Ах ты, проклятый!

И Аль-Бакка, пылая справедливым гневом, стремительно продвинулся к тюрку и схватил Талька под уздцы; тот радостно заржал.

Тюрк, не долго думая, огрел араба плетью. Тогда весь десяток Хакима-сарханга кинулся на помощь. Тюрка пытались стащить с седла; он яростно отбивался и кричал своим:

— Кокуй! На помощь, степные барсы!

Началась свалка; мелькали плети, растопыренные пятерни и кулаки. В дальних рядах тюрков и арабов слышались тревожные возгласы:

— Что происходит?

— Или уже напали таны? Табгачи?

— Нет, это поймали шпионов...

И уже пронеслось зловещее слово «Измена!». Люди вытягивали шеи, приподнимались в седлах... На танский берег никто больше не смотрел.

Вполне возможно, начавшийся скандал закончился бы побоищем — на радость китайцам.

Но уже мчались к месту происшествия тюркский предводитель Утембек, а также арабские сотники, тысячники... И сам начальник линии «Утро псового лая» ибн Саббах спешил сюда.

Скоро самых ярких драчунов разняли, роптавшую толпу разогнали по рядам, а зачинщиков потащили на дознание к самому главнокомандующему Зияду ибн Салику.

С ними поскакал и Утембек.

Арабы успокоились. Тюркская же дружина волновалась. Воинственные кочевники сжимали оружие, злобно поглядывали на соседей.

Но вот показался их предводитель. Тюрки вздохнули с облегчением: рядом с Утембеком скакал — правда, уже на другом коне, — их товарищ Туранташ, на которого столь беспричинно напал этот араб...

Все снова стали в строй. И вскоре по рядам пронеслась весть: конь-то под Туранташем был краденый! Это все бы ничего, но араб опознал свою собственность, а за ограбление арабов-союзников джабгу снимет головы с виновных.

Более того: скоро стало известно, что этого коня Туранташу проиграл в кости сам Утембек...

Утембек в это время говорил пострадавшему:

— Клянусь Вечным Небом, проклятый «черный» тюркеш ответит за это подлое дело! Он угнал коней у арабов и нарочно подарил моему царственному брату, чтобы посеять между нами вражду! А меня — привести к позору и гибели!

— Да, такое не прощается... Он должен заплатить за бесчестье своей кровью...

На правом берегу Таласа выстроилась танская армия.

В центре стояли героические юноши из патриотически настроенных семейств в золотых доспехах и отборная пехота в доспехах из шкур диких буйволов, на которых нестерпимо блестели начищенные железные пластинки...

Слева и справа протянулись полки из горных и предгорных областей в чешуйчатых доспехах... Далее — полки из северных провинций в кольчугах, совсем недавно введенных в употребление... у пехотинцев были длинные все воины — в сапогах и штанах «варварского образца», т. е. перенятого у тюрков.

Пешие стрелки были вооружены длинными луками из тутового дерева; другие — маленькими арбалетами... Был отдельный полк маньчжурского племени шивэй, с изящными роговыми луками.

На флангах уступами расположилась конница. У всадников были огромные раскрашенные луки, усиленные накладками из рога и сухожилиями; их когда-то китайцы переняли у северных кочевников. Теперь же это дальнобойное оружие изготовлялось мастерами в хэбэе и Северном Шанси.

У каждого стрелка-пехотинца и конника висел колчан, сплетенный из белой лозы кудзу, покрытый черным или красным лаком.

В колчанах — полно длинных бамбуковых стрел. Бамбук для них доставлялся из чаш Цаянси и Хунани к югу от Длинной реки (Ян-цзы).

У арбалетчиков дротики были короткими и оперялись кожей.

Вся линия танских войск героически сверкала и сияла, и метала тысячи зайчиков под июльским солнцем, «так что озаряло небо и землю», как выразился китайский летописец.

В довершение этого великолепия над войсками колыхались пурпурные знамена-драконы...

* * *

Тем временем карлукский правитель стягивал дружины подвластных ему племен в глубоком тылу у китайцев.

Разведка, высланная по всем направлениям танским полководцем, ничего не доносила. На всякий случай предусмотрительный Гао Сяньчжи оставил для прикрытия тыла большой отряд пехоты и несколько кавалерийских частей. Вместе с лагерной охраной и обозными слугами это составляло значительные силы.

* * *

Весь день простояли арабы вдоль берега реки. Солнце жгло неимоверно. Даже этим детям южных пустынь становилось нелегко. Пот стекал по смуглым лицам, зудились мокрые спины под нагретыми доспехами.

В полдень, по призыву муедзинов войско сотворило намаз. Главный поставщик воды имам Йакуб аль-Хариси, обладавший трубным голосом напомнил воинам ислама о райском блаженстве, ожидавшем павших в предстоящем бою.

После полудня по рядам пронесли холодную воду. Изнемогавшие бойцы подкрепились. Но многие отдали свою порцию верному другу — коню.

Танским войскам было не легче, хотя солнце было им в спину, а не в лицо. Среди них находилось много северян, которым среднеазиатская июльская жара казалась просто невыносимой. Вид текущей холодной воды, которой нельзя освежиться, приводил их в неистовство.

В полдень было дано разрешение перекусить стоя. Солдаты заморили червячка тем, что нашлось в походных сумках.

Так простояли до вечера.

В сумерки оба полководца отвели свои армии на исходные рубежи, оставив усиленные боевые охранения.

Собственно, опасаться было нечего: ночной переход через реку и последующая атака практически невозможны. И ночные сражения таких масс войск невозможны тем более.

На второй день повторилось то же самое: войска простояли друг против друга, разделенные лентой реки.

Лишь ночь принесла кратковременный отдых.

На рассвете третьего дня войска опять заняли боевые позиции. Стояли до заката. И у той и у другой стороны возросла злоба на противника вместе с пренебрежением к нему...

К ночи чуть подул ветерок и воины впервые по-настоящему отдохнули.

* * *

Карлукские вожди закончили сбор дружин. Огромная масса конных войск, словно вода, сдерживаемая временной плотиной, скопилась в глубоком тылу танской армии, готовая обрушиться на врага неудержимой лавиной.

* * *

Четвертый день прошел по точно такому же расписанию — к нему уже начали привыкать.

На танской стороне произошел небольшой инцидент: прибыла дружина кочевых воинов-тюрков. Как союзники. Возглавлял их Байташ-тегин из «черных» тюргешей.

В тот же день джабгу карлуков отдал своим воинам приказ...

А разведка между тем ничего не доносила главнокомандующему Гао Сяньчжи...

БИТВА (продолжение)

Гао Сяньчжи сидел в своем шатре, играл в ГО с военачальником Ли Сяном. Пятый день «противостояния». Все шло, как он и предполагал: арабы не осмелятся напасть. Отряд танских войск, осаждавших в Таразе арабского полководца Сайда ибн Хумейда, скоро возьмет этот город — самый крайний на востоке опорный пункт пришельцев с Запада. Поэтому Гао был так спокоен.

И тут ему доложили:

— Замечены крупные скопления жунов (тюрков) в 60 ли (20 км) к востоку.

Гао отдал соответствующий приказ тыловому заслону и продолжал играть. Пятый день шел, в общем-то, как и предполагалось. Через два часа в шатер вошли начальники охраны Чжан Лао, начальник разведки и с ними — воин, забрызганный кровью.

— Жуны напали на войско Ли Сяна! Их больше, чем воды в Хуанхэ!

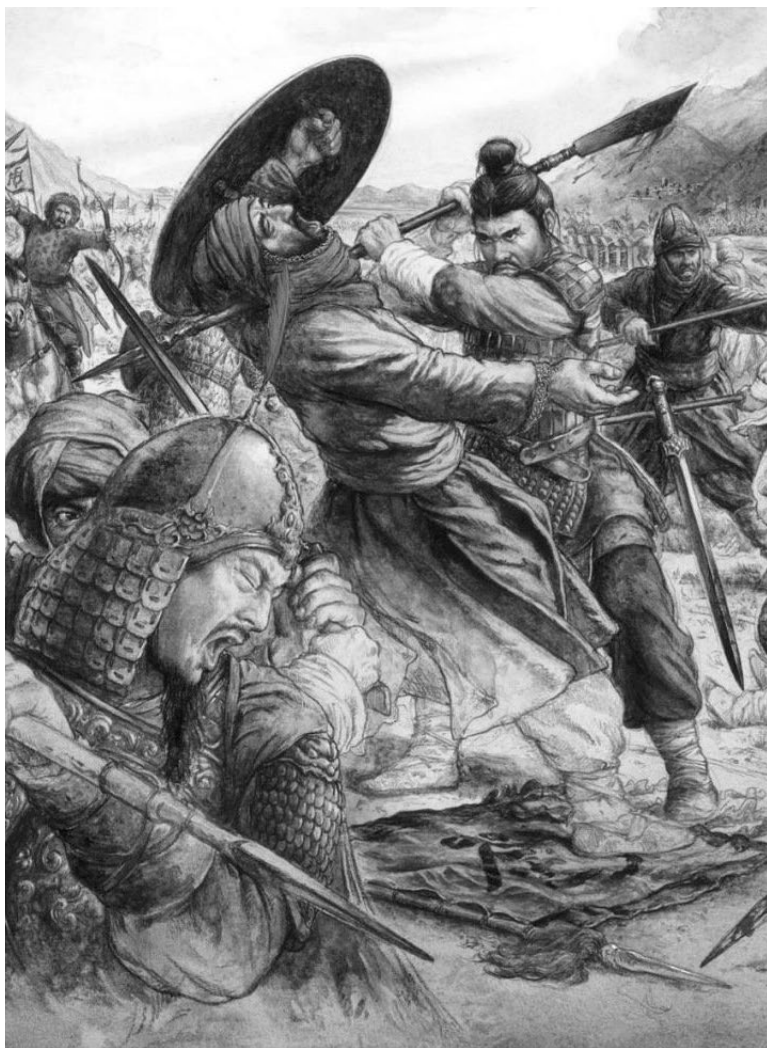
Игравший в ГО начальник Ли Сян вскочил как ужаленный.

Гао Сяньчжи отодвинул игральную доску и встал.

Корпус Ли Сяна был тем самым заслоном в тылу армии — на всякий случай...

Главнокомандующий подробно расспросил израненного разведчика: много ли жунов? Какие у них знамена?

Разведчик отвечал: много! И знамена — самые разные: с конскими хвостами, с волчьей головой.

**Зияд ибн Салих наблюдал с возвышения
за переправой своих воинов. На его глазах
многие падали в холодные воды Таласа**

— А не было ли у них красного полотнища?

— Было! — чуть слышно прошептал разведчик; он совсем ослабел от ран.

Гао сказал тогда:

— Значит, на нас идет сам правитель жунов. Готовьтесь. Это — уже серьезно.

Он велел подать себе доспехи, покрытые золотым лаком (подарок императора): это были те самые доспехи, которые много лет назад прислали императору Тайцзуну из корейского государства Пэкче.

Взял он и поданный слугою меч, который мог резать яшму: его выковали мастера из Кунъю, а кузнечные меха раздували девушка и девственный юноша — вследствие этого он считался неодолимым.

Эфес и ножны меча были сплошь усеяны драгоценными камнями, а рукоять покрывала акуля кожа.

Взял полководец также короткий нож; такое оружие изготовлялось для танского двора в Восточной Сычуани, близ горных ущелий...

Он сел на коня и в сопровождении свиты поднялся на возвышенное место.

Арабские войска стояли на том берегу в привычном спокойствии. В тылу пока еще ничего не было видно, однако Гао знал: в эту минуту его аррьергард — заслон погибает под ударами тюркских стрел, копий и мечей.

И он решился на крайнее средство: отдал приказ снять часть войск с боевой линии и повернуть навстречу новому врагу. Тяжелая латная конница с флангов двинулась в тыл.

Арабы как будто ничего не заметили, по-прежнему стояли неподвижно.

Гао Сяньжи сам возглавил контрудар.

* * *

Армия кочевников шла всеокрушающей лавиной. Гао видел, как мгновенно были смяты передние ряды его

войск, как побежали назад в панике пехотинцы из обоза... Страшные всадники догоняли их и поднимали на копыях...

Он видел конские хвосты на поднятых древках. И оскаленные волчьи пасти. А в центре атакующего тюркского клина гордо реяло красное полотнище чигилей... Там — сам джабгу шел в атаку...

Страшную картину представляет собою атака конного войска!... Как будто исполинский беркут расправил два своих могучих крыла: он — правое и сол — левое.

И все-таки Гао Сяньчжи, предвидевший такой вариант, успел вовремя повернуть свои части навстречу степной силе. И случилось почти невозможное: эти части сумели остановить лавину. Бой шел жестокий, ужасный, но опытный глаз полководца видел!... Удар кочевников теряет силу инерции. Вот-вот — и они выдохнутся.

И тут с фронта ударили арабы.

...Зияд ибн Салих наблюдал с возвышения за переправой своих воинов. На его глазах многие падали в холодные воды Таласа, пронзенные стрелами. Кони с задранными копытами, спины, бурнусы, шлемы... Из-за них воды не было видно.

— Все они пойдут в рай, — вслух произнес Зияд ибн Салих, видимо, отвечая на собственные мысли.

* * *

Гао Сяньчжи, этот изнеженный аристократ, вечно пребывавший в ностальгии, сын корейского эмигранта, превратился в яростного воина. Когда ударили арабы, он собственноручно сразил начальника линии «Утро псового лая» ибн Саббаха, раскроив ему череп своим наговорным мечом. От его руки пал Туранташ, знаменитый степной богатырь, тот самый, в чьем коне аль-Бакка признал своего Талька...

Он сражался так, как будто хотел во что бы то ни стало пасть в бою... Он уже был дважды ранен, когда

конвой во главе с Чжаном Лао оттеснил врагов. Чжан кричал, задыхаясь:

— Господин! Вверх! Вверх по течению!

Но Гао видел: пробиться к своим погибающим войскам и сложить голову вместе с ними уже невозможно. Арабы плотной стеной перекрыли проход.

И в этот миг неожиданно пришла помощь.

Клин всадников в тюркском боевом наряде вырвался откуда-то сбоку и ударил в арабскую стену. Тяжелая латная кавалерия шла через полк бедуинов как нож. В первом всаднике — предводителе Гао Сяньчжи узнал того, кто привел ему отряд жунов не далее как вчера. У него странное для цивилизованного слуха имя: Бай-таш Тегин... Но как он дерется! Вот повалился с коня всадник в белом бурнусе, вот второй... Удивительный воин!...

— Господин! Господин! Нужно торопиться! — кричал Чжан Лао.

...Они соединились с войсками. Тысячи солдат Поднебесной, загнанные в теснину, устремились вверх по течению реки.

Страшная давка стала причиной гибели многих. Люди с побелевшими вытаращенными глазами лезли друг на друга и давили, давили, давили — своих...

Личная охрана полководца в шлемах, похожих на крошечные одноэтажные пагоды, в куртках с нашитыми металлическими пластинками, вклинились в это обезумевшее скопище...

Засверкали широкие мечи: пришлось прорубать коридор среди живых людей... И конвой во главе с Чжаном Лао делал это с мрачными лицами. Пронзительные вопли, стоны разрывали душу. Сыпались страшные проклятья. Но конвой с бородами пота и слез на запыленных лицах продолжал кровавую жатву: гвардейцы работали как дровосеки. Только вместо деревьев валились свои, единокровные, умоляющие, плачущие...

А внутри этого железного клина шел, весь израненный Гао Сяньчжи с непокрытой головой — в бою он потерял шлем...

* * *

«Десятка» сарханга Хакима оказалась в самой гуще боя. На этот раз удача сопутствовала им. Благополучно переправились через реку и, немного замешкавшись, вступили в сражение, когда таны уже дрогнули.

Они видели, как раззолоченный танский военачальник сразил их вождя ибн Саббаха... Потом таны побежали...

...Десятка ворвалась в лагерь врага. Сколько тут было покинутого имущества! Кругом носились воины: турки и правоверные — с разгоряченными лицами. У палаток и опрокинутых котлов стояли на коленях таны — слуги, безоружные, склонив в знак покорности головы... Тоже добыча...

У громадного шатра танского эмира завязалась жестокая сеча. Пыль, горячие испарения, собственный пот и азарт боя застлали сражающимся глаза. Но аль-Бакка заметил женщину, метавшуюся между опрокинутыми повозками. Потом она залезла между колес экипажа и затихла.

— Эй, Даххак, за мной!...

Они вытащили женщину... Шум битвы отодвинулся в сторону: остальные грабили роскошный шатер. Женщину всю трясло, как в лихорадке.

— Анахита! Анахита! — кричала она.

— Ты — Анахита, а я — аль-Бакка, — говорил аль-Бакка.

— О глупец! — сказал Даххак. — Это ведь не ее имя. Так призывают они свою ложную богиню в помощь. Что за народ! Даже не знают, что кроме Аллаха, нет бога, тем более богинь...

— Эй, посмотри! — сказал аль-Бакка. — Мы, кажется, наши то, что недавно потеряли.

— Клянусь Иремом, это она! Та, что это находка! Сам Аллах вторично посылает нам эту прекрасную розу!

— Анахита! — кричала девушка; изловчившись, она укусила Даххака за руку.

— А роза-то с шипами, — сказал Даххак. — Брат мой! Я думаю, не будем больше мешать славным воинам ислама побеждать. Возьмем-ка эту девицу и повернем коней к нашему котлу. Где теперь найдешь на этом базаре наших братьев и сарханга Хакима?

— Я тоже так думаю, — живо откликнулся аль-Бакка.

ПОСЛЕ БИТВЫ

Чжан Лао, легкораненый, попал в плен. Виновным оказался метко брошенный аркан. И вот гвардейца волокут, словно тушу убитого зверя по кочкам, по колючим зарослям степной травы. Ударившись головой о камень, он потерял сознание. Хутлуз, пленивший китайского командира, променял его, полуживого, на торбу овса и горшок пшеницы какому-то арабу. Так Чжан Лао попал в руки полководца Зияда ибн Салиха.

* * *

Полное и сокрушительное поражение танской армии стало фактом. Остатки ее отступали вверх по руслу Таласа, преследуемые врагами, пока ночь не скрыла беглецов.

Карлукские алпы грабили брошенный лагерь. С ними была и часть арабов. Другая же часть уже поздней ночью прекратила преследование.

Наутро у победителей состоялся день заслуженного отдыха. Все войско находилось в праздничном настроении.

Совершили утренний намаз. Главный мулла имам Йакуб аль-Хариси произнес торжественную проповедь.

Затем повсюду задымились костры, заблеяли бараны, предназначенные для котлов. Вкусно запахло мясной похлебкой и пшеничной кашей.

«Десятка» сарханга Хакима собралась у своего котла. (Теперь уже не десятка, а семерка — Маддад — «Текущий» и Мухалким-нанал погибли).

С ними была и пленница побратимов. Она сидела в сторонке, сжавшись под своим легким покрывалом в комочек.

Вершили суд над преступницей. Массас сказал:

— Знаешь ли ты, дочь обмана, из-за тебя погиб брат наш Латта и мы его, бедного, закопали в землю? А второй наш брат Лакам несколько дней не мог есть в полную силу из-за раны в груди?

Муссавиг добавил:

— Убить надо эту дочь Иблиса.

— Правильное решение, о судьи! — поддержал Лакам. Вмешался Даххак:

— Так нельзя. Она — женщина. А кто убьет женщину, недостоин называться мужчиной.

Аль-Бакка поддержал побратима:

— И не забывайте: это — наше имущество. Мы ее взяли в бою.

— Она — не просто пленница, она — причина беды, — возразил сарханг.

— Я против ее смерти! — крикнул юный Хашим. — Я самый молодой из вас. Я всегда молчу. Дайте же теперь высказать то, что источает сердце.

— Говори! — разрешили все.

Юный Хаким начал очень взволнованно:

— Эта девушка боролась за свою судьбу всеми доступными ей средствами. Она спасала свою жизнь и свободу. Она достойна уважения. Разве любой из нас поступил бы иначе? А мы... Мы сами виноваты, ибо сказано: «Жадность — причина гибели многих». Мы поверили ей — от жадности. Погнались за рубином — от жадности. И встретили смерть — от жадности... А самая главная причина — то, что мы оказались беззащитными перед одним-единственным тюрком... Потому что по беспечности, хвастовству и опять-таки от жадности оставили свои луки в лагере, побившись об заклад с десяткой сарханга Яхья ибн Ахмеда... Разве вы забыли? На сто серебряных дирхемов и мешок пшеницы мы поспорили, что сумеем обойтись без луков и стрел в дальней разведке... И сто

дирхемов мы не выиграли, и Латту потеряли... Если бы о таком деле узнал Зияд ибн Салих, он казнил бы нас всех и сейчас некому бы было судить эту девушку...

Все молчали. В словах Хашима была правда, а его последнее утверждение повергло «десятку» в уныние. Наконец, сарханг произнес:

— Не станем судить. Будем считать эту девушку простой пленницей.

— Нашей пленницей! — живо подхватили два побратима.

Девушка молча ждала своей участи: она не понимала по-арабски.

Как только спор разрешился, побратимы тотчас отвели ее в сторону и усадили под тутовым деревом.

— Я, пожалуй, женюсь на ней, — сказал Даххак.

— А моя доля? — воскликнул Аль-Бакка.

— Я дам тебе двадцать серебряных дирхемов...

Массас сказал:

— Она стоит целого каравана. А полкаравана ты за всю жизнь не соберешь...

— Не можем же мы жениться на ней оба! — закричал Даххак.

— Я жениться не собираюсь. Ибо женитьба — это колодец глубокий. Да оставит надежду на спасение всяк упавший в него.

— Неужто нельзя оттуда выбраться? — заинтересовался Даххак.

— Можно бы, если бы не заваливали колодец каменными глыбами...

— Что еще за глыбы?

— Дети. А кроме того, вспомни, что сказал поэт:

«Во истину жены — исчадия ада,

Не надо нам ада, И жен нам не надо».

Дугдгонча, молча слушавшая спор, вдруг сказала по-согдийски:

— Я умею танцевать... Пожалейте мою юность...

— Э, девушка, ты опять лжешь...

Дугдгонча вскочила, выгнула стан, взметнула нежные руки, словно два крыла и пошла по кругу...

Ангелы, смотревшие с неба, наверное испытали дрожь в сердцах: это юное создание пыталось спастись от насилия таким наивным способом...

Побратимы залюбовались, захлопали в такт в ладоши:

— Верно сказала!

— Хорошо!

А девушка все танцевала и танцевала древние согдийские танцы... Лирический сменился весенним радостным, а тот — печальным «Танцем слез»...

Собралась целая толпа. Кто-то притащил свирель, бубен... Под музыку стало совсем хорошо!... Все вскрикивали поощрительно.

Даххак от чрезвычайного волнения разорвал на себе рубаху и крикнул побратиму:

— Рви же и ты свою!

— И не подумаю! — возразил Аль-Бакка. — Она у меня одна.

— Рви! Я завтра дам тебе другую.

— Тогда я завтра ее порву.

— Горе тебе, глупец! Какой же будет в этом смысл завтра?

— А какой будет смысл, если я разорву ее сегодня, а завтра ты свою рубашку отдать мне передумаешь?

Никто и не заметил, как сзади подошел имам Йакуб аль-Хариш, главный «наставник веры». Он стоял и смотрел до тех пор, пока Дугдгонча в изнеможении прислонилась к тутовнику.

Имам аль-Хариш вступил в круг и сказал:

— Пожалуй, я возьму эту девушку себе.

Аль-Бакка промолчал. Но Даххак живо ответил:

— Почтеннейший! Девушка принадлежит тому, кто добыл ее в сражении. А это сделали мы, свидетелей у нас множество.

— Не спорь! — строго ответил имам, — ты должен радоваться, о воин, что из всей добычи я выбрал то, что у вас в руках! Аллах прольет на вас неисчислимые милости!

— Аллах уже пролил на нас свои милости, а ты эти милости хочешь отобрать...

Аль-Харши начал раздражаться.

— С кем споришь ты, неразумный? Разве не знаешь, кто я?

— Будь ты даже сам халиф, и тогда не уступлю того, что принадлежит мне по праву! — отвечал Даххак.

Вспыльчивый аль-Хариш не смог дольше стерпеть.

— Зиндик! (еретик), — пронзительно закричал он. — Деревенщина! Я — сейид! Потомок Мухаммеда! И мне по закону принадлежит десятая часть всей добычи!

— А петуха не хочешь? — злобно отвечал Даххак. Аль-Хариш поднял посох и ударил непокорного по хребту.

Даххак вцепился ему в бороду — холеную, пропитанную мускусом и розовой водой.

Они схватились не на шутку, награждая друг друга яростными тумаками.

— О Мухаммед! — причитал имам.

— О Адам! — вторил Даххак.

Драка была в самом разгаре, когда противники вдруг почувствовали, что их растаскивают в разные стороны.

Через мгновение руки у них были загнуты за спины, а в уши ударил грозный голос главнокомандующего:

— О, нечестивцы! Как осмелились вы осквернить не пристойною дракою великий День Победы?

Тут Зияд ибн Салих узнал имама, глаза его радостно заблестали, он воскликнул с притворным смущением:

— Что я вижу? Святой имам! Или мои глаза лгут?

Имам с достоинством стряхнул с себя руки стражников, хотел что-то сказать. Передумал. И молча пустился крупными шагами прочь.

— Из-за чего произошла драка! — обратился командующий к Даххаку.

Тот изложил причину, взывая к свидетельству присутствующих.

Зияд втайне был очень доволен, что имам так опозорился.

— А где девушка? — спросил он.

Из-за спины вытолкнули Дугдганчу. Зияд долго смотрел на ее прекрасное лицо, видимо, пораженный. Он сказал Даххаку:

— Чтобы не было больше спора, назови цену этой девушки и я куплю ее.

— Мы с названным братом оцениваем ее в пятьсот полновесных золотых динаров, — отвечал Даххак.

Зияд пробежал глазами по толпе: аль-Бакка прятался за спиной.

— А где твой названный брат? А-а... Ну, выходи... Кому же из вас принадлежит решающее слово? Кто из вас старше?

Даххак поспешно ответил:

— Аль-Бакка пока что старше меня на год. Но через год мы с ним сравняемся, о меч Веры!

— Я вижу, вы оба — шутники...

Зияд хлопнул в ладоши. Тотчас личный казначей командующего вышел вперед и отсчитал в полу Даххака означенную сумму. Золотые динары тускло отсвечивали желтым, стоявшие рядом завистливо вздыхали.

Итак, инцидент был исчерпан — к полному удовольствию всех присутствующих, не считая аль-Хариси, который ушел, и Дундгончи, мнения которой никто не спрашивал. На прощание Зияд полюбопытствовал:

— Скажи, воин, почему ты во время драки восклицал: «О, Адам!».

Даххак объяснил:

— Каждый из нас призывал в помощь своего предка. То, что его предок сам пророк, пусть этот чванливый имам еще докажет! А в том, что я происхожу от более древнего предка, не усомнится никто!

ПОСЛЕ БИТВЫ (продолжение)

На поле боя нашли и тело Байташ-тегина. Он лежал, окруженный поверженными трупами врагов.

Арабы собрали только своих убитых. На второй день, в сумерках, несколько воинов-тюрков подняли тело знаменитого степного рыцаря и увезли с собой. Опальный принц Алп-Арслан Байташ-тегин не сгнил под палящим солнцем как падаль, его труп не растащили дикие звери.

Он был торжественно, по древнему обычаю, похоронен и оплакан друзьями и родственниками.

Благо человеку, даже мертвому, у которого есть родственники и друзья...

* * *

Бывшая десятка, а теперь «Семерка» сарханга Хакима благодумствовала. Еще бы! Побратимы получили 500 динаров за пленницу: по сто динаров себе, остальные — братьям по котлу. Таков обычай.

Сарханг Хахим нежился у палатки, предвкушая ужин. Торопившийся мимо сарханг Яхъя ибн Ахмед — тот самый, у которого они не выиграли сто жалких дирхемов заклада, — остановился и сказал с ядовитым самодовольством:

— Что ты сидишь? Сейчас у палатки святого имама каждому слабоумному дают по десять дирхемов.

— А ты свои уже получил? — осведомился Хахим, не двигаясь. Он ощущал в поясе приятную тяжесть от шестидесяти полновесных золотых динаров, полученных

от побратимов как свою долю за Дунгдгончу и поэтому говорил так смело.

* * *

Пленный Чжан Лао в роскошной (хотя изрядно помятой) амуниции гвардейца привлек, естественно, внимание арабов. Его привели к самому главнокомандующему.

После короткого допроса Зияд ибн Салих сказал:

— Из-за тебя мы потеряли возможность захватить эмира ваших войск. За это я приговариваю тебя к смерти.

Чжан Лао сказал:

— Мне хочется пить. Дайте сначала воды, а потом казните.

Переводчик бойко перевел.

— Дайте ему воды, — распорядился Зияд ибн Салих. Принесли полную чашу. Чжан Лао взял ее дрожащей рукой, но пить не стал.

— Что же ты не пьешь? — нетерпеливо спросил Зияд.

— Я боюсь, что меня казнят раньше, чем я успею напиться.

Перевели.

Зияд снисходительно ответил:

— Клянусь Аллахом, тебя не казнят, пока ты не выпьешь эту воду.

В тот же миг Чжан Лао бросил чашу оземь.

— Казнить его! — крикнул Зияд.

Ты обещал не делать этого, — кричал Чжан Лао. — Ты клялся своим богом!

— Пока не выпьешь воды! — отвечал Зияд.

— Но я не выпил ее!

— Да поразит тебя Аллах! — сказал Зияд ибн Салих. — Я помиловал тебя, сам того не ведая! Эй! Отведите его к остальным пленным.

На торжественный пир по случаю победы аль-Хаким вошел и сел рядом с Зиядом ибн Салихом. Тот недовольно покосился. Полководец и главный мулла недолюбливали друг друга.

Зияд был одет в шелковый трофейный халат; тюрбан на его голове венчало павлинье перо, закрепленное алмазной заколкой, тоже трофейной.

Халат же имама был ношенный — переносенный. От частой стирки черный цвет его стал каким-то серым.

Полководец обратился к гостю вежливо и почтительно:

— О, наставник веры! Разве мои воины не подарили тебе превосходную одежду, достойную твоего имени? Если нет, я сейчас же прикажу...

Имам насторожился. В словах Зияда он почувствовал подвох: оба они частенько вступали в ядовитую перепалку — под покровом вежливости.

— Подарили. Что из того?

— Почему же ты пришел на пир в этом одеянии?

Имам насупился. Подумав, ответил:

— Я ношу такое одеяние, которое может служить мне верно, а не такое, которому я сам должен служить.

— Прекрасный ответ! — воскликнул Зияд. — Бережливость похвальна, а расточительство осуждено пророком, да благословит его Аллах и да приветствует! Но, говорят, эта чалма из тонкой и дорогой материи, которая украшает твою благородную голову, куплена тобою за большие деньги?

Чалма имама выглядела действительно великолепно.

— За пятьсот дирхемов, — подтвердил имам. — Ибо твои воины забыли подарить мне чалму.

— Пятьсот серебряных дирхемов, — притворно ахнул Зияд. — Не расточительство ли это? Тратить такие деньги на чалму?

Присутствовавшие военачальники тайно ухмылялись в бороды и усы: как-то вывернется теперь святой имам! Но святой имам не вчера родился.

— Ответь мне, о доблестный и победоносный предводитель войск, правда ли то, что я слышал?

— А что ты слышал?

— Будто бы ты купил красавицу-танцовщицу? Для своего гарема?

— Правда, — отвечал Зияд. — Она действительно прекрасна.

— И будто бы ты за нее отдал пятьсот полновесных золотых динаров?

— И это правда. Клянусь райскими садами, она достойна такой цены.

— Призываю всех в свидетели! Что же получается? Я купил потребное для головы — то есть благороднейшей части человеческого тела — и отдал пятьсот дирхемов. А ты, Зияд ибн Салих, заплатил за наложницу, то есть потребное для самого презренного из человеческих органов в сорок раз больше! Кто же из нас расточитель?

Зияд заморгал глазами, налился кровью и не нашелся, что ответить. Военачальники молчали, опустив глаза. Чтобы как-то разрядить неловкость, обжора-толстяк Сайд ибн Хунейд примирительным тоном прочел начало стиха из Корана:

— «Блаженны подавляющие свой гнев...»

А другой подхватил:

— «Господь наш, ниспошли...»

Тут Зияд несколько очнулся и, чтобы не оказаться во все смешным, закончил третьим стихом:

— «Ешьте и пейте: «Что с вами, что не едите вы?» Имам опустил пальцы в горку риса и с таким достоинством набил себе рот, будто это он победил китайцев-танов...

В это время в шатер вполз евнух с видом побитой собаки. Сердце екнуло в груди полководца: случилось какая-то беда.

— Говори!

— Пусть господин прикажет отрубить своему рабу голову...

— Говори!

— Не углядел... Прекрасная пленница...

— Скажешь ты или нет? — вышел из себя Зияд и отпустил слуге затрецину.

— Она вылила на себя кипятком...

— И обварилась? — закричал Зияд.

— Все тело в волдырях... Я уже положил целебные мази... Зияд несколько успокоился.

— А лицо?

— И лицо испортила... Брызги на щеки попали...

— Как же это? Споткнулась она, что ли?

— Нет, господин. Умышленно.

— Умышленно? — Зияд не поверил ушам. — Что ты такое говоришь? Кто же будет ошпаривать себя кипятком умышленно?

— Я сам видел, — бубнил слуга. — Взяла и опрокинула медный кумган с кипятком... И даже не закричала... Только слезы текли... От боли, наверное...

— Конечно, от боли, дурень ты этакий? — Ругался Зияд. — Кто же довел ее до такого состояния! Ох, у кого-то подпрыгивает голова на плечах!

Евнух только шмыгал носом, глядел преданными собачьими глазами...

* * *

Полководец произвел дознание. И выяснил нечто такое, от чего упал в долгую задумчивость.

— Небывалая женщина... — бормотал он. Воистину я еще не встречал такой; обезобразить себя, чтобы не достаться нелюбимому!.. Клянусь своим светлым клинком, тут уж ничего не поделаешь, с такой девицей не справится и все войско правоверных... Впрочем, Аллах знает лучше.

И Зияд отправился к другой наложнице.

ЭПИЛОГ

После столь великой победы Зияд ибн Салих погрузился в гражданские дела: надо было включить в общую жизнь халифата завоеванный край.

В первую очередь — установить и собрать налоги.

Установили. Собрали. В казну хлынули широким потоком натуральные продукты сельских жителей, ремесленные изделия горожан. И — деньги, деньги, деньги... Недаром среди арабов ходила поговорка: «Диржем — это ось, вокруг которой вращается жернов мира».

...Депутация согдийских земледельцев — кедиверов настойчиво добивалась приема у самого главнокомандующего.

Старики-согдийцы в чисто выстиранных латанных халатах молча стояли у шатра в ожидании. В знак покорности на каждом был зуннар — особый унижительный пояс, который обязаны были носить все неверные, т. е. немусульмане.

Наконец, главнокомандующий вышел к ним.

— Ну, что там еще! — недовольно буркнул он в ответ на приветствие.

Вперед выступил мастер Пастун:

— О, эмир! В этом году у меня и моих односельчан уродилось зерна всего по десять харваров. А твои сборщики налогов хотят с каждого из нас взыскать как за сто харваров. Помогите!

— Послушай, глупый согдиец с бородой весом в десять манов, зачем говоришь пустое? Что же, мои сборщики десяти от ста отличить не могут?

— О, эмир! — воскликнул Пастун. — Борода моя весит один сир, а ты посчитал, что весу в ней десять манов. Если ты сам не можешь отличить одного сира от десяти манов, где уж твоим сборщикам отличить десять харваров от ста!

Зияд ибн Салих понимал и ценил юмор, но, подобно большинству людей, не любил сам попадать в смешное положение. Он расхохотался:

— О, мужественный длиннобородец! Снимаю с тебя и твоих сельчан за этот год все налоги!

Старики горячо поблагодарили щедрого эмира, начали степенно кланяться, прощаясь.

Зияд остановил их:

— Погодите. Я хочу сделать вам еще один подарок. Есть у меня пленная согдийская девушка, я выкупил ее у моих воинов за пятьсот динаров. Но она стоит вдесятеро, в сто раз больше. И не только потому, что она прекрасна как луна в месяц Рамазана. Сердце ее — самое гордое сердце в мире. Самое надежное, самое чистое. Говорю вам, почтенные, она — бесценный алмаз. И я отдаю ее с единственным условием: чтобы вы разыскали ее родителей и вернули им дочь. Может быть, Аллах зачтет мне это, когда придет день Последнего Смотра. Эй, Баргус! Приведи сюда девушку.

Через несколько мгновений, расторопный евнух ввел девушку под покрывалом.

И хотя лицо ее было скрыто, сердце мастера Пастуна дрогнуло. Он издал глухой крик и задохнулся, хватаясь за грудь. Девушка с пронзительным воплем: «Отец!» — бросилась к нему...

* * *

Барбад и Дунгдгонча наконец-то соединились в счастливом браке. На этот раз мастер Пастун не сказал ни слова против.

Свадебное торжество получилось хоть и не такое обильное яствами как прежде, зато радости и веселья было куда больше! Даже парни не хмурились: ведь они знали о давнишней взаимной любви брачующих. И от души поздравляли Барбада.

Как прекрасна была новобрачная! И даже небольшие шрамы от ожогов не портили ее в глазах односельчан и жениха. Ибо все помнили; шрамы эти — свидетельства величия духа. А что есть более ценное в человеке?..

Неизвестно, играл ли жених на собственной свадьбе, и танцевала ли Дунгдгонча, «Нежная, как мускус». Да это и не так уж важно. Впереди у них была вся жизнь с ее трудами и заботами. Но, несмотря на заботы, если двое живут в ладу, для песен и танцев всегда время найдется!..

* * *

Зияду ибн Салиху донесли:

— Слышал ли ты, о эмир, что сегодня имам аль-Хари-си обратил в мусульманство неверного? И повязал ему голову своей знаменитой чалмой?

— Того китайца? — спросил Зияд.

— Того...

— Просто эта чалма перебралась с головы одного неверного на голову другого. Вы думаете, этот тан душой и сердцем принял истинную веру?... Но пусть аль-Хариси пребывает в надежде. Нам нет необходимости разочаровывать его. Это сделает его подопечный. Когда-нибудь... В конце-концов...

* * *

Нет, не Чжан Лао принял новую веру — в мусульманство перешел совсем другой китаец.

Судьба гвардейского сотника сложилась не так уж и скверно.

Правда, ему пришлось испытать все бедствия, обычно выпадающие на долю пленных.

Как уже говорилось, их набралось почти 20 000. Тех, кто владел искусством выделки бумаги, оставили в Самарканде, а шелкоткачей отправили в Ирак.

Вот когда пригодилась гвардейцу его старая профессия!

Он трудился несколько лет в самаркандских бумажных мастерских. И так как обнаружил замечательное умение и проявил трудолюбие, то сумел в 757 г. выкупиться на волю, еще через два года приобрел домик и женился.

В 762 г. все пленные мастера были отпущены на родину. С ними вместе, забрав семью, уехал и Чжан Лао.

Китай в то время пережил ужасную братоубийственную гражданскую войну. Два крупнейших военачальника — Ань Лушань и Ши Сы-Мин подняли восстание против императора Сюань Цзуна. Войска желали обуздать засилье фаворитов. Сам император вынужден был отречься от престола. Погибла Ян Гуй Фэй — «Великая святая» и многие ее родственники. Убита была и «фаворитка Мэй» — «Лепесток Сливы». Ее тело нашли в чане со спиртом, закопанным в землю в сливовой роще на глубине всего лишь в три чи¹.

Неизвестно, как сложилась дальнейшая жизнь Чжана Лао, так же, как и судьба его командира Гао Сяньчжи.

Остается еще сказать о Зияде ибн Салихе. Будущее для него оказалось коротким. В 752 г. он поднял восстание против своего покровителя Абу Муслима и был убит. А в 755 г. Абу Муслим, наместник Хорасана и Средней Азии, был вызван во дворец халифа и коварно умерщвлен. Халиф аль-Мансур боялся возраставшего влияния бывшего раба.

И еще о судьбе одного человека хочется сказать несколько слов. Юный Хашим, сын Хакима. Единственно ему из всей арабской армии судьба уготовила великое,

¹ Чи — 32 см.

¹⁰ Том XIV. В. М. Плоских

хотя и трагическое будущее. Через двадцать с небольшим лет вся Средняя Азия будет поднята на дыбы. Начнется небывалая по своим масштабам и социальной направленности война — война против арабских завоевателей и продавшихся им местных купцов и феодалов... Война за лучшую долю для бедняков. И возглавит ее вот этот самый паренек, родом из селенья Каза, что под Мервом.

В историю он войдет под именем Муканны.

* * *

Таласская битва имела огромное значение в судьбах народов Средней Азии.

После этого сражения китайцы не ступали на территорию региона почти тысячу лет. Арабы тоже недолго удержались. И среднеазиатские народы и племена смогли самобытно развивать свою культуру в течение многих столетий, не испытывая насильственного давления других культур.

**ВО ВРЕМЕНА
КАРАХАНИДОВ**

*Историческая
повесть*

В ГОРАХ БАЛАСАГУНА

*Я к знаниям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.
Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.*

Юсуф Баласагуни

В этих горах случилось доселе неслыханное дело: юноша-бедняк, нищий сирота осмелился поднять кощунственный взор на младшую жену самого предводителя рода, властного бека-тархана Огул-барса.

Еще более неслыханным было то, что взгляд этот встретил у семнадцатилетней Бурул полное сочувствие.

Возмущенные святотатством сородичи хотели было поступить, как велит старый добрый обычай: закидать преступников камнями.

Но случилось третье неслыханное дело: пострадавший шестидесятилетний Огул-барс — запретил.

— Я сам придумаю им наказание, — сказал он,

Бек-тархан думал целую неделю. А потом взял и продал обоих заезжему купцу из далекого города Куз-Орду. Вернее, обменял на целый тюк товаров.

Боясь, чтобы почтенный хозяин не передумал, обрадованный купец, ставший владельцем двух молодых и красивых рабов, отбыл в тот же день, потирая руки.

Бек-тархан тоже потирал руки и довольно ухмылялся. Если бы он поступил по совету родичей, что бы он имел? Груды камней над телами казненных. А сейчас его юрта наполнилась всяким добром: тут были и шелковые халаты,

и хлопчатобумажная ткань «чек», и разные побрякушки для остальных жен.

Тархан был тем и знаменит, что всякое дело умел оборотить себе на пользу...

Эту историю рассказал Махмуду-страннику его проводник Тэмир, когда они преодолевали очередной перевал. Отсюда проводник должен был возвращаться назад. Однако он сказал:

— Джигита звали Сатук, он был моим лучшим другом. Возьми меня с собой, господин! Я найду в Куз-Орду того купца, заработаю денег и выкуплю друга-брата!

— Для этого придется очень много работать, — сказал Махмуд.

Проводник вытащил из-за пазухи маленький кожаный мешочек.

— Здесь деньги: больше всего медных, но есть и кумуш (серебро) и даже алтын (золото). Их собрали друзья, которые не забыли Сатука и его горестную судьбу!

Слуга Махмуда, расторопный Агуш, неизменный спутник во всех его скитаниях, ответил проводнику:

— Мой господин — участник всех благородных дел и он, конечно, возьмет тебя с собой. К тому же три человека всегда больше двух, им легче отбиться на случай нападения разбойников Озара и его людей. (Разбойник Озар был грозой здешних мест; о нем ходили страшные легенды).

Махмуд улыбался в бороду. Разумеется, присутствие сильного и, как видно, смелого юноши не помешает.

— Когда совершилось это печальное дело? — спросил он.

— За полгода до твоего приезда, ранней-ранней весной, когда только что открылись перевалы.

«За это время купец мог продать обоих несчастных сармаркандским или гератским купцам. Но нельзя отнимать надежду у благородных помыслов».

— Хорошо, — сказал он. — Когда приедем в Куз-Орду, подумаем о твоём друге. Но надо спешить!

Да, он очень спешил. Целый месяц гостил он на высокогорном пастбище у рода чарык из племени кыргызы. Хитрый Огул-барс задерживал его не без пользы для себя: ведь «эмир Махмуд» (как называл его хитрый тархан) происходил из царствующего рода Хаканидов (более известных в науке под именем Караханидов). Через авторитет такого гостя хозяин увеличивал свой собственный авторитет.

Одного только не мог понять старый и мудрый Огул-барс: почему «эмир Махмуд» вместо того, чтобы повелевать народами и предводительствовать войсками, скитается (как он слышал) вот уже который год по землям тюрков и записывает всякие слова в толстую книгу тростниковым пером — каламом. Разве это достойно его высокого происхождения?

Правда, «эмир» благовоспитан и внимательно выслушивает суждения уважаемых людей. Однако с наименьшей готовностью он ловит своим царственным ухом и грубую речь «черного» народа, восхищается сказками, песнями женщин и порой в ответ на глупую шутку какого-нибудь пастуха смеется так заразительно, словно этот нищий пастух — значительный человек, владелец косяка чистокровных жеребцов в сотню голов.

Разумеется, ничего этого вслух мудрый Огул-барс не высказал.

«Эмир Махмуд» догадывался, какие мысли бродят в голове старого родоначальника, но тоже молчал. Как бы мог он объяснить этому невежественному толстяку, что вот уже двадцатый год он бродит по самым отдаленным кочевьям, чтобы записать слова, поговорки, песни и предания, которые бытуют среди народа, и тем самым увековечить живую тюркскую речь во всей ее первозданной чистоте?

Нет, Огул-барс не понял бы, как до него не понимали многие другие. Помыслы таких людей не простираются дальше хозяйственных нужд и дел, сулящих близкую выгоду.

Теперь труд его почти закончен. Нужно спуститься в долину, пока перевалы не засыпало снегом, и там, в Баласагуне (или Куз-Орду, как говорят кочевники), найти хорошего переписчика.

КАРАВАН-САРАЙ

Была уже ночь, когда путники постучали в ворота торткуля — маленького укрепленного поселения, состоявшего из постоянного двора, загона для скота и двух десятков мазенок. В них жили так называемые биста — люди, которые предоставляли ночлег торговцам, помогали им продавать товары, кормили их, ухаживали за их скотом, за что получали одного барана из каждых двадцати, выменянных купцами на свои товары. Все они были когда-то кочевниками, а теперь обосновались здесь, сообща владели постоянным двором и составляли нечто вроде артели на равных паях. Возглавляли их староста — кокчин аксакал и его помощник — чубан, крепкий малый с мозолистыми кулаками.

Усталые путники вошли в ашхану, приветствовали находившихся там и заняли скромное место в углу. Работник подал им нарезанное кусочками мясо, сваренное с приправами, сдобренное уксусом.

Проводник Тэмир уже без опаски уселся за низенький столик рядом с «эмиром». Вначале, еще в пути, он все поражался тому, что такой большой человек ест вместе со своим слугой за одним достарханом. Высокородные беки так никогда не поступали. Тэмиру и в голову не приходило, что принцу из царствующего дома, Махмуду-тегину в его бесконечных скитаниях приходилось есть из одного казана даже с кара баш — рабами, пасшими овец на горных склонах. В той подвижнической жизни, которую вел ученый, чванству не находилось места. Да оно и не было врожденной чертой его характера. Он никогда, сколько себя помнит, не был склонен к погоне за властью или

богатством. Громкие титулы и знатное происхождение не мешали ему в достижении главной цели жизни — создании монументального труда по наречиям тюркских народов.

В помещении было полутемно, плашки с бараньим жиром тускло чадили и потрескивали.

Несколько человек, судя по одежде — пастухи с гор, неторопливо заканчивали свой запоздалый ужин. В стороне от них сидел человек в рваном халате и время от времени что-то выкрикивал.

Прислушавшись, ходжа Махмуд понял, что незнакомец читает стихи. Читал он проникновенно, с чувством и даже закрывал глаза, как бы смакуя звучание строф на фарси. Потом прочел арабскую касыду.

Ходжа Махмуд отлично владел арабским и хорошо знал фарси. Декламация незнакомца доставила ему истинное удовольствие: в услышанных бейтах он узнал божественного Дакики и бессмертного Мутанабби.

Пастухи, не разумевающие иного языка, кроме «тюрки», опасливо косились на чужестранца при его завываниях и выкриках, а в паузах перешептывались, сблизив головы.

Ходжа Махмуд уже собрался было заговорить с незнакомцем, как тот вдруг прервал сам себя и окликнул вошедшего чубана:

— Эй, харчевник! Умеешь ли ты готовить блюдо «сик-бадж»?

— Не слышал о таком, — отвечал чубан.

— А то бы я заказал! Ну, а блюдо «хариса»¹?

— Тоже нет.

— А блюдо «байдат аль-букайла»²?

— Чего не знаю, того не знаю.

¹ Хариса (араб.) — блюдо из вареной пшеницы и размятых кусков мяса.

² Байдат аль-букайла (араб.) — мясные катышки с маслом и овощами.

— Сколь широко простёрлось твое невежество, харчевник! Но хоть блюдо «курунбийя», надеюсь, ты знаешь?

— Не знаю! — сердито отвечал чубан.

— Горе тебе, о харчевник! Ничего я у тебя заказать не могу! А мой желудок не принимает здешней пищи.

Чубан пробормотал что-то невразумительное и вышел.

— Из-за невежества этого харчевника мне приходится сегодня поститься! — сказал незнакомец ему вслед. Тут подал голос ходжа Махмуд:

— Не согласится ли почтенный разделить наш скромный ужин?

— С охотой и удовольствием, только из уважения к вам! — поспешно согласился незнакомец.

Он тотчас пересел к их низенькому столику и принялся набивать рот с аппетитом давно голодного человека.

— Между прочим, вы сейчас едите блюдо «сикбадж» — сказал Махмуд.

Незнакомец поперхнулся.

— Разве? — сказал он, прокашлявшись. — Как я этого не заметил! Чираги так плохо светят!

— Кушания, названные вами, я тоже ел когда-то в Багдаде и Барсе. Многие из того, что готовят в землях арабов, умеют готовить и наши турки, только под другими названиями. Например, курунбийя — просто капустная похлебка, так ее называют здешние люди.

— Ой-е! — вскричал незнакомец. — Вы были в Багдаде? А не посещали ли вы мечеть Ибн Ругбан?

— Да, я возносил в ней молитвы Аллаху. Однако чем же знаменита эта мечеть, если здесь нет секрета?

— Я жил около нее, — скромно ответил незнакомец — и каждую субботу покупал там баранью... кх-кх... или козлиную... голову. Вы помните, близ стен мечети всегда толпятся продавцы требухи и кишок... кх... кх...

Тут незнакомец, чувствуя, что проговорился, смутился окончательно, ибо бараньи головы и требуха считались у горожан пищей нищих.

— Да, я все это помню, — отвечал ходжа Махмуд. — Я и сам не раз покупал такую голову, когда бывал в стесненных обстоятельствах. Однако почему именно по субботам?

— В пятницу¹ мясники забивают много скота, и в субботу головы дешевле, чем в иные дни, — пояснил незнакомец с просветлевшим лицом. — Приветствую тебя, о собрат по ордену Странствующих и Постигающих!

Оказался он простодушным и словоохотливым человеком: через полчаса путники уже знали всю его историю.

Звали его Билял сын Ахмада из Баласагуна. («Из людей аргу, судя по говору», — отметил про себя ходжа Махмуд).

— Отец мой очень почтенный человек, владелец ткацкой мастерской в слободе Урюкты. Нас у него два сына. Старшего брата он с детства приучал к ремеслу, а меня решил сделать сведущим в счете, вопросах торговли и путях торговых караванов. Отец рассуждал мудро: когда Аллах, да будет благословенно его имя, возьмет его к себе, мы, действуя совместно и дружно, многократно умножим имущество и достигнем благополучия, если каждый из нас возьмет на себя одну половину общей заботы. Старший брат станет закупать шерсть у кочевников и распоряжаться в мастерской, а я — ходить с караванами в поисках хороших покупателей и выгодно сбывать товар. И вот мой отец, следуя этой спасительной мысли, отправил меня с караваном в Самарканд в качестве ученика — шогирда. Мне было тогда семнадцать лет. В Самарканде, этом городе чудес, я долго постигал премудрость науки торговать, а также слушал красноречивые выступления местных поэтов на самаркандских базарах. Там было в то время очень много великих мужей, украшавших мировую мысль,

¹ Пятница — праздничный день у мусульман.

рассыпавших жемчужины слов, яхонты сравнений и рубины эпитетов. Стихи писали и портные, и башмачники, и почтенные купцы, и продавцы лепешек «какурган». Кстати, вам не приходилось слышать имя... с арабского оно переводится как «Сладкопевец»?

— Нет, — отвечал ходжа Махмуд. — А кто этот человек?

— Это мой поэтический легеб (псевдоним), — застенчиво опустил глаза Билял. — Я прочел бы вам мои скромные творения, но уже поздно, а их надлежит читать утром и натошак, поскольку по утрам голова свежа, а желудок пуст и не отвлекает жизненные соки на переваривание пищи, тем самым весь ум слушателя устремляется к постижению сокровенного...

Агуш и Тэмир-проводник давно уже отправились на покой, а Билял-Сладкопевец, вдохновленный участием, которое он встретил в этой придорожной харчевне, все «нанизывал горести пережитого на нить воспоминаний». Коротко они сводились к следующему. Увлечшись поэзией и путешествиями, Билял бросил учебу и отправился странствовать по свету, успокаивая свою совесть тем, что это, в сущности, частично совпадает с пожеланиями отца: ведь придется увидеть много караванных дорог и много чужеземных базаров.

И вот теперь, спустя десять лет, он возвращается в родной город под родительский кров. И, как водится у подобного рода путешественников, без единого фельса за душой. «Все мое достояние — это моя голова и то, что в ней», — так определил свое финансовое положение сам Билял.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С «КУТАДГУ БИЛИГ»

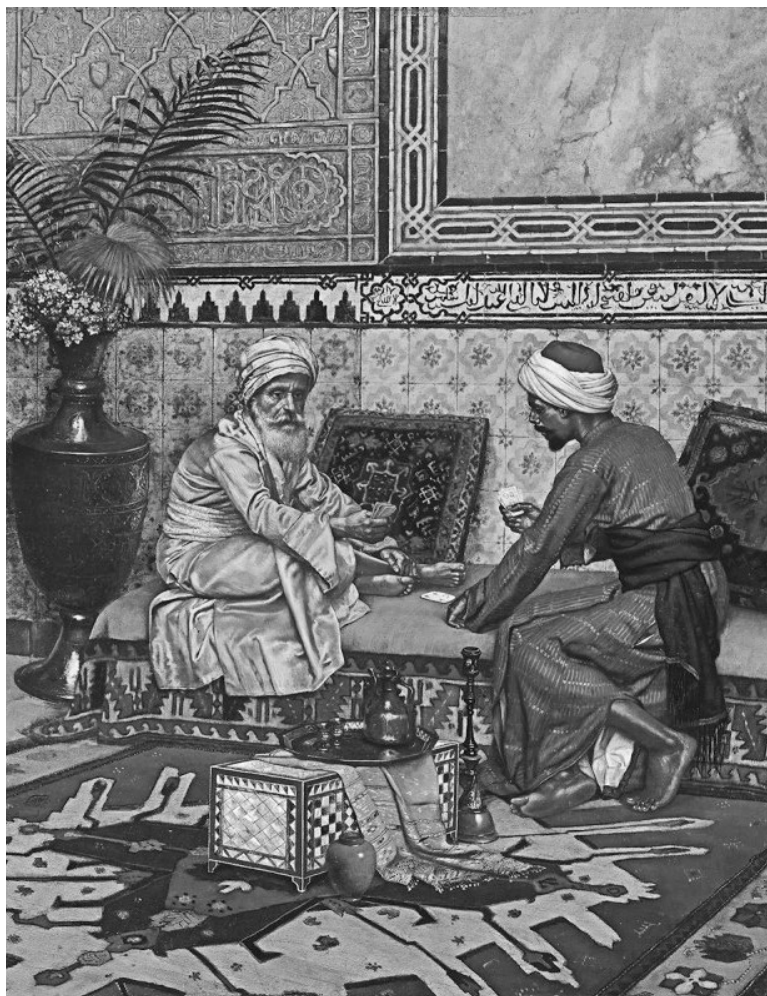
Утром путники плотно позавтракали. Билял-Сладкопеец, опять приглашенный Махмудом, не требовал изысканных арабских блюд с экзотическими названиями и уплетал за обе щеки простую, но жирную и сытную пищу кочевников. Настроение у него было таким же светлым, как это солнечное утро. Он был похож на весеннего воробья. Поэт то и дело сыпал стихами из собраний-диванов Рудаки, Абдаллаха Унсури, Дакики и Манучехри. Чубан, помогавший седлать коней, недовольно косился: этот нищий, похожий на дервиша, говорит много непонятных слов. Билял хлопнул его по плечу:

— Не горюй, чубан-харчевник! Когда-нибудь и ты постигнешь тайну сладких арабских блюд. А сейчас я восхваляю в стихах щедрость моего благородного хозяина — не твою!

И он, поклонившись ходже Махмуду, подбоченился, поднял левую руку вверх, готовясь воспеть благодетеля наспех сочиненной касыдой. Но вдруг чубан, не забывший вчерашнюю обиду, громко сказал:

— Не понимаю я стихи на чужом языке. Зато я знаю другие:

«Побольше послушай, поменьше скажи, —
Мне мудрые так говорили мужи.
Негоднее всех из людей болтуны,
А лучшие — щедростью сердца сильны.
Ты беден пред богом, смиренью будь рад.
И помни: бедняк лишь грехами богат».

Неужели, о мудрейший, вы хотите сказать, что поэзия тюрков не только существует, но еще и имеет корни в седой древности?

Билял-Сладкопеец застыл, открыв рот. Опомнившись, он сказал:

— Поистине, ты способен удивлять, о чубан! Но откуда ты знаешь стихи, да еще на тюрки? Я никогда не слышал ничего подобного!

— Мой сын ходил в город, — отвечал чубан, — и выучил там этот стих. Его сочинил какой-то баласагунец. И за это великий Табгач Богра-хан назначил его своим хаджибом.

— Что-то не приходилось мне встречать хаджибов, сочиняющих стихи, — усомнился Билял-Сладкопеец.

— Почему же? — мягко возразил Махмуд. — Знаменитый Унсури занимал высокую должность в Газне при дворах султанов Махмуда и Масуда, однако писал превосходные касыды.

— Да, но он писал на фарси, — живо отозвался Билял. — А тюркских стихов я никогда не слышал, за исключением тех грубых песен, которые сочиняет и поет народ.

— Вы не хотели их слышать, — тихо молвил Махмуд. — Стихи тюрков есть. Но столь звучных и живых месневи, так правильно вышитых по канве благородного аруза, которые прочел чубан, признаться, и я не слышал.

Выехали за ворота торткуля. У Биляла не было коня, и Махмуд, сжалившись, велел Агушу посадить его посади себя.

— Откуда нашим тюркам знать древний жанр месневи и размер аруз? — лез в спор Сладкопеец, удобно устроившись на ветхом чапане, брошенном на круп мерина.

— Я вижу, касыды Самарканда и Багдада напрочь заложили ваши уши, — Махмуд нахмурился, говорил медленно, веско. — Моя память и мои записи хранят множество тюркских стихов. Некоторые из них я полюбил за живые и трогательные подробности, далекие от выпренней и манерной аллегии арабов. На досуге я прочту вам, о Сладкопеец, стихи о битве наших предков с уйгурами или, например,

о смерти прародителя тюрков Алп Эр Тонга, которого в Иране именуют Афрасиабом. При желании вы найдете в них погрешности, но они, равно как и достоинства, своими корнями уходят в глубь веков тюркской поэзии.

— Неужели, о мудрейший, вы хотите сказать, что поэзия тюрков не только существует, но еще и имеет корни в седой древности?

— Именно это. Как-то мне пришлось посетить земли кыргызов на великой реке Кем. В степи близ Алтын-Куля мне показали высокую каменную плиту, с трех сторон испещренную непонятными мне письменами. Среди кыргызов есть еще старики, которые их читают. Там были стихи. И какие стихи! В них оплакивали кыргызского кагана Барс-бега, павшего в бою с врагами.

— И когда это было?

— Кыргызы говорят, что более 350 лет тому назад.

— О, Аллах, помоги и наставь меня! Так это не миновало еще и ста лет священной Хиджры?

— Ты прав, о любитель исключительно чужезычной поэзии. И это еще не все. Такие письмена я видел у рек Тез и Орхон. Там в стихах воспевали подвиги тюркского царевича Кюль-тегина и уйгурского кагана. А теперь держитесь крепче за пояс Агуша, — широко улыбнулся Махмуд, — Такие же письмена я видел в стране Аргу.

— У нас? На земле Баласагуна! Где же это?

Билял задавал вопросы, но мысли его были далеко. Врожденная, впитанная с молоком матери любовь ко всему тюркскому, которую бедняга всегда прятал в самом дальнем уголке своей души, пораженной и уязвленной удивительной культурой арабов, вдруг под влиянием простых слов Махмуда переполнила его. На душе стало светло и грустно. Хотелось плакать. «Какой человек! Родной мой! А я сам-то? Что я за собака?.. Отца не слушал, мать забыл... В моем городе, может быть, даже мои соседи пишут такие стихи, которые знают даже чубаны в забытых Аллахом караван-сараях.

¹¹ Том XIV. В. М. Плоских

А я в это время вместе с другими бездельниками самаркандских и багдадских базаров потешался, слушая скабрзные басни о беспросветной глупости тюрков и бессовестной хитрости их жен. А что я, тюрк, знаю о тюрках? Вот стремя в стремя со мной едет человек, который не меньше моего повидал разных стран, но остался тюрком, ученым тюрком».

— Да ты не слышишь меня, о знаток поваренных книг арабов?

— Слышу, слышу, — забеспокоился Билял, устыдившись своего невнимания. — Так где же на земле Баласагуна вы видели письма тюрков?

— Южнее города Тараза, на берегах благословенного Таласа, недалеко от урочища Мин-булак.

— Там тоже были стихи?

— Не знаю. Возможно, — ответил Махмуд. — В Минбулаке не нашлось переводчика. Последним знатоком древних писем тюрков был отшельник Кулбак. Он постоянно скитался в горах Баласагуна и писал на камнях: «Раб божий Кулбак». Я видел эти надписи, но самого отшельника встретить не успел. Ангел смерти Азраил оказался проворнее меня.

— Упасти нас Всевышний от скорой встречи с ним. — Билял сложил ладони лодочкой и провел ими по бороде.

Путники умолкли, призадумались. Тропа, петляя, круто подалась к белоголовой вершине. Слева шумела река Кочкор. За ней чернел еловый лес.

— Слезайте с коней, дальше пойдем пешком, — командовал Агуш. — Скоро перевал Занби-Арт, а там Куз-Орду рядом.

БАЛАСАГУН

Такое могут увидеть только те, кто не боится высокогорных перевалов. Отсюда видно все-все.

Обширная долина, окаймленная двумя цепями гор, была наполнена чистым и свежим утренним воздухом. Сквозь него виднелись ближние и дальние усадьбы, красноватые стены построек из жженого кирпича. Между зеленых крон тополей и карагачей красными пятнами выделялись купола мечетей.

Всюду на равнине по дорогам и тропам уже двигались в разных направлениях всадники и пешеходы. Виднелись крошечные арбы на пуговицах-колесах. По невакетской дороге начинали подниматься густые клубы просохшей под утренним солнцем пыли: то кочевники с гор гнали отары овец, косяки резвых скакунов, стада коров, вереницы верблюдов в город на продажу. В Баласагуне был знаменитый на всю долину базар.

Дорога, неуклонно сбегавшая вниз, привела наших путников к воротам, пробитым в толще облупившейся глинобитной стены. Это была внешняя оборонительная линия, которой окружили свои пашни и сады горожане, дабы пресечь разбойные поползновения земляков и братьев по крови — буйных воинственных кочевников.

Усатые стражники в остроконечных шлемах, кольчугах, с пиками и секирами в руках охраняли ворота. Толстый имга — сборщик подати — взимал с каждого прибывающего четыре фельса. За всех уплатил Агуш, игравший при своем господине роль казначея. Билял приложил руку

к сердцу (в знак благодарности), а Тэмир-проводник, видевший все это впервые, спросил:

— Это и есть великий город Куз-Орду?

Билял-Сладкопеец, на правах здешнего уроженца, отвечал;

— Нет, это еще не город. Мы въехали только в его предместье.

Когда они миновали вторую линию стен, строения стали гуще, а полей и пастбищ — меньше. И народу здесь встречалось куда больше, Тэмир-проводник, вертя головой во все стороны, сказал:

— А вот это уже город.

— И это еще не город, — возразил Билял. — Наш путь все еще идет по предместью.

— Но если у него такие предместья, каков же сам город Куз-Орду?

Билял гордо тряхнул головой, крепко держась за спину Агуша:

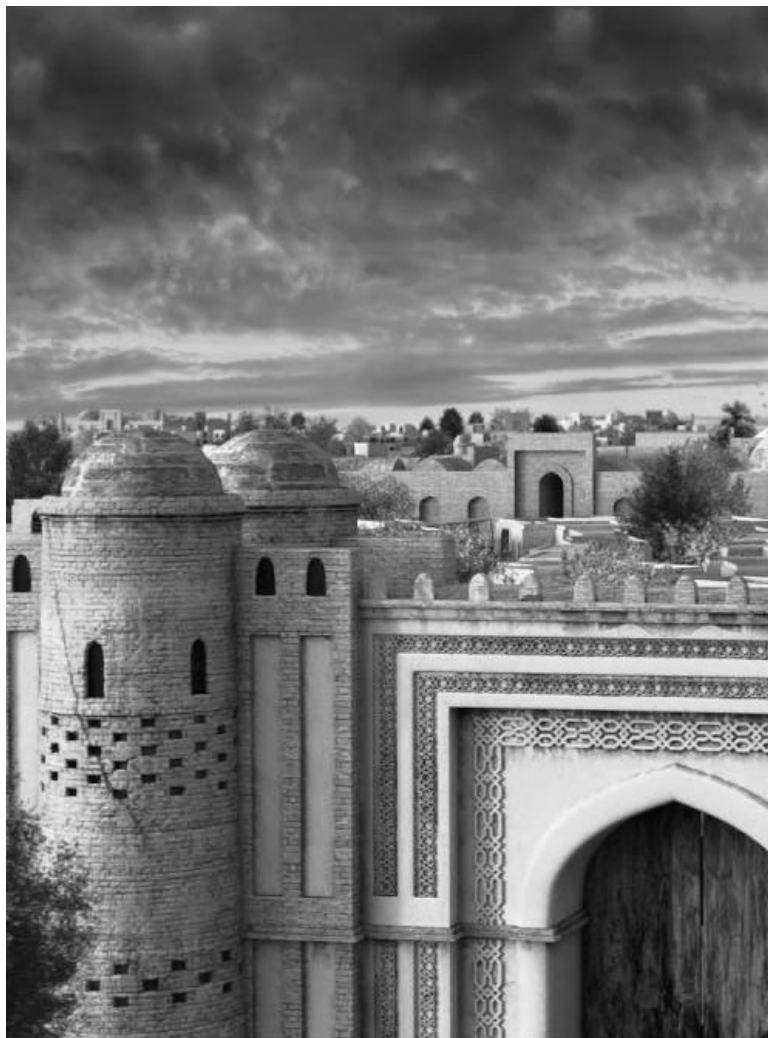
— Он, конечно, меньше Багдада или Самарканда. Но все же это великий город, наш несравненный Баласагун! Прежний даруга (градоначальник) Якуб-бек насчитал когда-то в нем шесть тысяч домов и две тысячи лавок!

Ходжа Махмуд знал когда-то Якуб-бека (его поставил градоначальником дед ходжи Мухаммад Богра-хан) и подумал: «Как ухитрился бек определить такое количество домов, если сам умел считать только до трех?».

Чем ближе подъезжали к цели путешествия, тем суетливее становился Билял-Сладкопеец. Он весь извертелся, сидя на крупе позади слуги, так что Агуш был вынужден сказать:

— Не собираешься ли ты взлететь, подобно перепелке?

— Радость свидания с близкими сочетается в моей груди со страхом перед гневом строгого отца, — оправдывался с нервным смешком Билял.

Впереди, уже совсем рядом, выросли высокие
городские стены и приземистые башни

Впереди, уже совсем рядом, выросли высокие городские стены и приземистые башни. Из-за них выглядывали, по выражению поэта-Сладкопевца, «божьи стрелы» многочисленных минаретов. Выше всех возносил свою главу, как бы повязанную голубоватой чалмой, минарет Главной мечети, прозванный за внушительные размеры и красоту «минаретом минаретов».

И вот потянулись сплошные кварталы построек. Из-за глинобитных дувалов высывали непокорные ветви урюковые деревья.

— Это уже наверняка сам город! — сказал Тэмир-проводник.

— Ты прав, — откликнулся Билял. — Это слобода Урюкты. Вон караван-сарай моего старого знакомого, дедушки Абу Бакра. Я советую вам остановиться именно в этом караван-сарае. Э! Не сам ли хозяин стоит у ворот? Слушайте, почтенные! Я сейчас сделаю вид, будто впервые в этом городе. Посмотрим, узнает ли меня дедушка Абу Бакр?

Но когда подъехали к самым воротам, Билял разочарованно воскликнул:

— Нет, это не дедушка Абу Бакр. У того была длинная, седая борода...

— Ты прав, о путник, — отозвался стоявший в воротах хозяин. — Я не дедушка Абу Бакр, я дядюшка Хасан, и борода у меня черная. Абу Бакр давно уже переселился в иной мир, а его наследники продали часть этого караван-сарая мне, а часть — одному купцу из здешних. Но моя половина караван-сарая всегда рада гостям, ибо великий поэт сказал:

«О жаждущий добрую славу иметь,
Гостей и скитальцев приветливо встретить!
Дары их тебе служат доброй отрадой,
И ты их ответной услadou радуи!
Дружи с ними честно, без мысли лукавой —
Прославишь себя ты далекою славой».

— Входи же! — И хозяин еще шире распахнул ворота.

Билял-Сладкопевец округлил глаза: ведь стихи были произнесены на чистом тюрки! Он уже было собрался приступить к долгой беседе, но тут же встрепенулся и соскочил с лошади:

— Нет, меня ждут вот уже одиннадцатый год, нетерпение мое велико! — И Билял-Сладкопевец, распрощавшись со своими спутниками, пошел дальше пешком.

Путники въехали на просторный двор. Первое, что бросалось в глаза, — это торчавшее посередине высокое сооружение, в котором Махмуд признал колодец. Проследив за его взглядом, караван-сарайщик Хасан словоохотливо объяснил:

— Из этого колодца пили воду многие поколения людей, верблюдов, коней и других творений Аллаха. Но теперь он высох, да в нем и нет нужды. Из речки в наш караван-сарай вода поступает по глиняным трубам: лей сколько надо!

— А скажи, хозяин, кому принадлежат стихи, оглашенные тобой?

Хозяин сделал благоговейное лицо:

— Их записал каламом мудрости на скрижалях памяти уроженец нашего города, ныне великий хасс-хаджиб мавлана Юсуф, да пребудет над ним милость Аллаха вечно и неизменно! В детстве мы с ним не раз играли в альчики. И если вы, о благородные путники, сможете прочесть хоть один стих из его величайшей поэмы «Благодатное знание», то я снижу плату за постой в моем караван-сараяе на одну треть! Таков мой обычай! Не знаете ни одного стиха? Жаль! Вам — убытки, мне — прибыль.

Тут в воротах появились новые гости, и хозяин побежал им навстречу.

— Удивительное дело! — заметил Агуш. — За стихи можно сберечь деньги! Впервые слышу об этом. Но ведь этак хозяину недолго и разориться!

Какой-то человек, слонявшийся рядом, тотчас отозвался:

— О нет, он не разорится! Почти все баласагунцы знают великое множество стихов нашего мавлана Юсуфа, но они ведь не нуждаются в караван-сараях. А большинству приезжих эти стихи неведомы. Кроме того, этого караван-сарайщика уже благодетельствовал сам великий хасс-хаджиб.

— Каким образом?

— А вот каким. Когда мавлана Юсуф узнал в Кашгаре о делах урюктинского караван-сарайщика, он сначала рассердился:

— Горе ему! Он принуждает людей ради корысти читать мою поэму! Потом задумался:

— Не является ли это разумным действием? Ведь чтобы научить детей добру и знаниям, учителю приходится обращаться к злу — розге... А невежественные жители гор и долин подобны неразумным детям...

Потом рассмеялся:

— Однако и удивительный же человек этот караван-сарайщик!

В конце концов великий хасс-хаджиб послал своему другу детства вьюк яркендских шелковых тканей, тысячу дирхемов серебром и еще 99 золотых динаров (сотого динара не отыскалось в казне хасс-хаджиба: такой уж он человек — все раздает нуждающимся).

И подарки свои сопроводил короткой запиской: «На покрытие убытков от поэзии».

В это время вернулся хозяин, подозрительно посмотрел на рассказчика и сказал:

— Саид-сплетник! Не наболтал ли ты гостям чего-нибудь непотребного?

— Я восхвалял твою щедрость, — ответил Саид.

Хозяин, недоверчиво хмыкнув, сам отвел коней в стойла, показал комнатку для ночлега.

Агуш занялся хозяйственными делами, а Тэмир-проводник сразу принялся расспрашивать о купце. Но он не знал

ни его имени, ни даже примет, и поэтому расспросы были бесплодны. Мало ли купцов в торговом Баласагуне?

— Как он выглядел, этот купец? — спрашивали люди.

— У него была борода, — отвечал Тэмир. — Нехороший человек. И борода нехорошая.

— Если бы ты сказал: «безбородый», мы бы скорее нашли. Молодой, старый?

— Ни молодой, ни старый. Злой человек.

— Толстый, тонкий?

— Ни толстый, ни тонкий. Очень плохой человек.

Люди чесали в бородах, прикидывали и так, и эдак.

— Кто из наших купцов ездил ранней весной в кыргызские кочевья? — размышляли они.

Не дождавшись конца этих размышлений, ходжа Махмуд отправился посмотреть город, который он не видел целых двадцать лет. Он шел предзакатными улицами и переулками и думал о многотрудной судьбе Баласагуна.

Когда-то в незапамятные времена пришли в эту благодатную долину огнепоклонники из Согда и заложили город. В течение веков приходили новые племена и обновляли население. Город разрастался, менял властителей. Здесь правили и тюркешские каганы, и карлукские ябгу. В те далекие времена город звался Суяб.

В конце прошлого века основатели великой династии «из дома Афрасиаба», потомки Бильга Кюль Кадыр-хана¹, завоевали город и сделали его своей столицей. Отсюда они управляли огромной среднеазиатской империей, включавшей Мавераннахр, Фергану, Семиречье и Кашгарию. Многочисленные отпрыски этой династии, ведя беспощадную войну друг с другом, разодрали империю на куски — уделы. Совсем недавно, всего четыре года назад², великий каганат окончательно распался на две части: Мавераннахр,

¹ То есть. Караханиды.

² В 1069–1070 гг.

что между великими реками Аму и Сыр, унаследовал Шамс аль Мульк Наср ибн Ибрахим, представитель западной ветви Хаканидов, а восточные земли остались в руках потомков Юсуфа Кадыр-хана и опять-таки фактически разделились на две половины: одной — кашгарской частью — правит Тамгач Богра-карахахан (он приходится двоюродным дядей Махмуду), а второй, со столицей в Баласагуне — Тогрул-карахахан (приходящийся Махмуду двоюродным дедом).

ШАХРИСТАН

Улица вывела его в шахристан — центр города, на берег полноводного канала. От канала, как ветви от древесного ствола, расходились журчащие арыки и бежали вдоль глиняных дувалов. За каналами кудрявой стеной вставал прекрасный сад; густая шевелюра его уже была тронута багрянцем осени. Махмуд различил айвовые, урюковые, яблоневые и ореховые деревья. Сквозь их кроны виднелась кирпичная стена чьей-то усыпальницы — гумбеза.

По деревянному мостику он попал в сад (нигде не было видно стражи) и прочел на богато украшенном портале слова, искусно выполненные арабской вязью: «Милость Аллаха да пребудет...», а затем, после длинной эпитафии, имя усопшего. Дальше у самого минарета стояла еще одна усыпальница в форме восьмигранника. За ней — еще несколько... И на каждой — имя какого-нибудь отошедшего в иной мир правителя «из дома Афрасиаба». И титулы: «элик», «тегин», «арслан», «богра»...

Махмуд со стесненной душой смотрел на родовое кладбище владетелей Баласагуна. Ведь все здесь лежащие — его родственники, двоюродные и троюродные деды, братья, дядья... Эти воинственные, грешные люди, потомки кочевников, жаждавшие власти и почестей, сражались, интриговали и гибли в борьбе с внешними врагами и друг с другом. Вся их жизнь сопровождалась кровью и звоном мечей. В жизни им не было покоя. Покой они нашли только здесь, в центре своей шумной столицы, среди тихо стоящих безгрешных деревьев; осень-художник украшает их могилы

падающими листьями, а вечерний луч солнца высвечивает паутину на глубокой резьбе усыпальниц...

Он вышел на дворцовую площадь, вымощенную булыжником. Прямо перед ним горделиво высились стены ханской резиденции. Широкие кованые ворота плотно закрыты. Двое часовых, опершись на копья, степенно беседуют друг с другом. За стенами дворца — тишина. Можно было подумать, что там, как в склепе, тоже нет живых, если бы не боковая калитка, через которую проскользнул человек с плетеной корзиной в руках: видимо, он возвращался с базара.

Рядом с дворцом — домом кагана — расположилась Главная мечеть — дом Аллаха. В ней, как простые смертные, молились вместе с другими верующими сами правители и члены царствующего дома. Здесь, в пятничной молитве, провозглашалась хутба в честь багдадского халифа, а иногда — и в честь правящего в Баласагуне карахакана.

И над мечетью, и над дворцовыми постройками возносил свою чалмоносную голову Большой минарет — самое высокое строение в Баласагуне.

Перейдя по мостику широкий арык, Махмуд спросил человека, вышедшего из мечети, о причине тишины в ханском дворце.

Прохожий, важный, в дорогом халате, с холеной крашенной хной бородой, ответил вопросом на вопрос:

— Ты, наверное, чужеземец?

— Я только сегодня прибыл в город, — подтвердил Махмуд.

— Так знай же: наш великий правитель Зайн ад-Дин Шараф ад-Дин Махмуд Тогрул-карахакан ибн Юсуф Кадырхан живет в своем дворце только зимой, когда роду человеческому досаждают бураны и морозы. Остальные же времена года он вместе со своим царственным сыном Омаром Тогрул-тегином ибн Тогрул-карахаканом кочует в пределах своей победоносной могущественной державы.

«По выговору — закоренелый аргу», — привычно отметил про себя ходжа Махмуд.

Они пошли рядом. Прохожий, бросив искоса взгляд на спутника, сказал:

— Судя по стоимости халата, вы — почтенный человек, а по количеству пыли на нем — приехали издалека.

— Пылью богата и эта долина, — уклончиво ответил Махмуд.

Прохожий одобрительно крякнул, огладил свою красную бороду и начал подход с другой стороны:

— Да не покажутся мои слова навязчивыми, но не купец ли вы, почтенный? Я сам купец и, возможно, мы сумели бы заключить взаимовыгодную сделку.

— Нет, я не купец, и у меня нет товаров для продажи, равно как нет и денег на закупку их.

Краснобородый опять бросил недоверчивый взгляд на незнакомца:

— Всякий в этом мире что-нибудь продает и что-нибудь покупает...

Тут какой-то нищий попросил у краснобородого милостыню.

— Аллах подаст, у него попроси, — ответил тот.

— Я уже просил, но он меня к тебе прислал, — дерзко сказал нищий.

— Если Аллах ничего тебе не дал, то я и подавно не дам. Ведь сказано: «Не соревнуйтесь с Аллахом в щедрости, ибо Аллах, преславно имя его, щедрее и славнее». И краснобородый прошел мимо. Махмуд на минуту задержался и бросил нищему фельс.

Когда они пошли дальше, краснобородый недовольно сказал:

— Напрасно ты, чужеземец, так неразумно растрачиваешь свое добро. Где же тут остаться деньгам на товары!

— Из-за одного фельса я не стану беднее.

— Сказано мудрыми: «Трата фельса откроет двери для расхода дангов, трата же дангов откроет двери для дирхемов, дирхемы — для динаров, десятки откроют двери для сотен, а сотни — для тысяч, пока все эти траты не погубят тебя и не унесут то, чего много, и то, чего мало». Прощай же, о неразумный растратчик собственного добра, мне — налево!

Махмуд только головой покачал: «Вот каковы некоторые из жителей Баласагуна!». Конечно же, он и думать не мог, что еще увидит этого купца, и даже очень скоро.

В БАНЕ

Когда Махмуд вернулся в караван-сарай, Агуш и Тэмир-проводник уже ждали его с нетерпением.

— Господин, за оградой этого караван-сарая находится замечательная баня.

— Баня так баня. — За ними увязался и Саид-сплетник.

Банщик, здоровенный детина с бычьей шеей и длинными стрелами усов, спускающихся с кончиков губ, приветливо встречал входящих:

— Гостей посылает Аллах, — говорил он каждому в ответ на приветствие. — Хоть я и не владелец этой благословенной бани, а только арендатор, и послезавтра истекает срок аренды, каждый найдет здесь все девять и еще семь удовольствий за ничтожную плату. Торопитесь, правоверные, освежить тела и души до вечерней молитвы!

«Этот человек из племени басмыл», — привычно отметил Махмуд.

В предбаннике-раздевалке толпилось множество народа. Каждый складывал свою одежду в отдельный ящик, получал из рук служителя набедренную повязку и устремлялся в дверь, откуда вырывались струи горячего воздуха.

Вошел какой-то человек в воинском наряде, но без оружия и зычным голосом закричал:

— Эй, банщик! Готова ли принять твоя баня льва битвы и барса сражения?

Рослый банщик загородил ему дорогу:

— Эй, Халил-воин, поворачивай обратно! Не будет тебе здесь ни воды, ни омовения!

— Неприветливые речи я слышу! — рыкнул воин, хватаясь за пояс, где не было сабли. — Или мои деньги хуже, чем у других?

«Поговору этот воин явно из шельджийских карлуков», — опять отметил про себя Махмуд.

Люди, толпившиеся в раздевалке, все как один повернули головы: на многих лицах проступили улыбки. Назревал скандал, который скрашивал унылые будни баласагунцев.

— Я еще ни разу не видел твоих денег, а ты ведь уже третий раз приходишь в мою баню, — отвечал банщик, обращаясь к посетителям:

— Все знают, что этот Халил-воин, помывшись в бане, нарочно устраивает скандал, крича, что у него-де украли что-нибудь из одежды. А потом уходит, ничего не заплатив. И вот все банщики Баласагуна решили больше не пускать этого человека в свои владения: пусть моется у шайтана!

Послышались смешки и шутливые возгласы. Халил-воин поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, хватаясь за пояс. Потом сказал банщику:

— Но у меня нужда в мытье! Я должен помыться!

— Ты опять поднимешь крик, что у тебя что-нибудь пропало!

— Сегодня не подниму, — сказал Халил-воин.

— Тогда поклянись в этом бородой своего отца!

Халил-воин, видя, что иного выхода нет, торопливо пробормотал требуемую клятву, под наблюдением служителя сложил в ящик одежду, получил взамен набедренную повязку и быстро проскользнул в заветную дверь.

— Этот Халил-воин всем надоел своим бесстыдством, — сказал банщик. — Давайте же подшутим над ним. Эй, парни, ну-ка спрячьте его одежду, а вы, правоверные, будьте свидетелями.

Слуги тотчас вынули одежду Халила и спрятали в другой ящик, а банщик прилепил к дверцам кусочек глины, прижав ее печатью.

В хорошо прогретом помещении Махмуд и его спутники, усевшись на скамеечки и опустив ноги в лохани с горячей водой, принялись обильно потеть, что, как известно, весьма полезно для здоровья. У оконца специальный служитель выбривал желающим голову, предварительно натерев ее специальной ароматной глиной для мытья, заменявшей мыло. Лохматый, как медведь, Халил-воин, расположившись в дальнем углу на скамейке, мазал все тело вонючей нурой — специальным составом из гашеной извести с мышьяком, чтобы легче сходил волос. Он, видимо, был большой фронт.

Саид-сплетник, пододвинувшись поближе к Махмуду, таинственно зашептал:

— Расскажу я вам про этого Халила-воина случай, забавнее которого и выдумать нельзя!

И не дождавшись согласия, прикрыв губы ладошкой, зачастил:

— У этого глупого человека была в нашем городе любовница, а кто — умолчу. Когда он вернулся из похода, то написал ей записку: «Приходи, о черногривая кобылица! Попасемся вместе на лужайке любви!» — и послал с нею своего раба (тогда у него еще был раб).

Красавица прочитала записку, но, взглянув на посланника, обнаружила, что он красив и первый пушок юности, подобно ферганскому персику, залег на его щеках. И тогда она подумала: «Зачем мне бежать к тому дураку, воняющему конским потом и чесноком, когда рядом нарцисс из райского сада?». И она стала поводить глазами, играть ресницами и делать другие намеки, как это в обычае у женщин. Юноша не устоял перед совершенством чар, как не устояли ангелы Харут и Марут перед красотой Зухры.

Но не успели они испить сладкого щербета из кувшина любви, как услышали стук в дверь и грубый голос. Это Халилу-воину прискучило ждать ответа, и он сам отправился к той лавке, где подают такие напитки.

¹² Том XIV. В. М. Плоских

— Горе нам! — испугался юноша-раб. — Сейчас мой хозяин изрубит нас мечом!

Но женщина, слабая телом, но могучая духом, велела юноше спрятаться в чуланчик, а сама открыла дверь Халил-воину и приветствовала его как ни в чем не бывало.

— О моя несравненная верблюдица! — заблеял Халил-воин. — Разве не получала ты записки с назначением свидания?

— Ничего не получала, — отвечала искусительница. — Но я прослышала, что ты вернулся и собралась отправиться к тебе.

И она вознамерилась было напоить его щербетом все из того же кувшина.

Вдруг опять застучали в дверь и раздался требовательный голос.

— Это муж! — сказала женщина.

— Горе мне! — воскликнул Халил-воин. — Он увидит свершение недозволенного и затеет со мной драку, и поднимется шум, и дойдет до правителя, и буду я лишен всех преимуществ и хаканских милостей! (А наш повелитель Тогрул-хан жестоко наказывает за прелюбодеяние).

— Ничего не бойся, — отвечала женщина. — Ты, открывая дверь, гневно кричи какие-нибудь проклятья и уходи своей дорогой.

Халил-воин отбросил крючок и стал громко ругаться:

— Прах на голову живущим здесь! Я этого так не оставлю! Я вознесу жалобу самому эмиру! — и с тем ушел.

Муж (а он был купцом) посмотрел ему вслед и спросил:

— Что это за воин, и почему он так гневается, о жена? Жена подбежала к мужу и воскликнула:

— Слава Аллаху, ты вернулся! Я вся прямо дрожу!..

— В чем дело? — допытывался муж.

— Я занималась домашними делами, ожидая тебя, — ответила жена. — Как вдруг вбежал какой-то юноша и стал в страхе умолять спасти его от гибели: за ним гонится злой

насилник и хочет в ярости лишить жизни. Тут послышались громкие проклятия и топот у наших дверей. Юноша закрылся в чулане, а в дом ворвался этот самый воин. Он кричал и грозился, и требовал показать, куда я укрыла юношу. Я отвечала, что ничего не знаю. Воин, размахивая мечом, изрыгая угрозы, принялся обшаривать все углы и тут вовремя появился ты, да пребудет над нами милость Аллаха!

— Почему же дверь была на крючке? — спросил муж подозрительно.

— Воин ее закрыл, чтобы юноша не мог убежать.

— А где же этот юноша?

— Сидит в чулане.

Муж открыл дверь и крикнул:

— Выходи!

Юноша вышел, и муж сказал ему:

— Жена моя с риском для своей чести и жизни сделала с тобой богоугодное дело. Но на этом наши милости и кончаются. Уходи скорей из моего дома и знай: ты меня не видел, я тебя не видел!

Махмуд, выслушав историю, подумал: «Не зря этого человека зовут Саидом-сплетником. Что же касается рассказа, то я его слышал не менее пяти раз и в разных городах».

Агуш заливался смехом:

— Сказано в Коране: «Воистину берегитесь жен своих!».

Тэмир-проводник, нахмурившись, заметил:

— Значит, правду мне говорили, что все женщины в городе — шлюхи.

На дальней скамейке Халил-воин уже давно с любопытством вытягивал шею, стараясь услышать, о чем так весело рассказывает Саид-сплетник, не утерпел и крикнул:

— Эй, свадебный Саид! Что ты там болтаешь приезжим? Опять какую-нибудь брехню?

— Тебя хвалю, — отвечал Саид, не моргнув глазом.

Вошли служители и принялись растирать, разминать моющихся — тех, кто мог оплатить подобные процедуры. Хозяин бани сам взялся обслуживать Махмуда — он сразу отличил его из всех прочих наметанным глазом. Под его ловкими руками усталое тело вновь набиралось сил и бодрости. Махмуд только побряхтывал.

— Почему Халил-воин окликал Саида прозвищем «свадебный»? — спросил он у банщика.

— Э! — отвечал хозяин. — Оба они бездельники. Что касается Саида, то это великий болтун и сплетник. Есть у него привычка посещать незванным все свадьбы, хотя бы это происходило в самой дальней слободе. И не только в слободе: он всюду набивается на угощение, будь то похороны, обрезание или продажа дома. Предостерегаю вас от него! В Баласагуне полно жуликов, и он — один из них, хотя и не самый зловерный.

Когда хозяин ушел, подоспевший Саид-сплетник доложил:

— Этот банщик — самый хитрый и жестокий из банщиков Баласагуна. Он держит в подземелье под баней рабов — истопников и никогда не выводит их на свет божий! Говорят, что они прикованы к стенам цепями!

Солнечный луч, пронизывавший помещение, внезапно померк. И сквозь говор и всплески воды проник серебряный голос азанчи, призывавшего к молитве.

Все сразу прекратили свои занятия и стали переглядываться:

— О Аллах! — воскликнул один. — Надо помолиться.

— Но дозволено ли это в бане? — сказал другой с сомнением.

— Как же быть?

— Есть ли Знающие и Помнящие среди нас? Что говорит по этому поводу Коран?

— Запрещено творить молитву в нечистых местах: в отхожих, на бойнях, в вертепах, где пьют вино...

— А следует ли считать баню нечистым местом?

— Но ведь баня — именно то место, где люди отмывают себя от грязи и делаются чистыми...

— Молитесь, дети мои, — посоветовал какой-то дряхлый старик. — Ибо вода для омовения есть, осталось только прочесть молитву.

Многие попадали на колени, согнулись в поклоне и принялись было беззвучно шевелить губами, как вдруг один сказал:

— В какую сторону молиться? Я не знаю, где кыбла в этой бане.

Все в растерянности уставились друг на друга.

— И я не знаю...

— И я...

— Пойдите-ка! Баня выходит воротами на дом седельника Берды, а седельник Берды приехал в город с севера...

— Нет, седельник Берды приехал с юга...

— О правоверные! — вступил в разговор Махмуд, пряча улыбку в бороде. — Судите по солнцу: кыбла находится как раз в том углу, где сидит воин Халил...

Халил-воин с испугом оглянулся. Кто-то заметил:

— Но не можем же мы молиться на воина Халила!

— Эй, ты, неверный! Убирайся из угла! — закричало несколько голосов.

— Пойдите, о правоверные! — опять вмешался Махмуд. — Не спорьте зря — уже поздно! Пока вы разбирались между собой, время молитвы прошло.

Все тотчас стали занимать свои места, сокрушенно покачивая головами.

В раздевалке, помолодевшие и умиротворенные, наши путешественники получили свою одежду и вернули набедренные повязки.

— Эх, забывчивость, забывчивость! — сокрушенно качал головой свадебный Саид. — Не иначе, как шайтан

помог мне оставить кошелек дома. Друг, не заплатишь ли за меня сегодня, а я заплачу за тебя завтра? — обратился он к Агушу.

Вышел Халил-воин, с досиня выбритой головой, с гладким лощеным телом, полез в свой ящичек и закричал:

— Где моя одежда?

Банщик подмигнул присутствующим и ответил:

— Опять будешь говорить, будто у тебя кое-что пропало! А как же клятва? Все свидетели здесь!

— Но ведь ящик пуст!!!

— Клятва! Клятва! — напомнил банщик.

Халил-воин остолбенел; он только вращал глазами да молча открывал и закрывал рот. Свидетели подмигивали друг другу и ухмылялись.

— Повязку-то отдай, — напомнил банщик.

Остался Халил в чем мать родила. Долго он не мог вымолвить ни слова, наконец произнес:

— Послушай, о банщик из банщиков! Я ничего не могу сказать, но сам рассуди: неужто я пришел сюда в таком виде?

Тут все присутствующие покатались со смеху. А банщик мигнул служителям.

— Вот твоя одежда — целехонька! Наконец-то ты сказал умные слова! За них полагается награда: приходи в следующий раз, тебя здесь обслужат бесплатно!

Когда выходили из бани, уже пали сумерки. Махмуду показалось: какой-то человек выглянул из-за угла и скрылся. Шедший рядом Тэмир-проводник издал громкий возглас, бросился в ту сторону и исчез.

— Велик Аллах! — сказал оторопевший Агуш. — Не увидел ли он пэри?

— Наверное, тот человек ему должен, — рассудил Саид. Путники завернули за угол: там никого не было.

— Воистину это удивительно! — сказал Агуш.

— Может быть, он обнаружил того самого купца?

— Не будем гадать, — сказал Махмуд. — Он знает дорогу в караван-сарай и вернется, когда сочтет нужным.

А про себя подумал: «Может быть, он нашел своего брата-друга?».

СВИДАНИЕ С «КУТАДГУ БИЛИГ»

В караван-сарая была и харчевня. За низкими столиками, скрестив ноги калачиком в ожидании ужина, сидели постояльцы, чинно макали куски лепешки в подсоленную или сдобренную уксусом воду — для возбуждения аппетита — и вели степенные беседы.

Трое прислужников, двое взрослых сыновей хозяина и сам караван-сарайщик Хасан, разносили дымящиеся блюда.

Махмуд и слуга тоже уселись за столик и стали ждать своей очереди. К ним, не дожидаясь приглашения, подошел и Саид.

— Накормить тебя сегодня, а ты накормишь меня завтра? — насмешливо заметил Агуш.

— О праведник! — подхватил Саид. — Твоя пронизательность необычайна! Вспомни слова, сказанные мудрецом: «Если делать добро, то делать до конца».

И он с жадностью принялся за тутмач — лапшу с мясом. Когда все насытились и перешли к прохладительным напиткам, хозяин Хасан возгласил:

— По заведенному обычаю после пищи телесной желающие могут насладиться духовной пищей. О почтенные! Вы сейчас услышите жемчужины — бейты нашего земляка, великого хасс-хаджиба мавлана Юсуфа, да пребудет с ним милость Аллаха вечно и неизменно!

Поэму читал старенький, с редкой седой бородашкой бывший наставник из медресе (как объяснил сотрапезникам Саид-сплетник). Хозяин уселся рядом и стал помогать старцу: переворачивал вовремя страницы, и толстые губы

его шевелились в такт со словами, которые произносил наставник.

Старичок читал исполненные сокровенной мудрости строки монотонным и скрипучим голосом. Время от времени голова его, увенчанная громадной чалмой, клонилась долу, язык начинал заплетаться, и он бормотал что-то непонятное... Тогда хозяин громко кашлял; почтенный мулла, встрепенувшись, говорил:

— Зажги-ка чираги (светильники), о Хасан ибн Ляйс! Что-то плохо видно...

Конечно, чтение было из рук вон плохо. Но слушатели — и купцы, и простые погонщики — благоговейно внимали слову, начертанному в книге. Каждый из них полагал, что написанное хоть и не Коран, и не откровение Аллаха, однако все-таки — чудо, доброе волшебство, а истины, читаемые косноязычным муллой, — товар, который не купишь завтра на базаре. К тому же сейчас его раздадут бесплатно.

Но самым примерным слушателем был сам хозяин Хасан. Он с гордостью поглядывал на аудиторию и время от времени повторял особенно понравившийся бейт:

— Слышали? «С дурными не знайся и чужд им пребудь, твори лишь добро — будет ладным твой путь».

И еще один человек был весь — внимание. Пораженный ходжа Махмуд верил и не верил своим ушам: «Тюркская поэма! Почему же я ничего не слышал о ней прежде? Видимо, она создана недавно».

Когда старенький чтец совсем уж начал было засыпать, караван-сарайчик поднялся, шумно вздохнул и сказал:

— На сегодня хватит! И двигающему языком, и слушающему ушами — всем нужен отдых. А завтра вечером мы продолжим, с помощью Аллаха!

Один из слушателей, судя по одежде — араб, спросил:

— Почему же ваш земляк, этот великий поэт, покинул родной город и отправился в Кашгар? Не разумнее ли было преподнести книгу вашему правителю здесь,

на месте, и тем избавить себя от тягот путешествия и дорожных расходов?

Ходжа Махмуд усмехнулся. Он-то догадывался, почему. Характер его двоюродного деда, истинного кочевника, был ему известен. Тогрул-карахахан был человеком старого закала. Жильем, достойным мужа, он признавал лишь юрту-шатер, спал на волчьих шкурах, постеленных прямо на земле, уплетал баранину, пропахшую дымком походного костра, и собственноручно клеймил конский молодняк в своих табунах, когда приспевала пора. Жителей городов он рассматривал лишь как годный к обложению податями, изнеженный, жуликоватый и недостойный доверия народ. Он с неодобрением относился к тому факту, что многие турки, вчерашние кочевники, оседали в городах и селениях, начинали заниматься ремеслами, торговлей или становились хлебопашцами. Правда, в подавляющем большинстве своем это были бедняки, «кара бодун» — «черный народ». Многие из них пополняли собою в городах самую низшую прослойку населения и назывались «айары» — всякий сброд без роду, без племени. Эти айары всегда были первыми во времена народных волнений. От них можно было всего ожидать, ибо неимущим терять нечего!

Не любил Тогрул-карахахан мудрствования начитанных грамотеев, а также опасался насмешек острых на язык горожан.

В те времена поэты могли существовать лишь на милости, которые им оказывали правители-меценаты, вельможи-покровители и прочие сильные мира сего. Иначе они умерли бы с голоду. Недаром поэт Сана'и с горечью писал: «Одному она (т. е. судьба) из Баласагуна доставляет пропитание в Герат. А другого ради куска хлеба гоняет до самого Баласагуна».

В Баласагуне, этом форпосте (наряду с Кашгаром) мусульманской культуры на Востоке, было множество мечетей, несколько медресе и ханака — общежитий для обучающихся.

Важные муллы, надменные улемы, крикливые мударисы, а также их поджарые, вечно голодные студенты-шофирды сплошь и рядом попадались на улицах. При встречах они вежливо раскланивались, в цветистых выражениях призывали друг на друга милость Аллаха, иногда вступали в благочестивые беседы. Прохожие ремесленники и торговцы почтительно приветствовали их и шли по своим многотрудным делам, умиленно размышляя о святости служителей Бога. Однако бывало и по-другому, особенно если встречались люди из разных сект, например, ханифит с шафиитом. Тогда святые мужи, потрясая рукавами длинных одеяний, призывали Аллаха излить на голову противника не милость, а нечто совсем другое.

А вот поэтов в Баласагуне не водилось — некому было вскармливать их поэтический дар. Разумеется, ходжа Махмуд не стал объяснять всего этого любопытствующему арабу.

Зато выскочил вперед Саид-сплетник.

— Пойдите! — сказал он. — Сейчас я расскажу вам историю, из которой все станет ясно.

«Однажды пришел к повелителю нашему Тогрул-хакану поэт баласагунский Кучлук и прочел славословие в честь высокородного хакана. Тогрул-хакан выслушал и сказал своему дабиру (письмоводителю):

— За такие стихи этому человеку надо дать тысячу дирхемов.

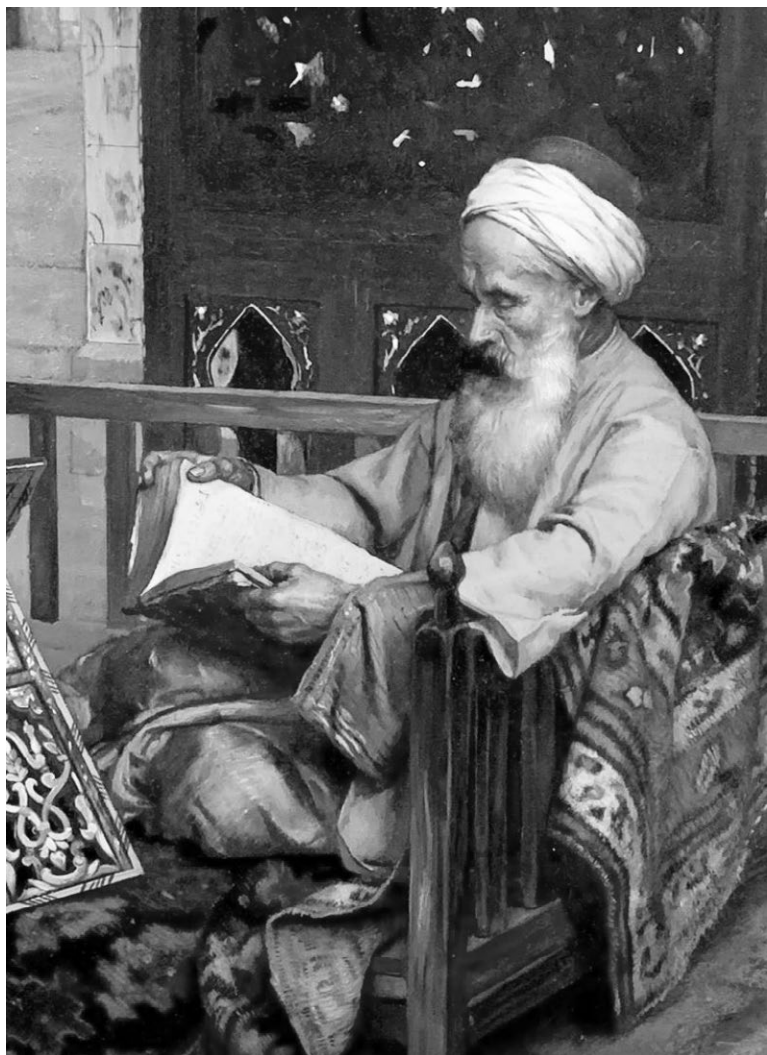
Кучлук (а был он сыном бедного кочевника с реки Ашпары) подпрыгнул от радости и прочел два бейта о щедрости правителя.

— Нет, пять тысяч, — сказал хакан.

Кучлук чуть с ума не сошел и опять рассыпался в похвалах.

— Дадим ему пятнадцать тысяч, — сказал хакан.

Бедный кочевник-поэт, не зная, как выразить свою радость, с криком: «О щедрейший! О величайший!» — выскочил за дверь.

Старичок читал исполненные сокровенной
мудрости строки монотонным и скрипучим
голосом

Дабир же сказал государю:

— Этот поэт нанес урон казне, о повелитель, больше, чем знаменитый разбойник Озар.

— Неужели ты собираешься ему платить? — спросил Тогрул-хакан.

— А разве есть путь к невыполнению твоего слова?

— О дурак, и сын дурака и внук дурака! — воскликнул хан. — Разве ты не знаешь правила меновой торговли: «За равное — равное?». Этот человек сказал нам приятные слова — и мы сказали ему приятные слова. Разве, утверждая, что я сильнее льва, и что от моего голоса рассыпаются горы в прах, а лик мой краше луны, он дал мне на руку что-либо осязаемое? Разве мы не знаем, что он лгал? Но он порадовал нас словами, и мы порадовали его словами. Таким образом, ложь — за ложь, товар — за товар. А если бы ты выдал ему за слова дирхемы, то это был бы явный убыток для нас, о чем я тебя и предупреждаю.

— Теперь вы понимаете, почему в Баласагуне так мало поэтов? — закончил свой рассказ Саид-сплетник. — Говорят, Табгач Богра-карахахан Кашгарский не таков. Вот по какой причине наш великий и несравненный мавлана Юсуф покинул родной город и отправился в Кашгар, ко двору правителя, столь ценящего истинных поэтов!

«По-моему, точно такой рассказ я читал у бессмертного аль-Джахиза, — подумал Махмуд. — Только речь там шла о совсем другом правителе. — Однако мой двоюродный дед вполне мог поступить так же».

Присутствующие посмеялись рассказу Саида и стали расходиться. На прощание араб спросил у Махмуда:

— Насколько я понял, титул «Богра-хан» с вашего языка переводится как «Великий верблюд-хан»?

— Двугорбый верблюд-производитель, — уточнил Махмуд.

— Велик Аллах! Нет предела чудесам этого мира! — воскликнул араб. — Если бы у себя на родине я назвал

так самого последнего из наших эмиров, мне немедленно отрубили бы голову!

Наконец все разошлись, задержался лишь Махмуд. Он увидел, как хозяин завернул миску с горячей лапшой, лепешкой и луковицей в чистую тряпку и передал старику-чтецу со словами: «Отнеси этой несчастной!».

Потом объяснил Махмуду:

— Половина караван-сарая — там, где складские помещения, — принадлежит купцу Бадану. Он придерживает много товаров в ожидании, когда цены на них поднимутся. И там же, в комнатке с решетками держит рабыню-искусницу: она ткёт ему ковры — кылемы. А этот старичок когда-то был наставником в медресе, что у мечети Ибрагима ибн Насра. А потом годы согнули его спину и не стало у него мочи справляться с нерадивыми шогирдами. Теперь он служит сторожем на складах купца Бадана, а у него ведь три неженатых сына. За каждую невестку нужно уплатить калым. Вот я и даю ему возможность подработать.

— А почему купец Бадан держит свою рабыню-искусницу здесь, за решеткой, а не дома, как это в обычае у мусульман?

— Одна из причин та, что пленница очень строптива: говорят, купец не одну плетку измочалил, приучая ее к покорности. А вторая причина — в жене купца. Она захватила верховную власть в доме и не терпит соперницы. Купец же очень жаден и совсем плохо кормит свою рабыню. Из жалости каждый вечер я передаю ей еду со старичком-сторожем.

— Аллах вознаградит тебя за доброе сердце, — сказал Махмуд.

— Он уже вознаграждает меня. Я сыт и дети мои почитают отца. Как сказал мавлана Юсуф:

«Пока ты живой — все желанья с тобой,

Цела голова — сладишь с целью любой!»

— И еще сказал светоч разума мавлана Юсуф:

«Еще бедняков встретишь ты меж людьми,
Одаривай их, напои, накорми.
Молитвой тебя они вознаградят,
А это — прекрасное дело, о брат!»

Махмуд сказал:

— О почтенный! Прекрасные стихи достигли самой глубины моего сердца и вызвали бессонницу. Не одолжишь ли на ночь эту замечательную книгу, дабы я мог насладиться божественной мыслью великого хасс-хаджиба в тишине и уединении? За хорошую плату, разумеется.

Хозяин осторожно вытер переплет рукавом и бережно подал книгу, словно драгоценность:

— Возьми, почтенный. А денег не надо: моя душа вознаграждена уже тем, что в твоём лице я встретил Понимающего и Чувствующего.

...Затих караван-сарай, затих многоязыкий город. Звездное покрывало ночи простерлось над Баласагуном, над ханским дворцом, над «минаретом минаретов», над усталыми слободками ремесленников.

А в своей комнатке Махмуд-странник при свете двух чирагов с волнением вчитывался в строки. Вот она, первая великая поэма на чистом тюрки, языке «хаканийя»? Ах, как он был прав, когда спорил с учеными сочинителями касыд в Багдаде и Нишапуре, Мерве и Самарканде, в Кашгаре и Узгенде, доказывая, что язык тюрков не менее богат и выразителен, чем арабский и фарси, которыми они пользуются! Просто никто еще не взял на себя смелость попробовать писать на этом «языке невежественных кочевников», как презрительно называли тюркскую речь придворные поэты, многие из которых по своему происхождению были тюрками!

И вот такой человек нашелся. Хвала же тебе, Юсуф из Баласагуна! Будь славна и земля Баласагуна, родившая поэта.

Махмуд откинулся на подушки и закрыл глаза. Он испытывал глубокое удовлетворение — впервые за последние годы. Мавлана Юсуф, сам того не ведая, оказал ему, Махмуду, великую поддержку и укрепил дух. Теперь он знает наверняка: не зря было испытано столько лишений, исхожено столько дорог. Не зря он вложил столько труда в свою книгу. «Словарь тюркских наречий» теперь особенно нужен — нужен, как никогда!

Махмуд уже провидел внутренним зрением грядущие поколения тюркских поэтов, которые перестанут, наконец, стыдиться родного языка и откроют миру все его богатства, все его красоты! И в утверждении тюркской речи как равной в семье других литературных языков будет и его заслуга, недостойного и скромного ученика «великих» — Махмуда из Кашгара.

...Со стен шахристана глухо донеслась барабанная дробь, возвещавшая полночь, а человек, освещенный красноватыми язычками чирагов, все склонялся, чуть сторбившись, над книгой и беззвучно повторял бейты, в которых воплотился опыт поколений, мудрость предков, сам дух Идущего Времени...

СОН

Махмуд заснул лишь под утро. И приснился ему сон...

...Когда стал великим хасс-хаджибом мавлана Юсуф, слава его распространилась далеко вокруг. Услышав об этом, с гор Баласагуна, из долин Таласа и Чу, с побережья Иссык-Куля потянулись к нему многочисленные родственники и друзья. Так всегда бывает, если человек достигнет чего-нибудь значительного в жизни. И вот пришли они толпой в жилище поэта.

— О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты меня? — кричал мужчина в бараньей шапке.

— Слава Аллаху, узнаю: ты мой двоюродный дядя. Эй, ылымга (секретарь)! Прикажи выдать почтенному дяде тысячу дирхемов!

— О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты меня? — закричала какая-то женщина.

— Узнаю: ты моя ача (двоюродная тетка). Эй, ылымга! Выдай пятьсот дирхемов!

— О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты нас? — раздалось сразу несколько голосов.

— Да, узнаю. Вы — мои инилери (младшие родственники по мужской линии). Эй, ылымга! Выдай им по сто дирхемов.

Тут еще подбежал человек:

— Великий хасс-хаджиб! Я — друг твоего детства. Мы вместе играли в альчики.

Хаджиб посмотрел в свой кошель, а там осталось всего два дирхема.

— Понимаю, — сказал он. — Мы — оба друзья детства, значит, расходы на двоих. Выдай нам, о ылымга, по дирхему на человека!

И тут раздался еще один голос:

— А меня ты узнаешь?

— Ты моя старшая жена Айша.

— Что же мы будем ужинать? — сказала Айша. — Пусть книга твоя — сокровище, но ее не положишь в казан.

Хасс-хаджиб протянул ей дирхем.

— Этот дирхем дала мне дружба. Пошли слугу на базар: пусть купит мяса.

— Плохие стали нынешние деньги и плохие цены, — отвечала Айша. — Моей бабке рассказывала ее бабка, что в их времена после большого базара нераспроданный скот забивали и продавали мясо по серебряному дирхему за ман. А теперь, что я куплю на этот черный дирхем? За мясо старого козла надо платить целых шесть дирхемов и еще один данг.

— Не печалься, жена, — отвечал хасс-хаджиб. — Слава Аллаху, дети наши уже пристроены и заботы о них нет: сыновья служат в войске, а дочери замужем. А ты, о жена, сходи в гости к подруге. Я же пообедаю у великого хакана во дворце. Так и перебьемся до следующего жалованья...

А в это время родственники и друзья детства выходили из дворца, звеня монетами и почем зря ругая поэта за скудость. Мог бы де и больше отсчитать этих беленьких и кругленьких...

От этого звона Махмуд проснулся. Первое, что он увидел — своего слугу. Агуш сидел на цветной кошме, поджав под себя ноги, старательно раскладывал перед собой монеты, шевеля губами и морща лоб. Тут были и фельсы, и дирхемы «гитрифи», несколько серебряных дирхемов, отчеканенных по приказу хакана Ибрахима ибн Насра (нынче дирхем чеканят лишь из сплава меди и олова) и даже несколько золотых саманидских динаров. Видимо, слуга

вытряхнул все содержимое своего драгоценного мешочка, о сохранности которого он всегда так беспокоился.

— Я вижу, ты, словно полководец, устроил смотр своим войскам спозаранку, — заметил Махмуд.

— Это не войска, — возразил Агуш, — Это карта. Ходжа Махмуд удивленно вскинул брови.

— Ты видишь перед собой карту всех тех земель, которые измерены копытами наших коней во время бесчисленных скитаний, — важно заявил Агуш.

В глазах Махмуда зажглись веселые огоньки, он присел на корточки.

— Пусть так, — сказал он. — А где же здесь горы, реки, города и селения?

— К чему мне горы и реки? От них только беспокойство путнику: то карабкаешься под небеса, то ищешь брод. Нет на моей карте и бесчисленного роя селений. Я составил ее, идя другим путем.

— Каким же? И что означают разбросанные в беспорядке монеты?

— Наоборот: здесь строгий порядок! Вот смотри: начали мы скитания за год до того, как Тогрул-бек Сельджук взял Багдад¹. Мы пошли в земли огузов, что кочуют по Сырдарье. Нас там угощали хорошо: огузы не любили сыновей Али-тегина Самаркандского², мы не любили их тоже, вот огузы и встретили нас с почетом. Я кладу здесь серебряный дирхем. Дальше мы попали в кочевья кыпчаков. Сначала гостили у Кылыч-бека — очень хорошо гостили! Я кладу здесь золотой динар. Потом кочевали вместе с Алтын-баем йемеком. Тут нам не повезло: напало зловердное племя кай и угнало стада Алтын-бая. Нам пришлось подтянуть животы: плохое было угощение! Поэтому я кладу здесь медный фельс.

¹ В 1055 г.

² Один из представителей западной ветви Караханидов.

Махмуд начал постигать картографический принцип своего слуги.

— Потом мы поехали в земли тюргешей. — Агуш положил цепочкой три дирхема и золотой динар. — Очень хорошо кушали: свежая баранина, мясо молочных жеребят... А какой кумыс подавали!

Агуш облизнулся и закатил глаза.

— От них мы повернули морды наших коней на восход солнца к чигилям. Все они — приверженцы Якуб-бека, и потому угощали нас не очень хорошо. Я кладу черный дирхем. У карлуков с Черной речки гостили прекрасно, но мало. — И Агуш положил обрезок золотого динара.

— Но я вижу несколько простых камешков, — вставил Махмуд. — Что они означают?

— Это перевалы в горах, где нам приходилось голодать или питаться жалкими запасами из курджунов.

— А что ты скажешь о нашей теперешней стоянке? Ведь пища здесь неплохая и хозяин Хасан — человек щедрый. Пожалуй, здесь следует положить золотой динар.

— Ничего не скажу! — отрезал Агуш. — И динара не положу. Ты же запретил мне говорить всем о твоём происхождении. Разве мы гости? Мы только постояльцы, и угощает нас здесь собственный кошелек. Вот и я его угощу!

Агуш сгрёб все деньги в заветный мешочек и завел свою обычную песню:

— Э-эх! Разве дело для высокорожденного испещрять следами своего коня пустынные горы и безбрежные, как небо, степи? Ночевать у костра кочевника? Или кормиться в харчевнях, как последний айар?

— Но ты же знаешь, работа моей жизни того требует.

— Вай-уляй! Разве нельзя было вызывать к себе во дворец людей всяческих племен и, сидя на шелковых подушках, повелеть старательным писцам, чтоб они записывали их речи?

— Сказанное во дворце отличается от того, что говорится у степного костра под звездами.

— Кокуй! — воскликнул с горечью Агуш. — А ведь любой правитель с радостью отдал бы нам во владение большой-большой икта с городами и селениями!

И Агуш ясно представил себе: в огромной зале с колоннами, на золотом троне сидит, поджав ноги, его господин — падишах Махмуд. Он, Агуш, сын Бекмека — у подножия трона, дородный, важный везир-югруш. А перед ними — бесчисленные гости, послы и просители с богатыми подношениями. Писцы скрипят каламами, записывая прибыль, и пот усердия струится по их щекам...

Агуш с сожалением вздохнул, а ходжа Махмуд вспомнил, с чего начались их скитания. Наверное, с того момента, когда он, царевич Махмуд, отправился на чужбину пополнять свое образование. На путешествие в поисках знаний ушло несколько лет. Он побывал за это время в Бухаре, Самарканде, Газне и Мерве, Нишапуре и Багдаде. В ученых спорах он свободно переходил с фарси на арабский, но когда начинал говорить на тюрки, замечал пренебрежение к себе и к своей речи. Было обидно. И появилась мысль исследовать все многообразие тюркских наречий, чтобы выделить главное, коренное и отбросить все наносное, равными путями проникшее в тюркскую речь. А чистую тюркскую речь уж давно не услышишь в городах. Согдаки и кенджеки давно испортили ее звучание, исказили смысл, дополнили своими словами. Чистая, как родниковая вода, тюркская речь осталась лишь в кочевьях. Вот из чего родились бесконечные скитания по землям и племенам.

Немало способствовали этому и кровавые события, происшедшие в Кашгаре в 449 г. хиджры¹, как раз в то время, когда он возвращался домой.

¹ 1057–1058 гг.

Великий хакан Сулейман ибн Юсуф — глава восточной ветви Караханидов — был слабым и набожным человеком. Такому не править огромной империей, а проповедовать с минбара в мечети. Он не мог укротить железной рукой своеволие удельных правителей — великий каганат распадался на глазах.

Тогда младший брат хакана Мухаммад Богра-хан (родной дед ходжи Махмуда) сверг Сулеймана, заключил его в крепость и занял престол. В скором времени он назначил себе наследника — своего старшего сына Хусайна Джагрытегина, правившего до того в Барсхане (на южном берегу озера Иссык-Куль). Хусайн был отцом Махмуда.

Но такое решение вызвало ярость у новой жены хакана, молодой и прекрасной, но злой и жестокой нравом. У нее был маленький сын Ибрагим — вот кого она прочила в наследники!

И хатун, которую люди прозвали «Владычицей бедствий», пошла на преступление. Она составила заговор. На одном из пиров она отравила своего мужа — хакана, наследника престола и еще многих членов царствующего дома. И в то время, когда в торжественном зале еще слышались предсмертные хрипы умирающих, сообщники хатун убивали в комнатах, на галереях и в дворцовых коридорах и переходах слуг, телохранителей, чиновников и военачальников — всех, кто сохранял верность погибшему хакану. Сулеймана же задушили в тюрьме. Престол занял юный Ибрагим, как того хотела «Владычица бедствий».

И узнал Махмуд-тегин, что нет больше у него деда — могучего правителя, нет отца, нет даже отчего дома и сама жизнь его в опасности. Эти события навсегда вызвали у юного Махмуда отвращение к власти и борьбе за власть. Трудный, порой очень суровый, но зато чистый от крови к чужих слез путь ученого избрал он себе. Так и скитается он двадцатый год по стране, хотя давным-давно никакая опасность не угрожает ему, и он мог бы занять

соответствующее своему происхождению место в иерархии династии. Но... Пусть занимают посты другие. Его же пост определен самой Вечностью.

ВО ЧРЕВЕ БАЛАСАГУНА

Тэмир-проводник так и не явился. Поручив слуге разузнать о нем у банщика, ходжа Махмуд отправился на городской рынок приискать хорошего каллиграфа-писца.

Знаменитый на всю Чуйскую долину Баласагунский базар! Он занимал огромную площадь — в несколько танапов — и был окаймлен цепью постоянных дворов-муызнликов и караван-ашкан: в них любой мог найти себе и ночлег, и пропитание. Кроме того, горячую и холодную пищу продавали прямо между базарных рядов крикливые разносчики своего товара: тут были и свежие лепешки, приготовленные в тандыре, и лепешки с маслом — какур-ган, и вареная требуха, и сладкие пирожки — бистандуд. Повсюду настигал прохожих запах жарящегося на открытых жаровнях мяса и печенки.

Желающему утолить жажду из вместительных кожаных бурдюков — чаначей предлагали кымыз, бекни (налиток из пшеницы), агарку (напиток из ячменя) и бозо (из проса).

Было здесь и особое место для крепких напитков. Из винного погреба, что у Невакетских ворот (его содержал хмурый, всегда трезвый старик-аргу), часто слышались веселые голоса: то беспечные гуляки-ринды, осушая чаши с белым ароматным вином райхани или с базилем — опьяняющим напитком (рецепт которого был завезен из арабских стран), распевали песни о тщетности всего земного, о жестокосердных красавицах со станом, подобным гат-фарскому кипарису¹.

¹ Гатфар — один из кварталов средневекового Самарканда, славившегося своими кипарисами; образ-штамп в поэзии того времени.

Добродетельные люди, проходя мимо этого «грешного места», плевались и бормотали заклинания.

А чего только не было на Баласагунском базаре! Вот кузнечные ряды. На арбах лежат выплавленные куски железа, олова, меди, привезенные с гор Таласа и Чаткала. Кузнецы и медники продают готовый товар: железные лемехи — букурсы, мотыги, вилы, кетмени, медные кувшины — кумганы, плотницкие топорики — теша, подковы, походные котелки. Тут же стоят барсханские¹ купцы с колоколами и колокольчиками, казанами и походными чашами, блюдами и мисками, отлитыми из металла харсини.

За кузнечными рядами оружейники расхваливали изогнутые сабли, прямые мечи, наконечники стрел и копий, боевые топорики, огромные секиры — балду, шлемы-мишюрки и шлемы-шишаки, железные щиты — тэмир калкан.

Дальше идут многочисленные гончарные ряды. Целые горы облицовочной терракоты, жженого кирпича, водопроводных труб из обожженной глины — кубуров. На солнце-пеке громоздились пирамидами чаши, миски, горшки для варки пищи и огромные кувшины-хумы для хранения продуктов (в каждом из них может спрятаться человек), светильники — чираги всевозможных форм, изящные глазурованные флакончики для мазей и даже детские свистульки.

Согдийская глазурованная посуда еще в IX в. получила известность на всем мусульманском Востоке. Спустя век ремесленники Семиречья (среди которых было много осевших тюрок) упрочили славу предшественников. Посуда зачастую была украшена цветным орнаментом или изображениями живых существ (вопреки запрету ислама): лягушки, фазана, медведя, льва и даже человека. На многих выписаны богоугодные изречения.

¹ Барсхан — город на южном берегу Иссык-Куля (около совр. Берскоон), родина отца Махмуда Кашгарского Джагры-тегина Хусейна.

Вот какой-то кочевник (судя по одежде — из племени канглы) остановился около гончаров и стал нерешительно рассматривать горшки. Хозяева тотчас наперебой принялись расхваливать свой товар, хватая покупателя то за рукав, то за полу длинного овчинного тулупа.

— Слушай, почтенный, какой чистый звук у моей посуды! — кричал один и щелкнул по выпуклому боку горшка. А какая надпись на нем: «Пусть будет он наполненным. Аминь. Аминь!». С таким пожеланием твой горшок станет для тебя вечным источником добра, и дела твои упрочатся!

— Не слушай его, о бек-джигит! — кричал сосед. — Мой горшок ничуть не хуже, зато надпись вчетверо длиннее за ту же цену! И какая надпись! Не его жалкое изречение, а стихи мудрейшего хасс-хаджиба Юсуфа. Вот послушай:

«Будь добрым и печься о суетном брось:
Кто добр, для того и богатство нашлось.
Во гневе разумным и сдержанным будь,
Терпение — к завтрашней радости путь».

— У меня еще лучшие стихи мавланы Юсуфа! — кричал третий гончар. — Они, как светильники, озарят для тебя путь праведный:

«С поспешностью дел не свершай никогда:
За каждую спешкой приходит беда.
Терпя да запасшись усердием впредь,
Сумеет и раб пояс бека надеть».

Бедный канглы, сраженный изречениями, только успевал поворачивать голову.

Бродя меж базарных рядов, ходжа Махмуд убедился, что словно моровое поветрие овладело жителями Баласагуна: у всех на устах были строки из поэмы знаменитого земляка. Не только гончары снабжали свои изделия спасительными изречениями из «Кутадгу билиг». Оружейники, выковывая саблю, делали на лезвии или рукояти надпись:

«Мне зла пожелавший погибнет от зла,
Хотящий пограть меня — погран до тла».

Чеканщик на блюде выбивал:

«Пораньше вставай и пораньше ложись,
Встающему рано — все блага дались!»

Даже ювелиры ухитрялись своими тончайшими инструментами выводить на перстнях что-нибудь вроде:

«Входя, погляди, где обратная дверь, —
Где выхода нету, там много потерь».

Или:

«Речь людям дарует и власть, и почет,
А лишнее слово и шею свернет!»

И мало беды, что невежественные кочевники с гор не разумели грамоты: все равно товар с надписями шел нарасхват — кочевники принимали афоризмы из поэмы за могущественное заклинание. А хорошее, умело составленное заклинание всегда пригодится.

В поисках каллиграфа ходжа Махмуд обошел весь огромный базар. Он побывал и в той части, где земледельцы продавали урожай со своих наделов: просо, ячмень, пшеницу, овес, чечевицу, горох. Высились горы арбузов — букан, огромные корзины с луком, чесноком, всевозможной зеленью, орехами, яблоками; оставлялись лишь узенькие проходы для покупателей.

Прошел он и через скотный базар: здесь кочевники торговали овцами, быками, конями, мулами, верблюдами, а также продуктами скотоводства: выделанными кожами, овечьей, верблюжьей шерстью и даже шерстью яков, овчинными тулупами, войлоком, кожаными ремнями, уздечками, коврами собственной выделки. Здесь же у них можно было купить их охотничьи трофеи: шкуры барсов, тигров, джейранов, горных козлов, а также ловчих беркутов и соколов. Рядом собирали готовый остов юрты. Тюрки, даже став горожанами, летом ставили ее в своих маленьких двориках и до самых холодов жили под войлочным куполом.

Побывал он даже в рядах, где торговали приезжие купцы. Тут можно было увидеть узум — сушеный виноград

из Ферганы, ткани из Самарканда и Бухары, шелк из Кашгара, хну из Ирана, купить ароматную косметическую мазь — галию в изящной стеклянной баночке (для жены или возлюбленной) и даже приобрести кашкул — миску из скорлупы кокосового ореха — такие носили у пояса дerviши и собирали туда подаяния. Кыргызы в белых колпаках встряхивали связками соболиных мехов, продавали душистый мускус и рог таинственного зверя хуту.

А какая пестрая толпа на Баласагунском базаре! Тут можно встретить представителей всех племен, населяющих державу Караханидов.

Вот прошли группой — судя по окантовке на халатах — иссык-кульские чигили. А вот — карлуки из-под Тараза; они — правоверные мусульмане, а поэтому на их высокие шапки — калансувы намотан кусок белой ткани — чалма. А вот тюргеши в длинных чекменях. У каждого за наборным поясом слева висит сабля, впереди — кинжал, справа — кошель с застежками, оселок, мешочек для кремня и огнива.

Ну а вот, без сомнения, горец — тухси. Ислам еще не захватил безраздельно высокогорные районы и у тухсийца из-под калансувы по дедовскому обычаю свисают две черные косы, смазанные бараньим жиром.

Но больше всего аргу — народа, произошедшего от смешения, как говорится, семи племен, главным образом согдийцев, тюргешей и карлуков. Они — основные жители городов и селений Чуйской долины. Говорят они на смешанном тюркско-согдийском наречии, на «испорченном» языке, как считал Махмуд.

Все аргу трудолюбивы, энергичны. Они хорошие земледельцы и превосходные ремесленники. И, как истые горожане, очень любят азарт и сутолоку крикливого базара. Здесь они, как рыба в горном ручье.

Делятся горожане на три сословия: богатых — байлар, людей среднего достатка — орта и бедняков — чыйгайлар.

Богатые — это купцы, хозяева мастерских, крупные землевладельцы. Средние — ремесленники и крестьяне. Бедняки — это те, кому не повезло в жизни; их трудом кормятся все, кто стоит наверху. Основная масса их трудится на полях в качестве батраков (бала), подмастерьями в мастерских. Таскают тяжести городские носильщики-хаммалы и, несмотря на тяжелый труд от зари до зари, еле сводят концы с концами...

Да, огромен и многолик городской базар!

Но нигде в этом людском скопище Махмуд не встретил того, кто ему требовался. Наконец, когда он уже потерял всякую надежду, близ мечети Ибрагима ибн Насра он увидел маленький ряд, где продавали медные и терракотовые чернильницы, тростниковые перья — каламы, бумагу из Самарканда и тушь из страны Чин-Мачин (Китая).

Он купил эти милые его сердцу товары. Однако на вопрос о переписчиках все торговцы наперебой ответили:

— Нельзя найти такого! Все переписчики в городе получили множество заказов и руки их освободятся не скоро!

Как выяснилось, все городские грамотеи трудились над перепиской поэмы Юсуфа Баласагунского.

Богатые купцы, состоятельные ремесленники, окрестные землевладельцы — все пожелали иметь список «Кутадгу билиг». Иметь собственный экземпляр поэмы — значило прослыть человеком просвещенным, поднимало престиж.

Махмуд шел с базара и размышлял о могуществе истинной поэзии. Исполненный благоговения, он пожелал запечатлеть в памяти дом, где провел почти всю жизнь мавлана Юсуф.

В тени густого карагача несколько мальчишек играли в альчики. Он выбрал одного побойчее и подозвал его:

— Хочешь заработать фельс? Покажи дом, где жил мавлана Юсуф.

— Великий хасс-хаджиб? — уточнил мальчишка и пропел: «И вышел из дома он в дальний поход, путям да стоянкам немалый был счет».

Махмуд улыбнулся и кивнул одобрительно головой.

— Да возрадуется твой отец! Но где же все-таки дом?

— Давайте фельс!

Получив фельс, мальчишка указал на строение, возле которого они стояли:

— Вот он. Только там теперь живет купец Бадан. Он не любит, когда к нему приходят незваные гости.

— Откуда ты знаешь?

— Я его сын.

«Где-то я уже слышал имя купца Бадана», — подумал Махмуд и вспомнил: складская половина караван-сарая, старенький чтец-сторож, искусная рабыня за решеткой...

Тем временем остальные мальчишки, завидев монетку в руке товарища, окружили незнакомца и хором начали кричать:

«Богатств не копи, о вещах не радей,

О мудрый, дарами возрадуй людей!».

Махмуд, улыбаясь и покачивая головой, вынул горсть медных фельсов и оделил мальчишек.

Однако те, заметив, что в кошельке прохожего еще что-то позвякивает, не отставали:

«Кто щедр и о ком с похвалой говорят?

О том, кто для ближних всем жертвовать рад!»

Ходжа Махмуд пошел прочь, но мальчишки бежали следом, крича:

«Кто жаден, тот — раб этой страсти своей,

Дари, ясноликий, свое, не жалеи!».

Видя, что от маленьких нахалов так просто не избавиться, Махмуд остановился и внушительно произнес:

«Распустит отец с малых лет своих чад —

Ты их не вини — сам отец виноват!»

Мальчишки остановились.

«А дети, когда у них черствы сердца,
Не вспомнят по смерти ни мать, ни отца!
Бывают ли дети такие верны?
О нет, — они плохи, дела их — дурны».

Мальчишки глядели ему в рот.

«Рожденный нагим умирает нагим,
Зачем же тянуться к соблазнам мирским?»

Продолжал Махмуд, грозно нахмурив брови. Мальчишки начали пятиться. А он сделал шаг к ним и продолжал:

«Нежадных не манят чужие недостатки,
И честные на ублажение не падки».

Мальчишки двинулись назад, оглядываясь на пришельца.

Когда же он прочел:

«И совестным, кротким быть надобно тоже,
Бесстыдных чуждайся, быть с ними нежеже», —

Маленькие вымогатели кинулись прочь со всех ног.

Какой-то ремесленник, проходивший мимо, догадался, в чем дело, и сказал, извиняясь за детей:

— Прости их, спутник! Эти пострелята выучили несколько стихов великого хасс-хаджиба (да будет на нем милость Аллаха!) и теперь околачиваются у его бывшего дома, чтобы кланчить монетки у любознательных и легковерных пришельцев...

КУПЕЦ БАДАН

К обеду ходжа Махмуд вернулся в караван-сарай: законы приличия не позволяли постояльцам тратить свои деньги в чужих харчевнях.

Первым, кого встретил ходжа, был Тэмир-проводник, Лицо его светилось радостью.

— Мне кажется, у тебя хорошие вести, — сказал ходжа Махмуд.

Тэмир закивал головой, оглянулся по сторонам и стал нашептывать, примеряясь к шагам ходжи Махмуда:

— Господин! Я вчера нашел моего друга-брата Сатука.

— Почему ты говоришь с опаской?

— Потому что Сатук сбежал от хозяина-купца: он очень жесток со своими рабами. А купец тот владеет теперь половиной вот этого караван-сарая. Сатук прячется у банщика Удуна в подземелье, топит печь... Он нигде не может показаться: ведь купец сразу схватит его...

— Почему же он не уйдет в горы?

— В этом караван-сараяе, на половине купца, находится его возлюбленная Бурул. Злой хозяин запер ее в помещении, а Сатук хочет ее освободить. Сегодня же мы узнали, что купец Бадан продал ее арабу, живущему здесь, араб скоро уезжает и собирается увезти девушку.

— Значит, искусница-рабыня, сидящая за решеткой у купца Бадана, и есть ваша прекрасная Бурул...

— Да, господин.

— Тогда я выкуплю ее. Предложу вдвое большую цену, чем дал араб.

— Не делай этого, господин! — возразил Тэмир. — Ты и так много потратился на меня.

— Какие пустяки! А деньги — прах, их не стоит жалеть, когда дело идет о спасении человеческой жизни или свободы. Сейчас же найду купца...

— В этом нет нужды! — поспешно сказал Тэмир.

Махмуд удивленно взглянул на своего бывшего проводника.

— Мы ее освободим другим путем, — объяснил Тэмир.

— Уж не хотите ли вы напасть на араба и захватить девушку? Этот путь ненадежен, путь этот — разбойничий.

— Прости, великий эмир! Я не могу сказать большее, но завтра ты все узнаешь.

— А почему именно завтра?

— Завтра истекает срок аренды у банщика Удуна, — загадочно отвечал Тэмир. — А послезавтра араб собирается увезти нашу Бурул.

Махмуд пристально посмотрел на проводника.

— А если ничего не выйдет, тогда мы обратимся к тебе за помощью, — добавил тот, глядя себе под ноги.

Махмуд пожал плечами:

— Как знаешь... А теперь пойдем обедать.

Они расположились на открытой галерее так, что перед их глазами был весь двор. Служители принесли им обед, Откуда-то появились Агуш и Саид-сплетник. Лицо Саида расплывалось в самодовольной улыбке, он взвешивал на руке пухлый кошелек:

— Сегодня расплачиваться за угощение буду я, о почтенные! Знайте же, что Саид-рассказчик всегда отдает свои долги.

— Наш знакомец совершил выгодную сделку, — предположил Агуш, пододвигая к себе миску с мясом.

Саид важно кивнул. Он не стал распространяться о том, что сделка эта на самом деле называлась удачной

игрой в кости с простодушными селянами, приехавшими на Баласагунский базар, и по-хозяйски пододвинул себе другую миску.

Послышались громкие голоса. В ворота караван-сарая вошли араб, человек с крашеной бородой (в нем ходжа Махмуд тотчас признал того самого прохожего, который упрекнул его за поданный нищему фельс) и с ним несколько городских носильщиков-хаммалов.

Араб и краснобородый спорили, энергично жестикулируя.

— Если бы не прискорбная весть о войне между Меликшахом из дома Сельджука и Шамс-аль-Мульком Самаркандским¹, я бы ни за что не продал товары так дешево, за полцены! — говорил араб. — Но теперь я должен спешить. Ты крепко наживешься на этом деле, о купец Бадан!

Тэмир-проводник тронул за рукав Махмуда и прошептал, кивнув на краснобородого:

— Вот он, тот самый купец...

А краснобородый отвечал арабу:

— Другие дадут еще меньше. А я ведь сверх условленного добавляю впридачу еще и мастерицу-искусницу, как ты хотел.

Араб, вздыхая, отдал приказания носильщикам, и те стали перетаскивать его товары на другую половину караван-сарая, в склады купца. Краснобородый крикливо распоряжался, придирчиво осматривал и взвешивал тюки. Когда работа была закончена, он долго спорил с хаммалами, пытаясь сэкономить несколько лишних фельсов.

Потом сказал арабу:

— Рабыню я передам тебе завтра утром. Сегодня же пусть еще потрудится на меня. Я сам останусь на ночь и прослежу за ее работой.

При этих словах Тэмир-проводник вздрогнул, а Саид заметил с усмешкой:

¹ Война началась в 1074 г.

— Вот каков нрав этого сквалыги...

Краснобородый, словно услышав эти слова, оглянулся, увидел ходжу Махмуда и удивленно вскинул брови;

— Ой! Это ты — человек, неразумно тратящий свое достояние? И Саид-прилипала здесь? Вот-вот: транжира и вымогатель — самая подходящая компания!

Свадебный Саид был уязвлен до глубины души. Глаза его сделались колючими, и он ответил:

— Эй, купец Бадан, а ведь ты великий должник передо мною! И не подобает тебе поносить своего благодетеля.

— Аллах свидетель! Я у тебя не брал займы. Да и водились ли у тебя когда-нибудь деньги?

— Разве ты не помнишь тот дождливый вечер, когда ты пришел с караваном усталый и голодный, а есть было нечего, и я сварил тебе три яйца?

— Это я помню! — высокомерно отвечал купец. — Я помню всех, кто мне должен, и кому я должен. Три яйца? Вот тебе фельс, о торгующий гостеприимством. И мы в расчете.

— Не совсем, — сказал Саид.

— Разве три яйца дороже, чем фельс?

— Пусть так. Но ведь прошло уже два года. Из этих яиц вывелись бы петушок и две курочки; пусть даже два петушка и курочка. Курочка снесла бы за это время две сотни яиц. Из яиц вылупились бы — на худой конец — полторы сотни цыплят. Цыплята бы выросли. Каждый цыпленок стал бы взрослой курочкой или петушком. Эй, хозяин, сколько стоит вареная курица?

— Полтора дирхема.

— Видишь? Ты съел у меня сто пятьдесят вареных кур за один присест, и если считать по полтора дирхема за каждую, то это будет... это будет...

— Двести двадцать пять дирхемов, — подсказал Махмуд.

— Ты слышал? Вот сколько должен мне этот купец, о правоверные! Но я прощаю ему долг, у меня щедрая рука и доброе сердце!

Смеялись все: и караван-сарайщик, и обедающие, и особенно громко обиженные купцом при расчете хаммалы.

Купец не нашелся, что ответить, он только яростно вращал глазами, затем плюнул и пошел прочь, на свою половину.

Свадебный Саид сказал презрительно вслед купцу:

— Этот скряга и лицемер хуже разбойника Озара, а сам делает вид, что у него большая дружба с Аллахом. Но разве я не знаю, что он каждое утро натирает свой лоб чесноком, дабы вызвать синяки на лбу — якобы от усердных поклонов в мечети!..

Тэмир-проводник казался сильно встревоженным. Он торопливо попрощался и покинул караван-сарай. А Саид продолжал мстительно:

— Я теперь не вижу нужды скрывать и добавлю к моему рассказу в бане: этот Бадан — тот самый купец, чья жена была возлюбленной Халила-воина. Купец до сих пор не знает об этом — так ему и надо!

Ходжа Махмуд заметил:

— Итак, все герои получили имена. Безымянным остался только юноша-посыльный...

— Возможно, это был я, — ответил Саид-сплетник. — А впрочем, Аллах знает лучше.

ТАЙНА КОЛОДЦА

Настал вечер, и со всех минаретов зазвучали серебристые и как бы прозрачные голоса муэдзинов. Но томительнее всех был голос азанчи по имени Кюль-Оге, доносящийся с вершины «минарета минаретов». Несколько лет назад на состязании муэдзинов всей Чуйской долины он оказался лучшим. Недаром восхищенный народ прозвал его «флейтой Аллаха».

И Агуш, окончив молитву, с гордостью сообщил своему господину:

— Говорят, он тоже из племени ограков, как и я...

За ужином опять было чтение поэмы, а потом Махмуд провел наедине с книгой (если не считать храпящего слуги) несколько счастливых часов до полуночного барабана. В конце концов сон сморил его, хотя был тревожным: время от времени мешал какой-то скрипящий звук.

Перед рассветом Махмуд проснулся оттого, что явственно скрипнула дверь. Вошедший слуга, зябко поеживаясь, направился к своему ложу.

— О, творящий беспокойство, — проворчал Махмуд. — Ты всю ночь скрипишь дверью и рвешь нить моего сна.

— После жирной хозяйской пицци рука нужды много раз выводила меня за дверь, — отвечал Агуш. — Зато чудные дела видел я во дворе! Поистине, обитатели этого города обладают свойством повергать в недоумение и вызывать удивление!

— Что же ты видел?

— Заметило ли твое око колодец во дворе?

— Еще бы! Он стоит как раз посередине и огражден надстройкой величиной с минарет,

— Так вот, какие-то люди — не иначе, как служители караван-сарайчика — всю ночь таскали из хранилища купца Бадана тюки с товарами и топили в этом колодце! Но это еще не самое удивительное... — Слуга наклонился к уху хозяина и таинственно зашептал:

— А потом через двор пробежала девушка, подобная райской гурии, затмевающая красотой луну, схватилась за веревку и тоже опустилась в колодец!

— Побойся Аллаха! — возразил Махмуд. — Как же ты мог увидеть красоту девушки, если была темная безлунная ночь! Или они зажгли факелы?

— Нет, факелов не было, — отвечал несколько растерявшийся слуга. — Но вся фигура этой девушки источала блеск и сияние, словно падающая звезда, такая не может быть уродкой.

Махмуд только махнул рукой и закрыл глаза, собираясь продолжить сон. Но Агуш не угомонился.

— Но и это еще не все! После девушки все носильщики тюков, один за другим, скользнули по веревке вниз и тоже скрылись в колодце!

— Вчера ты слишком много съел, — заметил хозяин, — вот тебе и померещилось все это!

— Какую тайну откроет нам утро! — мечтательно продолжал Агуш, укладываясь. — А дело, увиденное мной, таково, что без тайны здесь не обойтись. И долго ли будут сидеть в колодце носильщики и та девушка? Глубок ли колодец? Я думаю, они завалили его до половины и теперь сидят на тюках. Для чего? Где концы этого удивительного происшествия?

Слуга оказался прав: утро началось не совсем обычно. Едва лишь забрезжил рассвет, и с многочисленных минаретов потянулись нити-голоса муэдзинов, призывавшие на молитву, как тут же их заглушил пронзительный истош-

ный вопль где-то рядом, за стеной. Махмуд вздрогнул и открыл глаза. Слуга уже сидел на постели, вытянув шею.

— Начинается! — сказал он и, снедаемый любопытством, выскочил за дверь.

А вопли за стеной сменились громкими стенаниями. К ним присоединился шум многих голосов. «Видно, случилось что-то нехорошее», — подумал Махмуд, нашел свои чуваки со стоптанными задниками и вышел на свежий воздух.

Уже совсем рассвело. Чуть ли не все население караван-сарая толпилось во дворе. У складских помещений метался купец Бадан с растрепанной бородой, без чалмы и громко причитал, всплескивая руками. Через настежь открытые двери было видно, что склады, еще вчера ломившиеся от товаров, пусты. Ни единого тюка! Ни даже оброненной тряпочки!

— О горе мне, о разорение! — стонал купец. — Где мои хорасанские шелка? Где кумисские¹ ткани? Где йеменские сандал и алоэ? Где позолоченные и посеребренные нишапурские сосуды? Все украл бессовестный вор!

Под стенкой всхлипывал дряхлый сторож-чтец, избитый под горячую руку купцом. Тут же стоял караван-сарайщик Хасан, мрачно слушал причитания пострадавшего. Из-за плеча Хасана выглядывали заспанные его сыновья.

Купец вдруг кинулся к Хасану и вцепился ему в бороду с криком:

— Вот кто возместит мне все мои убытки! Воистину, вор — это ты! О, мусульмане! Нет другого вора, кроме этого нечестивого караван-сарайщика, и ответ на нем!

Два хозяйских сына схватили обезумевшего купца за руки, пытаясь спасти отцовскую бороду. Сам караван-сарайщик, повернув расстроенное лицо к толпе, проговорил дрогнувшим голосом:

¹ Кумис — город в Иране, славившийся производством тканей.

— Не повинен я в таком злодействе, о мусульмане! За всю свою жизнь я не украл и медного фельса. Это безбожное дело совершилось в моем караван-сараяе — признаю. Но как? Не знаю, не ведаю! Ведь все вы видите, что ворота всю ночь были на запоре, заперты они и сейчас! А через высокие стены воры не могли унести такое множество тюков!

В толпе послышались голоса в поддержку хозяина:

— Справедливо!

— Ворота действительно всю ночь были на запоре: я спал рядом в каморке и услышал бы, если бы их открывали!

— И чтобы вынести столько тюков, понадобился бы целый караван носильщиков, а такое без шума сделать нельзя!

Но были разговоры и против:

— Раз товары не вынесли, значит, они здесь, в пределах этих стен. Может быть, караван-сарайчик спрятал товары в каком-нибудь тайнике, одному ему известном!

Вскоре прискакали городские стражники во главе с самим начальником городской стражи — толстым, надменным беком, сидевшим на караковом жеребце. У его стремени встал палач с засученными рукавами.

Выслушав обе стороны, а также многочисленных свидетелей, бек постановил:

— Раз ворота всю ночь были на запоре, через них товары просочиться не могли. Это дело рук хозяина караван-сарая или совершено при его участии. Сознаться, куда ты дел товары почтенного купца?

— Не брал я его товары! — отвечал Хасан.

— Может, это сделали твои сыновья?

— Сохрани Аллах и помилуй! Мои сыновья воспитаны в страхе перед грехом и в почтении к чужому имуществу.

— Или кто-нибудь из твоих родственников или слуг?

— Нет у меня здесь родственников, а слуги — вот они: это бедные, но честные люди.

— Мое добро пропало в его доме, — кричал купец. — Вина на нем!

— Горе тебе, о караван-сарайщик! — грозно сказал бек, нахмутив густые черные брови. — Эй! Возьмите этого человека и секите до тех пор, пока его лживый язык не вступит на дорогу признания!

Несчастливого Хасана схватили и тут же растянули на плотно утрамбованной земле. Один воин сел ему на плечи, двое — на ноги, а палач начал охаживать плетью. Бедняга стонал и охал. Сыновей, рванувшихся на помощь отцу, держали стражники.

Махмуд, издали наблюдавший над свершением правосудия, забрал бороду в горсть, что означало великие сомнения и колебания, терзавшие его душу.

Агуш осторожно дернул его за полу халата:

— О господин мой, что же мы будем делать?

— Значит, все, что ты видел ночью, правда! — тихо сказал Махмуд. — А я-то думал, что это твоя очередная выдумка.

— Почему терпит такие мучения этот несчастный? Не лучше ли признаться в содеянном?

— Однако, как я ошибся в этом караван-сарайщике! — бормотал Махмуд. — Я думал, он добродетельный человек! Хоть мне и не жаль ничуть скрягу-купца и поделом, что грабители унесли его товары, мне все же не хочется верить, что причиной этому — наш радушный хозяин. Может ли человек, любящий стихи, стать вором?

— Может, поведать беку-начальнику всю правду, и мучения Хасана прекратятся?

— Не делай этого. Если караван-сарайщик молчит под плетью, значит, так ему нужно. А потом, разве ты не знаешь, что ожидает уличенного в краже?

— Ему выжигают на лбу клеймо и отрубают правую руку, — сказал Агуш.

— А потом забирают все его имущество в казну, а самого, искалеченного, опозоренного и нищего, изгоняют из города.

— Велик Аллах! Что же заставило такого почтенного человека решиться на столь опасное дело?

Между тем в раскрытые настежь ворота караван-сарая набилось с улицы множество людей: весть об ограблении уже распространилась не только по слободе Урюкты, но и по всему Баласагуну. Люди — кто угрюмо, кто со злорадством — смотрели на расправу.

Когда насчитали двадцать ударов, бек подал знак, и палач опустил плеть, отдуваясь.

— Признавайся! — грозно требовал начальник. — Вспомни Аллаха и загробный мир! Вспомни Мункара и Накира!

— Не виноват я, не виноват! — кричал несчастный, — Во имя Аллаха, помилуйте невинного! Господин начальник, в Коране сказано: «И не убивайте чад своих». А все мы — чада нашего повелителя Тогрул-карахакаана. О, правоверные! Смотрите, как попирают справедливость! Меч заблуждения опускается на шею неведающих! Горе нам, сыны мой!

— Может, и не виноват этот караван-сарайщик, — говорили в толпе.

— Виноват всегда тот, кто с краю, — поддакивали другие.

— Я его знаю вот уже десять базарных сезонов как честного человека.

— Это верно! Никогда караван-сарайщик Хасан не пятнал себя воровством и делами, подобными воровству!

— Однако товары-то у купца пропали, а ворота были заперты, — возражали скептики. — Где же искать вора?

Тем временем бек, раздраженный столь наглым запира-тельством, велел и сыновей караван-сарайщика растянуть

на земле. Кожаные плети-камчи сразу вспороли кожу, спины юношей окрасились кровью.

Но они молчали, зато отец, увидев муки сыновей, принялся кричать так горестно и пронзительно, что у многих дрогнули сердца.

— Яй-яй! — говорили в толпе. — Если бы этот караван-сарайщик был действительно виновен, разве он не признался бы ради своих детей?

Тут же стояли отдельной группой банщик Удун и его сподручные. Переговаривались:

— И достается же бедному Хасану!

— Этот Шайтанбек беспощаден, я его знаю: спустит с Хасана и его сыновей всю шкуру.

— Это верно! Не сдобровать тому, кто попадет в его руки. Спаси нас Аллах от его неистовства!

— Ничего! — сказал банщик Удун. — Вот откроются городские ворота, и мы спокойно уедем. Больше нам здесь делать нечего.

Один из сподручных, рослый красивый юноша, сказал:

— Братья, мы должны помочь этим людям.

— Как ты им поможешь? Лечь под плети вместо них?

— Караван-сарайщик Хасан сделал много добра, он кормил и не обижал мою Бурул, и я не могу смотреть на его страдания, — отвечал юноша.

— Эй, Сатук! — грозно сказал банщик. — Выбрось глупые мысли из головы! Не то... — и он взялся за нож. Лицо юноши вспыхнуло от гнева.

— Уходите! — сказал он. — Быстро уходите! Спасайтесь!

И не успели его приятели что-либо предпринять, как он стал решительно проталкиваться сквозь толпу, громко крича:

— Остановитесь! Остановитесь! Эти люди не виноваты!

Банщик, увидев, что юношу не достать, торопливо сказал своим:

— Уходим! Скорей, скорей! Пусть Шайтанбек сожрет этого дурака!

И они исчезли за воротами караван-сарая.

— Пропустите меня! Я скажу! — продолжал кричать юноша.

Все, сколько ни было людей, повернули в его сторону головы. Юноша протолкался сквозь толпу и стал перед беком.

— Эти люди действительно не виноваты. Караван-сарай ограбил я!

Словно ветерок пронесся над изумленной толпой.

— Кто ты, о человек, говорящий так смело? — спросил бек, глядя с высоты своего коня.

— Я Сатук из рода чарык племени кыргыз.

— Раз ты кыргыз, значит, кочевник, — сказал бек. — А я никогда не слышал, чтобы горцы-кочевники были участниками подобных дел. Как ты оказался в городе и почему занялся столь богопротивным ремеслом?

Тут вмешался купец Бадан:

— Великий бек! Это мой беглый раб! Я приобрел его за большую цену у кыргызского тархана Сауд-барса вместе с юной и прекрасной рабыней. Но в Баласагуне он сбежал от меня.

— Покажите мне рабыню! — сразу заинтересовался бек.

— Он украл и девушку, этот святотатец, прелюбодей и осквернитель брачных лож! И покарать его надо не иначе, как посадить на кол!

— Куда ты спрятал девушку? — строго спросил бек.

Сатук гордо ответил:

— Девушка уже далеко, и вам легче схватить шайтана за хвост, чем ее.

От такой дерзости все на минуту окаменели. А Сатук продолжал:

— Но остальные товары, украденные мной, я могу вернуть. Обвяжите меня верёвкой и спустите в этот колодец! А затем я предам себя в ваши руки.

В толпе раздалась «ахи» и «охи».

— Вот куда он запрятал товары!

— Кто бы мог догадаться!

— Колодцем-то никто не пользуется давным-давно...

Агуш дернул Махмуда за полу халата и торжествующе прошептал:

— А что я говорил! Но ведь и девушка должна быть в колодце, я видел собственными глазами...

Притащили длинную веревку и обвязали преступника. Сатук перелез через сруб. Двое стражников начали понемногу травить конец. Вытравили уже порядочную длину, когда веревка ослабла. Стали ждать В толпе переговаривались:

— Колодец-то неглубокий.

— Теперь, видно, он обвязывает тюки, и сейчас начнут поднимать.

Но все было тихо. Стражники стали окликать Сатука и заглядывать в колодец. Однако разглядеть там было ничего нельзя.

— Эй, торопите его! — сказал бек нетерпеливо.

— Он не отвечает!

— Тогда вытащите его обратно!

Стражники без всяких усилий вытянули пустую веревку.

У бека от гнева начала подергиваться щека. На глаза ему попался Халил-воин.

— Эй, спустись в колодец и посмотри, что там!

Халила-воина обвязали веревкой и он, с кинжалом в зубах, исчез в таинственной и черной пасти. Через минуту из глубины донесся его удивленный возглас:

— Здесь подземный ход!

Толпа онемела. Даже грозный бек раскрыл рот и выпучил глаза. Правда, он сумел опомниться первым.

— Спустите ему факел, и пусть он пройдет по этому ходу до конца! — приказал бек.

Стали ждать результатов. Из колодца — опять ни звука. Халил-воин со своим факелом, казалось, исчез навсегда. Толпа застыла в напряженном молчании. Агуш рядом с Махмудом даже постанывал от нетерпения.

Появился Халил-воин совсем с другой стороны, с громкими возгласами вошел в раскрытые настежь ворота караван-сарая и стал проталкиваться вперед.

— Солнцеподобный бек! — доложил воин. — Ход вывел меня в подземелье бани, где истопники жгут дрова для нагревания воды.

— А где же банщик Удун?

— Его нет, о правоверные!

— А служители банщика?

— Они все, как видно, убежали вместе с этим юношей-грабителем, о меч веры! Топки погашены и черна зола в очагах.

В толпе опять послышались изумленные возгласы:

— Вот кто были сообщники юноши-грабителя!

— А ведь банщик казался таким благочестивым человеком!..

Бек подумал мгновенье, потом сказал:

— Ничего не поделаешь, о купец Бадан! Имущество твое скрылось вместе с этими ворами, и нет ему обратной дороги к тебе, пока мы не поймаем дерзких.

Он дал знак, чтобы развязали Хасана и его сыновей. По приказу бека по всем дорогам, ведущим через предместья Баласагуна к его воротам, помчались конные стражники для розыска беглецов.

И бек уехал.

— О горе, о разоренье! — кричал купец. Он поднял с земли горсть пыли, посыпал голову и пошел прочь, царапая ногтями щеки и оглашая двор стенаниями, пока они не заглохли за стенами караван-сарая.

Избитый, но зато освобожденный караван-сарайщик Хасан произнес ему вслед:

«Послушай, что мудрость сказала про скряг:

Мошенник, себя обокравший, — бедняк!

И что есть гнусней, чем корыстный расчет?

Скопил — но потратил, и все пропадет!

О скряга, впихнувший весь мир в тайники.

Готовь угощенье — ждут едоки!»

Толпа шумно выражала одобрение — та часть, на которой были лохмотья:

— У этого скряги еще столько добра, что хватит на целое полчище воров и грабителей.

— Но каков джигит этот юноша! И сам ушел невредимым, и спас невинных от казни!

Другая часть толпы — та, что была в шелковых халатах — молча и угрюмо направилась к выходу вслед за купцом.

Когда почти все уже разошлись, прибежал запыхавшийся Саид в съехавшей набок шапке и стал хватать за руки служителей, умоляя рассказать подробности. Потом сел в сторонке и заплакал.

Агуш осведомился о причине его слез.

— Разве ты поймешь! — всхлипывал Саид. — Горе мое велико: не я первый увидел это небывалое происшествие! Я даже совсем не видел его! И что я расскажу людям? Нет, кончился Саид-рассказчик! Теперь люди будут ему говорить, а он — слушать! О горе, горе! — и Саид опять залился слезами.

Агуш не успел как следует утешить своего знакомого, как увидел во дворе караван-сарая невесть откуда взявшегося Тэмира-проводника, взъерошенного, но радостно улыбающегося. Он махнул Агушу приветственно рукой и направился к галерее, где сидел Махмуд, собравшийся завтракать. Агуш тоже поспешил туда.

— Так вот каковы были замыслы! — сказал Махмуд, улыбаясь и хмурясь одновременно.

Тэмир поклонился и сел рядом.

— Из всех знатных беков, каких я встречал, ты один обладаешь сочувствием к обездоленным, о эмир! — сказал бывший проводник. — И потому я все тебе расскажу. Этот банщик — вовсе не банщик. Это великий разбойник Озар.

Когда мой друг-брат сбежал от купца, его приютил Озар. Три месяца Озар и его люди копали подземный ход в караван-сарай, чтобы украсть товары жестокосердного купца Бадана. И Сатук копал: он хотел вызволить свою любимую. И вот дело свершилось, и я — участник его. Я ждал друга-брата с девушкой и двумя конями в доме седельника Берды, ведь седельник тоже кыргыз и сочувствовал нашему горю. Теперь Сатук и Бурул далеко за старыми суябскими воротами. А там необозримое царство камышей в пойме реки Чу. Разве отыщешь две иголки в таком стогое?

— А погоня? — напомнил Махмуд.

— Да, погоня... И я очень боюсь, что их настигнут. Ведь разбойник Озар со своими людьми и всеми товарами уехали совсем в другую сторону — к Зенбийскому перевалу — и не окажут им помощи.

— Пойдите, — вмешался Агуш. — Я сейчас вызову дождь, и стражники вернутся или заедут в какую-нибудь харчевню переждать непогоду. А твои друзья тем временем оторвутся от преследователей.

— Как же ты сделаешь это? — удивился Тэмир.

— При помощи яда-камня, которым снабдили меня дэвы со Священной горы в славном городе Ош. Это не простой камушек. Он так и называется «камень дождя». Как-то мы с господином проезжали Священную гору, а было это под пятницу ночью. Вдруг слышим — крики, ссоры. Оказалось — дэвы собрались на свой базар: и продают, и покупают. А товаром у них служили волшебные камни: одни вызывают дождь, другие — град, а третьи — засуху. Когда рассвело и дэвы разлетелись, я нашел вот этот камушек. Его потерял хромой дэв, мой старый знакомый: у него курджун дырявый со времен царя Сулеймана¹. Дэв — большой лодырь и все никак не соберется поставить на свой курджун заплатку.

¹ То есть библейского Соломона, считавшегося повелителем дэвов.

Махмуд весело рассмеялся, слушая разглагольствования слуги.

Тэмир широко раскрыл глаза и рот, потом спросил:

— А вдруг этот камень вызовет засуху?

— Сейчас посмотрим! — отвечал Агуш. И он, с видом, который говорил: «То ли мы еще можем», — присел на корточки около хауза, омокнул темный камень в воду и стал брызгать вокруг и в небо, приговаривая:

— Брысты-турысты! Мобады-рубады! Солнце — за гору, туча — в долину! Эй, дэвы! Исполняйте то, что положено!

В солнечной небесной лазури паслись лишь маленькие облачка-барашки, и ничто не предвещало дождя.

Тэмир-проводник следил за манипуляциями Агуша с недоверчивой улыбкой:

— Откуда взяться дождю?

Но Агуш указал на дальнюю гору, из-за которой чуть-чуть высунулся кончик темной тучи:

— Дэвы знают свое дело!

Ходжа Махмуд сказал Тэмиру:

— Агуш хитер. Он сначала увидел дождевую тучу, а потом стал вызывать дождь: теперь-то он наверняка пойдет.

И действительно, через полчаса туча-великан, тяжелая, пузатая, обложила полнеба и низвергла на долину потоки воды. Казалось, кипела земля, вдоль улиц неслись желтые ручьи, смывая осенние листья, щепки, верблюжий навоз и прочий мусор.

...А когда кончился дождь, Агуш, в одиночестве заканчивавший завтрак, увидел еще одного знакомца: Билял-поэт, промокший, бледный, похудевший, шагал по двору через лужи, с блуждающим вокруг растерянным взглядом.

— Эй, Сладкопонец! — окликнул его Агуш. Билял обрадовался чрезвычайно и устремился к Агушу на галерею, словно в землю обетованную. Он долго обнимал и хлопал Агуша по спине, так же долго отжимал свой драный халат и остатки чалмы, потом сказал, вздыхая:

— Не зови меня больше Сладкопевцем. Отныне моим леgebом станет Муфлиси, что означает «Бедный» и что более соответствует моему теперешнему положению.

Агуш заказал ему похлебку из мяса и чечевицы — по арабски «тафлила», но Билял-поэт набросился на нее, не спрашивая названия. Он ел долго и самозабвенно. Агуш терпеливо ждал. Потом спросил:

— Виделся ли ты с братом?

Билял-Муфлиси уныло покачал головой:

— Виделся, но лучше бы не видеться. Пока я ходил в Багдад набираться мудрости, дома произошли большие перемены. Отец и мать умерли, и все имущество досталось брату. Брат оклеветал меня перед отцом и уговорил завещать ему все добро.

— Но неужели родной брат ничего тебе не дал и оставил прозябать в нищете? Что скажут тени отца и матери?

— А что могут сказать тени? Отца он убедил еще тогда, когда он не был еще тенью. А матери у нас разные. Его мать была из Мерва. А ведь всем известно, что самые жадные из всех мусульман — хорасанцы, а мервцы — наихуднейшие из хорасанцев. К тому же, оказывается, брат ещё и женился на дочери мервского купца...

— Ой-бой, — сказал Агуш, — такой брак может быть только делом преисподней.

— И теперь он пускает деньги в рост и никогда не подает нищему самого истертого медного фельса. Соседи дали ему прозвище — Бадан-кудук, что означает не только «Колодец», но и «Прорва».

— Кокуй! — воскликнул Агуш. — Так твой брат — купец Бадан?

— Да, — ответил Билял. — Он теперь стал и купцом, и ростовщиком, разбогатев на торговле с кочевниками.

— Горе тебе, имеющему такого брата и такую невестку, — сочувственно сказал Агуш.

— Он выгнал меня из дому и велел больше не показываться на порог. А поводом стало то, что я, забывшись, назвал его «Кудук». Он этого слова теперь и слышать не может.

Агуш размышлял некоторое время, потом сказал:

— Слушай же, Билял-страдалец! Хорошо ли ты владеешь каламом?

Билял сверкнул было глазами — как прежде! — но тут же сник:

— Я думал, что хорошо, а невежественные люди считают, что плохо. На мои стихи нет покупателя.

— Мои слова не о твоих стихах, — досадливо перебил Агуш. — Я говорю о твоём почерке.

Билял гордо выпрямился:

— Я целых три месяца служил писарем — битигчи у владетеля селения Таракташ эмира Юлдаша! Я владею семью видами почерка и читаю суры Корана семью видами чтения! Я владею арабским письмом, двумя видами уйгурского и даже могу воспроизвести письменные знаки людей «тарса»¹. Я...

Агуш поднял руку:

— Возрадуйся же! Ведомо ли тебе, что мой господин ищет хорошего и усердного каллиграфиста для переписки его великого сочинения «Диван лугат ат-тюрк»? И положит за это хорошую плату?

— Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха! — радостно лскричал Билял. — Я буду переписывать его величайшее и мудрейшее сочинение днем и ночью обеими руками!

Закончился переполох, отшумели страсти, и жизнь в караван-сараях потекла по привычному руслу.

Когда голос Кюль-Оге — «флейты Аллаха» с вершины «минарета минаретов» призвал к третьему намазу во второй половине дня, Махмуд уже диктовал Билялу-переписчику:

¹ Тарса — христиане-несториане, эмигранты из Сирии, обосновавшиеся в Чуйской долине еще в VIII в.

«Хотя я происхожу из тюрок, которые говорят на самом чистом языке., которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место.... я пядь за пядью исходил все эли, селения, степи тюрок. Я полностью запечатлел в уме своем живую рифмованную речь тюрок, туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов... И вот эту книгу после столь долгого изучения и поисков я написал самым изящным образом, самым ясным языком...».

И мы сие повествование — о благословенный читатель! — написали со слов наших великих предков: Юсуфа хасс-хаджиба ал-Баласагуни (он же Баласагуни), Махмуда Кашгари (он же ал Барсхани), Усамы ибн Муккыза, ал-Джахиза и других мудрецов. Да не оставит их Аллах в мире ином, где все мы будем!

**ПЕРВОЕ
ПОСОЛЬСТВО**

*Историческая
новелла*

СОН

Два бия, два правителя-родоначальника племени сарыбагышей не ладили между собой. И народ разделился на две части. Одни стояли за грозного Исенгула, богатого и властного. Другие поддерживали Атаке, знаменитого когда-то барымтача, победителя калмаков, прозванного за свою удаль батыром.

Аксакалы-старейшины пытались примирить врагов, но маленький вначале огонек вражды успел разгореться в большой костер и потушить его мог теперь разве только всемогущий Аллах.

Храбрые воины-сарыбагыши готовились к истреблению друг друга в братоубийственной расправе.

Бий Атаке, стараясь избежать взаимной резни, откочевал со своим кошем подальше от Исенгула.

Пусть утихнут страсти! И самый большой костер заливают вода времени! Пройдет срок, и все как-нибудь уладится.

Так думал Атаке.

Но иначе рассудил властолюбивый и гордый Исенгул.

В один из дней примчался гонец от начальника дозора Уркалы:

— Уважаемый бий! Сюда идет Исенгул с войском. Его джигиты громко кричат ураан! (боевой призыв).

Окружившие Атаке советники и джигиты заволновались:

— Что делать? Уйти некуда...

— Принимать бой? Но их в два раза больше...

— Э! Разве калмаков было меньше? Но мы поколотили и прогнали их прочь.

– Атаке! Принимай решение! Или ты боишься? – крикнул самый нетерпеливый.

Нет, не испугался Атаке соперника! Разве он дрожал когда-нибудь за свою жизнь? Но вступать в бой с братьями, пролить кровь своих же сородичей...

Бирназар, его ближайший друг, видя нерешительность предводителя, сказал:

– Дадим бой! Чего же ты медлишь?

– Нет! – сказал Атаке.

Бирназар не поверил собственным ушам.

– Ты хочешь сдать на милость врага? Исенгул никого не пощадит!

– Какого врага? Я знаю нрав Исенгула. Но они тоже сарыбагыши! И сдаваться мы не будем. Да и не в моем это обычае. Мы уйдем.

– Куда?! – закричал Бирназар в сердцах. – Мы же в капкане!

– Видишь? – Атаке показал камчой на узкую тропинку, вьющуюся над пропастью.

– С женщинами, детьми и скотом? – Бирназар недоуменно глядел на своего бия.

– Со всем кошем! – подтвердил Атаке.

– Там и козел не пройдет!

– А мы пройдем. Эй, мастера-удальцы, золотые руки! – обратился Атаке к джигитам. – Видите вон ту тропинку? Это наша дорога в рай. Нужно только быстро отгородить ее жердями от пропасти, чтобы ненароком не свалились туда овцы или женщина, или слабосильный. За работу!

Он первым схватил жердь и шагнул на тропу.

Прискакал второй гонец:

– Исенгул идет!

– Пусть идет, – отвечал бий, подтаскивая новую жердь. На тропе уже стучали топоры, и джигиты веревками связывали накрепко длинные жердины.

Прискакал третий гонец:

— Исенгул приближается!

— Торопитесь, храбрецы! Спешите, отважные! — подбадривал Атаке строителей. А с тех и так лил пот в три ручья. И вот тропа ограждена прочными деревянными перилами. На нее вступили дети и женщины, предводительствуемые стариками. Гнали скот. Тащили скарб, держа лошадей под уздцы.

Примчался четвертый гонец:

— Джигиты Исенгула вот-вот будут здесь!

— Быстрее, сестры! Быстрее, красавицы! — подбадривал Атаке женщин. Мужчины сгрудились вокруг своего вождя, приготовили айбалта — боевые топорики и длинные острые пики — найза, угрюмо посматривая в конец ущелья.

Наконец примчался сам начальник дозора Уркалы с оставшимися джигитами:

— Люди Исенгула скачут за нами по пятам. Что делать?

Атаке посмотрел на тропу. Последняя немощная старуха, держась за перила и подгоняя овцу хворостиной, уже скрывалась за поворотом.

— Уходить! — скомандовал Атаке.

Он ушел последним, осторожно ведя за чембур своего чалого. Конь всхрапывал, приседал на задние ноги и пугливо косил глазом в бездну. Но шел, послушный железной руке хозяина...

Подлетевшие воины Исенгула не нашли ничего и никого. Даже овечьего хвоста. Бий Исенгул грозно ругался, проклинал шайтанов, несомненно помогавших его врагу уйти из ловушки. Но поделаться ничего не мог. Не идти же по узкой, как мост в рай, тропке гуськом навстречу коварному противнику! Ведь за поворотом наверняка засада. И отряд Исенгула повернул назад...

ДУМЫ О БЫЛОМ

Старый бий Атаке проснулся. Так это был всего лишь сон! Горько пробуждение в старости после молодых снов! Но все равно, возблагодарим Аллаха за то, что он посылает нам иногда такие яркие воспоминания!

Атаке лежал, покряхтывая, почесываясь. За стенкой юрты гремела казаном эта девчонка Айгуль, что-то напевая.

Эх-хе-хе... Вот заставили еще раз жениться. Как откажешься? Уметалы-бий — важный человек, породниться с ним велит здравый смысл. А теперь что же получается? Ведь беззубый пес кость не разгрызет. И разве мудро на хромого верблюда взваливать поклажу? Получается совсем нехорошо. Вон она какая молодая, приткая...

Правда, Бактыгул-мерген весной убил марала-рогача и подарил бию. Не помог «эликсир молодости». Видно, врут табибы.

Эх, старость, проклятая старость! Сколько навалилось разных болячек-хвороб! Он вспомнил, как они с братом Сатыбалды темными ночами, в дождь и холод, угоняли косяки лошадей, по двое-трое суток тряслись в седлах мокрые, промерзшие — и не знали никаких болезней! Знаменитые на всю Фергану барымтачи, сыновья бия Тыная...

Да, тогда сарыбагыши, спасаясь от калмакских сабель, бедствовали в предгорьях Ферганы. Не хватало пастбищ для скота. Им отвели бесплодную землю, и Тынай-бий со всем своим родом копал арык, чтобы оросить сухие степи. Казалось, конца не будет постылой работе. Атаке и сейчас помнил кровавые мозоли на ладонях от проклятого кетменя.

Братьям-храбрецам не по нраву пришлось такая жизнь. И они крепко, ой как крепко, побратались с темной ночью, верным конем и неверной судьбой.

Отовсюду к ним стекалась отчаянная молодежь. С горстью смельчаков братья перешли Нарын и на Суусамыре разгромили калмакский отряд. Эту битву Атаке не забудет до самой смерти. В тот раз какой-то калмак никак не хотел умирать. Умело защищаясь, он изловчился и ударил Атаке саблей в лицо. Глаза уцелели, а вот нос — как бритвой срезало. С тех пор батыр не снимал черную повязку, скрывая уродство.

Началась война. Толпами к ним шли сарыбагыши, а также обездоленные и обиженные из других кыргызских племен. После многих кровопролитных схваток калмаки были вытеснены из Чуйской долины, а потом и вовсе ушли — в Джунгарию.

Хорошее было времечко! Где оно теперь? Где милый брат Сатыбалды? Эх, старость, проклятая старость!..

Горькие думы Атаке с личного врага — старости — переключились на судьбы своего народа и потекли по привычному руслу. Что ждет племена кыргызов в будущем? Не ожидает ли их гибель от руки сильных и беспощадных соседей? И где искать выход из создавшегося положения?

Недаром посещали такие мысли старого бия Атаке! Для этого были веские основания.

Во 2-й половине XVIII в. недавно сложившееся Кокандское ханство начало войну против южнокыргызских племен. В 1762 г. кокандские войска под командованием Ирданы-бия напали на кыргызов и опустошили земли «в стране Узе» (Узген). Город Ош был захвачен. Против завоевателей выступило ополчение племен адыгине, ичкилик и монголдор во главе с Хаджи-бием. Но в решительном сражении оно было разбито и ушло в горы.

С вступлением в 1770 г. на кокандский престол Нарбуты-бия натиск на кыргызов усилился. Нарбута пользовался

любой возможностью, чтобы внести раскол в среду кыргызских феодалов: привлекал подарками одних и натравливал их на других.

Однако кыргызы отстаивали свою независимость. Надолго ли? И не последует ли за этим продвижение кокандцев в Чуйскую долину и на Иссык-Куль?

С другой стороны, с востока, к кыргызским границам вплотную приблизились владения китайцев — империи Цин. В 1757—1758 гг. ранее могучее Джунгарское ханство ойратов-калмаков пало под ударами цинских войск. Китайские полководцы сравнялись в жестокости с Чингисханом. Вот что писал столетие спустя А. Н. Куропаткин, посетивший Восточный Туркестан: «Китайцы, вероятно, считали свою власть мало упроченною в Джунгарии, потому что эта страна досталась им без кровопролития. Поэтому в следующем же, 1758 году, пользуясь незначительными частными восстаниями, богдыхан выслал три армии под началом Чжао Хоя и Фу Дэ с приказанием искоренить джунгаров, началось страшное избиение калмаков без разбора возраста и пола. Около 1 000 000 душ погибло в этой бесчеловечной резне... жители этой некогда богатой страны были истреблены».

От некогда могущественного народа осталась едва ли пятая часть. Они спаслись бегством в Россию, где нашли защиту и помощь. Мелкие группы калмаков укрывались в горах. Атаке сам приютил в своих кочевьях бывших врагов — несколько десятков семейств, на правах «бедных родственников», а точнее, кулов. Китайские отряды Чжао Хоя, преследуя беглецов, в 1758 г. через перевал Санташ вторглись в кыргызские земли на Иссык-Куле.

Китайцы вскоре ушли. Но ведь они могут вернуться и, если не дать им отпор, остаться навсегда!

А положение на севере? Оттуда уж много лет на кыргызские кочевья злой тучей налетает беда?

В 1778–1781 гг. в Среднем жузе казахов возвысился Аблай-хан. Он совершил ряд набегов на соседей из Старшего жуза и их союзников — кыргызов. Земли Аблая подверглись ответным набегам. Незадолго до смерти (1781 г.) Аблай-хан с большим отрядом разорил кыргызские кочевья, взял заложников и остался кочевать в окрестностях города Туркестана.

Взаимная вражда, набеги барымтачей продолжаются и при сыне Аблай-хана, теперешнем Вали-султানে. С той и другой стороны пылают айлы, льется кровь. И не видно этому конца. Такие уж наступили жестокие времена, что народы-братья подняли друг на друга вооруженную руку...

УТРО

За стеной юрты опять загревели посудой. Послышались голоса. Один — звонкий, беспечный принадлежал Айгуль. Второй — рабу-калмаку, доставшемуся Атаке в качестве приданого за молодой женой.

Однако за девчонкой глаз да глаз нужен. Не опозорила бы на старости лет. Совсем отчаянная — ничего не боится. И этот раб слишком уж часто крутится возле нее. Ведь у женщин, особенно у молодых, бывает дурной вкус. Сердце свое отдают не храброму джигиту или мудрому государственному мужу, а смазливому хорьку, за которым ни громких дел, ни высокого положения, ни большого имущества — ничего нет...

Солнце поднялось уже высоко, и дел впереди много. Вот едет Жээренчэ — легок на помине! А он как раз собирался за ним послать.

Жээренчэ спешил, осведомился о здоровье бия и принял из рук служанки пиалу с кумысом. Атаке глядел на своего советника с грустью: постарел, постарел старый друг! Вон какой длинной стала седая борода — до самого пояса. А ведь оба были, кажется, совсем недавно чернокрылыми орлами.

Атаке вспомнил их первую встречу.

Как-то он объезжал свои владения и встретил кедея, шедшего пешком. Кедей почтительно и весело приветствовал своего племенного вождя. Атаке придержал коня и спросил:

— Как дела?

— Э! — отвечал кедей. — Как говорится: «Хорошие времена у других, плохие времена — у себя».

— Почему плохие?

— Если медленно иду — беда меня погоняет, быстро иду — сам беду нагоняю.

— Или скот пал?

— Сохрани бог! Скота у меня давно уже нет.

— Жена, дети — живы, здоровы?

— С этим слава богу. Все пять ртов, включая и мой, — кедей обнажил крепкие зубы, — целехоньки. И каждый день есть просят. А ведь что в казан положишь, то и съешь. Ну, а если положить нечего?

— Разве у тебя нет рук или ног, чтобы заработать еду для семьи?

— У каждого на этом свете разная доля, — отвечал кедей, — одного секут ветры и поливают дожди, а другой нежится в теплой юрте на кошмах. Один ест талкан на воде, у второго каждый день на достархане бешбармак. Мой богатый родственник Сасыкбай забыл, сколько у него овец. Только я могу их сосчитать: семь раз по сто и еще пятьдесят. Потому что пасу их. У тебя, великий бий, коней и баранов — что звезд на небе, а в нашем аиле на десять семей джатаков — ни одной головы.

На это бий ответил:

— Какой смысл кеклику обижаться, что беркут летает выше? И правильно ли сделает чий, если захочет тягаться ростом с елью? У каждого своя доля — это ты верно заметил.

Теперь отвечал кедей:

— Аллах сотворил всех людей равными. Все мы произошли от Адама. Почему же тогда один ест так, будто у него сразу три рта, а другому не достается и объедков? Потому что богатые и сильные отнимают пищу у слабых.

— Пальцы на руке в один день родились, но один меньше, другой — больше, — возразил Атаке. — Разве бывает долина без горы? Разве могут овцы без пастуха?

— Одним пальцем не ущипнешь, а если они помогают друг другу, получается кулак. Почему же богатые не хотят помочь бедным?

— Как твое имя?

— Жээренчэ, — так назвали меня отец с матерью. А люди: зовут Жээренчэ-кедеем .

— Тебя можно назвать и Жээренчэ-чечен, — сказал тогда Атаке и пригласил бедняка к себе в гости. Это было неслыханным почетом для нищего кедея. Но Атаке знал, что делал. С тех пор Жээренчэ стал неизменным советником во всех делах, и ни один его совет не оказался плохим.

...Когда старики подкрепились, бий сказал:

— Тому, о чем мы с тобой давно думали, пришло время. Будем созывать малый курултай. Посылай гонцов от моего имени ко всем биям и аксакалам.

КУРУЛТАЙ

В аил бия Атаке с утра начали съезжаться гости. Сначала ближние: младшие бии — главы родов сарыбагышей. Убеленные сединами аксакалы, почитаемые за ум и опыт. Батыры — выдающиеся джигиты, прославившиеся при защите своих кочевий или при нападении на чужие в лихой барымте.

Потом, звеня богатыми уздечками, в окружении свиты, советников и личных дружин стали один за другим прибывать вожди союзных племен — саяков, монголдор, жилдей-кесеков, бугинцев, саруу.

Для богатого пира основательно перешерстили тучные стада радушного хозяина. Не было забыто и поголовье, которым владели простые члены рода — чарбадары. По обычаю, сородичи ради столь важного события поднесли своему феодально-патриархальному главе тартуу — подарки в виде круторогих баранов, нежных овечек, жеребят-тай и жирных кобылиц.

В больших казанах на открытом воздухе варили бешбармак на две сотни гостей. Жарили боорсоки, процеживали бозо, взбивали кумыс.

Самые знатные и почитаемые могли рассчитывать на ночлег в юртах предводителя; всех прочих по обычаю готовы были приютить обитатели аила.

В честь праздника организовали скачки, а также состязание джигитов в стрельбе по мишени — джамбы атыш, когда завернутый в кожу кусок серебра подвешивают за длинный ремешок на высоком шесте. Чтобы

получить приз, джигит должен на всем скаку попасть в ремешок стрелой и сбить джамбы.

Много лихих наездников пробовали силы, но самым метким стрелком оказался Шергазы — сын старого и мудрого Жээренчэ. Атаке сам вручил приз победителю, но при этом недовольно поджал губы — Шергазы ему не нравился.

Этот джигит прославился храбростью и силой, но, по мнению Атаке, был слишком беспокойным человеком. И слова он говорил часто такие, какие уже давно перестал высказывать его отец. И еще — старый бий не хотел в этом признаться даже самому себе — потому не нравился Шергазы, что рос вместе с Айгуль и люди говорили, будто их когда-то связывала нежная дружба...

Наконец, в большой белой юрте Атаке собрались бии, аксакалы и батыры.

Первым слово взял сам чон-бий Атаке.

— Я пригласил вас, уважаемые, чтобы обсудить, как нам жить дальше. Вы знаете, сколько горя и бедствий принесли нам походы калмакских ханов. Теперь калмаков нет, но вместо одного старого врага появилось три новых. С Восхода нам угрожают победители калмаков, воины страны Цин. Эти люди носят длинные косы, но у них совсем не женские замашки. Жестокость их не знает предела; посмотрите, как они расправились с могущественными калмаками! Их юрты сожжены, все люди поголовно убиты, скот угнан. Такая судьба грозит и нам.

Аксакалы зашевелились, но никто не перебил великого бия.

— А с Заката? Мы, старики, помним, сколько бедствий претерпел наш народ от Ирданы — правителя западных земель. Теперь в Коканде правит Нарбута-хан. Он как волк глядит по сторонам: нельзя ли где задрать соседскую овцу заодно с хозяином. Уже пригнаны сарбазы в Кетмень-Тюбе. Тамошние родичи наши еле отбиваются.

Кто-то поддерживал говорившего:

— Так! Верно говоришь!

— А со стороны холодных ветров? — продолжал старый бий. — Там нас караулит не меньшая беда. Джигиты Аблай-хана много раз приходили в наши края со злобой в сердце и с оружием в руках. Разве мало кыргызов сложило головы, защищая наши кочевья? Путь Аблай-хана отмечен могилами наших детей и братьев... — Голос Атаке пресекался. Все опустили глаза: да, там в горах, у пропастей Шаты, лежит в земле Карабек, сын бия, павший от руки казахского хана.

Справившись с собой, Атаке продолжал:

— Теперь повадился к нам барымтач Бердыкожо. Степной волк режет наши отары. И не видно конца крови, войнам, пожарам...

Атаке опять отпил из чаши — горло быстро уставало от длинных речей.

— Что же делать? — спросил он и, подождав, сам ответил: — Против сильных врагов надо искать сильных союзников! Думайте, почтенные, думайте!

...Долго шел жаркий спор в белой просторной юрте великого бия Атаке, правителя правого крыла кыргызского народа. Аксакалы и батыры высказывали разные мнения. Одни предлагали в союзники Старший жуз, другие — Средний. Но находились возражающие: казахи сами между собой воюют, одни нас грабят, другие с нами заодно, а что толку? Султан Букей еле отбивается от барымтачей и вынужден искать покровительства у Белого царя орусов. Говорят, даже направил к ним своих послов.

Кто-то робко предложил Бухару. Но его сразу заглушил возмущенный ропот:

— Бухарцы слабы! Они не станут ссориться ни с Кокандом, ни с казахами!

— Одного волка менять на другого!

Перебрали всех соседей — и ближних, и дальних. И тогда Жээренчэ предложил подумать о русских.

— Купцы говорят: нет правителя могущественней белого царя. Его сарбазы вооружены ружьями и пушками. Перед ними не может устоять никто! Знающие старики вспоминают, что много-много лет назад даже калмакский хан отправлял своих людей к белому царю с просьбой о подданстве... А ведь он был силен и разорял кочевья наших дедов!

Разговор сразу оживился.

— Говорят, орусами правит не царь, а женщина, царь-катын, — заметил один.

— Э! — возразил другой. — Разве добрая верблюдица не лучше хромого жеребца?

Разные мнения высказывались на этом совете.

— Стыда нет у этого Жээренчэ! Ак-падыша капыр, а мы мусульмане!

— Эй, Бирназар, ты даже не помнишь имени пророка. Ну-ка скажи, кто у нас пророк?.. Молчишь, правоверный? То-то! А не ты ли, Шапаке, приказал мулле на месяц перенести праздник курбан-айт, потому что у тебя болел живот? Такого никакой капыр не придумает. Так вот, казахи, принявшие подданство орусов, мусульмане не хуже нас. Они живут спокойно в своих аилах, скот их множится и жиреет... Надо, надо и нам отправлять послов к орусам.

— Ни люди Цин, ни Нарбута-хан, ни Бердыкожо не оставят нас в покое! Пора самим искать союзников! Как говорится: ребенок не плачет — грудь не дадут...

Выступил Жээренчэ:

— Лисица, которая много петляет, подохнет с голоду. Долго выбирающему достается плешивая жена. Хуже, чем сейчас, нам уже не будет. Если мы примем подданство орусов, враги не осмелятся продолжать свои злодеяния. Но это еще не все, почтенные! Сейчас Большой караванный путь проходит по землям Среднего жуза и тамошние бии получают хорошие подарки от купцов. Им же продают кожу, баранов, лошадей. И у них же покупают — с первых

рук! — все, что самим нужно: бархат, парчу, камку, ножи, топоры, казаны... А нам все это достается через третьи руки, за тройную цену. Справедливо ли это?

Присутствующие качали головами: нет, несправедливо.

— Если же мы договоримся с орусами, чтобы их торговые караваны шли в Яркенд и Кашгар через наши земли, то все выгоды, которые получают люди Вали-султана, достанутся нам. Одни достаточно обогатились, теперь черед других. Справедливо ли это?

— Справедливо! — с энтузиазмом отвечали вожди племен.

— Теперь вы сами видите, почтенные: все обстоятельства за то, чтобы мы заключили союз с орусами! Примите подданство белого царя!

— Но согласятся ли орусы изменить караванный путь? — подал кто-то голос.

Жээренчэ хитро прищурился:

— Нет такого купца, который не хотел бы вместо одной прибыльной поездки сделать две. А от людей, много лет занимавшихся торговлей, мы слышали: путь из страны орусов через наши земли в Кашгар вдвое короче, чем тот, которым ходят сейчас. Все от нас зависит: станем мы подданными ак-падыша, значит, будут ходить караваны; если же нет — прибыль будут, как прежде, получать другие.

Присутствующие довольно закивали головами: ай да мудрец Жээренчэ! Обо всем подумал! Всех убедил! Орусы непременно должны согласиться на новый караванный путь.

Наконец, слово опять взял сам Атаке. Он говорил тихо и медленно. Много горечи чувствовалось в его словах и много боли.

— Старые ырчы говорят: когда-то кыргызы были могучим народом. Слабость наша сегодня в том, что кони наши держат путь в разные стороны... Если бы сорок племен дружно обрушились на врага единым кулаком — кто смог

бы устоять против нас? Кто говорил бы о подданстве? А вы, почтенные, и здесь грызетесь, как собаки из разных аилов. И дело не в том, одного или трех баранов отдадите вы купцам... Гибнет целый народ... Спроси любого из вас: «Кто вы?» Ответите: «Солто, саяк, бугу...» Никто не скажет гордо: «Я — кыргыз, сын кыргыза и внук кыргыза».

Он окинул собравшихся своим орлиным взором и закончил курултай словами:

— Будем отправлять послов к Белому царю!

ПОСЛЫ

Кого назначить послом в далекую неведомую страну? Нужен был, во-первых, почтенный человек. Во-вторых, опытный, повидавший немало чужих земель. В-третьих, умный и рассудительный. И, в-четвертых, чтобы этот человек согласился пойти навстречу опасностям, которые всегда подстерегают путника в чужих краях.

Где взять такого?

Почтенных людей было много. Но они мало что видели кроме родных гор, долин и ближайших соседей. Умным и рассудительным считал себя каждый. Но где взять безумца, пожелавшего бы расстаться с родным кочевьем, родичами, женой, детьми и пуститься в неизвестное!

И тогда Жээренчэ предложил кандидатуру Абдурахмана Кучакова, ташкентского купца, которого большинство присутствующих хорошо знали в кыргызских кочевьях и уважали за честность, тактичность и ум.

Верховный правитель добавил только:

— Надо послать и от простых людей... Какого-нибудь храбреца...

Многие тут же стали предлагать любого из своих джигитов, но Атаке сказал:

— Я думаю, лучше всего подойдет сегодняшний победитель

Шергазы... А в услужение посла я дам своего кула, полученного в приданое за женой. А раб из народа кытай будет служить верно.

Жээренчэ метнул на своего вождя удивленно-встревоженный взгляд. Об этом они не договаривались.

Пригласили старого Абдурахмана Кучакова. Предложили поехать послом. Всячески улещивали. Он согласился.

Каждый из путешественников готовился к долгому пути по-разному.

Абдурахман Кучаков под диктовку Атаке писал дипломатические письма. Потом делал подробные наставления сыну Сатынбаю: как жить-быть, как вести торговлю.

Шергазы уехал на охоту.

Раб-цинец готовился тоже. В камышовую корзинку он сложил свое жалкое имущество, начертал на лбу имя Тай И — Великого Духа Севера, помолился (мысленно, за неимением храма) духу предков. Потом улучил минутку и сказал младшей жене бия грустно:

— Никогда я больше не увижу Цветочный чертог (так он называл юрту Айгуль). Никогда не увижу повелительницу, живущую в нем!..

— Пусть хранят тебя добрые духи, — отвечала красавица. Черные глаза ее потемнели еще больше и смотрели печально.

В походные сумы было уложено немало провизии. Хоть и говорит пословица: «Пища джигита на дороге», но ведь путь их пройдет по чужим землям, среди опасностей: как-то их там встретят? Чем накормят?

В ночь перед отъездом старая мать Шергазы долго молилась. Сердце ее, как сердце всякой матери, сжималось при мысли о долгой разлуке, мерещились всякие ужасы, подстерегавшие ее сына в пути.

— Один сын у меня! — страстно просила она бога. — Верни же мне его целым и невредимым!

И в ту же ночь в Цветочном чертоге жарко молилась юная жена Атаке-батыра. Молилась она не мусульманскому Аллаху, а древним народным божествам: Тенгри — Вечному Небу, Умай — матери... И просила она не здоровья и долголетия своему старому мужу. Она молила доброго духа Кыдыр-ата оказать покровительство путникам в труд-

ной дороге. И особенно просила она за одного из них — чтоб Кыдыр-ата дал ему силу и здоровье, чтобы отвел от его головы руку врага... Но имени его даже в молитве не называла.

Наутро провожать послов высыпал весь аил — от мала до велика.

Несмотря на теплую погоду, на плечи Атаке был накинута кементай — белый войлочный плащ с рукавами, какие обычно носят пастухи. Бю нездоровилось. Однако могучая воля не позволяла недугу взять верх. Он окинул послов и толпу острым взглядом из-под нависших седых бровей. Вот и свершается сегодня важнейшее дело — начало нового пути. Что-то оно принесет его народу?

Отъезжающие уже сидели на конях. Все были празднично одеты в свои лучшие наряды. Даже раба-цинца принарядили как следует.

Настало время прощаться, и Шергазы запел прощальную песнь — коштошу. В ней он упоминал родной край, зеленые горы Ала-Тоо и благодатную долину; трогательно попрощался с отцом, матерью и сестренками. А под конец упомянул любимую, не назвав ее имени.

Атаке сердито насупил брови: кого имеет в виду джигит? Скорей бы уж уехали...

Наконец бий поднял правую руку:

— Кош! До свидания! Счастливого пути!

— Кош! Кайыр кош! — кричала вразнобой толпа.

Трое всадников и с ними отряд провожатых-джигитов (до границы владений) сказали: «чу!» и тронули коней.

Первое кыргызское посольство в Россию начало свой путь...

В ПУТИ

Они ехали по бескрайней казахской степи и день, и два, и неделю. Шергазы, не бывавший нигде дальше своих гор, не переставал удивляться. Такой простор! Даже не верилось, что это явь. Глазу, привыкшему останавливаться на знакомых горных пиках, теперь не за что было зацепиться в безбрежности степного простора.

Степь начинала выгорать. Но еще свистели кое-где на бугорках суслики, и тень степного орла не раз проносилась по земле, пересекая их путь.

Иногда вдали возникали скопления то ли лошадей, то ли людей... Шергазы весь напрягался и хватался за лук. Но опытный Абдурахман Кучаков успокаивал: это сайга. Несметные сайгачьи стада бродят по казахским просторам.

Через земли султана Букея ехали не таясь. Их доброжелательно принимали во встречаемых аилах. Закон гостеприимства священен для любого кочевника.

Но потом начинались степи, контролируемые ордой Вали-султана. Тут уж приходилось держать ухо востро. Не раз путники поспешно уводили свой маленький караван в какой-нибудь ложок или прятались за холмиком, увидев вдали черные точки — всадников.

...Больше месяца двигалось посольство на север, а великая степь все не кончалась. Но вот на горизонте замаячили темные линии — то были сосновые боры. Чем ближе, тем явственнее вставала стена сибирских лесов. И, наконец, путники увидели срубы крепости Святого Петра...

...23 августа посольство прибыло в Омск. В конце XVIII в. Российская империя поддерживала связь с народа-

ми Средней и Центральной Азии через ожерелье пограничных крепостей и городков, начиная с Оренбурга, а конец терялся далеко-далеко на востоке, в Сибири. Омск тогда представлял собою заштатный городишко. Но Шергазы, не выдавший даже кокандских глинобитных укреплений, был поражен. Когда он поделился своими мыслями с Кучаковым, тот покачал головой:

— Бухара, Коканд, Хива еще больше...

О прибытии гостей доложили самому начальнику Сибирских линий генерал-майору Н. С. Федцову.

Тот был немало удивлен появлению посланцев неведомого народа и срочно навел справки. Посоветовался с генерал-поручиком Н. Г. Огаревым, командиром Сибирского драгунского полка. Огарев послал за капитаном И. Г. Андреевым — знатоком истории кочевых народов. (Знали бы посланцы, что за месяц с небольшим до их приезда в Семипалатинске побывал их непримиримый враг, степной батыр Бердыкожо, и даже имел беседу с капитаном Андреевым).

В назначенный час полномочные посланники в живописных костюмах вручали генералу Федцову — «самому большому начальнику» — подарок: двух коней и свою «верительную грамоту» письмо от бия Атаке. Чтобы не было сомнения, Кучаков несколько раз указал пальцем на свиток, повторяя:

— Пчать! Чырнылна!

Толмач поспешил разъяснить:

— Он желает сказать Вашему Превосходительству: на письме проставлена чернильная печать, что свидетельствует о его подлинности.

— Понимаю! Понимаю! — благожелательно говорил Федцов. — Скажи уважаемым послам, что мы рады видеть их в пределах Российской империи.

Толмач зачитал заранее приготовленный перевод текста. Он гласил:

«Управляющему в делах Ея Императорского Величества господину генералу от происшедшаго родом из славных и чиновных людей, бывших при древних царях Соломоне и Александре Македонском, а ныне по колену рода своего управляющего народом диких киргисцов Атики-батыря Тянейбиева сына, свидетельствую поклон. И посылая с моими людьми Абдрахманом и Ширгазой двух Вам лошадей, прошу сию первую мою услугу благосклонно принять, а о будущих и непременно старатса оказывать оные, штоб вы уверительно их знать могли, затем с оными же Абдрахманом и Ширгазой отправил я к поднесению Ея Императорскому Величеству три барсовые кожи и пять рысих. Желаю чрез их знать о высочайшем здравии Ея Величества. Во уверение чего к подлинному письму приложена чернильная ево печать».

Генерал слушал стоя, что, по мнению Кучакова, являлось знаком большого уважения к послам Атаке. Он был доволен. Жестом, исполненным достоинства, пропустил свою седую бороду сквозь пальцы.

— Сколь горестно мне, что я не знаю языка орусов! — вырвалось у посла. Он долго что-то говорил толмачу, поглядывая на генерала.

— У сих депутатов есть и второе письмо от ихнего князя, — перевел толмач.

— Где же оно?

— Старик говорит: написано для самой государыни. И послы желают принести его, а также подарки, к стопам Ее Величества.

— Зело трудную задачу нам задали, — проговорил генерал, ознакомившись с содержанием и второго письма. — Представить их ко двору не так просто. На сей предмет требуются изрядные размышления.

И в Петербург полетел курьер с донесением о необычном посольстве.

27 октября 1785 г. из столицы прибыло распоряжение от генерал-прокурора Правительственного Сената князя А. А. Вяземского об отправке послов к императорскому двору.

Губернаторская канцелярия заработала с похвальной быстротой. Теперь заторопилось само начальство. Для послов выделили «на прогоны и на путевое их содержание из заграничной суммы 320 рублей». В качестве сопровождающего приставили адъютанта Сибирского драгунского полка поручика Ивана Сипайлова с денщиком и драгуном. Поручик тоже получил сто рублей «из курьерской службы».

Сипайлова назначили на эту должность, поскольку «он родом из-под Уфы, хорошо знает казанских татар, башкирцев. И с кыргыз-кайсаками беседы ведет без толмача. Речь же дикокаменных кыргыз схожа с кайсацкой...»

Не мешкая, посольство отправилось в путь через всю Россию.

На дворе стоял ноябрь, по утрам сильно подмораживало, но санный путь еще не открылся.

Многое удивляло Шергазы в чужой стороне. Но больше всего удивляли пространства, еще более огромные, чем степи Казахстана. Впрочем, удивлялся не только Шергазы. Сам Абдурахман Кучаков, немало путешествовавший на своем веку, тоже смотрел по сторонам во все глаза и не раз в изумлении качал головой: нет, не зря решил бий Атаке принять подданство царя орусов! Кто на свете владеет большими землями, чем он?

* * *

А в это время на далекой родине Шергазы, в благодатной долине реки Чу осветили ночной мрак костры пожаров, тишину разорвали дикие воинственные кличи, остервенелый хрип собак, отчаянные вопли женщин и детей...

Джигиты Бердыкожо напали на кыргызские кочевья...

ПЕТЕРБУРГ

В Петербурге Сипайлов тотчас отправился по начальству с докладом. В тот же день гостей поместили в апартаменты, убранные в «восточном стиле».

У русских чиновников уже был некоторый навык: совсем недавно им пришлось так же обставлять помещение для Сыр Батыр Султана — «депутата» от Среднего жуза казахов.

Итак, жизнь в Петербурге началась. Стоял январь, но в комнатах было тепло — о посольских удобствах заботились специально приставленные слуги. Один приносил вязанки дров, другой топил. Толстая рябая баба, подоткнув длинный подол, наводила чистоту. За доставкой свежих и хорошего качества продуктов следил чиновник. За все платили хозяева — русские власти. Сведения о том, сколько было истрчено на содержание посольства в пределах империи, хранят архивы.

Сипайлов водил гостей знакомиться со столицей. С утра плотно завтракали (от стряпухи отказались: готовил им свой повар — цинец).

Затем, одевшись потеплее, отправлялись бродить по улицам.

Вид Невской першпективы и особенно Адмиралтейской иглы вызвал у Кучакова восхищение. Он сказал Сипайлову, что подобной высоты не видел ни в Бухаре, ни в Хиве.

— Наверное, на вершине той пики, — старый купец показал на шпиль, — отдыхают арваки — добрые духи, — когда устают летать.

Шергазы быстро пообвык в столице. Чаще всего его можно было видеть на Царицыном лугу, где проходили воинские учения. Четкие, слаженные действия батальонов с хорошими ружьями и грозными пушками приводили его в восхищение. «Эти быстро успокоили бы всех наших недругов», — думал он. К бастионам Петропавловской крепости Шергазы отнесся весьма скептически:

«Разве наши горы ниже или менее круты? Но они не могут защитить кыргызов. Сила русских не в крепостях. Нет, не в крепостях».

Россия в те годы чувствовала себя на международной арене весьма уверенно. Успех русского оружия на полях сражений утвердил за ней славу сильнейшей державы мира. Еще в царствование Елизаветы Петровны был разбит считавшийся ранее непобедимым Фридрих Второй прусский. В предыдущих войнах турки потерпели много сокрушительных поражений. У всех на устах были имена Румянцева, Суворова. Два года назад Россия наконец-то получила долгожданный выход к Черному морю. К ее владениям был присоединен Крым. Послы европейских держав при дворе Екатерины отталкивали друг друга локтями. Празднества, фейерверки и торжественные приемы-балы во дворце ослепляли иностранцев.

А на необозримых пространствах надрывалась в каторжном труде крестьянская Россия, чтобы создать все это великолепие и выковать эти победы...

ПЕРЕД АУДИЕНЦИЕЙ

Прошла весна, а за ней — и лето, наступила осень. А послов все не приглашали к царице. Сипайлов сунулся было узнать, ему ответили: когда надо — позовут.

Конечно же, о послых помнили. Но главное внимание России было направлено на «ближние» дела: отношения с европейскими державами и войны с турками. «Азиатский вопрос» стоял на втором месте и многое в нем было неясно.

В конце XVIII в. в казахских степях отношения между отдельными родами и племенными группировками внутри орд были весьма запутанными. Двор не забыл об участии казахских отрядов в «бунте Пугачева». А три года назад в Младшем жузе разгорелось восстание кочевой бедноты против хана Нурали и богатой верхушки, а также против русских властей. («Малая орда», как именовали казахов Младшего жуза российские чиновники, приняла подданство в 1731 г.).

Повстанцы, возглавляемые Батыр Срымом, напали на русские военные отряды и пограничные крепости, грабили купеческие караваны.

Правитель Среднего жуза Вали-султан выступил против бунтовщиков. В письме к царице от 25 октября 1784 г. он заверял ее в своих верноподданных чувствах и обещал «истребить непотребных воров и разбойников».

За казахскими степями лежала Средняя Азия — клубок запутанных противоречий. Там вообще для российских политиков было «белое пятно».

Еще при Петре I предпринимались попытки установить дипломатические отношения с тамошними эмиратами

и ханствами, распространить русское влияние на эти земли.

Известны слова Петра I о значении Казахстана (следовательно — и Средней Азии) в развитии связей России с азиатскими странами: «Оная-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только через их во всех Азиатских странах коммуникацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять».

Но за дальностью расстояния и каждодневными настоящими делами — на европейских границах — все эти начинания заглохли на долгие годы.

Екатерина, мнящая себя преемницей великих дел Петра, проявила интерес и к далеким восточным странам. Инициатива исходила со стороны казахов, кыргызов и среднеазиатских правителей. Но и Россия не оставалась равнодушной. В мае 1784 г. Екатерина II писала собственноручно князю А. А. Вяземскому, что посланцев казахских ханов Малой и Средней орды следует привечать, а в письме генерал-губернатору Уфимскому и Сибирскому Апухтину рекомендовала: «...весьма нужно, чтобы вы имели при себе... депутатов от орд кыргызских, в том числе одного из султанов и некоторое число из старшин разных начальств или поколений, чрез коих могли бы всем получать от их начальников известия, ваши советы и предписания чрез них сообщать... Стараться большую кыргыз-кайсацкую орду и каракалпаков приласкать и обратить в подданство наше... иметь попечение о приведении в безопасность границ наших и о всевозможном обуздании народов диких..., заведя там знакомства и всевозможные связи, дабы всегда знать все тамошние происшествия».

...Граф Александр Андреевич Безбородко, непомерной полноты мужчина, переваривал изысканный обед, удобно погрузившись в вольтеровское кресло.

У стола с кипой бумаг в руках почтительно стоял советник императорской канцелярии Илья Муратов, чиновник

весьма исправный и старательный. Муратов был умен и знал, какое время выбрать для доклада: сиятельный граф, ближайшее доверенное лицо императрицы и фактически руководитель всей российской политики, слыл великим гурманом и, как все гурманы, после хорошей трапезы приходил в благодушное настроение, не придирался к мелочам.

Доклад по его поручению о «дикокаменных кыргызцах» (то есть, проживающих за диким камнем, за горами) Муратов приготовил в кратчайший срок и боялся, не сделано ли каких упущений: пришлось перерыть все архивы, горы бумаг, со времен Петра Великого.

Доклад шел уже минут двадцать — монотонно, усыпляюще... Чиновник изредка вскидывал глаза на вельможу. Тот, закрыв глаза, мирно дремал: в такт тяжелому дыханию на огромном брюхе поднимался и опадал орден, усыпанный бриллиантами. Но опытный Муратов хорошо знал: граф не пропускает ни одного слова, ни одного нюанса.

«В генваре 1722 г. из Москвы повелением государя Петра Алексеевича направлено посольство капитана от артиллерии Ивана Унковского к калмыцкому владельцу контайше., — читал Муратов. — А в задачу оного посольства входило тако же определение пути, по коему могла быть проложена коммоникацея с Сибирью, особливо же водяным путем...»

Солнечный луч из окна засветился в орденских бриллиантах и тоже стал опускаться-подниматься в такт дыханию вельможи.

Илья Муратов почувствовал, как и на него неудержимо наваливается дремота: ноги стали ватными, в голове тонко звенело, буквы перед глазами сливались в кляксы, и язык заплетался...

«...Он, контайша, бухарцев, живущих в городах Эркене, в Турфане, в Кашкаре, в Аксу и в прочих к ним принадлежащих городках, под свою власть привел... К тому ж народом, именуемым бурутами, завладел, которые кочуют

около озера, именуемого Тускель, и с Казачей ордою граничат. А оных бурутов около 5000 кибиток находится, а войска их около 3000 доброго собраться может...»

Безбородко чихнул — гулко, богатырски: зазвенели стекла в окне, солнечные зайчики метнулись с брюха и пропали. Илья Муратов чуть не выронил бумаги. Прозвучал сиплый голос:

— А кто такие сии буруты?

Муратов выпрямился, захлопал глазами. Сон у него как рукой сняло:

— Буруты суть киргисцы...

Безбородко поворочался в кресле, устраиваясь поудобнее, откашлялся.

— Ты, хлопче, поешь, как дьяк на клиросе, — сказал граф. — Бу-бу-бу... Ты по делу говори, а разные разности оставь господам архивариусам. Так что там Унковский пишет о бурутах еще?

— Окромя этого больше ничего, ваше сиятельство... Однако же есть чертеж бурутских земель, сочиненный геодезии учеником Григорием Путиловым. Оный Путилов состоял при посольстве Ивана Унковского.

И Муратов протянул графу «чертеж» — первую карту кыргызских земель, составленную русским. На ней было изображено озеро «Тускель» («Иссык-Куль»), а также реки Чу, Тюп, Джергалан и территория к северо-западу от ойратских владений, между Иссык-Кулем и Балхашом, — здесь кочевали кыргызские племена.

Илья Муратов протянул второй лист бумаги:

— А вот еще чертеж...

Это была более правильная географическая карта Кыргызстана, сделанная в 1765 г.

— И еще...

Третья карта была скопирована в 1771 г. с предыдущей.

— А этот последний чертеж сделал Иван Ивлев в 1777 г. по самым новым сведениям...

На четвертой карте значились и озеро Иссык-Куль, и реки Чу, Тюп, Нарын, Тамга, Кашгар. Западнее Иссык-Куля по течению реки Нарын отмечены были кочевья кыргызов — «буруты».

— Вот и дал бы последнюю сразу, — ворчал Безбородко. — Ага! Так, так! Буруты имеют пограничную линию с кыргыз-кайсаками... Не одного ли они корня?

— Так, — подтвердил Муратов. — Смею зачитать для Вашего Сиятельства малую толику, относящуюся к сему народу из сочинения унтер-офицера Российской армии Филиппа Ефремова...

— Слышал, слышал об Ефреове! — перебил граф. — Весьма удивительной судьбы человек. Книжку его я просматривал, да как-то не запомнил касательно этих самых бурутцев... А ну, читай.

— «Кыргызы обитают не в самой Бухарии, а близ оной, между городами Уш (Ош) и Кашкариею... По-бухарски кыргыз — кыргыз; кыргыз-кайсак же — казах...».

Муратов выписал из книги Ефремова все, что касалось кыргызов, и закончил выписку словами: «Они имеют своих князьков».

Безбородко внимательно слушал.

— А каковы отношения между бурутами и кайсаками?

— Со Старшей ордой у них дружба, а с ордой Валисултана учинена вражда со времен отца его, Аблай-хана. Друг на дружку набеги совершают с угоном скота и разорением кочевий.

— Так, так, — задумчиво проговорил Безбородко. — А кто таков Атекай-батыр? Велика ли фигура?

— Из Омска с фельдъегерем пришло донесение от генерал-поручика Огарева. Составлено знатоком тех народов капитаном Андреевым. «Народ кыргызов обитает в горах Ала-Тау, в верховьях Сырь-Дарьи, в полуденной части от Кокана и Кашкарии. Имеют довольно лошадей, скота,

изобильное хлебопашество... Ежели оным збиратца на войну, то выставляют до 50 тысяч...»

Далее из доклада явствовало, что бий Атекай — владе- тель весьма могущественный и управляет десятью волостя- ми; бии — князья этих волостей признают его за старшего.

— Изрядно! — резюмировал граф, выживая из золотой табакерки понюшку табаку. — А-а-ппчхи! А посему пиши: людей оного бия Атекай считать как депутатов... Пожалуй, нынче пора доложить о них государыне...

«Считать как депутатов» — это означало, что послов бия Атеке ставили в один ранг с послами других «владель- ных особ»: казахского султана Букея, хивинского хана и бухарского эмира.

И опять потянулись дни ожидания.

— Почему не принимает нас Белая царица? — спра- шивал Шергазы.

— У государыни знаешь сколько дел? — не моргнув глазом отвечал Сипайлов. — Европейский политик дых- нуть не дает! Надьсь француз неделю толочся, а теперь царские послы... Кофеи из-за них выпить некогда! Пого- ди маленько, придет и наш черед.

— Бухарский эмир и кокандский хан против Белой царицы — что суслики против верблюдицы, а от них дожидаются слова по три-четыре луны, — успокаивал Кучаков. — Ты сам видел необъятность земель, по кото- рым мы проехали. А ведь это, говорят, только половина.

Шергазы и сам подумал: если царь-катын день и ночь будет ехать крупной рысью, и тогда на хозяйский ос- мотр всех владений ей потребуется много-много сезонов... Он тяжело вздохнул.

Как-то вечером, спустившись во двор, раб-цинец услы- шал пение. Он тихонько пошел в сторону дворницкой. Там, подняв лицо к ночному небу, Шергазы тянул песню-жалобу — арсан. Молодой джигит пел о белом соколе, которого

занесли могучие ветры в дальнюю-дальнюю сторону. А там, на родине, в зеленой долине среди гор осталась перепелка... нет, черноглазая соколица, схваченная старым беркутом... И никогда уже не встретиться с ней соколу...

Цинец стоял, слушал, сочувственно покачивая головой. Потом дотронулся до его плеча:

— Эй, Шергазы-господин...

Шергазы обернулся.

— Я давно хотел тебе сказать...

Цинец запнулся на минуту:

— Как ты думаешь, почему отправил меня бий Атаке сюда, на край света?

Шергазы пожал плечами:

— Откуда мне знать? Ты — кул, и бий волен делать с тобой все, что захочет.

— Уй, — возразил цинец. — Твоя правда — только половина правды. Великий бий Атаке — человек справедливый. Он даже своего раба не накажет без причины. Глаза старого беркута заметили, что я часто кружил около юрты красавицы Айгуль. Вот он и заподозрил неладное... А теперь я в краю орусов, моя родина далеко, и не вернуться мне назад... Отсюда я пойду к желтым истокам...

Цинец говорил печальные слова, но глаза его улыбались. Шергазы вздохнул.

— Чего же ты хочешь?

Цинец наклонился к уху Шергазы, как будто их могли услышать.

— Скажи два-три слова аксакалу: пусть он скорей подарит меня Белой царь-катын!

АУДИЕНЦИЯ

Год 1786-й подходил к концу. И вдруг пришло повеление от графа Безбородко готовиться к приему у императрицы.

Безбородко устроил так, чтобы о кыргызском посольстве узнали европейские дипломаты, аккредитованные в Петербурге. Вот, мол, каков авторитет России в азиатских землях!

Императрица приняла послов благосклонно. На просьбу о покровительстве России был дан положительный ответ.

Правда, об этом мы можем судить лишь по косвенным данным: подробные материалы о переговорах наши архивариусы пока что не обнаружили.

Но сохранился подлинник письма Атаке-бия, которое посланцы на приеме и вручили Екатерине II. Толмач тут же с листа его и перевел.

«Вашему Императорскому Величеству Всемилостивейшей государыне всеподданнейше доношу, што как вышеописанных предков моих оказываемые державе Вашего Величества услуги, поколику сил их было, а также ныне и мной Атике Тянейбиева сына посредством препровождения в Россию купеческих ташкентских караванов. Дабы известно было, чево для к Вашему Императорскому Величеству послал я при караване одного арапа, три барсовые кожи и пять рысьих, а в препровождение их двух человек, моих людей Абдрахмана и Шергазю, чрез коих всеусерднейше желаю знать о высочайшем здравии Вашего Императорского Величества».

Екатерина была растрогана бесхитростной наивностью какого-то затерянного далеко в поднебесных горах бия. И милостиво отдала своих будущих подданных.

**Императрица приняла послов благосклонно.
На просьбу о покровительстве России был дан
положительный ответ**

От имени императрицы бию Атаке были переданы 800 рублей серебром. «Подарки» получили и сами послы: Кучаков — 100 рублей, Шергазы — 25.

Вечером, сидя у себя в теплой комнате, Абдурахман Кучаков довольно оглаживал бороду: ведь письмо-то писал он сам, правда, под диктовку бия и его советника Жээренчэ. Но немало слов подсказано было и им самим, опытным в обращении с правителями.

Весь текст он помнил наизусть: «Вашему Императорскому Величеству государыне всеподданнейше доношу, што как вышеописанных предков моих оказываемые державе Вашего Величества услуги...» и так далее.

Что касается Шергазы, то он был несколько разочарован. Царь-катын оказалась обыкновенной байбиче, еще совсем не старой и довольно красивой. И была она вся действительно белой: щеки обсыпаны мукой, пышная грудь цвета горного снега наполовину оголена, и на голове — высоченная прическа из совершенно белых волос.

Так же выглядели и другие женщины, которые попадались ему на глаза во дворце.

А сколько было знатных ханов, султанов и биев на приеме! Сколько на них блестело всяких украшений! И все они склонялись перед царь-катын, даже самые здоровенные, хотя выглядела она среди них совсем маленькой!

О, аллах, каких чудес только не бывает на свете!

23 января 1787 г. выздоровевший князь А. А. Вяземский по распоряжению и от имени императрицы России написал письмо кыргызскому правителю:

«Почтенный Этеке Багадур. Получа дружественное ваше письмо...»

ПОСЛЕ АУДИЕНЦИИ

Теперь пора бы и домой. Но случилось одно непредвиденное обстоятельство.

Последнее время глава посольства стал прихварывать. То ломало кости на сырую и холодную петербургскую погоду, то одолевал кашель. Все чаще старик проводил время на стопке одеял, укрытый теплым тулупом — подарком Сипайлова. Приходил ученый лекарь в парике, со стекляшкой на палочке. Он долго разглядывал через эту стекляшку высунутый язык аксакала, прикладывал ухо к груди. Потом принесли кучу лекарств, и лекарь велел хорошенько напоить старика чаем с малиной, да не выпускать на улицу.

Уже поступило предписание от самого графа Безбородко отправить послов на родину. Сипайлову выданы прогонные деньги на посольский харч и прочие дорожные расходы.

Но хворь совсем одолела старого Абдурахмана. Доктора махали руками, услышав о предстоящем отъезде. При теперешнем состоянии больного на родину смогут привезти только тело, душа же, без сомнения, изберет другой путь — на небеса.

Тогда высокое начальство решило известить Атакебатыра о результатах переговоров через свое собственное посольство. Было дано указание в Омск. И вот в октябре 1787 г. ответное письмо ушло из Омска в путь-дорогу вместе с торговым караваном казанского купца Абдурахмана Нурмаметова. Драгоценное послание, зашитое для верности в пояс, вез сам караванбаши Муслим Агаферов, доверенное лицо хозяина.

Караван благополучно достиг кочевий Атаке «по Чуй-реке и Иссу-Су называемом месте». Слух о прибытии посольства с письмом от Белой царицы тотчас распространился по всей долине. Съехалось много народу. Муслим Агаферов торжественно вручил послание великому бию, и оно было зачитано вслух. «Атаке был очень рад и весел и все сие объявил всем своим подвластным, и сверх того благодарил за привоз такой радостной вести Муслима Агаферова. И приказал сделать ему надлежащее по их обычаю угощение, зарезал барана и сим угощал...»

Агаферову поставили отдельную юрту, вручили подарки за приятную новость — суйунчу. Когда пришло время, его проводили до кыргызов солтинской волости, где он занялся своими торговыми делами и оттуда отправился в кочевья Адиль-султана (из Среднего жуза казахов).

Новости распространяются от кочевья к кочевью со скоростью иноходца. Слухи о караване дошли и до врагов Атаке. Они съехались на совет, на нем присутствовали задиристые барымтачи-теленгуты Ак-Кочкор и Таид-Берды. И было принято очень важное решение. Оно, как оказалось впоследствии, сыграло роковую роль в отношениях между кыргызами Атаке и Российской империей.

Атаке не стал дожидаться возвращения своих первых послов и в конце лета 1788 г. отправил с попутным караваном новое посольство, прибывшее в Омск 2 августа. В письме на имя Екатерины II Атаке просил сообщить о судьбе Кучакова и Шергазы и, «если они живы, ко мне обратно отправить».

Между тем 14 сентября 1788 г. кыргызские «депутаты» наконец-то выехали из Санкт-Петербурга в сопровождении все того же бравого поручика Сипайлова.

В СИБИРИ

В Петропавловскую крепость прибыли 23 декабря. Здесь их встретил изнывавший от ожидания Сатынбай — сын Абдурахмана. Радостным восклицаниям и взаимным распросам не было конца.

Тут впервые Шергазы узнал важную новость: знаменитый степной батыр Бердыкожо сложил свою голову при очередном набеге на кыргызские земли в январе 1786 г.

Выслушав сообщение о смерти могущественного врага, Шергазы впервые за последние полгода улыбнулся. Он помнит, как просыпался аил от яростного лая собак, боевых кличей и многоголосого вопля женщин: «Кокуй! Бердыкожо!»

Однако Шергазы не думал, какие вопли поднимались в казахских аилах, когда налетали кыргызские удальцы-барымтачи. А ведь он сам не раз участвовал в подобных набегах.

Старый же Абдурахман покачал головой. Хаживал он с товарами и в казахские степи и знал, какой там славный народ. Он представлял себе, как сейчас оплакивают в аилах своего героя, как седобородые акыны, звеня домброй, поют песни, прославляющие подвиги павшего, как джигиты седлают коней, чтобы в беспощадном набеге отомстить за смерть батыра...

Вторая новость оказалась совсем нехорошей. Старого Абдурахмана принял генерал-поручик Огарев и сообщил о жалобе от другого Абдурахмана — купца Нурмаметова. Оказывается, в конце 1788 г. караван его приказчика Муслюма Агаферова был ограблен.

— Ой, бой! — сказал Кучаков. — А много ли взяли?

— Двести лисиц, двести корсаков, десять барсов и десять рысей, волков шестьдесят... Товары немалые.

— Кто же пошел на такое черное дело?

Огарев ответил:

— Доподлинно ничего не известно, однако же купцы подозревают сыновей вашего бия Атаке: Солтоная да Байшугура.

— Не ошиблись ли почтенные купцы? — воскликнул Кучаков. — Разве могли дети такого отца совершить подобное?

— Э! — сказал присутствующий Нурмаметов. — И у белой коровы рождаются черные телята.

— Пусть большой начальник знает, — с достоинством сказал Кучаков. — Я тотчас напишу Атаке-батыру письмо, и если его род причастен к этому делу, то все убытки будут возмещены!

— Я тоже так полагаю, — сказал генерал Огарев. — Этеке-батыр ратует за дружбу с россиянами и не станет ввязываться в непотребные дела. Посему я и велел передать ему новые подарки через твоего сына: пять аршин кармазину, голову сахара да башчу чаю.

Кучаков написал своему другу-повелителю письмо в том же январе 1789 г. Он докладывал, что «съездил благополучно», а также просил содействовать возвращению товаров.

Пока суд да дело, Огарев продолжал обращаться с послами очень тепло и велел им «до их отъезда отвести хорошую квартиру и определить к присмотру (за ними) обер-офицера или надежного унтер-офицера».

Опять потянулись дни ожидания. Вот уж скоро четыре года, как Шергазы покинул родину. Сердце джигита грызла тоска. Ничто его больше теперь не интересовало. Ел без аппетита, во сне беспрестанно ворочался, а днем слонялся вокруг постоянного двора будто спросонья.

Изредка навещал старых друзей Иван Сипайлов. С его приходом Шергазы оживлялся на время, но гость уходил — и джигит опять впадал в апатию.

В левом крыле постоянного двора жил русский купец — осанистый, пузатый, с дремучей бородой до самых глаз. На пальцах у него Шергазы заметил множество перстней. Сразу видно, богатый человек. Но джигиту — какое дело!

Однажды купцу приказчики доставили коня. Не конь — чудо! Из глаз огонь пышет, из ноздрей пар валит. Но жеребец оказался диким, необъезженным. Шестеро молодцов держали его, двое седлали. Когда же вздумали сесть — один за другим кубарем покатались на землю.

Купец, наблюдавший с крылечка, рокотал:

— Вороны! Да ты его коленками-то прижми, Степка, черт рябой! Э-эх, тебе только на корове ездить!

— На нем сам бес не усидит, — оправдывался Степка, потирая бока. — Бешеный. Али больной нутром.

Тут в широкие ворота въехал драгунский офицер на соловом коньке. Он соскочил и бросил поводья слуге; глаза его загорелись:

— Ого! Вот это сивка-бурка, вещей каурка! — восхищенно сказал он, разглядывая приплясывающего коня, которого по-прежнему держали на растянутых ремнях конюхи. — А чей же это жеребчик?

— Мой, ваше благородие, — отвечал купец. — Конь-то хорош, да вот седока не находится подходящего: кто ни сядет, тот сразу и долой торчмя головой. У нашего Мишки одни синяки да шишки...

— Есть у меня человек, — сказал офицер. — Так он тебе эту клячу в один момент в позицию приведет. И не свалится ни разу.

— Ни разу! — притворно ахнул купец. — А ежели свалится?

— Говорю, не свалится!

— Ну, а ежели?

— Бьюсь об заклад! — вскричал горячий поручик. — Не свалится!

— Эх, была — не была! — подхватил азартно купец. — Не пожалею двадцати пяти рублей, только бы взглянуть на молодца.

Шергазы, увидевший в узенькое оконце своего друга Сипайлова, выскочил на крыльцо с радостной улыбкой.

— Эй, Шергазы-тамыр, — закричал тот. — Не возьмешь ли усмирить сего конька? Конь дикий, необъезженный.

Шергазы взглянул на жеребца.

— Тулпар! Тулпар! — прошептал он.

Больше он ничего не слышал и не видел — кроме скакуна необыкновенной стати. Почмокал, протянул руку. Жеребец скосил глаз и попятился. Шергазы перехватил повод и дал знак конюхам, чтобы отпустили веревки. И сделал еще два шага, что-то приговаривая ласковым голосом. Жеребец оскалился, прижал уши, потом запрядал ими. Все затаили дыхание.

— Ах! — вырвалось как из единой глотки: кыргызец уже был в седле!

Что тут началось! Конь бил задом — и наездник почти ложился на круп, конь становился на дыбы — и всадник прижимался к гриве. Конюхи и приказчики сыпанули кто куда... А лихой джигит, издав дикий гортанный крик, уже вылетел за ворота... Только ошметки грязи полетели в разные стороны...

Когда Шергазы вернулся, скакун был весь в мыле, притихший, покорный. Зато всадник раскраснелся, зубы блестели в возбужденной улыбке. Апатию его как рукой сняло.

— Жалую молодца рублем! — сказал купец и протянул Шергазы серебряную монету.

— А как же заклад? — Сипайлов вприщур поглядел на купца.

Тот полез за пазуху.

— Да не бумажками! Ты давай нам серебром. Возьми-ка, Шергазы. Твои! Утер ты им нос: знай наших!

ВЫЖИДАНИЕ

Весной 1789 г. умер генерал Огарев. Умный и дальновидный чиновник, опытный политик, генерал всячески способствовал развитию торговых и добрососедских отношений с азиатскими народами. Теперь его место занял некто Г. Г. Штрандман, человек совсем другого склада. Этот признавал только один разговор: «держать и не пущать!» Грубый солдафон, никудышный администратор, Штрандман полагал, что везде и всюду нужны крутые меры, «без сантиментов».

Члены посольства были фактически посажены под домашний арест — чтоб не убежали.

А затем судьба нанесла еще один удар: 20 июня 1789 г., находясь на молитве в мечети, умер Абдурахман Кучаков: многострадальное сердце не выдержало свалившихся испытаний.

Охваченные горем Сатынбай и Шергазы, отвезли тело «в степную сторону», повесив на столбах с тем, чтобы при возвращении домой забрать и схоронить по обычаям предков.

Теперь руководителем посольства остался Сатынбай. Он предложил властям выход, какой предлагал его отец: самому остаться в качестве аманата — заложника, а «природного кыргызца» Шергазы отправить к Атаке для выяснения дела вместе с пострадавшим Муслимом Агаферовым. На том и порешили.

Тем временем слухи о неприятностях посольства дошли до Атаке-батыра. Он направил сибирским властям письмо через купца Паши Хошхалбердина (получено в Омске

10 сентября 1789 г.). В нем сообщал о распрях между казахскими и кыргызскими биями. Что же касается ограбления, то ни Атаке, ни его люди никаких обид Агаферову не чинили. Пострадавший сам может подтвердить это. А за чужие грехи он, Атаке, не ответчик. За что же задержаны его послы? Бий просил «прислать к нему этого Муслюма для выяснения обстоятельств ограбления, а царские деньги (800 рублей) вручить Сатынбаю Абдурахманову, которому он вполне доверяет».

История с расследованием оказалась настолько запутанной, что лишь через пять лет сибирские власти разобрались во всех обстоятельствах дела.

Весной 1793 г. было вынесено заключение, что «никакого ему (Муслюму Агаферову) ограбления как вперед ехав к Атаке, так и обратно не было».

Нашлись и подлинные виновники — враги Атаке, которые не были заинтересованы в том, чтобы новый торговый путь пролегал через Кыргызстан. Караван Агаферова «был ограблен» хутаймендинскими (из Среднего жуза казахов) теленгутами Таир Бердой и Ак-Кочкором.

Купец А. Нурмаметов, отчаявшись возместить убытки, написал генерал-майору Я. В. Боуверу 3 апреля 1793 г.: «Я уже подаваемую от себя прозьбу и прописанной в оной иск вознамерился оставить без всякого действия...»

Было вынесено решение: «Сатынбай Абдрахманов от сего дела представлен свободным». Как пишут историки, «доверие к Атаке было восстановлено, препятствия на пути к установлению нового торгового тракта через Кыргызстан устранены».

Но за прошедшие годы произошли многие события.

Бий Атаке умер. При родах скончалась юная Айгуль, так и не увидев желанного Шергазы. Сарыбагыши, изнемогавшие в междоусобной войне с другими кыргызскими племенами и казахами, попали к тому же в поле зрения агрессивных кокандских правителей. Некоторые северные

племена бии завоеваны в начале XIX в. Кокандом. Другие, во главе которых стояли сыновья Атаке, откочевали из Чуйской долины в Восточное Прииссыккулье.

Опасения старого и мудрого бия Атаке оправдались. И правоту его подтвердила сама жизнь: кыргызским племенам требовался могущественный покровитель, способный навсегда покончить с феодальной раздробленностью и межплеменной враждой, оградить от агрессии соседей.

И это было сделано спустя несколько десятилетий: 17 января 1855 г. иссыккульские кыргызы официально приняли подданство великой России.

ЭПИЛОГ

Память о славном Атаке-батыре надолго сохранилась среди кыргызского народа.

У пропасти Шаты Чокану Валиханову в 1856 г. показывали «тропу Атаке». Там же находилась и могила его сына Карабека.

Токмакский уездный начальник Г. С. Загряжский писал, что у сарыбагышей рода тынай еще в конце XIX в. сохранялся боевой клич — ураан «Атаке!».

Но самая главная дань давно ушедшему батыру — наша память: он был первым, кто хотел проложить дорогу дружбы между кыргызским и русским народами. Не его вина, что это не удалось тогда сделать. Однако ничто на свете не проходит бесследно. Идея, владевшая Атаке-батыром, претворилась в жизнь.

Сегодня мы пожинаем благодатные плоды от тех семян, которые впервые были брошены в добрую почву двести с лишним лет назад...

**БЕЛАЯ КОСТЬ
(АК-СУЁК)**

*Историческая
новелла*

БАРЫМТА (КРОВАВЫЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ)

Случай с Айдаке-батыром

Лихой сарыбагышский батыр Айдаке ехал по земле племени саяк. Зачем шайтан его занес в страну саяков — неизвестно; может, по каким своим делам, а может — от нечего делать.

Весеннюю долину покрывала нежная трава; по ней там и сям желтели отары овец. Гарем кобылиц пасся вокруг холма, а на его вершине, как изваяние, стоял царственный супруг — жеребец.

Солнце припекало всю и Айдаке подумал: «Неплохо бы пропустить пиалу-другую кумыса». Ему так и представился кумыс: холодный, свежий, пенистый, пахнущий разнотравьем. «А вон и табунщики угощаются». Айдаке направил к ним коня. Надо сказать, Айдаке славился не только как батыр, но и как великий шутник. Не доезжая шагов пять-десять, стреножил коня и пустил пастись. А сам начал подкрадываться. Табунщики сидели спиной, пили кумыс и о чем-то спорили. Айдаке подкрался совсем близко — рукой достать, да как гаркнет: «Аман».

Табунщики так и подскочили, оба в испуге закричали: «Калак!» Старший выронил даже пиалу с кумысом.

Айдаке, присаживаясь, как ни в чем не бывало, сказал: — Солнышко светит, травка растет. У кого есть зубы, тут жует, у кого есть горло, тот пьет. Хорошо!

Табунщики глядели настороженно: что еще выкинет этот Айдаке? Однако обычай велит угостить путника. Гость

выпил кумыс, вытер усы и протянул пустую чашу — хочешь, не хочешь, наливай еще.

— Замечательный кумыс, — говорил Айдаке. — А пробовали вы кумыс из молока птицы Зымырык?

— Пай, пай! — воскликнул табунщик постарше (вид у него был простоватый). — Разве у птицы Зымырык есть молоко?

— А как же, — отвечал веселый батыр. — Это же всем известно. Правда, молока немножко, зато кумыс из него волшебный: выпьешь пиалу и сразу узнаешь, что на белом свете делается.

— Даже в Коканде? — удивился простоватый табунщик.

— Что Коканд? Даже в Китае! А еще я посмотрел в сторону саяков и увидел, как ваш хозяин бай Джанболот после жирного обеда крадется в овраг за надобностью.

— Пай, пай! — опять удивился простоватый табунщик, зато другой, у которого было хитрое лицо, нахмурился:

— Чтобы узнать, зачем человек спускается в овраг после жирного обеда, не обязательно пить молоко птицы Зымырык.

— О, Акебай, не сердись, — сказал гость. — Лучше я расскажу вам за третьей пиалой, как мне довелось попробовать молока птицы Каракуш.

— Пай, пай! — опять воскликнул простоватый табунщик и налил в пиалу из бурдючка.

А хитрый табунщик опять нахмурился: его, молодого джигита, назвали Акебаем-стариком. Насмешка!

— Ехал я как-то, — балагурил Айдаке, потягивая кумыс, — вдруг ветер поднялся. Гляжу, летит по небу птица Каракуш, большая как туча. Села на тополь — тополь макушкой до земли три раза достал. Откашлялась — гром пошел, и говорит:

— Эй, Айдаке! Кумыса хочешь?

— Хочу, джене.

— Лови чанач.

И сбросила мне чанач величиной с юрту. Упал чанач и придавил нас с лошадьё. И слышу, как птица Каракуш говорит:

— Наложу я на тебя заклятье: станут тебя угощать кумысом, пей не меньше пяти пиал. А недопьешь, сделаешься худым, как аркан, а у жадных хозяев, что пожалеют для гостя кумыса, по всему телу чирьи пойдут... Вот это будет четвертая — и Айдаке подставил пустую пиалу простоватому.

— Сказала и улетела, — продолжал Айдаке. — А мне как выбираться? Вытащил нож, проделал дырку в чаначе и стал пить. Пил-пил-пил... Чанач худеет, я толстею. Пил я с пятницы до следующей пятницы. Сейчас какой день?

— Вторник.

— Значит, уже три дня прошло. Когда чанач совсем похудел, осталась одна шкура, я вылез и поехал к вам... Вот спасибо, это как раз пятая... — Айдаке опять подставил пустую чашку.

Простоватый налил гостю до краев, себе плеснул чуть-чуть, а остатки — один глоток — хитрому.

Хитрый разозлился: пять пиал выпил начальный гость. Простоватый сказал:

— Эй, Айдаке! Ты все это, наверное, придумал.

— Не верите? У моей лошади спросите. Она — свидетель. Тоже целую неделю пила кумыс.

— Как же вы с ней не лопнули? — зло сказал хитрый.

— Два раза лопались. Хорошо, захватил я в дорогу кокандскую иглу с нитками. Зашил — даже шрамов не видеть... Ну, пора ехать. А из-за чего вы спорили?

— Видишь ли, — объяснил простоватый. — Мы с ним на байче поставили на разных коней. Я поставил свой тебетей, а он не сказал, что ставит. Мой конь выиграл и я требую с него свой приз, а он не дает.

— Нехорошо, — наставительно сказал Айдаке. — У мужчин такой закон: проиграл — плати.

Хитрый совсем разозлился. Он повернулся к Простоватому и сказал, ткнув пальцем в сторону Айдаке:

— Вот твой приз — Айдаке, я его поставил на байче.

— О, бой! — воскликнул изумленно Простоватый. — А что мне с ним делать?

Айдаке поднялся. Лицо его приняло красно-сизый оттенок. Он вперил тяжелый взгляд в Хитрого (тот струсил) и медленно проговорил:

— Ты, наверное, крепко подумал, прежде чем сказать...

— А что тут думать! Ты — шутник, я — шутник...

Айдаке поднял камчу и табунчик шарахнулся в сторону.

— Не бойся, не ударю — я пил ваш кумыс. Да и слишком ты ничтожен, за все ответит ваш бай Джанболот.

— Это поведало тебе молоко птицы Зымырык? — Хитрый опять расхрабрился.

— Это говорю тебе я, батыр Айдаке.

* * *

Возвратившись в свои кочевья, Айдаке доложил о нанесенном оскорблении родственнику, старшему манапу сарыбагышей Ниязбеку.

Ниязбек был сыном грозного Эсенгула, знаменитого барымтага, любителя кровопролитий. И теперь кровь Эсенгула взыграла в нем. Он распалился, раскалился, оттолкнул блюдо с бешбармаком и заревел:

— И ты не убил обидчиков на месте?

— Я хотел испросить твоего позволения.

— О, мужественные тени моих предков! Вот до какого позора мне суждено дожить! Эй, джигиты! Острие пики, точите сабли! А ты, Айдаке, немедленно отправляйся к саякским манапам! Повезешь мое требование. И горе им, если они не исполнят его!

...Два саякских старших манапа — Кагыке-батыр, глава рода чоро, и Медет-датха, глава рода курманкожо, слушали речь посла.

— Мой хан Ниязбек, сын Эсенгула, говорит вам: «Приведете ли вы Джанболота ко мне с дарами просить прощения или же я пойду походом и разорю его! Если намерены противостоять мне, то укажите место боя. Джанболот ваш родственник, поэтому вы должны ответить».

Оба манапа уже знали, какую глупость совершили табунщики бая Джанболота. Знали они и решительный характер Ниязбека. Они переглянулись:

— Мы последуем за тобой.

Манапы отлично понимали: два саякских рода не устоят против воинственных сарыбагышей, зажатых в едином кулаке Ниязбека. Если не уладить дело полюбовно, много прольется крови! Поэтому манапы прибыли в айыл Ниязбека без промедления, а в качестве даров пригнали девять самых лучших скакунов, какие только нашлись в саякских табунах. Ниязбек встретил их чернее тучи:

— А где Джанболот?

— В страхе перед твоим гневом он откочевал в Нарын. Мы не успели его перехватить. Но он наказал табунщиков за их дурные языки.

В ответ на миролюбивое бормотанье манапов загредел гром и сверкнула молния.

— Как же смели вы явиться ко мне без главного виновника? Или вы рассчитываете на безнаказанность? По-вашему, Ниязбека можно унижить, а потом откупиться жалкой девяткой кляч?

— Мы неповинны в нанесенном оскорблении, — отвечал Качыке.

— Джанболот — твой родственник, — гремел Ниязбек. — Ты старший манап чоро и за все в ответе. Эй!

Вбежали джигиты.

— Выпороть это ничтожество! — Ниязбек ткнул пальцем в побледневшего Качыке. — А потом выгнать пинками из моего айыла их обоих!

Послушные джигиты выволокли гостей, взялись за камчи и подвергли Качыке основательной порке. Делали это они с тем большим удовольствием, что им еще не приходилось пороть манапа как простого раба-кула. О таком деле не зазорно будет похвастаться и перед внуками.

Избитый Качыке и потрясенный Медет-датха сели на коней и рысью погнали их в сторону саякских кочевий...

Сарыбагыши и саяки

Весть о страшном оскорблении, нанесенном манапу Качыке, разнослась по самым отдаленным ущельям Тянь-Шаня. Никогда еще на памяти дедов и прадедов не случилось такого. Оскорблен был не только род чоро, но косвенно все саяки.

Беда состояла в том, что саяки, в отличие от бугинцев, сарыбагышей, солтинцев или адыгене, не жили все вместе: их роды кочевали далеко друг от друга, разделенные другими племенами.

Но Качыке, полный жаждой мщенья, не пожалел ни времени, ни сил, ни богатств. Два года он объезжал айылы курманкожо, кулджычач и других, подносил родоправителям богатые подарки, взывал к их чувству общеплеменного достоинства и неизменно напоминал:

— Во времена Тайлак-батыра саяки не терпели обиды.

Родоправители согласно кивали: да, Тайлак был настоящим героем, даже кокандцы трепетали перед ним. Недаром же он взял крепость Куртку. Недаром разгромил военачальников Арап-батыра, Едиге и победил их в единоборстве! И цинскому полководцу Баян-Бату навсегда отбил охоту к Тянь-Шаню.

Наконец, после огромных усилий Качыке-батыру удалось сплотить всех тянь-шаньских саяков, кочевавших от Иссык-Куля до Нарына и Ат-Баши!

Весной объединенное ополчение саякских родов выступило из Джумгала против чуйских сарыбагышей отделения Исенгул. Делалось это настолько секретно, что ничего не просочилось за пределы саякских кочевий.

Главный обидчик, манап Ниязбек Исенгулов, разумеется, ничего не знал. Его богатые айылы, расположенные в местности Жел-аргы-Тайгак, жили-поживали без тревог и волнений. И вдруг на них обрушилась саякская лавина...

...Ниязбек только что изволил пообедать и дремал, как сытый тигр. Внезапно слух его уловил тревожные звуки: ожесточенный лай собак, перешедший в предсмертный визг, многоголосые вопли! Но все покрыл воинственный клич: «Тайлак!» «Чоро!»

Вбежал джигит:

— О хан! Беда! Саяки!

Ниязбек не успел опомниться: в юрту ворвались чужие воины. На переднем богатые — остроконечный калпак, кольчуга. Он узнал Ералы, сына Качыке...

Джигит у дверей был сразу убит. Ералы прыгнул барсом, схватил Ниязбека за бороду и нанес ему оглушительную пощечину.

— Ты, поправший законы гостеприимства! — гремел Ералы. — Если можешь, отбивай свой скот!

Ниязбек был не робкого десятка. Глаза его засверкали:

— Джигит, напавший крадучись на безоружного, не батыр, а трус и вор! Волки исподтишка режут баранов, но убегают от камчи!

— Я не побегу! — кричал Ералы, которого друзья пытались удержать за руки. — Если убегу от битвы, то пусть я надену элечек своей жены! Выходи! А не выйдешь, тогда надень элечек ты!

Друзья силой повели его из юрты. Уходя, Ералы плюнул на порог — в знак величайшего презрения.

...Когда саяки удалились, с ними вместе исчезли многочисленные стада и косяки лошадей, принадлежавшие

Ниязбеку. Айыл был разгромлен. Как всегда после барымты, валялись убитые собаки, горело несколько юрт. Женщины, царапая лица, выли над покойниками, хлопотали вокруг раненых...

Ниязбек уже отдавал приказания. Уцелевшие джигиты помчались в соседние айылы. К вечеру явились все его сыновья, прозванные «восемью беками Ниязбека». Все — молодец к молодцу; среди них выделялись старшие Ормон и Субанбек. Ормон, вылитый отец по характеру, требовал тотчас отправиться в погоню.

Но старый Ниязбек на этот раз поостерегся:

— Подождем до утра. Нас слишком мало. Саяки далеко не уйдут.

Утром примчалась еще подмога от родов темир и болот; от отделения надырбек прискакала сотня во главе с молодым, но мудрым манапом Калыгулом, уже прославившимся своими притчами-поучениями. Он выразил опасение, что их и сейчас слишком мало.

— Достаточно, чтобы обломать саякским баранам рога, — вспылал Ормон. — Если боишься — оставайся!

Калыгул замолчал, оскорбленный.

И сарыбагыши бросились в погоню.

Саяки действительно недалеко ушли. Их нагнали у входа в Шамшинское ущелье.

Две рати стали одна против другой. Сарыбагыши с гневом наблюдали, как скрывался в ущелье их угнанный скот. Из рядов саяков выехали батыры Ералы, сын Качыке, и его друг — приятель Кожоберди.

— Эй, Ниязбек! — насмешливо кричал Ералы. — Покажи щеку, на которой у тебя не будут расти волосы! Ты — старик и не соперник батыру. Где твои храбрые сыновья? Вызываю на поединок любого!

— Я тоже, — вторил Кожоберди.

Ормон, дрожа от ярости, обратился к отцу:

— Дозволь!

Мрачный Ниязбек кивнул. Ормон, взяв найзу-пику наперевес, погнал коня навстречу врагу. За ним устремился его брат Субанбек.

Все четыре батыра одеты были в остроконечные шлемы, блестящие кольчуги и наколенники, доставшиеся от прадедов и хранившиеся как реликвии. Джигиты, наблюдавшие за поединком с обеих сторон, замерли: казалось, перед ними разворачивается детство из времени Манаса... Только теперь у батыров не было круглых щитов и колчанов со стрелами, зато у каждого приторочено к седлу ружье...

Саякские витязи превосходили сыновей Ниязбека ростом и силой. К тому же Ормон и его брат от ярости потеряли осторожность. Субанбек оказался сразу ранен, а потом сбит с коня. Когда он со стыдом удалился назад, Кожоберди-победитель громко хохотал, ему вторил насмешливый хор саяков. Сарыбагыши скрипели зубами...

Ормон, гневный, порывистый, нетерпеливый, успел дважды ранить своего врага. Но хладнокровный Ералы, улучив момент, могучим ударом сбросил его с коня; при падении Ормон сильно расшибся и подвернул ногу. Его жеребец ускакал назад.

Тогда сарыбагыши, не выдержав, с громким «урааном» пошли в атаку.

Битва была на редкость ожесточенной, но продолжалась не особенно долго. Используя численное превосходство, саяки в конце концов наголову разбили преследователей. Сарыбагыши бежали во главе с мрачным Ниязбеком и его «семью беками». Восьмой бек, любимый сын Ормон, попал в плен. Саякам досталось множество раненых врагов и целый косяк брошенных запасных коней. Победа была полная. Качыке гордо крутил усы...

* * *

Надменный Ормон находился в плену у саяков. Много унижений пришлось испытать ему. Из дальних кочевий

съезжались саяки посмотреть на знатного пленника, внука знаменитого Есенгула и сына не менее знаменитого Ниязбека.

Айыльные джигиты, распираемые от гордости, водили гостей в юрту, где содержался их общий враг — на длинной цепи, словно дикий барс — ирбис.

— Осторожней! — говорили, дурачась, джигиты. — Не подходите близко: может броситься и укусить.

Простодушные, оробев, пятились. Вопросали:

— Как же вы его кормите?

— А вот так! — джигит протягивал Ормону длинную палку, на конце которой был нанизан кусок сырой баранины. Ормон, сверкая глазами, отворачивался.

Наиболее мудрые осуждающе качали головами:

— Негоже так унижать даже врага. Он — пленник, потомок Тагая. А мы ведь тоже происходим от Тагая, вернее, от его приемного сына...

В конце концов Качыке, вдоволь насладившись местью, прекратил это безобразие.

Лето, зиму и следующую весну просидел Ормон в юрerture. Сначала он отказывался от питья и пищи — его пытались кормить объедками от байских трапез. Но после длительной голодовки гордый Ормон сдался: он впервые узнал, что голод — могущественнейший и злой великан, способный свалить с ног любого батыра.

Все это время велись переговоры о выкупе пленных. Саяки давно отпустили остальных сарыбагышей, но за Ормона потребовали столько, что даже сам Ниязбек задумался: мало того, что саяки их ограбили, выкуп за Ормона лишит их последних стад...

В предвкушении богатой мзды саякские родоначальники стали обращаться со знатным пленником получше: сняли цепь и вместо объедков предлагали теперь доброкачественную баранину. Вместе со своими хозяевами пленник вынужден был кочевать по стране саяков с джайлоо —

на зимовку, а там — на весенние пастбища. Бел он себя вполне миролюбиво и тем усыпил бдительность.

И в одну из весенних ночей, воспользовавшись праздником, когда айыл благодушно почивал после угощения, Ормон бежал...

Вражда продолжалась.

Конечно, за внешними причинами вражды — оскорблением, взаимными набегами, скрывались более важные. Главным яблоком раздора у кочевых племен издавна служили удобные и тучные пастбища. Разросшимся стадам сарыбагышей их не хватало; Ниязбек и его сподручные алчно взирали на Кочкорскую и Джумгалскую долины, занятые саяками; не прочь также они были прибрать к рукам и хозяев этих долин; этим они подняли бы авторитет сарыбагышей среди прочих племенных объединений.

Саяки и бугу

Примерно в это же время на саяков обрушилась еще одна напасть: бугинцы. В отличие от первых вторые обитали компактно, занимая северо-восточное и южное побережье Иссык-Куля с прилегающими хребтами, горными долинами и летними пастбищами на Тянь-Шане вплоть до китайской границы.

Бугинцы были самым многочисленным из кыргызских племен. Русский исследователь Аристов насчитал у них в начале XIX в. 15210 юрт, в то же время как у сарыбагышей было 1100 юрт с небольшим, у солтинцев — около этого числа, а у саяков — всего 7427 юрт, к тому же их роды, как уже говорилось, кочевали разрозненно.

Используя эти обстоятельства, бугинские манапы тоже возмечтали подчинить саяков своему влиянию. А для начала можно было и побарактовать: угон чужого скота являлся существенной возможностью поправить свое хозяйство.

¹⁹ Том XIV. В. М. Плоских

...Престарелый Медет-датха выскочил из юрты; кругом раздавались истошные вопли, сквозь них пробивался боевой клич — ураан, а чей — не разобрать. Заря только-только занималась и носившиеся всадники казались горными джиннами. «Барымтаги!» Но кто? Бугу или сарыбагыши?

Страшное, богопротивное дело — барымта! Неожиданное нападение множества вооруженных всадников на беззащитный, ничего не подозревающий айыл кончается, как правило, разграблением последнего, угоном скота и пленных. Победители исчезают, а побежденным остается горе, которое не уместится в тысяче казанов.

Недавний победитель сарыбагышей старый Медет-датха познал горя полную чашу: не только разграбили айыл — погиб его младший сын Айтак-батыр, гордость отцовских глаз!

Уцелевшие джигиты собрались вокруг своего родопрародителя. Они в один голос утверждали: нападавшие — бугинцы под водительством их батыра Ногая.

Медет-датха тряс седой бородой, чтобы смахнуть слезы и говорил-причитал:

— Я найду управу на врагов наших. Я поеду в Коканд к самому хану. Он дал мне титул датхи и обязан наказать обидчиков. Ведь это — оскорбление и ему!

Вскоре Медет-датха вернулся с большим кокандским отрядом. Пока воины Курманкожо стекались в ставку Медет-датхи для совместного похода против бугинцев, прожорливые ханские сарбазы съели половину хозяйских баранов. В ответ на причитания жен старый манап только махнул рукой.

Зато ответный удар был сокрушительным. Теперь уже бугинцы, недавние победители, отведали из горькой чаши побежденных. Они бежали на Текес, потеряв множество скота и пленных. Поминки по убиенному сыну Медет-датха обставил со всей торжественностью. Предание гласит, что помимо обильного угощения за счет угнанных стад

манап выставил множество пленных в качестве призов. Среди них восседала на белом верблюде заплаканная красавица-бугинка в наряде невесты; ее вручили как приз победителю в пешей борьбе — курёш. Поговаривали, что она была невестой Ногоя...

Теперь саяки взбодрились. Один из их главных манапов — Качый потребовал от бугинского родоправителя Мураталы вернуть ему целый бугинский род — шапак на том основании, что якобы предки шапаков были саяками. Мураталы отверг требование. Тогда Качый, следуя по проторенной дорожке, отправился в ханскую ставку — урду за помощью.

Хану и его царедворцам были только на руку усобицы своевольных кара-кыргызских родоправителей — так их легче было держать в узде.

С большой воинской силой Качый атаковал бугинские айылы близ Тюпа. Бугинцы спешно отступили к Текесу. Во время преследования на саяков неожиданно напал бугинский батыр Керойт с дружиной. Дружина и батыр погибли, но и Качый был убит. Саякам и кокандцам пришлось вернуться...

* * *

Однажды в аил, где старшинствовал знаменитый бугинский удалец Балбай-батыр, заехал известный акын. Приняли его с почетом, зарезали упитанного овна, подали традиционный бешбармак. Насытившись, гость продекламировал песнь-восхваление, в которой живописал щедрость и радушие хозяина. Балбай, благосклонно выслушав, собственноручно поднес гостю чашу с кумысом.

Акын — человек, который бродит от айыла к айылу, многое видит и слышит. Присутствующие задали естественный вопрос: как поживают соседи? Что делается в других землях?

Опытный рассказчик умеет заморозить слушателей; для этого он выбирает самые интересные и значительные сюжеты. Сегодня акын поведал об «аше» — поминках по умершему родоначальнику Медет-датхе. Его сын Дулат-батыр устроил достойные поминки. На них быстрее всех оказался чудо-скакун: он взял первый приз, состоявший из шести рабов, шести рабынь и множества голов скота. Целое состояние!

Глаза у Балбай-батыра загорелись:

— Я должен ездить на таком коне!

Акын продолжал. Он спел о дочери Медет-датхи, красавице Аксынат: косы ее — как черные водопады струятся по гибкой спине; стан — как у молоденького тополя, лицо подобно сияющей луне и т. д. и т. п. Под защитой могучего брата цветет эта роза, этот тюльпан, эта юная верблюдица и затмевает всех красотой.

Глаза Балбая загорелись еще больше:

— Я должен жениться на такой красавице!

Акын спел о том, что за сестру Дулат-батыр назначил огромный калым — как за ханскую дочь. Многие хотели бы украсить свою юрту такой Луной, но ни у кого не найдется столько овечьих отар, косяков дойных кобылиц, золотых кокандских тилла, бухарских халатов, китайского шелка...

Разгоряченный Балбай протянул вперед обнаженную мускулистую руку:

— У батыра все эти богатства здесь! — и он сжал могучий кулак. — Я иду в поход! Я добуду коня и жену. Кто со мной?

Присутствующие манапы молчали. Лишь один выразил сомнение:

— А как отнесется к этому чонг-манап Боромбай?

Главный манап бугинцев Боромбай Бекмуратов слыл миролюбивым человеком.

— Я уговорю Боромбая! — воскликнул Балбай-батыр. — Разве он не хочет подчинить себе саяков? А вы? Помешают

ли вам овцы и кони, добытые в походе? Мы выступим немедленно!

Акын, не ожидавший такого воздействия своей песни, настроил комуз и спел о барымте — кровавой, приносящей горе и слезы.

Балбай нетерпеливо слушал, потом закричал:

— Сначала ты пел для храбрых джигитов! А теперь поешь для трусливых рабов! Не нужны нам такие песни!

Наутро пылкий Балбал развил кипучую деятельность. Он собрал дружину охотников-джигитов, готовых идти хоть к шайтану на рога. Потом поехал и принялся уговаривать осторожного Боромбай; тот, скрипя сердцем, согласился. Это был единственный, зафиксированный историей набег, в котором участвовал Боромбай Бекмуратов.

И вот дружина отборных сорвиголов выступила в Джумгал, где находились айылы родов курманкожо и кулджыгач. Когда на рассвете кони барымтачей сделали первые шаги по земле саяков, осторожный Боромбай сказал:

— Надо сделать разведку.

— Я сам этим займусь! — воскликнул Балбай. С тремя десятками джигитов он поскакал вперед.

Боромбай долго ждал возвращения разведчиков. Но вместо них с воинственным ураано налетели джигиты курманкожо. Их было раза в три больше, чем пришельцев и Боромбай сразу понял: победы не жди, уноси ноги. Ожесточенно огрызаясь, бугинцы все отступали и отступали, теряя убитых и раненых. А саяки все яростнее напирали и напирали — правда-то была на их стороне! Они хорошо представляли, какие беды ожидали бы их айылы, не подготовься Дулат-батыр заблаговременно. Очень вовремя его предупредили о готовящемся набеге!

Потеряв множество пленных и еще больше лошадей, бугинцы убралась восвояси. А Балбай-батыр и половина его джигитов оказались в плену. Самое же ужасное это то, что в стычке у Балбая отрезали ухо. Влекомый арканом

за шею, Балбай держался за кровоточащее место, клял небо, землю, своих врагов и судьбу. Воины курманкожо только смеялись:

— Теперь нам не надо ходить на барымту: бугинцы сами пригонят скот как выкуп за тебя! Мы сейчас отпустим одного твоего джигита — пусть передаст Боромбаю наши условия! А ты пока пользуйся нашим гостеприимством — очень ты нам помог!

Обозленный Дулат-батыр сначала вообще не хотел отпустить пленника. Он твердил:

— Нахалов нужно убивать! Почему он не посватался как уважаемый и уважающий! Он пожадничал заплатить калым! Ему хотелось взять красавицу даром, а в придачу еще и аргاماка! Он думал опозорить нас — пусть же примет смерть!

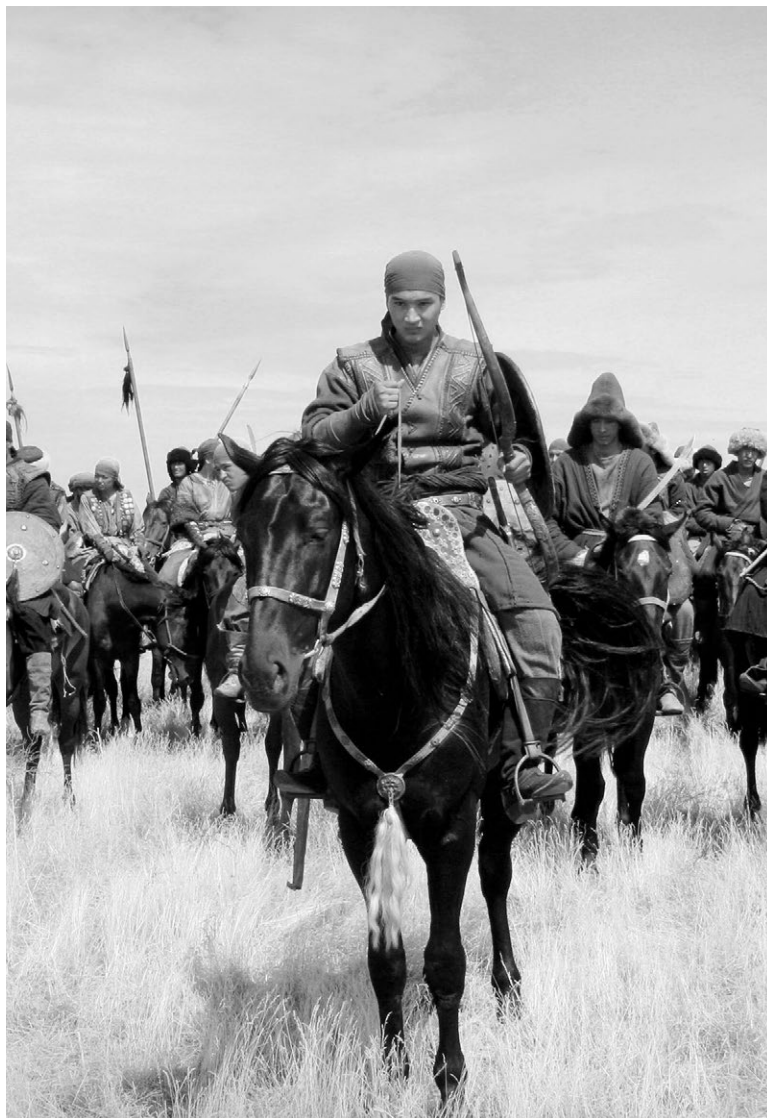
Но остальные манапы, аксакалы и батыры уговаривали его:

— Подумай! Балбай — известный батыр, близкий к Боромбаю человек! Мы только что помирились с сарыбагышами. Не хватало теперь завести кровавую вражду с бугинцами! Они нам Балбая не простят.

Долго пришлось уламывать Дулат-батыра; Балбай все это долгое время изнывал в плену, свирепея при одном воспоминании об ухе. И лишь когда приехал сам бугинский чонг-манап Боромбай, потомок джикильских каганов, а его джигиты пригнали большой косяк лошадей, Дулат-батыр смягчился...

Получив свободу, Балбай весь обратился к мести. Он совершил несколько походов против саяков и разорил не один их айыл. В ответ на укоры мудрого Боромбая он отвечал:

— Я бы давно забыл вражду, если бы они не отрезали мне ухо. Я так и слышу, как люди говорят: «Вот едет Балбай Одноухий». Это про меня-то, батыра? Кто стерпит такое?..

Получив свободу, Балбай весь обратился
к мести

«Красная шапка бывает одна»

Время шло. Благополучно скончалось старое поколение манапов: Ниязбек, Медет-датха, Качый... Новое поколение заняло их места. Сарыбагышским отделением Эсенгул правил теперь Ормон, любимый сын Ниязбека, обобщенная копия своих предков.

Ормон был вспыльчив, как Ниязбек, драчлив, как дед Эсенгул, жесток и деспотичен, как далекий прапрадед Манап. Его жестокость пугала. Передают, что меткость своих ружей он проверял на рабах и рабынях. Став главным манапом, он поставил виселицу, которую время от времени украшал постыльцами. Эту виселицу, сооруженную на холме, было далеко видно; авторитет и слава манапа Ормона возросли. Ему удалось заручиться поддержкой саякских родов курманкожо и кулджыгач, а чтобы упрочить свое влияние, он перекочевал из Чуйской долины в Кочкорскую с подчиненными ему родами темир, болот и черикчи.

Большую роль в примирении сарыбагышей с саяками сыграл Джантай Карабеков, внук знаменитого Атаке. Благодарные саяки наградили его чудо-невестой Ак-Моор. Этим узы дружбы скрепились еще больше.

Ормон добыл себе жену, но совсем не так. Ормон, как всякий деспот, при случае всегда пользовался правом сильного. Он отобрал у подчиненного ему манапа Алыбека красавицу-жену Уулбала. А когда акын Калыгул стал упрекать его в несправедливости, Ормон заявил:

— Девушку направляли ко мне, а этот ничтожный перехватил. Я только восстановил справедливость.

Оскорбленный Алыбек со всем своим кошем откочевал к бугинцам и Ормон это запомнил...

Все это обиженный Балбай-батыр Одноухий знал, но не придавал особого значения. В очередной раз он напал на саякский айыл и предал было его разграблению. Однако саяки теперь находились под покровительством Ормона,

а он был наготове. Всегда наготове были и его джигиты-аткаминеры. И удалец Балбай, забубенная головушка, вместо богатой добычи заработал себе опять плен.

Этот второй плен не шел ни в какое сравнение с первым — тот казался ему теперь раем. От нахальства Балбая Ормон пришел в неистовый гнев. Он давно уже лелеял грандиозную мысль — стать общекрыргызским ханом, сплотить все племена под своей рукой. Тогда бы ему были не страшны ни казахские султаны, ни цинский губернатор-амбать, ни даже сам хан кокандский.

Он уже предпринял кое-какие шаги — приручил саяков. Теперь взгляд его обратился в сторону бугинцев. И вдруг этот простофиля Балбай! Ормон приказал заковать его в кандалы и бросить в колодец — наподобие кокандского зиндана, неподалеку он виселицы. Есть ему давали еще меньше, чем самому Ормону в его достопамятном плену.

Всю долгую зиму и не менее долгое лето (так ему казалось) просидел Балбай в колодце и чуть не отдал богу душу. И все это время ездил терпеливый Боромбай, уговаривал Ормона, предлагал большой выкуп. Ормон сначала и слушать не хотел. Боромбай все набавлял и набавлял.

И лишь осенью, собираясь на перекочевку, Ормон наконец-то согласился. Он заломил такой кун, что Боромбай ахнул. Но что делать? Не оставлять же своего родственника на верную гибель.

Пригнали огромную отару овец и косяк лошадей — в иной баранте столько не добудешь. Ормон приказал вытащить из колодца запаршивевшего, обросшего диким волосом батыра и передал его бугинским послам:

— Забирайте вашего одноухого нахала.

Когда Балбай вернулся, наконец, домой, обычно выдержанный Боромбай сказал:

— Больше никуда барантовать не пойдешь. Слишком дорого ты нам обходишься. Тот скот, который мы за тебя

отдали, мог бы принести нам сорок невест. А если станешь самовольничать, будешь иметь дело со мной!

Балбай только шмыгнул простуженным носом и тихонько крикнул, схватившись за поясницу: после ормонова колодца его донимал радикулит.

С тех пор злые остряки втихомолку величали Балбая Одноухим, а менее злые — Балбаем Сорок невест...

* * *

Чтобы смягчить натянутые отношения с бугинцами, Ормон выдал свою любимую дочь за сына Боромбая Эмирзака. Два самых крупных кара-кыргызских манапа породнились.

А через совсем небольшой срок, опираясь на старых и новых союзников, Ормон созвал в Кутмалды общекыргызский сбор — топ.

Съехались выдающиеся мужи из племен сарыбагыш, буту, саяк, солто, черик, сару, чонбагыш, кушчу и др. На этом топе верные Ормону люди предложили провозгласить его ханом. Выступил и сам Ормон. В горячей речи он сетовал на подчинение каракыргыз кокандцам, на вечные усобицы и барымту, подрывающие хозяйство, губящие людей; только объединение под главенством своего хана принесет племенам покой. Предание гласит, что заканчивая речь, Ормон сказал:

— Красная шапка бывает только одна. (То есть народу нужен только один правитель).

Многие манапы, бии и батыры хмуρο слушали речь претендента, но сторонники его были сильны; в случае разногласий могло начаться кровопролитие.

И Ормона, по древнему обычаю кочевников, подняли на белом войлоке (немалую роль в этом опять-таки сыграл Джантай, начальствовавший над половиной сарыбагышей, а также акын Калыгул).

Боромбаю Бекмуратову и другим могущественным родо-правителям ничего не оставалось, как принять этот факт...

Чтобы показать свою независимость, хан Ормон приказал разрушить ближайшую кокандскую крепость...

Война с Кенесары

К сороковым годам XIX в. царская Россия сумела бескровно установить свое господство над кочевыми племенами на безбрежных просторах Казахстана от Каспия до Алтая. Большинство казахских султанов — где добровольно, а где и добровольно-принудительно — признало верховенство Белого царя. Российское правительство в основном оставило в неприкосновенности быт и социальный строй казахов; султаны и бии по-прежнему управляли сородичами. Русская администрация пока что мало вмешивалась во внутренние дела кочевников, однако все-таки вмешивалась, и решающее слово оставалось за ней.

Чтобы смягчить горькую пилюлю, представителей феодально-родовой аристократии «подкармливали» с царского стола: на верноподданных биев и султанов сыпались чины и награды, многие получали солидное жалованье. Феодальная верхушка была приравнена к дворянскому сословию Российской империи со всеми вытекающими льготами. Сыновья султанов и биев получили возможность учиться в высших учебных заведениях. Так, известный казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов окончил Омский кадетский корпус, а затем прослушал курс лекций в Петербургском университете, овладел французским, немецким языками и стал одним из просвещеннейших людей своего времени.

Однако в определенной части степных феодалов зрело недовольство. Вспоминали добрые старые времена хана Аблая, объединившего под своей властью половину степей: тогда была независимость. Выразителем этих кругов явился Кенесары Касимов, внук Аблая. Кенесары мечтал

о былом могуществе своего деда и поставил целью создать независимое казахское ханство.

И вот с начала 40-х годов запылала в степи война. Сначала движение приняло широкий размах. Однако несколько лет бесплодной борьбы сильно поубавили воодушевления. Война губительно сказывалась на торговле, на хозяйстве простых кочевников и конца ей не было видно. Наиболее прозорливые родоправители понимали: движение Кенесары обречено. Из союзников мятежного султана они превращались в его врагов. Так, султаны Купанбай, Барак, Нуралы и др. оказывали всяческую поддержку отрядам генерал-майора Вишневого. Немало услуг царским войскам оказал и султан Ингиз, отец Чокана Валиханова. Он был достойно вознагражден золотой медалью. Его матери (бабке Чокана) русские построили большой европейский дом — первый в степи. В этом доме и вырос будущий ученый. (Кстати, вдова хана Валия приходилась мятежному Кенесары родной сестрой).

Потерпев ряд неудач, Кенесары с остатками войск перебрался на территорию Большого Жуза в Семиречье. Он рассчитывал пополнить свои силы за счет заилийских казахов и северо-кыргызских племен. К тому же многолетняя война требовала громадных издержек, а это опять-таки могли дать только новые союзники-подданные.

* * *

Рано утром к хану Ормону Ниязбекову приехал Джантай Карабеков, чонг-манап сарыбагышского отделения атаке. Гостя встретили со всей почтительностью, сам хан Ормон, протирая заспанные глаза, сказал:

— Мы рады видеть нашего брата живым и здоровым.

Тотчас подали обильный досторхон и два важных человека уселись за него.

Вежливость не позволяет задать гостю сразу вопрос: зачем приехал в такую рань? И Ормон молча запустел

пальцы в блюдо, наблюдая за родичем из-под припухших век. Джантай был старше годами, с большой белой бородой; выдержав паузу, он как бы ответил на приветствие:

— Я-то здоров...

— А скот?

— И скот здоров, и семья, и все родичи... Только на всех нас готов обрушиться степной буран, грозящий гибелью... Буран грозит и твоим айылам, хан.

Ормон вопросительно поднял брови.

Джантай разъяснил:

— Султан Кенесары прислал нам письмо. Позови-ка своего молдо, пусть прочитает.

Явился молдо и стал читать:

«Цель моего прихода сюда — не враждовать и проливать кровь, (но) соединять силы казахов и кыргызы в одно, отделить их от Коканда... Теперь на все, происшедшее между нами (ранее), я объявляю салават (всепрощение)... По получении этого письма удалите из сердца опасения и явитесь ко мне, чтобы соблюсти обряды покорности и тем достичь высокой степени счастья. Если же это предложение не придется вам по сердцу и вы не откажетесь от вражды, то отвечайте сами за свою судьбу.»

— К тебе, хан, едет посольство от Кенесары в сопровождении солтинского чонг-манапа Джангарача и других. Они будут здесь до полудня. Я сказал: «Надо предупредить хозяина о приезде столь почетных гостей — пусть подготовится». «Пошли джигитов» — сказали послы. «Нет, — ответил я. — Из уважения к вам и пославшему вас я сделаю это сам». И вот я здесь, а письмо мне тайно переписал мулла с подлинного послания Кенесары. Я хотел, чтобы ты все узнал прежде, чем послы заговорят.

Джантай не зря так поступил. Зная вспыльчивый, гневливый характер Ормона, он боялся, как бы тот не наделал преждевременной беды; чтобы сопротивляться

войску султана, требуется хорошенько подготовиться, а для этого нужно время.

Джантай как в воду глядел. Ормон рвал и метал.

— Мы избавились от кокандцев не для того, чтобы лизать сапоги Кенесары! — гремел он. — Я это письмо воткну ему в глотку вместе с найзой! «Придите с покорностью!». Ну, погоди, Кенесары!

Джантай дал буре улечься, а потом долго говорил, поглаживая седую бороду. А в айыле готовились к встрече. И когда послы приехали, Ормон уже успокоился. Только взгляд его горел черным огнем из-под припухших век. Выслушав послов, Ормон сказал:

— Мы не можем сразу дать ответ. У нашего народа много достойных родопрародителей. Мы посоветуемся и тогда к вашему султану поедет мудрейший человек нашей земли манап Калыгул Бай Улуу.

Послы отправились назад с подарками, но без определенного ответа. А вслед за ними отбыли в ставку Кенесары Калыгул и сопровождавшие его аксакалы.

Пока мудрый Калыгул заговаривал потомку хана Абляя зубы, Ормон и Джантай созвали съезд самых влиятельных мужей племен сарыбагыш, солто, саяк, бугу, черик, саруу, кушчу и др. Выступали самые красноречивые. Больше всех метал громы и молнии Джангарач. Кенесары много причинил вреда солтинцам. Еще год назад он напал на айылы солтинских родов бёлёкпай, жайыл, талкан и разорил их. Это по его указке убили известного солтинского батыра Джаманкара. А как он обошелся с мирным посольством Джангарача? Он заставил главу посольства бия Тыналы служить проводником в солтинские земли своих барымтачей, а одного из послов принес в жертву и кровью его окрасил свое боевое знамя.

Сарыбагыши отделения тынай тоже хорошо помнили, как пострадали их айылы от набега темигутов Кенесары.

На этом собрании манапы и бии сначала большинством голосов, а потом единодушно решили отвергнуть требования Кенесары.

Посольство Калыгула вернулось живым и здоровым, но безрезультатно. Начиналась большая война.

Теперь, когда надежда на кыргызов-союзников исчезла, Кенесары решил поступать с ними как со злейшими врагами. Он предъявил им счет за обиды со времен своего деда Аблая и отца Касыма. Барымта между казахскими и кыргызскими племенами существовала, можно сказать, извечно, как существовала она давным-давно и внутри кыргызских и казахских племен. Но теперь Кенесары сделал ударение на национальную принадлежность. Он напомнил султанам и биям казахского племени дулат о нападении на них сарыбагышей двадцать две зимы назад.

В апреле 1847 г. десятитысячная армия Кенесары вторглась в Северный Кыргызстан. У его теленгутов (дружинников) было 1500 ружей и даже две пушки.

Запылали солтинске, сарыбагышские айылы. Занимая айыл, Кенесары сумрачно говорил:

— Это изменщики веры, продавшиеся кяфырам. Казните их самой страшной казнью.

По свидетельству современников, теленгуты творили небывалые, средневековые жестокости. Убивали стариков, детей, беременным женщинам вспарывали животы.

В каждом народе есть подонки. Их людоедский, садистский нрав находит простор на войне. Кенесары дал им полную волю; к сожалению, озлобление сделало таким и самого Кенесары.

Верить или не верить такому сообщению? Все эти ужасающие описания оставили о Кенесары его враги...

Жестокости обычно творятся, чтобы уstrate народ. Но иногда они производят обратное действие. Северокыргызские племена поголовно встали на борьбу с захватчиками, несшими новое иго. Объединенное ополчение солто,

сарыбагышей и др. отступило в верховья р. Чу, где заняло крепкую позицию. Кокандцы заперлись в своих крепостях. Пишпекский комендант Алишер-датха из своих маломощных запасов выдал ополченцам две пушки «китайга».

В местности Майтюбе-Текеликтин Сенгири началось генеральное сражение. Верховное руководство объединенными силами племен осуществлял Ормон — теперь все признавали его ханом.

Несколько дней Кенесары пытался выбить врага с занимаемых позиций. Безуспешно. А время работало против. Кончалось продовольствие, корм для коней был на исходе. А кыргызы получали все необходимое из своих айылов, укрывшихся в горных ущельях.

Вдобавок несколько суток продолжался сильный буран.

Кенесары направил 5 000 всадников под предводительством своего племянника Худайменды в ущелья. Это войско было разгромлено, самого Худайменды взяли в плен и убили.

Тогда Кенесары собрал все оставшиеся силы в кулак и решил ждать подкреплений, они должны были прийти от казахских племен уйсун и джадаыр.

Но подкрепления не шли. Кенесары не знал, что его главные враги — русские приняли меры. Сотник Абакумов со своим отрядом перекрыл тыл и союзные племена остались в своих айылах. Другой отряд под командованием есаула Нюхалова наблюдал за положением дел, готовый выступить на стороне кыргызов в любую минуту.

Воины Кенесары приуныли. И, как это бывает, появились изменники. В окружении Кенесары было немало султанов, полностью разделявших его взгляды и оставшихся верными ему до конца. Но немало было и таких, которых только боязнь расправы заставила присоединиться к «Митридату казахских степей», как назвал Кенесары П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Среди них были султан Рус-тем и бий Супатай. Они только и ждали момента уйти в родные кочевья.

И такой момент наступил. Рустем и Супатай связались тайно с кыргызскими предводителями и с их согласия увели ночью свои отряды. Покинули мятежного султана и заилийские казахи. Узнав об этом, Кенесары мрачно сказал окружавшим его султанам:

— Измена вошла в наши юрты. Что скажете? — Султаны в один голос принялись клясть предателей и грозить им небывалым отмщением. Кенесары оглядывал их: кто будет следующим после Рустема и Супатая? Кому верить? И он сказал:

— Будем отступать.

На каменном лице не шевелился ни один мускул. Кенесары улыбался редко, а последнее время — совсем нет. Султаны один за другим покидали юрту и расходились по своим отрядам.

Войско начало отступление.

А в полночь стремительно ударили отряды Ормона. В темноте завязалось жестокое сражение. Сам хан Ормон бился в первых рядах, громко подбодряя своих воинов. Генерал-майор Вишнеvский в своем рапорте писал: «Наконец бий Арман (Ормон) со всеми своими силами напал в полночь на Кенесару и разбил его совершенно...».

Теленгуты защищались отчаянно. Хрипкое дыхание сотен бойцов, вопли и стоны, боевой клич, грохот выстрелов и лязг металла, визг и ржание лошадей — все это слилось в адскую какофонию, сражающимися уже нельзя было управлять.

Численный перевес кыргызов и неожиданность удара сделали свое дело. Теленгуты сначала отступали, потом побежали. Паническое бегство в ночи, когда человек не знает, куда бежит, где искать спасения от врагов, настигавших повсюду...

Кенесары, его приближенные и остатки личной охраны были увлечены общим потоком. Султан понимал, что это — конец. А на рассвете кыргызские отряды сомкнули кольцо...

²⁰ Том XIV. В. М. Плоских

Султан Камбар Аланов, давний враг Кенесары, писал есаулу Ньюхалову: «...Кенесару, обратившегося в бегство, преследовали, захватили его со всеми бывшими при нем 10 султанами и людьми и двумя пушками; убили множество людей его и только небольшое число спаслось бегством».

...Пленный Кенесары хотел увидеть манапа Джантая, но Джантай не пожелал встретиться.

Тогда султан сказал:

— Передайте манапам: я дам выкуп — 60 верблюжьих вьюков золота и серебра. Количество скота пусть назначат, сколько хотят.

Посоветовавшись, манапы отвергли это предложение. Если Кенесары получит свободу, что помешает ему собрать войско и опять напасть? А озлобление народа? Зверства теленгутов слишком свежи в памяти. Да и как посмотрят на это русские? Кенесары им заклятый враг.

Участь Кенесары была решена.

О его смерти есть несколько версий. По одной, сомнительной версии его живым сварили в котле, как делал якобы он сам с пленными кыргызами. По другой — Кенесары при попытке к бегству заколол охранника-джигита и сам был растерзан.

По третьей — приговор манапов привел в исполнение родственник Джантая Коджобек; он отрубил пленному султану голову...

За победу над Кенесары царские власти наградили манапа Джантая золотой медалью и похвальным листом. Награждены были Джангарач, Уметалы и другие. Джантай ходатайствовал также о награждении казахских родоправителей султана Рустема и бия Супатая, немало способствовавших победе.

Получили повышения по службе есаул Ньюхалов и сотник Абакумов (впоследствии полковник).

Но больше всего наград получил хан Ормон: золотую медаль, похвальный лист и халат с золотыми галунами. Генерал-губернатор Гасфорд писал: «Неоспоримо, что без его (т. е. Ормона) содействия... дела наши... могли взять другой, менее выгодный для нас оборот...».

Калыгул

Время шло. И прежде Ормон был очень гордым человеком, теперь же, со временем, его надменность увеличилась вдвое. Как подлинный хан, всех остальных он считал ниже себя и никому не подавал руки. Более того: он дерзнул однажды потягаться с установлениями самого пророка Мухаммеда! Вот как это случилось.

При неграмотном Ормоне состоял в секретарях, а заодно и в наставниках веры беглый кокандский мулла. Этот мулла был страшным ортодоксом и ревностно следил за соблюдением предписаний ислама.

Пришло лето, а с ним и Орозо — 30-дневный мусульманский пост, когда с рассвета и до первой звезды нельзя ни есть, ни пить — все эти жизненные блага можно потреблять только ночью.

Никуда теперь не ездил в гости Ормон: какой смысл? Ведь хозяева не могут угостить своего хана до первой звезды, когда уже хочется не пировать, а спать. И Ормона под разными предлогами перестали навещать подчиненные бии и манапы: они рассуждали точно также.

А летние дни — длинные... Летние ночи — короткие: не успеешь перекусить как следует, глядь — уже рассвет. Ормон терпел-терпел, потом послал гонцов за манапами. Те явились, встревоженные. Тревога сменилась удивлением, когда в просторной ханской юрте они увидели накрытый досторкон: явства такие, что у голодных манапов слюнки потекли. Но ведь еще только за полдень и до ночи далеко?!..

Ормон приказал всем сесть и объявил:

— Мы, правители, должны проводить дни в заботах о своем народе, на отдых нам дается лишь короткая летняя ночь. А Орозо нарушает этот порядок. Поэтому повелеваю: перенести Орозо с лета на зиму! Эй, мулла! Выбери для Орозо такой зимний месяц, в котором самые короткие дни и самые длинные ночи! А теперь приступим к еде с именем Аллаха!

Гости с восторгом приняли решение своего мудрого хана и тотчас приступили. У муллы отнялся язык; он бы охотно покинул оскверненную юрту, но и ноги ему отказали...

Никому не подавал руки Ормон, никого не сажал рядом. Кроме одного человека. Когда этот человек входил в юрту, надменный хан вставал, протягивал гостю обе руки и предлагал почетное место — свое собственное.

Полное имя этого удивительного человека было: Калыгул Бай Улуу, правитель рода Надырбек отделения эсенгул племени сарыбагышей. В истории он известен как просто Калыгул, великий акын, родоначальник поэзии заманистов.

Это был необычный акын. Почти все акыны, ырчы, манасчи происходили из простого народа, знали горенужду, пропитание добывали талантом: ездили со своими песнями от айыла к айылу. Таковы были манасчи Кельдибек, Акылбек, Дыйкамбай, Аюке, Молдо Кылыч и другие.

Калыгул родился в богатой, знатной семье кочевого феодала и никогда не испытывал нужды и голода — разве что во время Орозо. Но талант, мудрость, которыми наделило его небо, стали проявляться с ранней юности. Он не ездил по свадьбам и поминкам в поисках обеда, редко выступал перед большой толпой (хотя и это бывало). Стихи, афоризмы и притчи высказывались им в кругу небольшого числа близких или гостей, посетивших его айыл.

Предание говорит, что Калыгул был очень гостеприимным человеком, сердечным и простым в обращении.

Частенько приходилось ему заступаться за обиженного бедняка; тогда он не страшился заклеить метким словом зарвавшегося бая или манапа.

Даже самому хану Ормону доставалось:

«Храни в мыслях у себя
Избиенного батрака,
Не мучай много раба своего,
Помни эти мои слова,
Как бы не пришел и твой черед».

В то же время Калыгул, сын своего времени, своего класса, восхвалял родовых вождей и призывал «черный» народ помнить о первенстве «белой кости». Сам акын был неграмотен, стихов своих не записывал, однако его сонаты — афоризмы, притчи и изречения были у многих на устах, иные превратились в поговорки.

За все эти качества Калыгул пользовался огромным авторитетом, его любили все — и простой народ — «букара», и могущественные родоправители.

Сам хан Ормон считал его своим другом, чего никто другой не был удостоен. Мало того, хан иной раз даже прислушивался к советам друга-акына. Когда кокандский правитель-регент Мусульманкул прослышал о «топе» в Кутмалды, белом войлоке, красной шапке и разрушении крепости, он встревожился: каракыргызы выходят из повиновения. Мусульманкул послал приглашение Ормону явиться в ханскую ставку — урду за причитающимися ему наградами и званиями.

Соблазн был велик. Ормон прикидывал так и этак, пока его сомнения не разрешил Калыгул:

— Не ездь в Коканд. Там получишь ты подарки — зиндан, а награду — топор палача.

Ормон не поехал.

Два года назад хан задумал перенести свои кочевья в междуречье Или и Чу. Эти земли принадлежали нескольким родам (волостям) казахских племен абдан и дулат.

Роды эти рассорились с царскими властями и ушли в пределы Кокандского ханства. Их кочевья остались без хозяев. Этим и решил воспользоваться Ормон. В холодном феврале 1852 г. по глубокому снегу сарыбагыши отделения эсенгул перебрались через хребет Ала-Тоо и заняли пустующую долину.

Однако оставшиеся роды абданов и дулатов встретили непрошенного соседа, что называется, в штыки: угоняли скот, вытаптывали только что засеянные пашни. Тогда глава сарыбагышей, чтобы закрепить за собой новые уголья, отправил на имя «Белого царя» Николая I прошение о подданстве. Он упоминал о своих заслугах перед правительством в разгроме Кенесары и полученных орденах и наградах за это, подчеркивал, что с тех пор считает себя подданным России. Хитрый Ормон писал: «Почему кыргызы абдановских и дулатовских волостей неприлично принимают нашу сюда перекочевку, делая противные поступки? Мы полагаем, что они узнали о... преданности нашей России... Мы прикочевали сюда в надежде, что принадлежность зимних и летних кочевков никому не объявлена открытым предписанием, а места эти во всяком случае царские и что они свободны и без хозяев...».

Генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд нашел эти высказывания резонными. Кроме того, у него были и свои соображения. Неплохо бы показать казахам, что бегство за пределы империи не проходит безнаказанно: на брошенные земли тотчас найдутся хозяева. И хорошо для этой цели иметь под боком такого сильного подданного, как манап Ормон: окрестные племена поостереглись бы покидать свои земли. В мае 1852 г. в министерство иностранных дел Г. Х. Гасфорд писал: «...Присутствие и привязанность его (т. е. Ормона) к нашему правительству могут служить нам к лучшему обузданию прочих кыргызов».

Но пока шла долгая бюрократическая переписка между канцеляриями генерал-губернатора и министерства, абданы

и дулаты окончательно вывели из терпения Ормона и он откочевал обратно, так и не приняв официального русского подданства.

Немалую роль в этом его решении сыграл Калыгул. Он был против русских (как ранее — против кокандцев). Русские несли что-то новое, чуждое, разрушающее милый его сердцу феодально-родовой уклад. К тому же они были «неверными» — кяфырами. Он советовал Ормону:

Не воюй со множеством казахов,
Забрав у казахов скот.
Останешься среди степей.
Как бы не пришел к тебе русский,
Не сломал бы тебе твой хребет.

Бугу и сарыбагыши. Игра в ордо

Прошло уже семь лет, как сарыбагышский манап Ормон стал ханом. Северо-кыргызские племена — сарыбагыши, бугу, солто, саяки и другие — по-прежнему кочевали по землям своих предков. Жизнь текла по неизменно установленному руслу. Забываться стали ужасы нашествия теленгутов Кенесары Касымова, меньше слышалось воспоминаний о блестящей победе при Майтюбе, а уж о великом съезде — топе в Кутемалды, белом войлоке и красной шапке будто бы и вовсе люди позабыли. Избрали себе хана — и ладно.

Но все это хорошо помнил Ормон. Его властная деятельная натура все более чувствовала неудовлетворенность. Он говорил своему старому другу Калыгулу:

— Вот я хан. Но разве это видно? Не нужен я никому. Когда требовалось биться с Кенесары, тогда все обо мне вспомнили. А теперь? Разве у меня ханская власть?

— Все знатные люди страны — ак сеёк (белая кость) оказывают тебе величайшее уважение, — сдержанно отвечал Калыгул.

— Уважение! А власть? Вон хан Кокандский может казнить любого, когда захочет и никто пикнуть не смеет. А я? Один Боромбай чего стоит.

Калыгул отвечал:

— Мы — вольные потомки Тагая и должны жить по законам предков. Хан Кокандский владеет лишь рабами, а для войны нанимает кыпчаков или адыгене. Потому-то и власть его похожа на лед, что намерзает у зимней кромки Иссык-Куля: ударит сильная волна — и нет льда. Ты же повелеваешь вольными кочевниками: когда пришел Кенесары, по одному твоему слову вскочили в седла многие тысячи джигитов. Разве этого мало?

— Мало! — сердито отвечал Ормон. — Букара (простой народ) меня боится. А манапы? Вон еще когда послал я Боромбаю приглашение (а настоящий хан только приказывает) сыграть в ордо и приз даже приготовил. А он до сих пор не явился!

В это время в дальнем конце айыла послышался шум, крики, потом — выстрел из ружья. Вбежал джигит-аткаминер:

— Бугинцы приехали. С подарками.

На лице Ормона изобразилось удовлетворение.

— Что же, мы ждем, — небрежно сказал он.

— Надо встретить гостей, так велит обычай, — посоветовал Калыгул.

— Встретить, так встретить...

Ормон в сопровождении друга приветствовал гостей у порога своей юрты. Глава бугинцев Боромбай при помощи джигитов тяжело слез с коня и в свою очередь приветствовал хозяина, величая его ханом. Однако в поведении его нем было и тени подобострастия: он обращался как равный к равному. Еще бы! Как и Ормон, Боромбай вел свою родословную от Тагая, а через него — от джикильских каганов. Джикили (или чигили) в древние времена (VIII век) были главными среди карлукского племенного

союза и владели половиной Средней Азию. Тагай-предок жил тоже очень давно — девять поколений назад, в эпоху Чингиз-хана. Вот какая почетная родословная была у Боромбая Бекмуратова, главного манапа племени бугу, отделения алсеит. Ему было уже под восемьдесят. Но это был еще крепкий старик, грузный, толстый; реденькая борода клинышком отсвечивала тяньшаньским снегом, а на круглых щеках играл склеротический румянец.

С Боромбаем приехала внушительная свита, среди которой находились его сыновья, племянники и манап Качыбек Шералин; не было только Балбая Эшходжипа — Балбая Одноухого...

Манаров пригласили к досторкону самого хозяина, остальных развели по юртам.

Два дня пировали гости, а на третий приступили к занятию, ради которого и были приглашены — игре в «ордо».

Ордо — азартнейшая игра, две группы играющих выбирают из круга кости, изображающие «войско». Главная же задача — выбить за черту совсем наибольшую косточку — «хана». Кто это сделает, тому и выигрыш, назначенный Ормоном — 9 кобылиц.

...Знатные гости и знатные хозяева уселись на почетных местах. Вышли команды бугинцев и сарыбагышей, все — крепкие джигиты, знаменитые мастера «орды» Кто победит? Неизвестно? Правда, среди болельщиков (а им был весь айыл) начались перешептывания:

— Посмотрите-ка, это не Чыйбыл ли?

Говорившие показывали пальцем на плечистого джигита среди бугинской команды.

— И верно, Чыйбыл...

— Хитрый Боромбай! Вот почему он опоздал: гонял за Чыйбылом в самый Джеты-Огуз!

— Теперь нашим придется туго... Я однажды видел, как играет этот Чыйбыл: не успел бы баран три раза проблеть, а он уже выбил все кости за черту, в том числе и хана!

Многие в толпе узнали Чыйбыла. Это был великий дока в ордо, известный на весь Иссык-Куль. Сарыбагыши сразу настроились на враждебный лад, им уже мерещился проигрыш.

Метать полагалось по жребию. Жребий выпал бугинцам. Сарыбагыши заспорили — дескать, жребий брошен неправильно. Кинули во второй раз. Выпало сарыбагышам. Теперь заспорили бугинцы. Спор чуть не окончился дракой. В перебранку втянулись и манапы, привстав со своих мест. Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы не вмешался манап Калыгул:

— Братья! Так не годится. Разве забыли поговорку «кто захочет много, получит мало!» Каждая сторона считает себя правой. Давайте метнем жребий еще раз — окончательно. Кому выпадет, тот и начнет первый.

Выпало бугинцам.

Чыйбыл взял в руки биту...

Многочисленные зрители впервые увидели высший класс игры... Толпа дружно ахала при каждом удачном броске — а удачными были все броски. Надо же, как человек играет! Меткости его позавидовал бы, пожалуй, сам легендарный охотник Камбар. Однако непроизвольное восхищение быстро сменилось злостью: соперник выигрывает! Сарыбагышские игроки начали придирааться к каждому броску; их широко поддерживали зрители. Хозяева считали, что Чыйбылу помогает шайтан. Бугинцы азартно возражали. Они-то не сомневались, что на стороне их игрока — Аллах. Игра несколько раз прерывалась. Кто-то кого-то ударил, из разбитого носа кровь закапала прямо в круг. Вмешался опять Калыгул, обращаясь к обеим сторонам:

— Шутки ваши выходят за пределы нормальной игры, ибо в центре ордо пролилась уже кровь, а это значит, что игра может перерасти в кровные междоусобицы. Послушайте меня, прекратите игру, пока не поздно!

На это Ормон, у которого мрачно горели глаза и лицо подергивалось, хрипло приказал:

— Игру продолжать!

Его шумно поддержали все присутствующие.

Азарт раскалил людей. Калыгул сказал соседу:

— Искра от костра может сжечь целую долину... Неужели никто не понимает этого?

Но сосед тоже не понимал — он весь подался вперед. Наконец Чыйбыл выбил за черту «хана». Игра закончилась. Победили гости.

Хозяева ворчали:

— Нечестно поступил Боромбай — привез Чыйбыла. Ведь Чыйбыл раньше промышлял тем, что ездил из айыла в айыл и выигрывал в ордо на спор. Теперь уже никто не хочет с ним связываться. А Боромбай притащил его сюда.

— Он это сделал нарочно — чтобы нас унижить...

Хан Ормон сидел молча. Но лицо — чернее тучи — говорил красноречивее слов. Боромбай сказал миролюбиво (после того, как его самолюбие удовлетворилось):

— Сора разгорелась не на шутку. Мы — родственники и не к лицу нам оставлять злобу в сердце друг друга. Пословица говорит: «Хорошо кементай новый, а друзья — старые». Мы отказываемся от приза — пусть он достанется вам.

Эти скрытно ядовитые слова взорвали Ормона.

— Ты что же, думаешь, я нуждаюсь в твоём снихождении? Никогда ещё потомок Эсенгула не принимал милостыню! Забирайте ваших кобыл и чтобы я их больше не видел!

И ушел в юрту.

Бугинцы, которых никто не пригласил на прощальный обед, забрали приз и уехали. Старый Боромбай всю дорогу был глубоко задумчив; он качал головой и говорил Качыбеку Шералину:

— Как бы из этой маленькой птички — ссоры не выросло Алп-Каракуша — большой беды...

Последний бой хана Ормона

И случилось же вскоре такое — сарыбагыши опять проиграли в треклятое ордо. Прямо как назло... На этот раз победителями оказались саяки во главе с манапом Алымбеком, тем самым, у которого Ормон «увел» жену...

Алымбек без лишних слов забрал свой приз и убрался восвояси. Дорогой у него было время вспомнить злобные взгляды сарыбагышей и яростные судороги на лице Ормон-хана. И Алымбек понял: если Ормон отобрал раньше жену, то теперь отберет жизнь...

Прибыв домой, он в спешном порядке со всем айылом откочевал под защиту Боромбая. Тот знал о несчастьях, свалившихся на голову саякского манапа и, конечно, не отказал в гостеприимстве.

Разозленный Ормон послал джигитов с категорическим требованием возвратить беглеца.

На это старый Боромбай ответил:

— Даже воробей находит защиту у куста шиповника. Неужели Ормон не считает бугинцев за куст?

— Тогда мы потрясем этот куст! — и Ормон велел джигитам опять отправляться к бугинцам, теперь уже на барымту.

Набег оказался неудачным, один из налетчиков был убит. Ормон потребовал выкуп — куп.

Бугинцы резонно заметили:

— За вора не дают купа.

И просили хана успокоиться.

Ормон окончательно вышел из себя. Этакие неудачи! Этакое непочтение! Ормон говорил Калыгулу:

— Я ненавижу Боромбая с его бугинцами. Чем он кичится? Силой? Храбростью? К его имени никогда

не прибавляли слова «батыр», он его не заслужил. Бугинцы во всем должны уступать сарыбагышам. Кто победил Кенесары? Сарыбагыши! Немножко помогли солто, саяки... А бугинцев не было: Боромбай прятался за Иссык-Кулем. А теперь совсем задрал голову. Но если Боромбай — кайып, то я буду жолборсом (по легенде, предком бугинцев был олень — кайып, жолборс — тигр).

Калыгул мягко возражал:

— Вы оба — потомки Кылжыра. Вражду начать легко — закончить трудно. Много прольется родственной крови, сколько вдов и сирот останется! Сколько воинов погибнет, это будет только на руку кокандцам, казахам и орусам. Нет, худой мир лучше хорошей ссоры.

Но Ормон давно уже вынашивал то, о чем говорил.

— Недостойные бугинцы занимают самые лучшие земли по Иссык-Кулю. У них есть все: и приозерные солончаки, удобные для скота, и хорошая земля под пашни... Вон Боромбай даже бахчи и сады завел на манер кокандцев. У них есть и прохладные джайлоо — весь Терскей! Один Джеты-Огуз чего стоит... И зимовки, и летовки бугинцев просторны, удобны. Вокруг Иссык-Куля — горные цепи как стены и вся их земля кажется крепостью. Отчего же им не богатеть, не плодить скот и самим не плодиться? Сидят они за нашей спиной в довольстве и покое. Сарыбагышам же приходится отбиваться от казахов, зорко следить за орусам, платить зякет кокандскому хану... А к бугинцам зякетчи добираются в последнюю очередь... Вот и разжирел Боромбай, стал совсем нахальным...

— Но это — их исконная земля, — слабо возражал Калыгул. — На ней кочевали их отцы, деды, прадеды...

— А почему храбрецы-сарыбагыши должны удовлетворяться скудными пастбищами и ничтожными клочками пашен? Хватит! Надо все разделить по справедливости.

Народный фольклор («Песнь о войнах сарыбагыш и бугу») утверждает, что Ормон будто бы заявил:

«Если бугинцы, подобные Кайыпу,
Не будут признавать мою власть,
Я прогоню их на землю калмаков,
Я загоню их в конгуз,
Я заберу у них озеро,
Я загоню их в Текес
И заберу у них землю».

К этой теме хан Ормон возвращался постоянно. И Калыгул чувствовал: кровопролитной братоубийственной войны — джау, как видно, не избежать...

Летом 1854 г. Ормон придумал, как ему казалось, гениальный план, позволявший одним ударом покончить с бугинцами. Он решил неожиданным нападением в самое сердце бугинских кочевий обезглавить племя бугу — захватить в плен Боромбая со всем его семейством. Тогда бугу станут стоворчивее. Все это он изложил ближайшим сподвижникам, среди которых был и Калыгул.

Этот план привел акына в ужас.

— Вижу реки, полные не холодной чистой воды, а теплой красной крови! Опомнись, хан! Ты хочешь обогатиться, а получится наоборот!

Он взял комуз, подкрутил колки, ударил по струнам и запел свою знаменитую песнь «Акыр Заман» — «Конец мира», созданную в эти последние дни. Присутствующие, затаив дыхание, слушали.

Акын спел сначала о тщете земных устремлений.

«Трепетная жизнь пройдет,
Старик к возрасту джигита не вернется.
Если конь состарился, не станет аргамаром,
В состояние скакуна не вернется.

А что ждет людей в будущем? Еще пророк об этом сказал:

При конце света люди измельчают во всех членах,
В отличие от древних людей
Другими будут, сказал,

Люди при конце света,
Скупыми будут, сказал.
Старших не слушая, младшие
Склочными станут, сказал.
Друг друга не слушая,
Злобными станут, сказал.
И природа, и люди — все придет к разложению
и к концу.
Гора голым камнем станет,
Степь дремучим лесом станет,
Презренный раб баем станет,
И безродный знатным станет...»

* * *

Хан Ормон был не из тех, кого могут отвлечь от поставленной цели стихи акына, даже знаменитого. В начале июля его сын Уметалы по приказу отца начал формировать из сарыбагышей и саяков большое войско. Сам Ормон, не дожидаясь главных сил, с отборным отрядом из 600 джигитов совершил стремительный рейд в бугинские земли.

Узнав об этом, Калыгул сочинил свое «Обращение к Ормон-хану».

«Ну, подумай, хан Ормон,
Вижу, как ты кровь народа сосешь!
Как наел свой зад...
Как пробьет час твоей власти,
Вот тогда ты и оставишь
Властные свои слова,
Коиими себя ты хвалишь...
Ходишь ты сейчас, как див,
Смотри, не стал бы безлошадным...»

Сначала Ормону сопутствовал успех. Сторожевой отряд бугинцев был уничтожен, первый же айыл — разграблен дотла.

— Убивайте сопротивляющихся! — кричал Ормон. — Не выпускайте всадников! Чтобы ни один не ушел!

Торжествующие победители добивали последних; откуда-то из-за юрт слышался истошный, страшный женский крик-призыв: «Сыдык! Сыдык! Сыдык! Сыды-ы-ы», — крик захлебнулся. Ормон грозно закричал:

— Ничего не трогать! Ни скот, ни женщин! Мы идем вперед!

Ормон хотел ворваться в айыл Боромбая на плечах врага, неожиданно. Однако Боромбая сумели предупредить — несколько всадников все-таки вырвались из кровавой бойни. Боромбай был готов к битве.

Вскоре отряд Ормона со всех сторон окружили воины бугу. Выставив, по обычаю, впереди себя коней в качестве заслона, они стали сжимать кольцо. Напрасно Ормон всматривался вдаль, напрасно ждал звука трубы и боевого клича сарыбагышей. Основные силы не подходили.

Настала темная июльская ночь на берегу реки Шаты. Бугинцы пошли в атаку, завязалась рукопашная. Вот как описывает дальнейшее русский путешественник и ученый П. П. Семенов-Тянь-Шанский, посетивший места событий, так сказать, по горячим следам: «В темную ночь на берегах р. Шаты на Терское произошла самая ожесточенная битва. Урман, превосходивший всех своей силой и храбростью, нашел, однако, себе соперника в старшем усыновленном племяннике Бурамбая Клыче, за свою кровожадность и жестокость получившем впоследствии прозвание Исыккульского тигра. Оба оказали чудеса храбрости, но, наконец, смертельно раненый и сбитый копьем с лошади Урман был принесен в юрту сына Бурамбая Эмирзака и умер на руках его жены, своей любимой дочери».

Можно представить, как рыдала, как оплакивала дочь умершего на ее руках батыра. Пусть для других он был грозным, ненавистным, жестоким — для нее он всегда оставался любящим отцом...

А Боромбай сказал победителю:

— Лучше бы, Клыч, твоя найза сломалась...

Уметалы наносит удар

Смерть Ормона испугала бугинцев. Ведь за его спиной остались воинственные сарыбагыши, а во главе их — Уметалы и Тёрёгельды, две хищные, беспощадные птицы. Кроме того, Ормон-хана поднимали на белом войлоке представители многих племен. Как они отнесутся к происшедшему?

Боромбай распорядился отправить убитого к сарыбагышам. Его сопровождала дочь (невестка Боромбая), а с ней — все пленные, которых бугинцы отпустили без выкупа.

Одновременно во все союзные племена — саяк, солто, черик, кушчу, сару — помчались гонцы с извещением о смерти хана Ормона. Они везли и просьбу Боромбая: «Не вмешивайтесь в дела двух потомков Кылжыра», т. е. бугу и сарыбагышей.

Манапы проявили удивительное благодушие. Один вздохнул с облегчением, другой радостно осклабился, а третий одарил гонцов как за добрую весть — суюнчу. Манап таласских кошчу Бурго-батыр сказал:

— Беркут, охотившийся за волками, от них и погибнет.

Глава чериков Улакбий передал свой совет Боромбаю:

— Будь всегда наготове против коварства сарыбагышей.

А главный солтинский манап Джангарач, старый соратник Ормона, ничего не сказал — он сделал. Именно в этот момент ему сразу приспичило выдавать свою дочь замуж; на свадьбу он пригласил 60 сарыбагышских родоначальников. Родоначальники явились (как отказать?). Той был настолько замечательный, что сарыбагыши не скоро уехали и, таким образом, на какой-то срок были обезврежены.

Тем временем в айыл Боромбая из сарыбагышского плена приплелись несколько бугинцев. Они передали ультиматум — требование сыновей Ормона.

Из всех кыргызских племен бугинцы отличались наибольшей демократичностью. У них за всю историю никогда не появлялось таких властных фигур, как Ормон, Исенгул сарыбагышские, Рыскулбек саякский или Алымбек Алайский. Народ еще имел кое-какой вес. Этим и воспользовался старый Боромбай: он хотел, чтобы весь народ бугу принял решение по поводу сарыбагышского ультиматума.

И вот в многочисленном собрании были оглашены три условия сыновей Ормона. Бугинцы вольны были из трех выбрать любое — в качестве куна за убитого Ормон-хана.

1. Выдать манапов Боромбая, Балбая, Тилекмата и Мырзу для казни за кровь Ормона.
2. Представить сарыбагышам сто лучших бугинских девушек со ста отборными конями со всем убранством.
3. Освободить Иссык-Кульскую котловину, откочевав в Текес к калмакам на постоянное жительство.

На каждое условие народ отвечал возмущенными возгласами, порой сливавшимися в единый грозный хор.

— Сарыбагыши считают нас за своих рабов!

— Сыновья Ормона говорят так, будто они семиглавые великаны!

Все три условия были отвергнуты. Этого и добивался Боромбай. Народ принял решение — народ будет единой душой. Когда человек выполняет свою (или думает, что свою) волю, это воодушевляет.

— А теперь будем готовиться к битвам! — сказал старый Боромбай в заключение. — Но, чтобы избежать большой крови, своей и братских сарыбагышей, надо временно откочевать на Текес. Время в силах унять самый большой пожар. Сегодня пламя, завтра — огонь, послезавтра — потухший уголь, а потом — ничего...

* * *

Бугу не успели откочевать на Текес. Пришло известие, что Уметалы, сын и наследник Ормона, с ополчением из сарыбагышей и саяков движется на них. Уходить теперь не имело смысла: айылы со всем хозяйством двигались медленно и конное войско всегда могло догнать их. На совете приняли решение идти навстречу врагам-братьям. Боромбай собрал все наличные силы и двинулся к южному берегу Иссык-Куля.

Противники встретились на берегах полноводной и быстрой горной реки. Только вода разделяла их, однако ни одна из сторон не решалась переходить клокочущую стремнину на виду у неприятеля. Так простояли несколько дней. Ночью жгли костры, чтобы согреться и заодно оградить себя от внезапного нападения в темноте. Днем резали баранов — по обеим сторонам реки. Сначала злобно переругивались, грозили друг другу страшными карами. Потом как-то все устоялось. Можно было слышать, как знакомые окликали друг друга, через реку спрашивали о здоровье скота, семьи... Злоба у сарыбагышей как будто прошла, а бугинцы и вовсе ее не испытывали. По всей видимости, дело шло к мировой. Боромбай в душе благодарил небо за такой исход и вслух высказывал то же самое. И вдруг — как удар грома. На взмыленном неоседланном коне проскакал истерзанный, весь в крови подросток со страшной вестью: айылы разгромлены, кто убит, кто покалечен, а весь скот и множество женщин и девушек уведены в плен. Оказывается, пока два войска беззлобно стояли друг против друга, Уметалы с основными силами под покровом ночи двинулся на север Иссык-Куля к Тюпу — главному стойбищу бугинских айылов и напал на них, беззащитных. Удар был нанесен в спину.

Со всей возможной скоростью бросился Боромбай на помощь в тыл, но опоздал. Собрав кровавую жатву, Уметалы

отошел и был вне пределов досягаемости. Лишь заслон из 50 джигитов попал к Боромбаю в плен.

Зрелище, представившееся глазам потрясенных бугинцев, было страшным. Разграбленные и сожженные юрты, вырубленные садики, истоптанные пашни. И везде — трупы, трупы, трупы... Среди них бродили оставшиеся в живых старухи, выли, рвали седые волосы.

Семья Боромбая исчезла. Обезумевший от горя обычно спокойный и рассудительный потомок джикильских каганов на этот раз не помнил себя. Он приказал всем 50-ти пленным сарыбагышам отрубить головы. Что и было немедленно исполнено.

Теперь о мировой не могло быть и речи. Сердца бугинцев горели жаждой мести. Боромбай созвал всех подвластных ему баев и манапов для похода против сарыбагышей.

Наблюдатели приносили тревожные вести: Уметалы, получив подкрепление от саяков и сарыбагышского отделения черикчи, где манапом был знаменитый батыр Тёрёгельды (сам он в это время сидел в Пишпекском зиндане, у кокандцев), снова движется на бугинцев.

Рассуждать было некогда. Конная война — быстрая война. Собрав всех способных держать оружие, Боромбай выступил навстречу с одной решимостью: победить или умереть.

Старый Боромбай сражался по старинке, не мудрствуя лукаво — лоб в лоб. У кого больше злости, больше силы, лучше оружие и на чьей стороне численный перевес — тот и победит. Оружие и злость у обоих противников были равные. Уметалы имел численный перевес, но не в этом была его главная сила. Он был прирожденным полководцем. Кто знает, родился он в другую эпоху, может быть, Средняя Азия наряду с Махмудом, Газневи, Санджаром Тимуром вписала бы в свою историю еще одно доблестно-кровавое имя. Что Уметалы был незаурядной

личностью — это бесспорно. Деспот и тиран по натуре, он вдобавок находился в отблесках жестокой славы своих предшественников — Эсенгула, Ниязбека, Ормона. И простые джигиты, и «белая кость» трепетали от одного его взгляда. Его распоряжения выполнялись беспрекословно и мгновенно. Чокан Валиханов пишет, что Уметалы «растрелял любимую жену за то, что она заставила повторить его какое-то приказание два раза».

Кроме того, Уметалы был «бакши», т. е. шаман, колдун. Говорили, он умел вызывать дождь, прогонять тучи и т. д. Это добавляло к его личности еще и какую-то суеверную, мистическую славу...

Бугинцы были полны ненависти к врагу, сарыбагыши — тоже. И та, и другая стороны выставили вперед коней и, укрываясь за ними, начали усиленную перестрелку. Впрочем, кремневых ружей было недостаточно у обеих сторон и урон оказался невелик.

Тогда враги сошлись врукопашную. Но врукопашную — это еще не значит, что каждый воин дерется с врагом один на один. В этом бою и сарыбагыши, и бугу старались держаться скученно, слева и справа чувствуя помощь со-родичей. Таким образом, в рукопашной поначалу приняли участие только передние ряды. Лопались пики — найза, поднимались и опускались боевые топорики — айбалта; шум, крики, визг как всегда повисли над сражающимися. Ряды смешались.

Бугинцы дрались отчаянно, сарыбагыши им не уступали. С обеих сторон пало уже много джигитов. Раненые, выбитые из седел, погибали под копытами лошадей.

Уметалы, наблюдавший за битвой (он был хром и не часто сражался лично), сказал:

— Пора! — И велел трубить в длиннющую кокандскую трубу, которую подарил ему когда-то манап Тёрёгельды.

Труба глухо-гнусаво запела. Но звук ее был далеко слышен. Всадник, одиноко стоявший на дальнем холме,

поднял пику с нацепленной тряпкой и стал усиленно махать ею. И тотчас из-за холма стали выезжать десятки, сотни всадников и, набирая скорость, помчались во фланг бугинцев. Это акын-манап Калыгул со своими воинами рода надырбек шел, как и замыслил Уметалы, на подмогу... Он мстил за смерть своего друга Ормона.

Свежие отряды сарыбагышей ударили неожиданно и оказали на ход боя решающее воздействие: бугинцы побежали.

Битва была проиграна.

Старый Боромбай не победил и не умер, как намеревался, ему пришлось вместе со своими джигитами спасаться, яростно отбиваясь от наседавших врагов...

* * *

После этого сражения Боромбаю ничего не оставалось, как со всеми айылами и остатками скота бежать на Текес и Кыркыра. Преследуя их, сарыбагыши захватили много пленных и оставших овечьих отар.

Ушли все бугинцы, за исключением рода кыбык (и части рода джелдек). Кыбыки остались на Исык-Куле, но о их судьбе речь впереди.

Саякский манап Алыбек, нашедший защиту у Боромбая, пытался скрыться в горах. По приказу Уметалы беглеца долго и тщательно искали, наконец его айыл был обнаружен в одном из глухих ущелий. Воины Уметалы окружили айыл и напали со всех сторон. Саяки мужественно защищались, но, как говорится, сила солому ломит. Айыл был разграблен дотла, а сам Алыбек убит.

Так покойник Ормон и после своей смерти руками сына доконал-таки ненавистного ему Алыбека...

Качыбек Шералин

Еще в 1850 г. китайские власти Синьцзяна, обеспокоенные продвижениями русских в Заилийском крае, послали

на Иссык-Куль группу чиновников в сопровождении сильного военного отряда. Перед ними была поставлена задача: склонить прииссыккульских кыргызов на подданство Китаю.

Чиновники везли подарки, патенты на чины и обещания. Всем этим они щедро одарили родоначальников племен черик, бугу, чонбагыш, а главного бугинского манапа Боромбая выделили особо: ему был пожалован красный шарик на шапку — знак высшего достоинства (нечто вроде генеральских погон) и содержание — 10 ямб в год.

Взамен бугинцы — хочешь не хочешь — вынуждены были согласиться на уплату податей цинскому правительству.

Собрав подати, китайцы убрались и с тех пор больше не появлялись на берегах Теплового озера.

Текес и Каркыра расположены в приграничных с Китаем районах. Прибыв туда, Боромбай облачился в китайский халат, надел шапку с генеральским красным шариком и явился к джангджуну — китайскому губернатору с прошением о помощи.

— Мы подданные Сына Неба, — говорил Боромбай, указывая на свой красный шарик. — И мне положено каждый год получать 10 ямб содержания. За четыре года я не получил ни ямба, да мне и не надо. Я лишь прошу о защите.

Губернатор, принявший Боромбая как высокопоставленного мандарина, собственноручно подливая ему в пиалу знаменитый китайский чай, пододвигал вазу со сладостями и с вежливой улыбкой отвечал:

— Высококочтимый и уважаемый прав: казна задолжала ему жалованье. Но ведь и племя Бугу задолжало казне подати за четыре года... Я их не требую, поскольку вхожу в Ваше положение. Что же касается помощи...

И джангджун стал изъясняться столь туманно, что и последний баран из уцелевших бугинских стад понял бы: никакой помощи не будет.

Китай переживал трудные времена и был просто не в состоянии что-нибудь сделать на своей далекой окраине.

А впереди маячила зима. Провести ее в холодных высокогорных ущельях — значило погубить оставшийся скот и тем самым обречь народ на голодную смерть.

Положение казалось просто безвыходным. И старый Боромбай созвал манапов и биев на совет. В юрту верховного манапа собрались: Сарбек Саскин, Каджибек Шафиков, Мураталы-бий-Пирназаров, Байбур Хаджибаев, Тумекатбий-Джылкыайдаров, Балбай Ишходжин, Кукчи Умитов, Джубасар Тулинатин, Байган-батыр Джаныбеков и Бирукбай Сеидов. Запаздывал только Качыбек Шералин.

Гости пили подсоленный чай с молоком, переговаривались и поглядывали на своего предводителя.

Боромбай крикнул:

— Эй, пошлите кого-нибудь за Качыбеком! А пока, — обратился он к манапам, — давайте решать: что будем делать? У кого просить помощи?

Решали-рассуждали долго, зато сошлись по всем вопросам единогласно. Кокандцы могут, конечно, приструнить сарыбагышей, зато сами грабят не хуже, а если почувствуют (они уже и сейчас чувствуют) безвыходность положения бугинцев, то и вовсе распояшутся. Кокандцев дружно отвергли. А цинские власти? Брали подати, дарили титулы, от которых ни холодно, ни жарко, а когда понадобилась защита, развели руками.

Так кто же остается? Только русские. Вон как живут казахи — в мире и покое, а если и барымтуют, то только с кыргызами, подданными Коканда или цинов! У них русские не допускают братоубийственную междоусобицу, а ослушников сурово наказывают. Оттого-то и увеличиваются их стада.

— Но орусы — кяфыры, — сказал кто-то.

— Что из того? И албанам, и дулатам они оставили их веру. Даже присягу Белому царю султаны приносили на Коране.

— Много раз мы обращались к Белому царю с просьбой о подданстве и защите, но каждый раз нам отказывали, — возражали другие.

— Обратимся еще раз, — убеждал Боромбай. — Другого пути у нас нет. Куда ни поверни коня — всюду подстерегают оскаленные волчьи пасти.

Манапы прикидывали так и этак, но выходило с неизбежностью: прав старый мудрый Боромбай...

За войлочной стеной юрты они услышали, как молоденькая родственница чонг-манапа успокаивала раскричавшегося младенца:

— Не плачь, мой верблюжонок! Тише, маленький! А то услышат сарыбагыши, прискачут и зарежут всех нас...

— Вот до чего мы дожили! — сказал Балбай-батыр.

Манапы горестно вздыхали, мрачно сопели. Но вот поллог юрты откинулся и перед изумленными гостями предстал... русский офицер.

— Капитан Качыбек, — возгласил Боромбай.

Только тут манапы узнали своего товарища. Качыбек выглядел просто великолепно: совсем еще новый (правда, несколько помятый) мундир из хорошего сукна, на плечах — эполеты, на голове — русская фуражка, на груди — золотая медаль с лентой, на боку — сабля в роскошных ножнах русского производства...

Манапы дружно восхищались. Качыбек никогда не надевал мундира и никогда особенно не хвастал своим офицерским чином. Те, кто помоложе, ничего об этом не знали, а те, что постарше, как-то забыли. Потому что начало истории Качыбека — российского офицера — уходило в «давным-давно», сорок один год назад...

За 41 год до описываемых событий, т. е. в 1813 году в прииссыккульские кочевья бугинских биев Шералы, Ниязбека Ишима и других прибыл большой торговый караван сибирского купца Миркубана Ниязова. Прибытие каравана — большое событие. Степенно шли верблюды, покачивая полосатыми тюками, мерным шагом ехали всадники. Аильные собаки свирепо бросились было навстречу, но вскоре их злобный лай сменился добродушно поощрительным ворчанием, собаки кочевников умеют отличать гостей от грабителей. Караван встречал весь айыл во главе с бием Шералы, родоправителем отделения белек.

Пока освобождали от поклажи верблюдов, разнуздывали лошадей, гости и хозяева бегло познакомились. Как водится, в честь прибывших устроили угощение — этот добрый обычай свято соблюдался кочевниками во всех концах земли во все времена. Гости тоже не ударили в грязь лицом и выполнили вторую половину обычая: одарили хозяев богатыми подарками.

За обильным досторхоном началось более подробное знакомство. Караван шел из российских земель через Семиречье и кыргызские земли в Турфан и Аксу. При караване был необычный человек — улькантиоря (большой начальник), полномочный представитель русских властей и самого Белого царя — «Ак-падыша». Звали его Бубенов Андрей Леонтьевич и служил он губернским секретарем-переводчиком при сибирском генерал-губернаторе. Бубеннов передал присутствующим биям письмо от Высокого Начальства: «Ко всем старшинам, султанам и биям кочующих народов по сему новому тракту...» В письме предлагалось не чинить обид и грабительств купеческим караванам, а наоборот — содействовать им ко взаимной пользе.

Бии и аксакалы напряженно слушали: такое важное письмо они получали впервые. Когда чтение окончилось, все присутствующие с воодушевлением высказались

так: купечеству не только не будут делать притеснений, но всегда окажут защиту, доброхотство и даже проводят до желаемого пункта. А сам бий Шералы тут же заявил, что дает каравану в сопровождающие своего старшего сына Аджибия Шералина.

И в последующие дни за досторхоном продолжались доверительные беседы. Бубенов дивился уму, смекалке этих «первобытных» неграмотных вождей. Но особенно поразил его младший бийский сын Качыбек. Юноше всего было 15 лет, но рассуждал он, как умудренный и убеленный сединами аксакал. Особенно неистребимой была его любознательность. Губернскому секретарю пришлось многое порассказать о Российской империи, о могуществе царя — «Ак-падыша» и даже об укладе жизни русских людей (особенно этим заинтересовался Качыбек, когда Бубенов вынул деревянную ложку и стал ею хлебать горячее шорпо из пиалы).

Когда спустя несколько месяцев Бубенов (вместе с караваном) возвращался из Турфана через те же кочевья, его ждала депутация от кыргызов: Качыбек Шералин и Джакып, сын другого бия. Они направлялись бугинскими аксакалами в Россию для переговоров о принятии подданства.

Выехали 21 ноября 1813 г. и 5 января 1814 г. прибыли в крепость Семипалатинскую.

Их принял сам начальник сибирской пограничной линии генерал Глазенап. Юные послы выразили от имени своего народа желание «проводить (с русскими) торговлю и готовность быть вспомоществователями к сопровождению через их область, которую миновать нельзя, в китайский город Аксу, Кашгарию, Тибет, Яркенд и Кашемир...»

Кроме того, они настойчиво просили отправить их в Петербург для принесения Белому царю присяги от себя и своего народа. Финансовые затруднения сибирских властей не позволили удовлетворить их просьбу. Глазенап под надуманным предлогом вежливо отказал. Зато здесь,

на сибирской линии, депутатам был оказан отменный прием: им показывали пограничные крепости, «быт русских людей» и даже барнаульские заводы...».

Между тем фельдъегерь со срочной депешей мчится в Санкт-Петербург. Глазенап расписывает в ней все выгоды от «утверждения дружбы с сими дикими кыргызцами». Торговый путь через их страну в Кашмир и Индию обещает великие выгоды.

И кыргызские послы при отъезде получают дорогие подарки: одежду, сабли и воинские чины...

Так пятнадцатилетний Качыбек Шералин стал капитаном Российской армии.

* * *

В последующие десятилетия продолжался обмен депутациями со стороны кыргыз и представителей русских властей. Вот как это выглядит хронологически.

В 1824 г. бугинцы направили 2-е посольство в Семипалатинск. Среди послов — брат Качыбека бий Абыл-газы, представитель от трех биев рода белек; Акылбек Улджебаев — доверенный от 12 биев рода арык-тукум и Алымбек Джапалаков — от 8 биев рода джелдек. Каждый депутат вез письмо от своего рода, общая мысль которых была такова: «...Наша покорнейшая просьба состоит в том: желание наше есть сопровождать караваны Ваши в Кашгарию и Аксу. Но как есть в Орде нашей шалуны кыргызы, с коими управиться нет возможности, то к усмирению их не оставьте употребить Вашу власть... За своих же подведомственных мы ручаемся, а других родов кыргызы нас не слушают, потому что у них султанов нет. Мы же, известясь, что подданные Государя Императора кыргызы (т. е. казахи), пользуясь покровительством, живут спокойно, а потому мы изъявляем желание быть подданными Государя...».

В Семипалатинске депутатов принял начальник округа и препроводил в Омск.

Русские власти оказали бугинцам самый любезный прием и ни на что не скупилась: на одно только их содержание за несколько месяцев было израсходовано казною 1500 рублей (деньги по тем временам немалые), о чем сохранились записи в архивах. По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевича бугинцев одарили сукном, парчой, плисом, ситцем, бархатом и т. д. Каждому выдали по золотой медали и по праздничному, специально сшитому платью, а лично от генерал-губернатора — еще и по перстню. Глава же посланцев Джапалак сверх того получил золотую именную саблю с надписью по-русски и по-татарски».

В мае 1825 г. посланцев отправили обратно в сопровождении отряда из 50 казаков под командованием хорунжего Т. В. Нюхалова. Отряд должен был достичь бугинских кочевий и закрепить дружеские связи. С отрядом ехал и ученый лекарь Омского гарнизонного полка Ф. К. Зибберштейн — «для описания пути и географических открытий».

Нет слов, бугинскому посольству русские власти оказали всяческое уважение, но вопрос о подданстве был так и не решен. А между тем посланцы настойчиво просили об этом, жаловались на бесконечную разорительную барымту, а также на всевозрастающую агрессию Кокандского ханства. В справедливости их жалоб вскоре представился случай убедиться.

Отряд достиг реки Тюп. Смеркалось, и казаки ставили палатки для ночлега, кашевары разожгли костры. В 11 часов ночи к Нюхалову подошел сотенный атаман Пантелеев:

— Терентий Васильевич, беспокойно тут...

— С чего ты взял?

— Поехал я набрать курая для костра. Слышу, — он махнул рукой в сторону тюпской равнины — а оттуда гул какой-то, галдежь, вроде как даже отдельные голоса. Ровно цыганская ярмарка...

Нюхалов встревожился.

— Возьми десяток казаков, разузнай, что почем.

Пантелеев отсутствовал целый час. Нюхалов тревожился все больше. Он поднял казаков в ружье, велел загасить костры.

Но вот в ночной тишине раздался немногочисленный стук копыт. На строгий окрик часового темнота откликнулась голосом Пантелеева.

— Порядок, — доложил он, спрыгивая с коня. — Мы, почитай, проехали всю равнину. Там, видать, барактачи собирались кого-то почечбарить, да пронюхали про нас — и в горы. По всему, было их несколько сотен, все на конях. Навоз еще теплый.

Как впоследствии выяснилось, действительно несколько сот сарыбагышей готовили набег на бугинские айылы. Внезапное появление русского отряда, о котором они уже прослышали, спугнуло их. Таким образом, это было первое на территории Кыргызстана кровопролитие, которое предотвратили русские. «Нечаянный сей случай, — писал Зибберштейн, — много действовал впоследствии на умы того народа, к которому мы везли депутатов; родоначальники оного и другие почетные кыргызы, с признательностью отдавая нам благодарность, чистосердечно признавались, что они в ту ночь, как мы прогнали показанную толпу кыргыз, ждали оную в свои аулы и до самого рассвета стояли в готовности к отражению».

«Путевые замечания» Зибберштейна полны описаний того восторженного приема, который оказывали в каждом айыле возвратившимся депутатам их родичи («К чести сего народа должно сказать, что чувство их нимало не дики...»). Особо подчеркивает тот теплый прием и радушие, с которым встречали русских.

Зибберштейн присутствовал на большом съезде бугинцев на реке Джергалан, где решался вопрос о подданстве. Оказалось, тут же находились и посланцы кокандского Омар-хана. Они склоняли бугинцев к принятию кокандского

покровительства, обещая за это расправу над сарыбагышами. Присутствие русских одобрило кыргыз и «бии Ульжебай и Епалак (Ульджебай и Джапалак) первые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы увлекли с собою и всех прочих родоначальников, которые в исполнение требований наших дали подписки и благодарные письма к г. генерал-губернатору Западной Сибири».

Как пишет современный историк, «экспедиция Нюхалова и Зибберштейна явилась самой результативной в развитии кыргызско-русских связей в первой половине XIX в.» Однако вопрос о подданстве окончательно так и не был решен...

В 1827 г. состоялась 2-я поездка А. Л. Бубенова в Кыргызстан (Собственно, он направлялся в Кашгар в связи с восстанием Джангир-ходжей). Больше месяца Бубенов провел в кыргызских кочевьях, возобновил дружеские отношения с бугинскими манапами, в особенности с братьями Шералиными — Качыбеком, Аджибаем, Моса-ходжой и Юнусом. Братья через него отправили генерал-губернатору письмо, в котором подчеркивали: «Мы, проходящие из России, Кашгарии и Аксу караваны... сопровождаем во все нужные для них стороны и в случае высочайшего и вашего высокопревосходительства к нам повелений, с какими-либо поручениями, мы сколько можем готовы исполнить оные...»

Это были последние годы независимости северных кыргыз: началась кокандская агрессия. В 1825 г. кокандцы строят в Чуйской долине крепости Пишпек, Токмак. Бубенов первый оставил нам описание борьбы Тайлака и Атантая саякских против кокандских завоевателей. Но, понятное дело, эта поездка для упрочения кыргызско-русских связей ничего принести не могла.

В 1844 г. верховный бугинский манап Боромбай Бекмуратов обратился к Западно-сибирскому генерал-губернатору

с прошением о подданстве. Он жаловался на межплеменные раздоры, кокандскую агрессию и настаивал на посылке своей депутации в Петербург. Генерал-губернатор поддержал просьбу, однако министр иностранных дел от имени правительства ответил так: «Конечно, если бы сии кыргызы не были в таком отдалении... то удовлетворение их желаний не представляло бы особенного затруднения: они могли бы в случае надобности переселиться в наши пределы и тем избавиться от притеснений со стороны враждебных им племен. Но, при тысячеверстном расстоянии их кочевий от ближайших даже к ним частей... сибирского линейного казачьего войска, подобное принятие их в подданство и покровительство России по невозможности подать какую-либо помощь, нисколько не обеспечило бы их положения...»

С посланием в укрепление Верное ездил Качыбек Шералин.

В 1848 г. Боромбай вторично обратился все по тому же адресу с новым посланием. На этот раз он предлагал конкретные меры: «Покорнейше просим вас построить здесь город... Здесь живут 10000 бугу (т. е. количество юрт), несколько тысяч солто, саяк. Все эти роды безначальственны и поэтому существует между ними вражда и междоусобные войны... В здешних местах ни со стороны кокандцев, ни со стороны китайцев никто, прибыв сюда, ничего не может сделать». И опять Качыбек вернулся ни с чем. Российские власти и на этот раз посчитали себя неготовыми к такой акции. Русские политики учитывали неизбежное противодействие Англии и Китая, не говоря уже о Коканде. И действительно, кокандцы давно уж почувствовали назревающую опасность со стороны русских, присоединивших к своей империи Заилийский край. Часть племен Старшего жуза уже перешла в русское подданство. Чтобы как-то нейтрализовать дальнейшее распространение российского влияния, кокандцы построили на левом берегу р. Или (в 1849 г.) крепость Таучубек. Узнав об этом, генерал-

губернатор Западной Сибири князь Горчаков приказал коменданту Копальского укрепления капитану Гудковскому взять и разрушить Таучубек.

Гудковский выполнил приказ. Особенно стоит заметить, что его активно поддержали чуйские кыргызы, чем выказали в глазах Коканда свою полную ненадежность.

В том же 1848 г. главный манап сарыбагышского отделения Джантай Карабеков отправил генерал-губернатору письмо: «Как я, так и Ормон-батыр убедились в том, что правление России гораздо легче для нас, чем кыпчакское и потому сделались мы врагами кокандцев». Он просил разрешения отправить своего сына Шабдана для принятия подданства.

К ним присоединился солтинский чонг-манап Джангарач. Этот старый, почтенный, всеми уважаемый родоначальник возненавидел кокандцев лютой ненавистью. Мало того, что они беспощадно обирали солто, они еще и надругались над их главой. Когда Джангарач попытался оградить соплеменников от произвола сборщиков податей, пишпекский бек с большим отрядом сипаев нагрязнул в айыл Джангарача, велел схватить старого манапа и расстрелять. На глазах у многочисленной толпы Джангарача поставили на краю арыка. Десяток сипаев выстроились напротив и вскинули старые английские ружья. По команде онбаши прогремел залп, Джангарач как подкошенный свалился в грязный арык. Потом он долго выкарабкивался из него, долго не мог встать на трясущиеся ноги. Пишпекский бек хохотал до слез, ржали и сипаи. Толпа от горестных причитаний перешла к радостным воплям: их глава оказался цел и невредим, только вывозился в грязи.

Бек весело пояснил:

— Это была шутка! Я приказал стрелять холостыми зарядами.

Он сдвинул брови и добавил зловеще:

— В назидание! Пока что холостыми...

В тот раз солтинцы уплатили зякет полностью и даже сверх того. Но и Джангарач и его соплеменники надолго запомнили эту шутку...

В 1852 г. Ормон задумал перебраться в Заилийский край и в связи с этим подал вторичное прошение о подданстве. Лишь через год, в 1853 г., правительством было наконец-то принято решение удовлетворить просьбу Ормона. (Вспомнили его заслуги в разгроме Кенесары). Приставу Старшего жуза майору Перемышльскому было приказано выступить к границе и принять присягу от сарыбагышей. Перемышльский даже получил на этот счет подробнейшие инструкции. «По прибытии к Урману... выставить несколько лучших юрт... одну для самого манапа и его сыновей, а две или три для родоначальников, биев и почетнейших ордынцев... Составить присяжной мит и по принесении клятвенного обещания, установленным для магометан порядком, должны приложить печати и тамчи все манапы, бии и другие почетные люди... По совершении присяги... сделать приличное угощение почетным кыргызам».

Однако нетерпеливый Ормон не дождался «приличного угощения». Непривычный к бюрократической волоките и теснимый казахами, он откочевал обратно и присяга не состоялась.

Еще одна деталь. Уметалы, наследник и соправитель хана Ормона, вел переписку с Перемышльским и регулярно извещал его о всех действиях кокандцев. И даже подавал советы. Например, в письме от 4 декабря 1853 г. он писал: «В заключение мой совет следующий: в возможном случае поспешить возвести города в вершине Иссык-Куля на речках: Туб, Джиргалан, Карабаткак, потому что места эти приличны для селений, а в Иссык-Куле много разной рыбы; впрочем, есть и лес, и сенокосы и самая дорога караванная в Кашгар проходит здесь».

В сентябре 1853 г. неугомонные бугинцы опять выступили с прошением о подданстве. Под петицией стояли печати

и тамги манапов Боромбая, Качыбека, Балбая и других. Бугинцы опять жаловались на кокандские притеснения.

И вот сейчас, в июле 1854 г., надлежало решить окончательно: что делать? И делать неотложно, ибо в таком тяжелом положении бугинцы прежде не бывали никогда...

Присяга

Собрание манапов и аксакалов всех родов бугу постановило: отправить депутацию в Омск, а оттуда в Петербург к самому Белому царю с решительной просьбой: принять их под свое высокое покровительство и защиту. Просить до тех пор, пока не уступят.

Кого послать, решилось само собой...

Качыбек Шералин в сопровождении двух джигитов 26 сентября 1854 г. прибыл в Омск. Он помнил напутствие соплеменников и не торопился; терпения у него хватало. Но на этот раз бюрократическая машина заработала быстро.

Уже 13 октября генерал-губернатор Западной Сибири Г. И. Гасфорд отправил в министерство иностранных дел свой проект принятия племени бугу в российское подданство.

Через пару месяцев из Петербурга пришел ответ. Царь и министерство полностью одобрили проект Гасфорда.

И вот морозным солнечным днем 17 января 1855 г. в Большом зале генерал-губернаторской канцелярии в присутствии высших чинов — начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса, обер-квартирмейстера, исполняющего обязанности военного губернатора области сибирских кыргызов и множества других административных лиц, а также специально вызванных старших султанов от казахских «жузов» полномочный представитель племени бугу 57-летний Качыбек Шералин принимал присягу на верность Российскому престолу.

Сначала он зачитал послание манапов генерал-губернатору. Переводчик слово в слово повторял за ним по-русски с уже готового перевода:

«Его Высокопревосходительству, Высокостепенному и Великодушному Господину генерал-губернатору Западной Сибири и Корпусному командиру.

От кочующих в алатавских горах в окрестностях Иссык-Куля богомольцев ваших манапов, кыргызы из рода бугу и прочих... Прошлого 1853 г. в сентябре месяце просили мы Ваше Превосходительство о том, что не соблаговолит ли всемилостивейший государь Император принять нас под свое высокое покровительство...»

Послание было длинное и обстоятельное, а в конце его красовались печати и тамчи 12-ти бугинских манапов. Затем губернский секретарь звучным голосом зачитал условия, на которых бугинцы принимаются в подданство, их права и обязанности, права и обязанности Главного манапа, который приравнивался к Старшему Султану Большой орды. Текст был составлен самим Густавом Ивановичем Гасфордом и переведен для бугинцев на чагатайский язык.

И лишь когда с предварительным чтением было покончено, приступили к главному торжественному принесению присяги.

По знаку дежурного офицера все присутствующие встали. Побледневший Качыбек в живописном кыргызском наряде, с белой бородой, взял в руки Священный Коран, поцеловал сафьяновый переплет и, держа Коран в руках, стал громко повторять слова, которые тихо подсказывал ему с листа переводчик.

«Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода бугу орды дикокаменных кыргызов, не подведомственных никакому правительству, обещаю и клянусь всемогущему Богу, что род бугу всепросветлейшему, державнейшему, великому государю императору Николаю Павловичу, самодержцу всероссийскому и пр. и пр.

и пр. хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда без высочайшего его императорского величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать... В заключение же сей моей клятвы целую слова св. алкорана. Аминь. Январь 17 дня 1855 года».

Министерством иностранных дел руководил в то время князь Горчаков, талантливейший российский дипломат. Он ясно видел все выгоды от присоединения Кыргызстана и сумел убедить в этом правительство и царя. Во-первых, через земли бугинцев проходил кратчайший торговый путь в Китайский Туркестан, Кашмир, Индию. Во-вторых, Россия получала обширную территорию, богатую сырьем. В-третьих, приобретался новый рынок для сбыта российских товаров. А с уничтожением крепостного права возник и четвертый фактор: возможность наделить безземельных крестьян землей на этой далекой окраине. (Об этом речь впереди).

70 лет стучались северо-кыргызские племена в двери Российской империи.

И вот они открылись...

* * *

Когда Качыбек вернулся в родные кочевья, там было все по-прежнему. Какая же была радость, когда он доложил об успехе своей миссии! Наконец-то! В юрте чонг-манапа устроили богатое угощение. Манапы от всех бугинских родов поздравляли и благодарили Качыбека, сидевшего на почетном месте рядом с Боромбаем. А сам Боромбай... Тучную фигуру его облегал офицерский парадный мундир с подполковничьими погонами. Качыбек объяснял:

— Подполковник — значит Большой начальник улькантёрё. Я капитан, а капитанов у него в подчинении может быть целый десяток. Наш почтенный глава может теперь в армии орусов командовать тысячью и более людей и оруссы обязаны ему подчиняться.

Качыбек рассказывал, как, проезжая по улицам Омска в своем мундире, он встречал совсем незнакомых солдат и офицеров, младших чином: они вытягивались, прикладывали ладонь к голове — «отдавали честь», то есть оказывали почет и уважение...

На этом собрании Качыбек зачитал личное письмо генерал-губернатора Западной Сибири. «Достойнейшим манапам подполковнику (Боромбай приосанился) Боромбаю Бекмуратову, Сарбеку Саскину, Муратали бию Пирназарову и всем прочим манапам и старейшинам рода бугу...».

Генерал-губернатор извещал, что Белый царь принял их в число своих подданных и распространил на род бугу свое покровительство.

Послание было длинным, еще длиннее, чем то, которое сочинили манапы. Но все терпеливо слушали и с большим удовольствием. Особенно понравилось, когда Гасфорд упомянул, что посылает им всем подарки. И когда чтение закончилось, нетерпеливый Балбай-батыр спросил:

— А где подарки?

Качыбек хлопнул в ладони. Тотчас джигиты внесли большой тюк. Когда его развязали, лица у манапов просветлели: да, орусы действительно оказали им уважение. Среди подарков и почетные халаты, и шелковые одежды, и ножи с красиво инкрустированными ручками, и даже плитки прессованного чая, переложенные головками сахара...

Все получили подарки, никого не забыл Густав Иванович Гасфорд. И все подумали, что немалая заслуга в этом принадлежит уважаемому капитан-манапу Качыбеку Шералину.

А за войлочными стенами юрт весь род белек, и род джелден, и отделение арык — все бугинцы сегодня праздновали это радостное событие. Казалось — всем горестям отныне пришел конец. Теперь орусы не допустят, орусы защитят...

Увы, человеку не дано предвидеть свое будущее...

Летом 1855 г. в укрепление Верное на съезд казахских султанов и старшин прибыл сам генерал-губернатор

Западной Сибири Г. И. Гасфорд. Джантай и Джангарач проявили инициативу: Джантай послал туда своего сына Шабдана, а Джангарач — своего друга манапа Корчу. Оба представителя ходатайствовали перед Гасфордом о принятии их в русское подданство, жаловались на засилье кокандцев, «которое уже невозможно вытерпеть».

Вопрос решен не был, хотя Корчу доказывал, что «почетный Джангарач с родами булекпай и талкан... три или четыре года уже подданные Русского Государя».

Об этом прослышал пишпекский бек. И на голову злостного Джангарача посыпались несчастья. Бек опять появился в солтинские кочевья и предъявил чонг-маналу обвинение в измене кокандскому престолу. Бек напомнил о мнимом расстреле и заметил, что теперь, видно, придется применить не холостые, а боевые заряды.

А что было делать старому Джангарачу? Он вынужден был кланяться и просить гостя к обильному досторхону. Гость смягчился (он понимал, что расправа с Джангарачем вызовет всеобщее восстание чуйских кыргызов) и сказал:

— Аллах велел прощать заблудших. Пригони 200 коней для моих воинов. Хорошо упитанных, резвых на ноги, и чтобы каждый был под седлом.

Джангарач вздохнул с облегчением, велел пригнать коней и, видя, что бек чего-то ждет, сказал:

— Прими, помимо этих коней, от меня личный тебе подарок: еще двадцать.

Отряд бека покинул солтинские кочевья, гоня перед собой табун из 220 лошадей.

— И не вздумай якшаться с кяфырами, — пригрозил бек напоследок.

«После чего, страшась смерти, я не имел сообщений с русскими» — писал чуть позже старый манап полковнику Хоментовскому.

Хоментовский же доносил Гасфорду: «Нет сомнения, что булекпай, находясь теперь... между двух огней —

таш-кептуев и нас, — находятся в крайности и при всех жестокостях и злоупотреблениях со стороны ташкентцев готовы прийти под нашу защиту и покровительство, чего теперь при нашем водворении здесь достигнуть нам было бы полезно, стараясь привязать к себе манапов Джантая и Джангарача, которые пользуются большим влиянием в дикокаменном народе».

Пример Качыбека Шералина оказался тем камешком, от которого все шире расходятся круги по воде...

Время испытаний

В течение лета 1855 г. барымтачи манапов Уметалы и Тёрёгельды совершили на бугинцев несколько набегов. Они угнали много скота, вытоптали иссыккульские пашни, обломали плодовые деревья. Боромбай жаловался Перемышльскому: «На озере и р. Зууки есть и наши два курганчика, есть два плетня, т. е. сады, где урюк, яблони, виноград уже выросли. Дыни, арбузы и другие огородные плоды также выросли. Все это испорчено, деревья вырыты до корней, и вообще все наше лучшее имущество, большие юрты, оставленные по тяжести, и все, чем мы живем, было там...»

После первых восторгов от Омских успехов Качыбека Шералина пришло некоторое отрезвление. А потом и разочарование. Вот уже восьмой месяц как бугу — подданные Белого царя, а где улучшение? Где мир и спокойствие? Где защита?

Беспомощностью бугинцев воспользовались некоторые казахские феодалы, такие же подданные России. Боромбай опять писал Перемышльскому 16 августа 1855 г.: «После нашей откочевки на каркаралы они (казахи) вступили на наши места, забрали оставшийся и заблудившийся скот наш и угоняли его раз двадцать. Они сами говорят: «Мы не дадим жить бугу». Правда, что если султан Тезек,

Саурук и Тазабек будут велики, то нам нельзя жить: «Мы склоняемся перед Вами и просим защиты». Далее Боромбай настойчиво повторяет: «...Мы покорнейше просим поставить курган на наше озеро, на солнечную сторону гор, без чего нельзя». Боромбай с горечью отмечал: «Поступая на подданство, мы надеялись приобрести спокойствие, но беспокойства еще более увеличились...»

Получив это послание, Перемышльский принял меры. Он категорически потребовал от казахских султанов прекратить набеги на бугинцев. Старшему султану Тезеку он написал следующее: «Ты слышал слова генерал-губернатора, что за негодьяев будем отвечать я и ты? Ибо беда обрушится на наши головы... Прикажи возвратить скот, украденный у бугу, и в особенности накажи Саурука и Тазабека. Кажется, этим джигитам своих голов не сносить, и ежели ты не успокоишь сих, то я сам за них примусь».

А Саурука и Тазабека Перемышльский каждого в отдельности предупредил: «Ежели ты не возвратишь им украденного скота, то я сам возвращу и тогда ты береги свою голову».

Все бугинские жалобы Перемышльскому привозил, как повелось, Качыбек Шералин. В эти годы он исполнял, так сказать, должность бугинского министра иностранных дел.

9 сентября 1855 г. Перемышльский отправил Качыбека обратно, снабдив его охраной в 40 казаков под командованием хорунжего Лутшева. С ними ехал и Файзулла Ногаев, касимовский татарин, получивший от Российского правительства за прежние заслуги почетное звание тархана. Ему отводилась роль агента в бугинских кочевьях (нечто вроде современного консула). Он должен был сообщать властям об изменении политической обстановки, а также прикладывать все усилия к примирению враждующих племен. Седобородый Файзула, умный и честный человек, немало способствовал сближению бугинцев с русскими. Он сумел убедить Джантая, возглавлявшего сарыбагышское отделе-

ние тынай, не вмешиваться в междоусобицу. Джантай так и сделал: его джигиты ни разу не нападали на бугинцев, несмотря на требования Уметалы.

Лутшев имел приказ проводить Качыбека только до реки Кеген, после чего должен был вернуться. На Кегене его настигло письмо Боромбая, в котором тот сообщал об отчаянном положении бугинцев: «...Кокандские сборщики слетаются на зиму, заставляют нас делать курган, подати просят отдать полностью... Сарыбагыши каждодневно угощают скот и мы, завися от двух государств, разоримся... Народ в страхе удивляется и говорит, что если пристав, считая нас своим народом, не спасет от этих сарыбагышей, то мы сами сделать этого не в состоянии...»

Боромбай просил отряд прийти на Иссык-Куль и остаться на зиму.

И хорунжий Лутшев внял призыву. В начале октября казаки прибыли в бугинские кочевья. Кокандцы, узнав о приближении отряда, бежали к сарыбагышам.

Лутшев приложил все усилия, чтобы прекратить джау-войну двух братских племен.

Он поставил перед сарабагышскими манапами вопрос в лоб: хотят они мира или нет. Те ответили, что, конечно же, хотят, поскольку считают и себя подданными Российской империи. Тогда Лутшев предложил Уметалы, Торогельды и Калыгулу явиться для переговоров. Под различными предложениями предводители сарыбагышей затаили приезд, ожидая ухода Лутшева.

И дождались. В конце октября, пробыв у бугинцев 20 дней, казачий отряд ушел на север, к Верному.

Кокандские эмиссары, находившиеся в лагере сарыбагышей, воспользовались этим. Их предводитель, главный зякетчи Тумалак-ходжа говорил Уметалы:

— Теперь самое время ударить на бугинцев, этих изменников веры...

— Ударим, — неопределенно отвечал Уметалы.

— Кровь твоего отца Ормона вопиет... А сколько добра можно взять, — мечтательно продолжал Тумалак-ходжа. — Сколько скота! Налететь на все айылы одновременно, не дать им собраться вместе, вах!

— Не обязательно одновременно, можно и по очереди...

Тумалаку не понравился равнодушный тон Уметалы и он принялся горячо доказывать все выгоды нападения.

— Орусы их бросили и не придут до весны, — доказывал он.

Уметалы, слушая, усмехался. Он колебался, понимая, что возобновлением войны навлечет на себя гнев Перемышльского. Но воинственный и свирепый Тёрёгельды, разбойник по натуре, со своей стороны не давал ему покоя. Третий манап, Калыгул, занимал неопределенную позицию:

— Наказать бы их надо... А может, все-таки покончить дело миром? Слишком уж много мы с ним потребовали.

Уметалы, как и все прочие, уважал старого акына и поэтому вместо резкого возражения только сердито засопел, а про себя решил: нападение будет!

Собрав все сарыбагышские и саякские силы, Уметалы через несколько дней после ухода отряда Лутшева обрушился на бугинцев. Сам он напал на кочевья Боромбая, Тёрёгельды атаковал роды Балбая Ишходжина, Сарбека Саскина, а манап Калыгул — айылы Мураталы.

Хотя бугинцы и были начеку, нападение все равно оказалось неожиданным, а плюс к тому наполеоновский прием Уметалы — бить в нужном месте с подавляющим перевесом — предрекли поражение бугинцев. На этот раз битва, развернувшаяся на бугинских зимовках, уже не походила на барымту. Это была джау — война на истребление. Бугинцы дрались отчаянно — они защищали своих жен, детей, стариков. Бежать им было нельзя и храбрые джигиты во множестве сложили головы вблизи своих юрт. Из «белой кости» погибли сын и племянник Боромбая,

племянник Качыбека Шералина, многие знаменитые батыры. Был ранен Файзулла Ногаев. Сам Качыбек со своим айылом успел однако отделиться от основной массы сражающихся. Боромбай так писал о нем: «...Он, избавившись благополучно от сарыбагышей, в тот же день, когда было нападение, будучи поражен страхом, день и ночь безостановочно бежал присоединиться к албанам; албановцы же, выехав к нему навстречу, разбив его, разграбив скот, все имущество разделили между собой. При этом умерла жена, одна женщина и мальчик».

Но и потери сарыбагышей на этот раз были огромными — свыше 300 человек. В айыле Боромбая погиб младший сын Ормона и знаменитый манап-акын Калыгул. Навсегда оборвалась песня... Пуля, выпущенная бугинской рукой, была выплавлена из свинца, который добывали на кокандском руднике... «Руднике погибели».

В айыле Балбая Ишходжина был тяжело ранен манап-разбойник Тёрёгельды и это дало возможность Балбаю соединиться с айылами Боромбая.

...Мураталы бий Пирназаров увидел, как среди сарыбагышей появились кокандские воины. Среди них он узнал Тумалака-ходжу, не раз наведывавшегося за зякетом. Ходжа грозно кричал:

— Стреляйте в изменников! Стреляйте в проклятых Аллахом!

С бугинской стороны тоже раздались выстрелы. Тумалак-ходжа, громко закричав и всплеснув руками, повалился с коня. Второй кокандец рядом тоже упал...

— Убили слугу самого хана! — шептал Мураталы. Много тогда погибло людей из его рода, а остатки едва пробилась к Боромбаю. Этим избиением старый Мураталы бий Пирназаров был так потрясен, что в будущем стал беспрекословным исполнителем воли кокандцев и всегда выступал против русских: ведь они не пришли, не защитили!

Несколько дней и ночей продолжалось побоище, потом сарыбагыши явно стали одерживать верх. Вот как это описал впоследствии Качыбек Шералин:

«Битва так была жестока, что нельзя было знать, кто жив, кто мертв. Их отряды, соединившись, во множестве жестоко разбили... Каждый с душевной горестью бежал, кудда глядел, и все рассеялось...»

Бугинцы бежали на Кыркыра и Текес. Их гнал безумный страх. Никогда еще не было такой истребительной междоусобицы. Сарыбагыши уничтожили около 5000 юрт, завладели громадным количеством скота и взяли в плен свыше 200 женщин и детей. Обремененные добычей, они не стали преследовать своих врагов. Они добились одного из своих условий как и за Ормона: бугинцы покинули Иссык-Куль. А тут еще начались морозы и снегопады. К тому же надо было оплакать триста погибших, в том числе и всеми любимого Калыгула...

...Эту зиму Уметалы и все отделение эсенгул провели на зимовках бугинцев в прииссыккулье. А прежние хозяева вынуждены были умирать от холода и голода в ледяных ущельях Текеса и Кыркыра. Никогда еще не было у них такой трудной зимы. Они лишились половины скота, да и оставшийся погибал от бескормицы. Великое множество бугинцев в тот проклятый год совершенно разорилось. Племя бугу, отделение алсеит стояло на грани полного уничтожения...

Между тем, уже в декабре Качыбек Шералин добрался до укрепления Верное, где представился новому приставу Большой орды полковнику Хоментовскому (сменившему Перемышльского). Хоментовский, человек весьма решительный, сразу принял меры. Для начала он отправил манану Уметалы грозное письмо с примерно таким предостережением: «Не смей больше трогать бугинцев, иначе я возьму твою голову...» Затем он добился (наконец-то!) разрешения Г. И. Гасфорда поставить на Иссык-Куле, в кочевьях Боромбая, крепость с постоянным гарнизоном.

10 мая 1856 г. Хоментовский выступил из Верного с отрядом казаков для рекогносцировки озера Иссык-Куль. Предстояло также разрешить взаимоотношения между казахским племенем албан и бугинцами — трения между ними Перемышльский решить не успел. Но самое главное — Хоментовский намеревался положить конец войне между бугу и сарыбагышами.

Чуйские кыргызы встретили отряд весьма благожелательно. Солтинские и сарыбагышские айылы продемонстрировали свое знаменитое гостеприимство и еще раз подтвердили желание принять русское подданство. В ответ на доклад Хоментовского по этому поводу Гасфорд писал:

«...Уговаривать (их)... не следует, дабы они не подумали, что принимая их в свое подданство, мы заискиваем их дружбу или в них нуждаемся. Если же просьба булекбаев о принятии их под защиту... будет искреннее... то можно их обнадежить». Как раз в это время полковник получил письмо от Уметалы.

Наконец прибыли в бугинские кочевья. (После письма Хоментовского Уметалы очистил их и Боромбай вновь вернулся на Иссык-Куль). Полковнику удалось примирить бугинцев с албанами; сарыбагыши были нейтрализованы. Рекогносцировку озера провели. Но то, ради чего и был затеян этот поход — постройка крепости не состоялась. Неожиданно этому воспротивился Боромбай.

— Как же так? — удивлялся Хоментовский, — почтенный манап не раз и не два настойчиво твердил: постройте курган! А когда мы откликнулись, вдруг не хочет?

Боромбай кряхтел, почесывался, чувствовал себя очень неловко. Однако повторял:

— Народ не хочет. Бойтся...

Теперь, когда все улеглось и война как будто не угрожала, манапы испугались, как бы не поменять шило на мыло. Избавились от кокандских коргонов, а теперь коргон орусов?..

— Нет так нет! — решил Хоментовский. — Мы пришли по твоей просьбе и если не желаешь, крепости не будет. Главное — сарыбагыши больше не нападут. Но и ты придержи своих барантачей.

— Да мы! — Боромбай приложил руку к сердцу. — Никогда!

— А на почту кто напал?

(В горном проходе реки Шаты отряд бугинских барымтачей напал на русскую почту, направлявшуюся к передовому отряду. Нападение было отбито).

— То были плохие бугу. Они уже наказаны.

На прощанье полковник подарил Боромбаю лично от себя столовый серебряный прибор, учитывая, что за время стоянки казаки слопали трех боромбаевских овец.

Когда Хоментовский доложил о несостоявшейся закладке крепости Гасфорду, тот резюмировал: «Принимая к соображению, что: 1) Бурунбай, относительно двуличности которого не могло быть сомнения, ибо никому из кыргызов, особенно родоначальникам, слепо верить нельзя — теперь сам просит, чтобы посты на Иссык-Куле не занимать; 2) что примирение его с сарыбагышами, в чем и состояла первая причина и повод командирования нашего отряда на Иссык-Куль, уже свершилось под покровительством нашего отряда и 3) что за тем нет особенного повода оставаться с отрядом на Иссык-Куле... Объявить... родоначальнику сарыбагышей и Бурумбаю... что русские ничего более не желают, как только, чтобы они жили между собой в согласии и дружбе...»

Но Хоментовский счел своим долгом заступиться за друга-тамыра. Он указывал, что старый манап действовал под давлением народа и остальных манапов, испугавшихся водворения «навсегда» чуждых орусов с их другой верой и другими привычками.

Твердая и последовательная линия Хоментовского на прекращение всякой междоусобицы вскоре привела к первому военному столкновению русских с кара-кыргызами.

Казахское племя албан и сарыбагыши отделения тынай-атаке были соседями, их разделяла только река Чу. Как издревле водится между кочевниками, лихие джигиты то одного, то другого племени время от времени совершали молодецкие набеги друг на друга, проливали кровь, грабили айылы, угоняли скот и пленных. Таким образом они приобретали славу, почет и богатство, становились батырами. Как раз этим летом сарыбагыши основательно «почебарили» албановцев. Но албаны являлись уже российскими подданными и защита их была прямой обязанностью начальника Заилийского края. Когда же осмелевшие барымтачи дерзко ограбили в десяти верстах от Верного русский торговый караван, шедший в Ташкент, терпению Хоментовского пришел конец. С отрядом в 300 казаков, роты солдат, с 2-мя пушками и несколькими ракетными станками, в сопровождении множества албановских джигитов он направился через Чу выше Кокандской крепости Токмак и напал на сарыбагышские айылы. Два айыла были полностью разграблены. Сарыбагыши в панике бежали в горы. Забрав скот, как возмещение албановцам за убытки, Хоментовский повернул назад.

Но сарыбагыши быстро опомнились и бросились в погоню. Отряд, гнавший скот, растянулся и двигался медленно. Сарыбагыши окружили его со всех сторон, «бросаясь в атаку с необыкновенной храбростью, несмотря на то, что пушки и ракетные станки производили между ними большие опустошения.

Бросив часть скота и потеряв 17 человек, Хоментовский пробился из окружения и вернулся в Верный.

ПУТЕШЕСТВЕННИК-МИРОТВОРЕЦ

Первые впечатления

В европейской науке середины XIX в. о Тянь-Шане бытовали самые разнообразные теории. Например, знаменитый Александр Гумбольдт считал всю Тяньшаньскую горную систему вулканического происхождения. Не менее знаменитый Карл Риттер в своей книге «Землеведение Азии» писал о Тянь-Шане лишь в самых общих чертах. Все сведения, которыми располагал тогдашний ученый мир, были почерпнуты из старых китайских источников, в частности, из работы средневекового буддийского монаха Сюань Цзяна. Тянь-Шань был «терра инкогнито» — Неведомой страной.

И вот этой страной страстно заинтересовался молодой русский ученый П. П. Семенов. Блестящий эрудит, соединивший в одном лице географа, геолога, зоолога и ботаника, он в свои 29 лет пользовался в ученых кругах заслуженным авторитетом, был в дружеских отношениях и с Гумбольдтом, и с Рихтером, перевел на русский язык «Землеведение Азии», снабдив перевод обширными комментариями, сам опубликовал несколько серьезных статей.

Мысль о путешествии на Тянь-Шань зрела в нем давно и готовился он основательно: совершил несколько путешествий по горным массивам Европы, изучал швейцарские ледники, итальянские вулканы, проходя как бы предварительную школу. Своими планами он поделился с Гумбольдтом и Рихтером. Как впоследствии вспоминал Петр Петрович, оба маститых ученых благословили его,

но «не скрыли своих сомнений относительно возможностей проникнуть так далеко в сердце азиатского материка».

И вот, в конце лета (1856 г.), совершив предварительное краткое путешествие по Алтаю, П. П. Семенов прибыл в укрепление Верное. Представился начальнику Заилийского края приставу Большой Орды полковнику Хоментовскому, передав ему рекомендательное письмо от самого генерал-губернатора Г. И. Гасфорда. Хоментовский, сам весьма просвещенный человек, принял ученого с искренним радушием и сделал все возможное для скорейшей организации экспедиции. Она была снаряжена в два дня и уже 2 сентября 1856 г. Семенов в сопровождении 10 казаков, денщика и двух проводников выступил из Верного к загадочному Иссык-Кулю. Путешествие продолжалось две недели. 16-го возвратились в Верный.

Хоментовский предупредил ученого, что на восточном берегу озера сейчас пустынно вследствие кровавой вражды между сарыбагышами и бугу. «Можно встретить только блуждающую шайку (баранту) той или другой стороны. Необходимо принимать на ночлегах все меры предосторожности, как в военное время.

Путь от Верного до Иссык-Куля привел Семенова в восторг. В своей книге «Путешествие в Тянь-Шань» он дает картины изумительных пейзажей, где перед читателем выступают то горные реки, течение которых сбивает с ног лошадей; то стройные ели, сбегаящие по склонам; то ущелье, заросшее дикими фруктовыми деревьями. Об Иссык-Куле он пишет: «Вода озера на вид была прекрасна по своей прозрачности и светло-голубому цвету... Забравшись на гору, я мог еще раз окинуть прощальным взглядом чудную поверхность Иссык-Куля. Светлая струя серебрилась по ней под догорающими лучами солнца, вскоре утонувшего в дымке вечернего тумана...».

И все эти пейзажи — на фоне величественных снеговых хребтов, неизменных, как сама вечность...

А животный мир! Путешественники проезжали места, где фазаны вспархивали из-под копыт. Внезапно выскочивший из кустов марал («бугу») с громадными ветвистыми рогами, заставил шарахнуться лошадей. На одном из заброшенных кыргызских кладбищ застали светло-серого тьяншаньского медведя-гробокопателя и прогнали его. А однажды из зарослей арчи вспугнули двух тигров...

Но, видимо, самое сильное и к тому же тяжкое впечатление путешественники испытали 9 сентября, когда достигли долины реки Тюп. На большом протяжении долина была усеяна остатками разорванных юрт и обглоданными костями. Это были следы прошлогоднего побоища между сарыбагышами и бугу...

Дорожные грабители

Возвратившись в крепость, Семенов нашел большие изменения. Оказывается, у Хоментовского была целая война с Чуйскими сарыбагышами. Поход в военном отношении оказался не совсем удачным, однако впечатление от него среди кара-кыргызов, несомненно, было очень велико — ведь, по слухам, сарыбагыши потеряли от казачьих пуль и ракетных станков много убитых и раненых. Хоментовский хотел знать, каково это впечатление на самом деле и достигнута ли главная цель похода — показать туземцам, что отныне за всякое нападение на российских подданных виновные будут строго наказаны.

Чтобы выяснить это, полковник решил немедленно организовать рекогносцировочный отряд. «Этот отряд, — пишет П. П. Семенов, — состоявший из неполной сотни казаков и нескольких кыргызских проводников, он предложил мне взять в свое распоряжение с тем, чтобы выйти на реку Чу, а если я не застаю там сарыбагышей, проникнуть до западной оконечности Иссык-Куля и вернуться через известные мне горные проходы Заилийского Алатау в Верное».

Итак, 21 сентября отряд в 90 человек выехал из Верного. И сразу же начались приключения. Проехав 40 верст вдоль Заилийского Алатау, путешественники спустились в глубокую ложбину и вдруг услышали истошные вопли и крики о помощи. Пришпорили лошадей и, взлетев на бугорок, увидели следующую картину: множество спешившихся всадников и лошадей клубились, кричали, размахивали руками. Среди этого базара возвышались два десятка невозмутимых верблюдов, с которых проворно стаскивали вьюки. Несколько ташкентцев в полосатых халатах полулежали на земле, задрав ноги; люди в кыргызских шапках снимали с них сапоги.

— Баранта грабит караван! — ахнул многоопытный урядник.

— Шашки наголо! Марш-марш! — гаркнул Семенов как заправский боевой офицер; недаром он когда-то окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Казачья лава с гиканьем понеслась вниз. На дне лоцины несколько мгновений все пребывало в оцепенении. Затем с дикими криками множество всадников в белых шапках, нахлестывая коней, помчались в противоположный конец лоцины. Остались только величественные верблюды, несколько коней да люди в полосатых халатах, они торопливо натягивали сапоги.

— Это они с них сапоги снимали, — говорил урядник. — Сарты деньги в сапогах прячут.

— Останься с двумя казаками, успокой купцов, — отрывисто бросил Семенов. — Остальные марш-марш, за мно-ой!

И отряд поскакал вдогонку барымтагам. Вот это была скачка! Погоня продолжалась два часа. Выдохлись и лошади, и всадники. Кара-кыргызы скакали метрах в пятистах впереди, но расстояние медленно сокращалось.

— Ишь, что делают! — воскликнул казак-переводчик.

Действительно, было чему удивляться: барымтаги раздевались! Под копытами лошадей стали попадаться брошенные чапаны, халаты, даже курджуны — матерчатые и кожаные походные мешки со снедью; бурдюки, в которых держат кумыс, айран и другие напитки.

— Раздеваются подлецы, чтобы, значит, облегчить коней, — говорил переводчик и в голосе его слышалось восхищение. — Теперь их не догнать.

И действительно, баранта стала удаляться. И преследуемые, и преследователи давно уже перешли с бешеного аллегора на рысь, потом на «тропоту». Но баранта все-таки оторвалась и ушла. Лишь три отставших всадника маячили впереди метров за 200. Семенов оглянулся. В пылу погони он и не заметил, что сзади него пусто: отряд далеко отстал. Рядом трусил лишь казак-переводчик.

— Не догнать, — сказал он. — Что будем делать, ваше благородие? Гля, гля, пал пустили!

Ветер, дувший в лицо, принес запах гари. Впереди заплясали огненные язычки по сухой траве. Семенов натянул поводья.

— Можно ссадить их пулей, — нерешительно сказал казак.

— Не будем стрелять в безоружных, не возьмем греха на душу, — возразил Семенов, — пусть себе едут.

Оба поворотили коней. За их спинами язычки пламени постепенно соединялись в зубчатые гребни, они в свою очередь сливались в колеблющиеся валы и, наконец, превратились в сплошную огненную стену. Она быстро приближалась. Вконец выдохнувшиеся лошади еле плелись; правда, запах гари и явно ощутимый горячий ветер заставил их тревожно раздувать ноздри и вроде бы прибавил прыти. Однако, если бы не попалась им большая и глубокая сырая ложбина, путники навряд ли избежали бы грозной опасности.

Огненные языки обогнули лощину, а когда все утихло, появился отряд в полном составе. Здесь они и провели ночь.

Самая тревожная ночь

24 сентября отряд достиг реки Чу, и после ночлега переправился через нее выше кокандской крепости Токмак.

Были приняты все возможные меры предосторожности. Ведь только что произошло кровопролитное столкновение сарыбагышей с русскими, многие казаки отряда участвовали в походе Хоментовского и теперь, вступив на землю вчерашнего врага, чувствовали себя неуютно.

Выяснилось, что сарыбагышей в Чуйской долине нет. Поход Хоментовского действительно произвел большое впечатление и все отделение тынай-атаке оставило свои земли.

Семенов принял решение двигаться через Боомское ущелье к Иссык-Кулю. Казаки хмуро выслушали это сообщение. Семенов пишет: «Переход в 80 верст через почти бездорожное ущелье, в котором или за которым мы должны были встретиться с озлобленными врагами.., мог показаться безумным предприятием, и поддерживать бодрость и самоуверенность между казаками мне было нелегко».

К счастью, утром 25 сентября над всей долиной поднялся густой туман. Под его прикрытием (опасаясь кокандских разъездов из Токмака) 90 всадников и 20 вьючных лошадей двинулись в сторону ущелья. Миновали порфиновую сопку Боролдай. Вот и горловина ущелья. Отсюда, клопоча и пенясь, вырываются бешеные воды Чу. С каждым шагом ущелье становилось все уже, громадные скалы подступали к самой воде. Наконец тропа уперлась в бурлящую реку. Пришлось переправляться на левый берег. Это отняло много времени и стоило многих переживаний. Но через несколько сот шагов скалы опять подступили к самой воде и пришлось с риском для жизни переправляться обратно.

В течение дня эта процедура повторялась несколько раз. И каждый раз приходилось развьючивать лошадей (иначе течение опрокинуло бы их), переправлять вьюки на руках, потом перетаскивать упирающихся коней. Адова работа!

К вечеру небо заволокло тучами, наступила темная, без единой звездочки ночь. В полной тьме отряд двигался, что называется, наощупь. К 3-м часам ночи выбрались на маленькую поляну — котловину. Семенов отдал распоряжение располагаться на ночлег — и люди, и кони совершенно выбились из сил. С лошадей сняли тюки (но оставили заседланными). Засыпали в торбу овса и тотчас завалились спать. Лишь часовые бодрствовали на двух скалах, торчавших у самой реки. Семенов напрасно старался уснуть в своей палатке. Шумела река, храпели казаки, пофыркивали кони, а он думал о том, что вот завел почти сотню людей в настоящую западню. Ведь стоит только кыргызам обнаружить лагерь, как уничтожить его — пара пустяков. Надо только сталкивать сверху громадные камни — и пуль не потребуется.

И как бы в ответ на его мысли вдруг оглушительно грохнул предупредительный выстрел. Семенов схватил револьвер и выскочил из палатки. Казаки уже бежали к лошадям:

— Только-только уснул, а тут — гром среди ясного неба.

— Погоди, сейчас будет тебе и град...

Взобравшись к часовому, Семенов выслушал его доклад:

— Дак что, ваше благородие, сию я этак, поглядываю...

Слышу — мелкие камни будто сыпятся... Сыпанет этак — и затихнет. Опять сыпанет. А тут и тучки разошлись, луна — прямо над ущельем. Глянул я вверх, а там два кыргызца с лошадьми пробираются. Камешки-то из-под копыт и сыпятся. Думаю — не иначе, разведчики. Ну и бабахнул. Семенов навел бинокль, куда часовой указал головой. По самой кромке обрыва, на головокружительной высоте пробирались два кырыза, ведя коней в поводу.

Луна ярко светила и в бинокль были даже видны на фоне неба их остроконечные шапки.

— Вот уж архары, — говорил казак, — и головы у них не кружатся. Ведь там и ногу поставить иной раз негде, враз сверзишься. Одно слово — дикокаменные...

Петр Петрович долго наблюдал за движением ночных верхолазов и убедился, что те и не помышляют о чем-то враждебном. Наоборот: кара-кыргызы, обнаружив русский лагерь, освещенный луной, и услышав выстрел, стремились подальше и скорее обойти его. Путь их лежал в сторону Иссык-Куля. Семенов углядел в этом другую, не менее грозную опасность: эти двое могут предупредить сородичей и те устроят у выхода из ущелья русским такую встречу, что...

Он тотчас спустился вниз и приказал отряду выступать.

В айылах Уметалы

Два с лишним часа продолжался путь по ущелью и каждую минуту путешественники ожидали смертоносного каменного града. Взошло солнце. Ущелье делалось все шире и шире, пока не превратилось в долину. Вдалеке белело кучкой пять юрт — крошечный айыл. Отряд направился к нему. Было видно, как там забегали фигурки, потом десяток всадников поскакал в степь. Вслед им трусил на быке, погоняя его камчой, сгорбленный старик: Семенов в бинокль хорошо разглядывал его беспрестанно оборачивающееся лицо с седеньким клинышком и расширенными от страха глазами. Путники видели, как старик свернул в маленькое ущелье и спрятался там.

В айыле был страшный переполох. Немногочисленные собаки с яростным лаем отступили перед отрядом и убежали в степь. Только женщинам и детям некуда было убегать. С бледными искаженными лицами, всклокоченными волосами матери семейств устремились навстречу пришельцам, простирая руки и причитая.

— Просят не убивать, — деловито сообщил переводчик. Петр Петрович сердито взглянул на него:

— Переведи-ка слово в слово! — он обратился к рыдающим женщинам. — Успокойтесь! Успокойтесь! Никто не причинит вам вреда!

— Тыныстаныздер! Сиздерге эч-ким жамандык кылбайт! — эхом откликнулся переводчик. Семенов спешился. Женщины притихли и во все глаза смотрели на него.

— Елисеев! — кликнул он урядника. — Подай ту сумку! А теперь, милые марджи, примите от меня небольшие подарки.

Петр Петрович стал вынимать из дорожной сумки головные платки и оделять ими женщин. Те изумленно глядели сквозь непросохшие слезы.

— Берите! Берите! А тебе, бабушка, самый теплый платок. Слушайте! Мы идем не с войной, а с миром. Я еду в гости к вашему верховному манапу Умбет-Але, хочу сделаться его тамыром. Где его найти?

Теперь женщины поверили. С платками в руках они наперебой стали объяснять, размахивая руками и показывая в сторону.

— Умбет-Ала на Иссык-Куле, в урочище Кутемалды, — сообщил переводчик.

По знаку Семенова отряд тотчас двинулся в указанном направлении. Сначала скакали довольно быстро, потом перешли на рысь, затем поехали шагом и, наконец, вынуждены были остановиться. Вся долина, насколько хватало глаз, была заполнена несметным количеством скота. Через конские табуны, стада коров и бесчисленные отары овец невозможно было пробиться. Потрясенные казаки обменивались междометиями. Тогда Семенов приказал четверем дюжим казакам ехать впереди и расчищать дорогу.

Но вот пошли кыргызские юрты. Бесчисленные, как речная галька, они заполняли всю степь между поворотом Чу и берегом Иссык-Куля. «Очевидно, почти все племя

сарыбагышей собралось здесь на стойбищах около аула Умбет-Али», — вспоминал Семенов.

Встречные кара-кыргызы, получив разъяснение и подарок, охотно показывали дорогу к ставке верховного манапа.

Наконец, добрались до айыла Уметалы. «Узун-кулак» уже донес сюда весть о гостях. «Здесь нас ожидала прекрасная юрта, наскоро приготовленная для объявивших себя гостями Умбет-Алы. В юрте были разостланы богатые ковры, и когда я уселся на них, то в юрту вошли брат и дядя манапа с некоторыми другими почетными лицами и заявили, что самого Умбет-Алы не было дома...».

Петр Петрович произнес внушительную дипломатическую речь:

— Я приехал издалека, из столицы России, — он многозначительно поднял палец, — посмотреть, как живут русские переселенцы на далекой границе. Тут только узнал я о происшедшем столкновении. По моему мнению, между русскими и кара-кыргызами должны установиться добрососедские отношения. Русские первые никогда не нападали и никогда не нападут на кара-кыргызов. Не следует лишь вести баранты — они легко могут перейти в войну, как в последнем случае. Кыргызы Большой Орды (т. е. казахи) — российские подданные и на них ни в коем случае нападать нельзя. Иначе последует возмездие, что и случилось. Нельзя также трогать караваны. Если выполнять эти условия, то русские готовы поддерживать самые дружеские отношения с кара-кыргызами. Вот почему я и приехал к Умбет-Але. Очень хочу сделаться его тамыром, и в знак этого прошу передать ему мои подарки. Елисей! Распакуй вьюк.

Почетные хозяева — «белая кость» — слушали доброжелательно. Подарки привели их в еще более доброжелательное состояние. Дядя манапа сказал:

— Мы хотим дружить с орусами, ведь мы тоже подданные Белого царя. От имени Уметалы прошу уважаемого

улькунтёрё принять ответный подарок. Он ждет гостя перед юртой.

Все поднялись и вышли. Семенов увидел трех прекрасных коней: гнедого, вороного и чалого.

Таким образом, союз дружбы был заключен и Петр Петрович, по обычаю, сделался тамыром Уметалы Ормонова, верховного манапа сарыбагышей.

День прошел в степных разговорах за обильным досторконом. Гости пригласили даже на предстоящую байчу — в честь погибших в сражении с Хоментовским. Такое предложение, разумеется, принять было нельзя. Русскому присутствовать на тризне по убитым рукою русских? И Семенов нашелся:

— С превеликим бы удовольствием, но нет времени. У горных перевалов меня ждут русские отряды и если мы не вернемся вовремя, могут подумать нехорошее и опять начнется кровопролитие.

Настало время сна. Несмотря на радушие хозяев, Семенов принял все меры предосторожности: «Все лошади были заседланы и не выходили из рук спавших по очереди казаков; кругом выстроенной для меня юрты были расположены часовые».

Ночь прошла благополучно — сарыбагыши твердо читли священный обычай гостеприимства.

На другой день неистребимый дух ученого заставил Петра Петровича забыть о ночных и прочих страхах. В сопровождении казака и двух проводников-сарыбагышей он отправился выяснять: действительно ли реки Чу или Кутемалды являются стоками Иссык-Куля, как утверждали западно-европейские ученые, в том числе и Гумбольдт?

В этот день Семенов сделал открытие и установил, что Иссык-Куль стоков не имеет.

Вернувшись, ученый опять был встречен обильным угощением. Дружески распрощавшись с гостеприимными хозяевами, отряд покинул сарыбагышские кочевья и отпра-

вился в обратный путь. Первый ночлег (27 июня) прошел тревожно. Даже костров не разводили: а вдруг сарыбагыши, такие добрые в своих айылах, теперь, на нейтральной территории, вздумают напасть? Обычай это позволяет.

28 сентября одолели перевал Дюренынь высотой в 3000 м и спустились в долину Кебина. Только здесь отряд почувствовал себя в полной безопасности. Казаки бурно радовались и развели жаркие костры, на которых жарился огромный кабан, убитый по дороге. Петр Петрович в своей палатке, поставленной у горного водопада, писал дневник, прислушивался к веселым голосам спутников. К рассвету голоса стали еще веселее. Ученый вышел из палатки выяснить, в чем дело, и тут все открылось. «Уже с вечера, тайком от меня они послали в Верное двух казаков на лучших лошадях с завидными за водкой, и к утру водка была получена, несмотря на то, что расстояние до Верного через второй снеговой перевал было не менее 90 верст».

Петр Петрович не сердился: он понимал этих простых людей. Участники похода Хоментовского, они своими глазами видели останки раненых товарищей, попавших в руки врагов: озлобленные сарыбагыши разрубали их на части. То же самое могло случиться и с ними, а вот не случилось. Как же не отпраздновать?

Последним напоминанием об избегнутой опасности был случай 29 сентября на берегу реки Кебин.

На привале казах-проводник поднял лошадиный помет, валявшийся во множестве, потер его между пальцами, понюхал и вдруг побледнел:

— Здесь ночевала каракыргызская баранта!
— И давно? — смеялись беззаботные казаки.
— Ушла два часа назад. Много людей! Сарыбагыши или солто, не любящие орусов!

Казаки смеялись, а проводник твердил:

— Они где-то здесь. Спрятались в ущелье, могут напасть.

Петр Петрович с интересом слушал туземного следопыта, однако и он плохо верил в опасность: до Верного рукой подать.

Скоро отряд тронулся не спеша в путь. Подвыпившие казаки весело смеялись, покачиваясь в седлах. И никто, кроме пугливо озиравшегося проводника, и помыслить не мог, что из ближайшего ущелья, скрытые красавицами-елями, за ними наблюдают двести пар глаз...

1 октября благополучно возвратились в Верный.

У Боромбая

В мае 1857 г. Петр Петрович Семенов опять прибыл в Верный после поездки в Барнаул. В укреплении он уже не нашел своего друга Хоментовского. А. И. Гасфорд отстранил его от должности в наказание за поход против сарыбагышей. Приставом Большой Орды стал теперь полковник Перемышльский, как говорили, побочный сын русского канцлера князя В.Ф. Горчакова. Перемышльский и раньше, до Хоментовского, служил в Заилийском крае и поэтому хорошо знал местную обстановку. Встретил он гостей очень приветливо. Мы говорим «гостей», потому что Семенов приехал не один, с ним был П. М. Кошаров, выпускник Петербургской академии художеств, работавший до этого учителем рисования в Томской гимназии. Семенов, полный грандиозных планов досконального изучения Тянь-Шаня и населявших его племен, хотел запечатлеть все виденное не только в дневниках, но и наглядно — в рисунках. Павел Михайлович Кошаров без колебаний оставил спокойную работу, чтобы окунуться в романтику опасных приключений.

Сразу же по прибытии началась подготовка ко 2-му путешествию. Пристав Большой Орды оказывал им всяческое содействие. Семенов вспоминал: «Сошелся я с Перемышльским очень скоро, найдя в нем человека простого в лучшем

значении этого слова, в высшей степени порядочного, рассудительного и обладающего большим здравым смыслом». (Однако, по мнению Петра Петровича, он все же был «менее отважен, менее талантлив и менее образован, чем Хоментовский».)

Семенов объяснил новому приставу свой замысел: «...выйти к восточной оконечности Иссык-Куля, дойти до северного склона снежного хребта, замыкающего бассейн озера с юга, и проникнуть, по возможности, в его долины и на горные перевалы, соединяющие илийский и иссык-кульский бассейны с Кашгарией».

Перемышльский почему-то обрадовался такому маршруту.

— Превосходно-с! Даю вам в конвой полсотни казаков и помогу нанять верблюдов для ваших вьюков.

Радость его вскоре разъяснилась. Дело в том, что в бассейне Иссык-Куля продолжалась кровавая усобица между бугу и сарыбагышами. Требовалось оказать срочную помощь бугинцам, но сделать это открыто Перемышльский не мог — он помнил судьбу своего предшественника. Вот почему он ухватился за мысль под видом научной экспедиции протянуть союзнику — Боромбаю — спасительную руку.

Правда, полсотни казаков — слишком малая сила. Дать больше (как это сделал бы Хоментовский) — получится экспедиция уже не научная, а военная. Перемышльский никогда не боялся врагов — он боялся только начальства. Хорошенько подумав, хитроумный полковник предложил: пусть будет полсотни казаков, но к ним в придачу выступит полторатысячное ополчение казахского султана Тезека, уже давно стремившегося помочь Боромбаю.

29 мая из Верного вышел караван: 58 человек, 12 верблюдов и 70 лошадей. Второе путешествие началось...

Маршрут пролегал через заилийский Ала-Тау, перевалы Сейрск-Таш, Турайгыр, лабиринты речек трех Мерке, Кегена и Чарына на Милую Каркару, где находились

кочевья бугинцев. На самом Санташе стоял в то время айыл Боромбая.

Верховный манап встретил гостей с нескрываемым восторгом. И причины тому были веские. После прошлогоднего разгрома бугинцы потеряли все свои земли на Иссык-Куле; Боромбай, кроме того, потерял и свою семью: жену, дочь и двух снох. Все они стали пленницами сарыбагышей. Теперь, по прибытии русского отряда, старый манап надеялся вернуть все утраченное.

Семенов познакомился с оставшейся семьей чон манапа. «Жен у него (Боромбая) было четыре. Старшая, Альма, держала себя с большим достоинством. Захваченная осенью 1856 г. в плен сарыбагышами, она была обменена на знатных сарыбагышских пленных, взятых до весны 1857 г. Другая жена, по имени Мекке, находилась еще в плену... вместе с женами сыновей Боромбая. Две остальные его жены кочевали в собственных аулах в нескольких верстах от старшей. Из четырех дочерей манапа я видел только одну, довольно красивую, по имени Джюзюм, но самая красивая, Меиз, не входила в юрту своего отца. Своих 4-х сыновей старый манап поспешил мне представить. Старшему, Клычу («Тигру Иссык-Куля»), было не менее 50 лет... Он был похож на своего отца и имел некрасивый тип кара-кыргыза. Второй сын, Эмирзак, отличался умным лицом... Третий, по имени Тюркмен, был приятной наружности, но казался простоватым, а четвертый, Канай, был красивый мальчик лет 13. Жены Клыча и Эмирзака находились в плену у сарыбагышей.

Сохранились портреты старого Боромбая, Альмы и юной Джюзюм, сделанные рукой П.М. Кошарова. Толстый Боромбай сидит — ноги калачиком — и излучает добродушие. На лице пожилой Альмы еще сохранились следы былой красоты. А Джюзюм — воплощение шаловливой юности.

На другой день, 8 июня, прибыл султан Тезек с отрядами. Тезек привез удивительные новости. Оказывается,

слух о прибытии большого русского начальника — «улькунтёрё» в сопровождении огромного отряда солдат облетел, как молния, все прииссыккулье. Семенов пишет: «Про меня рассказывали, что я имею в руках маленькое оружие (пистолет), из которого могу стрелять сколько угодно раз».

Эти слухи так напугали сарыбагышей, что они немедленно очистили все бугинские земли и ушли на западную оконечность озера и «еще дальше на реки Чу и Талас и даже отчасти за Тянь-Шань на верховья Нарына».

Путь в глубь Тянь-Шаня через Заукинский перевал был теперь как будто безопасен...

Сарыбагыши

Покинув гостеприимного Боромбая, отряд двинулся дальше — теперь уже с чисто научной целью, политика окончилась.

Пройдя Санташ, спустились в долины рек Тюп и Джергалан. И опять политика напомнила о себе. Навстречу путешественникам плелись целые толпы бугинцев, «голодные, исхудалые и полуодетые». Они были брошены бежавшими сарыбагышами.

Проводники-бугинцы, встретив измученных земляков, плакали, спрашивали о своих близких, а найдя их в следующей толпе, так бурно радовались — и те, и другие — что даже крепкие казаки украдкой вытирали глаза. Кому нужны эти усобицы, эта война?..

Путешественникам пришлось делиться с ними пищей из запасов, взятых в айыле Боромбая.

Дальше маршрут пролегал мимо теплого ключа Арасан, через реку Ак-Су, в места, где стояла брошенная кокандская крепость Каракол, а впоследствии возник цветущий город Пржевальск.

На берегу бурной, хрустально-ледяной Ак-Су Семенов оставил отряд, наказав художнику Кошарову:

— Позавтракайте и двигайтесь к речке Караколке. А я хочу еще раз убедиться: есть или нет здесь вулканические породы.

Взяв с собой только неизменного казака — переводчика да проводника-бугинца, Петр Петрович поднялся в горы.

...Убедившись, что вулканических пород нет и здесь, Петр Петрович решил спуститься в долину навстречу отряду. Они ехали по крутому дикому ущелью, густо заросшему деревьями и кустарниками. Пробираться сквозь эту буйную зелень было нелегко, высокий шиповник царапал руки, плети ежевики цеплялись за копыта.

Но вот выехали на поляну и перед ними открылась изумительная панорама Иссык-Куля.

— А вот и наши, — переводчик ткнул плетью вниз.

У подножия гор под лучами солнца сверкала лента реки. Через нее переправлялись вброд множество всадников.

— Нас уже заметили! — сказал Семенов. — Поторопимся же и мы.

Действительно, от отряда отделились шесть всадников и быстро поскакали вверх.

Бугинец-проводник стал что-то с жаром говорить, в голосе его слышалась тревога.

Переводчик тоже встревожился:

— Он говорит: это — сарыбагыши.

Теперь встревожился и Петр Петрович: «Действительно, и одежда на них, сколько можно различить, не та... И верблюдов нет!.. Уйти от встречи не было никакой возможности — не подниматься же по этому крутому заросшему ущелью! Все равно догонят...».

— Будем спускаться. Аось, увернемся.

К несчастью, перескакивая через рытвины, лошадь переводчика повредила позвоночник, застонав, как человек. Теперь она еле передвигалась. А сарыбагыши были уже близко. Сквозь густую листву мелькали их белые шапки. Петр Петрович остановился у следующей рытвины:

— Приготовимся.

Казак и бугинец сняли с плеч ружья. Семенов вытащил свой знаменитый револьвер.

Всадники выехали на поляну и остановились по другую сторону оврага. Шестеро против троих. Начался быстрый разговор через переводчика:

— Кто вы?

— Мы русские. Из того большого отряда, что пришел в бугинские кочевья.

Сарыбагыши повертели белыми шапками; предводитель сказал подозрительно:

— Где же ваш отряд?

— Очень близко. Сейчас покажется.

Предводитель насмешливо прищурил и без того узкие глаза:

— Пока он покажется, мы вас заберем в плен.

Семенов показал револьвер.

— Я улькунтёрё. Знаете, что у меня в руках? То самое оружие, которое стреляет сколько угодно раз. Вздумаете напасть — только людей и время потеряете.

Сарыбагыши таращились то на револьвер, то на его владельца.

— Сейчас придет наш отряд и все вы, даже те, что внизу, попадете в плен. А между тем, если не будете терять время, то сможете легко ускакать. Мы стрелять не будем.

Петр Петрович блефовал, в душе моля бога о помощи. И вдруг из-за высокого перевала действительно показалась голова отряда. Оружие и амуниция сверкали на солнце. Бог услышал!

Сарыбагыши повернули головы, смотрели полминуты. А всадники все ехали из-за перевала: казалось, им не будет конца. Вот появились верблюды.

Предводитель отдал короткую команду, сарыбагыши разом поворотили конец и растворились в густой зелени.

Петр Петрович вытер вспотевший лоб, казак вынул кисет и стал сворачивать дрожащими пальцами сигарку, а бугинец громко читал благодарственную молитву...

* * *

И еще была одна встреча. 17 июня, перейдя вброд речку Талды-Су, Петр Петрович велел разбить лагерь, а сам в сопровождении 15 казаков с урядником и проводниками-бугинцами поднялся на ближайший увал. Вдруг он видит: проводники с искаженными от страха лицами мчатся назад. Семенов, недолго думая, пришпорил лошадь и поскакал им навстречу. Следом поскакали казаки.

Достигнув вершины увала, он увидел причину испуга проводников: навстречу неслась сарыбагышская баранта — человек 30 всадников с пиками и кремневым ружьями-турхами за плечами. Отступить было уже поздно и Семенов, очертя голову, бросился в самую середину врагов, размахивая револьвером. Может быть, именно громкая слава этого револьвера и не меньшая — его владельца «улькунтёрё» — спасла ему жизнь. Сарыбагыши все как один соскочили с коней, сняли с плеч турхи и положили их на землю. Петр Петрович уже подумал, что тут ему и конец. Сейчас установят рожки, поставят на них ружья и откроют пальбу.

Но сарыбагыши ничего такого не сделали: они, как замороженные, усталились на «улькунтёрё» и дружно закричали:

— Аман! Аман!

Подскакали казаки и переводчик изумленно объяснил:

— Они говорят, что сдаются.

Семенов уже немного и сам понимал по-кыргызски. Конечно, слава Богу, все обошлось без смертоубийства. Но что делать с внезапно свалившимися пленниками? Вот незадача.

Казаки взяли пленных в кольцо, но сарыбагыши смотрели только на «улькунтёрё». И Петр Петрович объявил через переводчика:

— У меня нет никакой вражды к сарыбагышам. Я очень уважаю ваше племя, а Умбет-Ала мой тамыр. Я возвращаю вам свободу, оружие и коней, но с одним условием: чтобы вы тотчас возвратились домой и ни в коем случае не предпринимали набег на бугинцев. В обеспечение этого я оставляю двух заложников — аманатов...

— Семенов указал на двух рослых джигитов, которые показались ему предводителями. — Я их тоже отпущу, как только достигну аула Боромбая.

Аманаты-заложники тотчас подвели своих коней и стали у стремени Семенова. Остальные с шумным восторгом и благодарностями вскочили в седла и помчались прочь.

Казаки с облегчением глядели им вслед...

Трагедия кыдыков

Все последующие дни отряд упорно продвигался к Заукинскому (Джууканскому) перевалу. Петр Петрович хотел добраться до истоков Нарына, известного в нижнем течении как Сыр-Дарья, древний Яксарт.

У самого перевала на тропе стали попадаться трупы животных — лошадей, коров, овец. Два раза попались трупы людей. Спутники Семенова взволнованно переговаривались. Все знали, что весной здесь произошло страшное побоище между сарыбагышами и бугинским родом кыдык. И хотя был уже июнь, в этой высокогорной зоне трупы выглядели так, будто погибли вчера.

Выше подъем оказался настолько труден, что Семенов оставил отряд и продолжал путь только с художником Кошаровым, тремя казаками и двумя бугинцами-проводниками. Тропа вилась между голых скал и порой было так круто, что приходилось спешиваться и вести коней в поводу.

Когда поднялись на вершину перевала, боль в ушах стала невыносимой, казалось, немедленно пойдет кровь. Но все обошлось. Зато путники были вознаграждены

изумительной картиной. Перед ними простиралась волнистая равнина, по которой там и сям поднимались невысокие холмы, покрытые вечным снегом. Между ними сверкали зеленые озера, кое-где у кромки затянутые льдом. Зеленоватую гладь тревожили стаи турпанов, похожих на райских птиц: их красно-синее оперенье отливало на солнце драгоценными камнями. Все пространство у подножия холмов представляло чудесный ковер из альпийских трав, цветов и золотистых головок дикого лука (получившего впоследствии видовое название в честь П. П. Семенова).

Проблуждав часа два по этим сказочным местам, путники поднялись на заснеженный холм, ослепительно сверкавший под солнцем, и с него увидели три озера, из которых текли три речушки, сливавшиеся ниже в одну: это и были истоки Нарына — Сыр-Дарьи — Яксарта...

На обратном пути совсем другая картина представилась глазам путников и тягостно потрясла их: они попали на «мертвое поле» — место последней битвы сарыбагышей и кыдыков. На большом пространстве лежали трупы животных и людей. В условиях альпийской зоны они прекрасно сохранились. Казалось, в воздухе еще звучат дикие боевые крики, стоны раненых, гремят залпы из ружей, взвизгивают кони... (или это — кровь в ушах?)... Вот-вот появятся и сами действующие лица... Вон там будто шевельнулось что-то, поднялась рука... Путники подумали уже, что галлюцинируют... Но нет: «Навстречу нам с радостным лаем бросилась стая бугинских собак, оставшихся с весны на поле битвы и питавшихся там несколько не разложившимися вследствие холода трупами...».

Кыдыки... Несчастный род, жертва беспощадной междоусобицы... Семенов вспомнил их историю...

* * *

...Когда бугинцы покидали родное прииссыккулье и уходили на Текес и Каркару, никто не возражал: всем было

ясно, что решение Боромбая — единственно возможное, другого выхода просто нет. Никто — кроме родоправителя кыдыков бия Самсалы. Самсалы решительно воспротивился. Он давно завидовал первенствующему положению Боромбая. Почему старый Боромбай и его род белек верховодят среди бугинцев? Разве кыдыки хуже? Неисчислимы стада бия Самсалы, тверда его рука, сотни джигитов по одному его мгновению вскакивают в седла. Есть у него и сундуки с добром, и знатные жены, и сыновья — джигиты, и красавица дочь... Почему же этот грузный 80-летний старик всем распоряжается и слово его с готовностью подхватывают остальные?

Нет, бай-манап Самсалы не таков, как «остальные».

— Никто и ничто не заставит меня покинуть землю предков! — заявил он на последнем совещании манапов.

— Заставляют сарыбагыши, — напомнил Боромбай.

— Кто боится Уметалы и Тёрёгельды — пусть уходит. Кыдыки остаются.

— А подумал ли ты о своих людях, которых обрекаешь на верную смерть?

— Почтенный Боромбай полагает, что только он один думает! Но и у других есть плечи, а на плечах — голова.

— Плечи у тебя есть и очень широкие, — резко возразил Боромбай. — Но будь ты даже Манас, за твоими плечами не укроется от врагов весь народ кыдык. Нужна еще и голова, а я вижу только тебетей. Слушай, Самсалы! Кыдыки пойдут, как все бугу, на Текес!

Оскорбленный Самсалы покинул совещание и приказал своим айылам откочевать подальше — пока остальные не уберутся.

Боромбай — не Ормон, применять насилие он не стал. Все бугинцы ушли, кыдыки остались на Иссык-Куле. Очень скоро Самсалы понял, что совершил роковую ошибку. Бесперывные мелкие нападения сарыбагышских барымтачей были не в счет, хотя и весьма ощутимо отражались

на главном достоянии кыдыков — скоте. Самсалы получил верные сведения, что Уметалы и Тёрёгельды — беспощадные и жестокие беркуты — идут на кыдыков. Вот тут-то самоуверенный манап впервые почувствовал страх. Он приказал айылам свертываться. Кыдыки должны были уйти от врага на Нарын.

Собрались быстро (весь род, кроме Самсалы, был давно уж в большой тревоге) и пошли со всей возможной скоростью вверх к Заукинскому перевалу. Подоспевшие джигиты Уметалы били отставших, угоняли скот. С большими потерями поднялись на плоскогорье; здесь Самсалы убедился, что к Нарыну пробиться нет возможности. Тогда он, ломая гордость, решился на последний шанс: приказал повернуть по горным тропинкам на Сарыджаз и Кокджар, чтобы пробраться на Каркару к Боромбаю. Тут-то их и настигли враги.

Прискакали джигиты и доложили манапу Самсалы:

— Сзади подходит Уметалы.

— Я так и предполагал, — спокойно отвечал манап. — Эй, Кермек-батыр! Возьми три сотни и запри выход на перевал.

Но Кермек-батыр опоздал. Воины Уметалы уже ворвались на равнину. Кермек-батыр пока сдерживал их, отступая. Подоспел Самсалы с основными силами, и положение стало выправляться. Сражались, по обычаю, пешими, прячась за коней. Гремели залпы из кремневых ружей, клубы порохового дыма застали поляну.

И тут раздалась вопли ужаса и отчаяния в противоположном конце, а потом шум сражения перекрыл звук боевой трубы.

Самсалы побледнел:

— Это Тёрёгельды, — сказал он. Это конец...

И как бы в подтверждение этих слов оглушительный боевой клич — уран «черикчи»!!!, вырвавшийся из сотен глоток, прогремел над поляной.

Многоопытные в войнах сарыбагышские вожди придумали хитроумный план. Пока Уметалы шел по пятам за кыдыками, Тёрёгельды обошел их с верховьев Нарына и ударил в лоб.

Кыдыки оказались в западне... Теперь уж было не до ружей. Враги сошлись в рукопашную. Дрались боевыми топориками, раскраивая друг другу черепа, ломая ключицы; вот пронзили пикой храброго Керме-батыра. Кололи ножами, рвали рты и уши голыми руками. Дико, истошно кричали женщины и дети, визжали кони, ревели перепуганные верблюды... Не дай бог никому увидеть, как звереют люди, теряют человеческий облик...

Битва шла на уничтожение. Но сарыбагышей было втрое больше и все они были воинами. У кыдыков же на руках — истощенные переходом женщины, старики, дети. Мужчины-кыдыки, способные носить оружие, почти все полегли в неравной битве. 600 человек пало на месте, 1200 (женщины, дети) попали в плен. Лишь немногие смогли оторваться от преследования и рассеяться. Жалкие остатки могущественного и богатого рода после бесконечных мытарств добрались до кочевий Боромбая на Каркара, среди спасшихся был и бий-манап Самсалы...

Боромбай и остальные бугинцы встретили беглецов с пониманием и сочувствием, как и полагается родичам; из развели по юртам, согрели, накормили.

Верховный манап не сказал Самсалы ни слова упрека. Он был, как и прежде, приглашен на совет родоначальников. Но когда манапы уселись за досторкон и бий Самсалы снял свой тебетей, все увидели, что прежде черная как вороново крыло голова его стала совершенно белой...

...Вот о чем думал Петр Петрович, глядя на «мертвое поле» и повторяя слова великого Пушкина: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»...

И еще раз пришлось отряду Семенова столкнуться с эхом той битвы. Заночевав на Кокджарском перевале,

утром они стали откапывать друг друга из-под снега, так как ночью их накрыл снежный буран. Один из казаков, разрывая тающий снег, «наткнулся в пределах... бивака на предмет, произведший на всех нас очень тяжелое впечатление. Под снегом оказался тщательно завернутый в войлок и одетый в халат, белье и сапоги труп бугинца. Труп этот прекрасно сохранился в атмосфере ледяной зоны. Без сомнения, это был один из бугинцев, бежавших с поля битвы на Заукинском перевале в мае 1857 г. Раненный или обессилевший в битве, он добрался со своими товарищами до Сары-Джаза и, окончив здесь свою жизнь, был тщательно завернут ими в войлок и оставлен под снежной пеленой»...

Уметалы делает жест

Весь конец июня Семенов занимался исследованием центрального Тянь-Шаня. Была проделана большая работа. Петр Петрович был первым европейцем, который посетил ледники, берущие начало в системе Тенгри-Таг. Собрал замечательный гербарий, в котором было много неизвестных науке растений; изучил коллекцию горных пород, регулярно делал гипсометрические измерения высот и вел постоянные метеорологические наблюдения. Его дневники — замечательный научный документ. Он первый определил подлинное расположение хребтов Тянь-Шаня, первый установил на Тянь-Шане существование вертикальных природных поясов и доказал, что линия вечных снегов здесь лежит очень высоко...

Впрочем, не будем перечислять все заслуги Петра Петровича перед наукой. Об этом достаточно написано. Недаром же он получил к своей фамилии почетную приставку: Тянь-Шанский. У этой книги другая задача... Но нельзя не упомянуть еще об одной черте Петра Петровича: его подлинном литературном мастерстве. Чего стоят картины при-

роды, переданные им читателю! Например, о Хан-Тенгри: «Прямо на юг от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мной горных хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати... Как раз посредине... возвышалась одна, резко между ними отделяющаяся по своей колоссальной высоте, бело-снежная остроконечная пирамида, которая казалась с высоты перевала превосходящей высоту остальных вершин вдвое»...

В начале июля спустились к айылам Боромбая. Здесь Семенова ждали важные новости: ответное письмо Уметалы. Семенов до этого написал ему, предлагая помириться с бугинцами. Вождь сарыбагышей отверг частное перемирие лично с Боромбаем (последний хотел выкупить свою семью). Он соглашался на окончательный мир только после взаимных подсчетов общих потерь в скоте и в людях. Причем подчеркивал, что за каждого человека «белой кости» — манапа или батыра — следует договариваться особо. Например, кун за Ормона достигал несколько тысяч овец.

Уметалы писал далее, что, хотя с Боромбаем договариваться о возвращении его семейства он не желает, но с «тамыром» — улькунтёрё поступит, как велит дружба. Он безвозмездно дарит жену и снох Боромбая своему другу Семенову: пусть тот делает с ними все, что ему заблагорассудится! В подтверждение этих слов перед ученым предстал небольшой караван, в котором находилась и семья Боромбая.

Да, Уметалы крепко помнил и добро, и зло. Недавний случай, когда Семенов великодушно освободил сдавшихся ему тридцать сарыбагышей, отозвался теперь вот чем...

Сколько было радости в айыле верховного манапа бугинцев, когда Петр Петрович привез пленниц! Старик даже прослезился. С особенным почетом встретили жену Эмирзака. Ведь она была дочерью убитого Ормона, из-за

которого и загорелся весь сыр-бор. Уметалы приходился ей родным братом. Все знали, что он предлагал сестре остаться, но она предпочла вернуться в род мужа.

Уметалы не потребовал выкуп за пленниц. Но старый Боромбай тотчас предоставил Семенову 12 лучших коней для отдарка; к этому Петр Петрович прибавил «шесть кусков кавказских шелковых материй, несколько роскошных казанских изделий, шитых золотом, и несколько предметов из Златоустовского оружия».

И хотя окончательный мир между Бугу и сарыбагышами не был заключен, большой шаг к этому был сделан...

Что увидел скромный караванщик

В начале 1858 г. по заданию русского правительства в Кашгар через Северный Кыргызстан отправился большой торговый караван. Он вез богатые товары на сумму 18300 рублей — деньги по тем временам немалые. В составе каравана следовал молодой человек, стройный и красивый, с военной выправкой. Все знали его как Алымбая, родственника караванбаши Мусабая. И никто (кроме караванбаши) не знал и даже не догадывался, что главная ценность каравана — не товары, а этот бритоголовый парень с маленькими усиками, одетый в простую дорожную одежду торговца; что купеческие дела каравана — лишь прикрытия и что сам караван и все путешествие было организовано лишь для выполнения миссии, возложенной на этого молодого человека Сибирским генерал-губернатором Гасфордом, а через него — самим Государем императором...

Настоящее имя молодого человека было Чокан Валиханов...

Правительство поставило перед ним задачу: проникнуть в Кашгарию и разузнать о ней как можно больше. Восточный Туркестан был расположен на стыке границ

Средней Азии, Индии и Китая, он имел исключительно важное значение для интересов двух великих держав — Англии и России.

Но Кашгар в то время был закрытой страной для европейцев. За год до этого туда попытался проникнуть известный путешественник Адольф Шлагинтвейт. Его раскрыли и отрубили голову. Вот почему потребовалось прикрытие под видом торгового каравана. Вот почему офицер для особых поручений при Сибирском генерал-губернаторе, поручик Российской армии Чокан Валиханов вынужден был обрить голову, сменить имя и изображать из себя купца.

К началу августа караван прошел Иссык-Кульскую котловину, перевалил Санташ, достиг бугинских кочевий по Текесу и Каркаре и вышел в долину Кеген, где и стал лагерем на отдых.

Глазам Чокана представилось необыкновенное зрелище. Вся долина, насколько хватал глаз, была покрыта бесчисленными белыми юртами. В сопровождении бугинских манапов Карача и Бурсука молодой офицер ехал через этот кочевой город, наблюдая приготовления к байче — тризне или поминкам по знатному покойнику.

На самом берегу Кегена стояла огромная белая юрта, окруженная народом. Над ней печально полоскался белый флаг — знак того, что умерший хозяин юрты был стариком.

При появлении новых людей тотчас возобновились плач и причитания. Большая группа женщин затанула надрывающую душу поминальную песню. Они обращались к покойнику с бесконечными вопросами-сетованиями:

— Горе нам, горе, ох! Ушел, покинул нас, ох! Кто будет согревать своей заботой весь народ? Кто будет давать мудрые советы? Кто спасет в беде, утешит в горе, обрадует в радости?

Плач длился бесконечно: одних плакальщиц сменяли другие... Время от времени весь народ — и мужчины

и женщины — принимались громко плакать и стонать, звать к памяти усопшего, выкрикивая его имя...

Чокан уже знал: три месяца — 90 дней назад — в самом начале мая на 81-м году жизни скончался великий родоначальник бугинского племени, главный манап Боромбай Бекмуратов...

Весь август караван оставался в кочевье. Выбившиеся из сил дальней дорогой верблюды и лошади жирели на сочнотравных джайлоо. Купцы и караванчики перетряхивали тюки, проветривали материи. А Чокан Валиханов оплакивал вместе с ними умершего манапа, давнишнего своего знакомого, наблюдал за красочными народными обычаями: байчой, поминальными играми, слушал песни ырчи, в которых описывались долгая жизнь родоначальника, его щедрость и доброта, его справедливость и доступность, его терпеливость и миролюбие, все его дела во благо своего племени, своего народа...

Последнее явление Уметалы

Прошло несколько лет. Многие изменилось в Средней Азии. В Северный Кыргызстан пришли русские и прогнали кокандцев. В соседнем Кашгаре власть захватил Якуббек и создал государство Йеттишаар (Алтышаар).

В самом Коканде власть переходила из рук в руки, ханство сотрясали восстания. Северные кыргызы приняли русское подданство, а южные остались под Кокандом.

Все эти годы манап Уметалы Ормонов продолжал вести прежнюю вольготно разбойничью жизнь. Он барантовал со всеми соседями — с бугу, саяками, чериками. Грабил кашгарские и андижанские караваны. В его айылах убили нескольких кокандских зякетчи. Одно время принял было русское подданство, но спустя малый срок организовал нападение на русский отряд, а потом откочевал на неприступные сырты.

Как раз в это время на Тянь-Шань прибыл известный русский ученый Н. А. Северцов. С ним был сильный казачий отряд, выделенный военным губернатором Семиреченской области генерал-майором Г. А. Колпаковским. Николай Алексеевич Северцов уже много лет посвятил себя изучению Средней Азии. Еще в 1858 г. он был кокандским пленником в г. Туркестане; его освободили восставшие казахи и кыргызы. В русской печати он опубликовал много статей о быте, нравах, социальном положении различных слоев кыргызского общества, а после путешествия выпустил книгу, в которой собрал ценнейшие материалы о Кыргызстане середины XIX в. Довольно наслышался Николай Алексеевич историй и легенд о делах манапа Уметалы. «Умбет-Ала, — писал Северцов, — прошел по всему Каракоджуру на Малый Нарын, перешел Большой Нарын близ его истоков, оттеснил нарынских чериков и в долине Атбаши нашел себе крепкий приток в центре набегов не хуже каракоджурского, там устроился пашнями и зимовками, а летом бродил по Сырту, причем грабил кашгарские караваны, шедшие торговать с кара-кыргызами не его аулов... Он покорил и переселил на Малый Нарын бугинское отделение монолдур, но и довольно других бугинцев было захвачено вразброд, отдельными аулами. Умбет-Ала, отложившийся (от русских) с 5—6 кибиток, кочевал к 1867 г. слишком с 8 тыс. на огромном пространстве от Каракоджура и вершин Нарына до Чатыр-Куля, Аксяя и Арпы, т. е. верст 500 с С. В. на Ю. З. и верст 300 с С. В. к Ю. В. по всем сыртам у долин Верхнего Нарына и Атбаши».

Маршрут Северцова пролегал через кочевья бугинских старшин Арзымата и Атабека. Они только что принимали участие в безрезультатном рейде Полторацкого против Уметалы. Приход отряда Северцова очень обрадовал их. Сарыбагышские барымтаги не давали им покоя. Бугинцы не смели пользоваться своими исконными джайлоо, ибо все сырты захватил никому не подвластный Уметалы.

Однако экспедиция Северцова была чисто научной. Сам ученый вовсе не собирался гоняться за неуловимым разбойником — манапом. Он и видеть-то его не желал.

Однако встретиться им пришлось... Во время стоянки на Нарыне к русскому лагерю подъехали четверо всадников. Они спрашивали «самого главного начальника». Их провели в палатку ученого. Неожиданные гости представились: их предводитель назвался Чакмакташем, сыном Уметалы. При нем в качестве советника находился некий Байбагул. Посланцы знаменитого манапа сделали важное заявление: Уметалы со всеми подвластными ему родами сарыбагышей решил добровольно принять русское подданство.

За традиционным угощением состоялась беседа. Николай Алексеевич имел все основания сомневаться в искренности Уметалы. Поэтому к заявлению отнесся осторожно.

— Мы прибыли на Тянь-Шань вовсе не для войны с сарыбагышами, — сказал он. — Однако Умбет-Ала-батыр не всегда держит слово. Можно ли ему поверить на этот раз?

— Мой великий отец стар, — отвечал Чакмакташ. — Он не хочет больше воевать. Он устал. У него ноют раны. Он жаждет мира и покоя.

— Но, приняв подданство, он должен будет во всем подчиниться решению начальства Семиреченской области, — заметил Северцов.

Посланцы согласно закивали в ответ.

— Во время набегов многие соседи пострадали от Умбет-Ала-батыра. Имущество их разграблено, земли отняты. Придется вернуть все это.

— Великий манап всем выплатит сполна, — сказал советник Байбагул. — Лишь бы уважаемый начальник оставался тамыром и поддержал просьбу своего друга о помиловании перед лицом полупадишаха Кауфмана.

«Когда это я стал считаться другом Умбет-Ала», — подумал про себя удивленный Северцов. Он обратил

внимание на то, что посланцы как-то странно разглядывают его, будто в чем-то сомневаются.

— Для этого мне нужно сначала увидеться с Умбет-Алой, — твердо отвечал Николай Алексеевич. — И если я удостоверюсь в его искренности, то, конечно, поддержу его ходатайство перед генерал-губернатором Кауфманом.

— Нет ничего лучше, как друзьям встретиться с глазу на глаз! — воскликнул Байбагул. Гости поднялись. Чакмакташ сказал:

— Я немедленно извещу об этом отца.

* * *

Уметалы сидел у себя в юрте и думал. Подвластные манапы и старшины смотрели на него в ожидании.

— Мы славно пожили, — начал Уметалы, обводя тяжелым взглядом присутствующих. — Как настоящие батыры. И нажили много врагов. Мы никогда и ни перед кем не склоняли головы. Но, видно Аллах решил: больше так жить нельзя. Пришло время думать: под чью руку склониться? Кокандцы и Якуббек Кашгарский полны к нам ненависти. К тому же они слабы; слабый может принести много вреда, а пользы — никакой. Сейчас в наших краях самая могущественная сила — оруссы. Что вы скажете, если мы примем подданство Белого царя?

Старшины молчали. Потом манап Осмон сказал:

— Мы уже принимали один раз...

— Времена изменились, — отвечал Уметалы. — Теперь у нас нет другого выхода — если хотим остаться целыми. Полковник «Полторака» разыскивает меня по всему Тянь-Шаню. А наш друг Тёрёгёлды дал ему в помощь своих проводников и разведчиков, а для перевозки грузов — быков и лошадей. Тёрёгёлды сообщил мне об этом через своего человека. И каждый раз предупреждал меня... Пока мы благополучно уходили от погони. А если «Полторака» нас догонит?

— Надо сделать, как говорит мой старший брат, — сказал манап Чаргын Ормонов.

Остальные дружно закивали.

* * *

На следующей стоянке у реки Оттук в русский лагерь явилась целая кавалькада невооруженных всадников. Явился сам Уметалы со свитой. Северцов оставил нам описание знаменитого воителя:

«Это был толстый, хромой старик, лет под 60, черты его широкого скуластого лица были типично кара-кыргызские, выражение, на первый взгляд, добродушное и несколько вялое. Но, всматриваясь ближе, можно было заметить на этой апатичной физиономии отпечаток хитрого ума и твердой воли. Одет был просто, в армячинном халате сверх нагольного тулупа... Наружность не показывала грознейшего из кара-кыргызских батыров, кем он, однако, был и притом наследственно, по смерти своего отца Урмана...»

В свою очередь Уметалы долго всматривался в ученого и лицо его, наконец, приняло разочарованное выражение.

— Это не мой тамыр улькунтёрё Семенов... — воскликнул он, оборачиваясь к сопровождавшим его советникам.

Только теперь Николай Алексеевич понял значение намеков и странных взглядов во время прошлой встречи с Чакмакташем. Он знал историю «тамырства» вождя сарыбагышей и Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. И ответил так (полагая, что маленькая ложь не испортит дела):

— Я друг твоего тамыра (это было правдой). Улькунтюря сейчас в далеком Петербурге. Но он шлет тебе привет (ложь) и выражает глубокое сожаление о твоем поведении.

После продолжительной беседы Северцов убедился в искренности Уметалы. Времена переменились, по-прежнему разбойничать стало уже нельзя, и одряхлевшему беркуту просто некуда было податься. Он оказался полностью

²⁵ Том XIV. В. М. Плоских

во враждебном окружении. Кокандцы его ненавидели за грабежи андижанских караванов. Еще в 1863 г. после разрыва с русскими Уметалы ходатайствовал перед Якуббеком о принятии кашгарского подданства. Но Якуббек отклонил его подарки и вообще отнесся к просителю так сурово, что последний, не мешкая, откочевал обратно. Северцов знал причину этой суровости: «К кара-кыргызам ходят кашгарские караваны с матой и халатами, которые обменивают на скот для городского продовольствия — и из этих караванов Уметалы пропускал без грабежа только ходившие в его собственные аулы с лично знакомыми ему караван-башами... а все караваны, ходившие к другим родам, он грабил беспощадно, содержал засады на караванных путях, и жалобы на эти грабежи я еще на Иссык-Куле слышал от ограбленных купцов».

Соседние кыргызские племена — бугинцы, саяки, черики ненавидели своего разорителя и готовы были поддержать кого угодно, лишь бы свернуть ему шею. Какой же выход оставался для Уметалы? Он напрашивался сам собой: русское подданство. Русские уже построили в Чуйской долине укрепления Токмак и Пишпек. Русская администрация Семиреченской области своей первейшей задачей считала прекращение всякой барымты и междуусобицы. И поэтому русские отряды неумоимо преследовали барымтачей. Они уже пленили казахских султанов Саурука, Дуралы и знаменитого бугинского батыра Балбая Одноухого. Саурука и Дуралы помиловал Кауфман, а Балбая не успел — тот умер в тюрьме. Как видно, сарыбагышскому вождю вовсе не улыбалось так окончить жизнь; вот почему он здесь и вот почему Северцов поверил в его искренность. Уметалы действовал по поговорке: если на гору нельзя взобраться, ее можно объехать...

На прощанье Уметалы преподнес Северцову подарок и еще раз подтвердил: он согласен на любое решение российской администрации, лишь бы ему вернули прежние

кочевья. Он дал Северцову белый чистый лист бумаги, на котором стояла его тамга — печать: пусть-де Кауфман сам на этом листе любые обязательства, он их примет...

Но хитроумный Уметалы не был бы Уметалы, если бы не предпринял и обходной маневр: он заблаговременно послал другого своего сына, Акташа, к военному губернатору Колпаковскому, чтобы заручиться и его поддержкой. Колпаковский ответил следующим письмом:

«Умбет Али Урманову.

Письмо, посланное тобою с сыном Ак-ташем, мною получено. Со времени твоей ссоры с бугинцами ты много разграбил оставшихся верными своему делу перед государем. Мне безызвестно также, что 13 июля 1863 года ты рискнул напасть на слабый русский отряд и при урочище Ике-Чат в ущелье р. Куртка переранил одного офицера и 7 солдат, из которых двое умерли.

Не стану входить в причины, которые заставляют тебя переменить твой образ жизни, но верю тому, что ты хочешь на старости лет провести время спокойно. Но если я прощу тебя, то с условием. Условие следующее: ты должен заплатить за двух убитых русских куп и за кровь раненых. За двух убитых я назначаю куп каждому по 75 лошадей, раненому офицеру 100 лошадей, остальным 5 раненым солдатам каждому по 25 лошадей. Всего тебе следует заплатить 375 лошадей или же за каждую лошадь по 20 р. — семь тысяч пятьсот рублей серебром. Эти деньги ты с надежным человеком пошлешь в Верный генералу Колпаковскому. За сим, если кыргызы или купцы будут жаловаться на тебя, ты должен будешь рассчитаться с ними по суду биев.

Если ты согласишься на мои предложения, то по данному мне великим государем уполномочию я тебя прощаю, забываю все прошлое, позволяю прикочевать на прежние свои места и жить спокойно».

Получив письмо, Уметалы воскликнул:

– Да, я провинился перед властью и готов держать ответ. Но почему штрафы – только мне? Разве только я один напал на отряд Зубарева. Пусть отвечают и другие манапы! А взять того же Осмона Тайлакова? Этот саякский мошенник предательски захватил в плен весь отряд токмакского уездного начальника Загряжского в том же году. Если бы не Шабдан, начальник бы не спасся. Пусть штрафуют и его!

И Уметалы написал письмо Колпаковскому, перечислив всех грешных манапов.

Н. А. Северцов пишет: «Когда в следующем 1868 году было введено новое положение и кара-кыргызы разделены на волости, сообразно с местами их зимовок, с выборными старшинами, то все три старшины (Уметалы, Чаргын и Осмон) тем самым лишились прежней волости и ни один не был вновь избран в волостные старшины. Уметалы, утомленный своей бурной жизнью, тогда спокойно остался частным человеком, богатым (несмотря на уплаченные штрафы) и уважаемым своими однородцами».

Так тихо и мирно окончил свои дни последний великий барымтач...

ДЖАНТАЙ И ШАБДАН

Сражение при Узун-Агаче

В начале мая 1860 г. наместник кокандского хана в Пишпек-Атабек-датха с войском выступил для сбора зякета с кочевников Чуйской долины.

Атабек настроился решительно. Эти негодные кочевники каждый раз пользуются сменой власти в ханстве и возникающими беспорядками, чтобы не платить. В позапрошлом году, когда изгнали Худояра и на трон сел Малля-хан, Атабеку вот также только при помощи войска удалось выколотить налог. Многие кыргызские маналы тайком переписываются с русским начальником из Верного и призывают его на помощь.

Армия двинулась на восток в сторону Токмака. Там кочевал старый и хитрый беркут Джантай со своими сарыбагышами. Наместник торопился: чуйские кыргызы имели привычку уже в мае сниматься со своими стадами и откочевывать через горные ущелья в долину р. Сусамыр. Он не стеснялся. Встречные отары овец и конские табуны забирались в счет джантаева долга. Наместник не спрашивал, кто хозяин скота — за все должен ответить верховный манал сарыбагышей.

Теперь Джантай не уйдет в горы, не оставит на произвол судьбы ограбленных соплеменников.

Расчет оказался верным. В Чон-Кемине Атабека встретил сам родоплеменной владыка сарыбагышей в окружении подвластных маналов, биев и аксакалов. Наместнику преподнесли подарок — сказочной красоты аргاماка,

отбившего не менее трехсот баранов, а также целый косяк горных кыргызских лошадей.

В честь высокого гостя устроили пиршество с играми и состязаниями. Хозяин приглашал поохотиться в горах на маралов, но Атабек вежливо отказался.

Между тем зякетчи оценивали сарыбагышские отары и проворно отгоняли в сторону двух баранов из каждой сотни. Некоторые ухитрились и трех. Другие грузили капы — мешки с просом на арбы.

Наконец, налоги собраны. Атабек хотел было собрать еще и дополнительный налог — на военные нужды, по золотой тилла с каждой юрты (цена трех баранов), однако воздержался. Слишком уж угрюмы сарыбагыши. Пожалуй, не стоит углубляться дальше в горы. Атабек помнил о горькой судьбе казахского султана Кенесары Касымова. К тому же когда-то Джантай «случайно» потерял одно письмо. А слуга Атабека Доссарык тоже «случайно» нашел. Письмо было от начальника Алатавского округа русского генерала к родственнику Джантая, сарыбагышскому манапу рода тагай Худояру. В нем говорилось:

«Я недавно узнал, что родович твой Джантай начал тебя притеснять и именно за то, что ты не разделяешь его желаний давать сартам зякет. Ты совершенно прав в этом деле, и я благодарю тебя за это. Джантай, может быть, богаче тебя, так и пусть им платит зякет, а ты соединишься с Мендэ. И ничего никому не давай. Кочуй с ним вместе, а если у вас там мало зимовок, приходите сюда, я дам вам земли».

Ох, уж эти орусы! Как кость в горле. Но аппетиты придется поумерить: так можно растерять всех подданных ханства.

Атабек переправил войско через Чу и вступил в земли казахов. Он забрал с собой не только зякет: с ним отправился и любимый сын Джантая, 20-летний Шабдан. На свою беду хвалился старый манап сыном. Впрочем,

слух о лихом джигите Шабдане уже давно достиг Пишпека и даже Коканда. Этот юноша прославился среди окрестных племен как дерзкий барымтач, ходивший с такими же сорвиголовами за добычей даже на Кульджинского сторону Текеса.

Уезжая, Атабек сказал Джантаю:

— Я беру твоего сына как лучшего из лучших, чтобы представить его светлому взору повелителя! Такого джигита обласкает сам хан ханов, господин мира. Понимаешь?

Джантай понимал: Атабек берет заложника, чтобы старый манап не вздумал своевольничать.

На прощание он сказал сыну:

— Ты видел, что творят здесь ханские слуги. А ведь мы были свободными горными барсами! Сила пока на их стороне. Ты отправляешься в логово тигра. Неосторожное слово, опрометчивый шаг — и твоя мать будет рвать на себе седые волосы. Помни об этом.

— Не рискуй также головой ради ханской службы, — продолжал старый Джантай. — Но и не опозорь род аната. Я даю тебе это напутствие, а в остальном полагаюсь на твой разум и сердце.

Шабдан почтительно поцеловал руку отца. В казахских землях Атабек действовал осмотрительнее. И сам Атабек, и Шабдан хорошо помнили, какое возмездие постигло два года назад зарвавшихся сборщиков налога ташкентского наместника Мирзы-Ахмета .

Атабек и здесь тоже взял заложника — лучшего из лучших, джигита Байсеита Тойчибекова. Затем он вступил на земли кыргызского племени солто.

Верховный солтинский манап Байтик уже знал, что в их землях хозяйничают зякетчи и принял меры. Пока Атабек грабил сарыбагышей, в город Верный мчался нарочный. И когда кокандец вступил на его территорию, ему сразу же доложили соглядатаи: из Верного выступили войска белого царя: три пехотные роты и две сотни казаков.

Атабек заторопился. Он лишь слегка пощипал солтинцев. Даже не взял у Байтика сына, поскольку тот был еще мальчик и в джигиты не годился. Не успел он убраться, как в Чуйскую долину прибыл сам ташкентский наместник парваначи Рустамбек. В связи с предстоящей войной против русских он под страхом смертной казни потребовал с юрты по одной строевой лошади, хорошо упитанной. А для прокормления войска еще «особый сбор» — по тысяче баранов с каждого родоправителя.

Мало того, он принуждал солтинцев и сарыбагышей вступить в его войско. И солто, и сарыбагыши затосковали. Молодежь пылала гневом, но ее сдерживали старики:

— Не время вставлять палку в муравейник. Плевать против ветра — заплевать себе лицо. Подождем слова орусов.

* * *

Из Пишпека в сопровождении «почетного» эскорта Шабдан Джантаев и Байсеит Тойчибеков отправились в Коканд, столицу. Там, в ханской ставке Урде посланцы удостоились лицеизреть самого наместника Аллаха в этом краю — Малля-хана из династии Минг. Впоследствии в своей автобиографии Шабдан вспоминал: «...Малля-хан принял нас благосклонно и щедро наградил позолоченными саблями и ружьями и другим оружием, а также шелковыми халатами. Он отправил нас обратно со своим военным министром аната, который шел с войском против русских» (привлекать подачками и звучными титулами кыргызских родоправителей, чтобы без помех грабить остальной народ — излюбленная тактика и кокандских ханов, и русских властей).

Кокандское правительство было всерьез обеспокоено продвижением русских в Заилийском крае. Малля-хан, энергичный и способный (по кокандским меркам) правитель, чувствовал: с севера надвигается гроза. Войска Белого царя уже твердо стояли на казахских землях, построив

укрепления Верный и Кастек. Теперь они распространились и на территории Кыргызстана. Русские проникли даже на Иссык-Куль. Ненадежные кыргызы, всегда склонные к неповиновению и мятежам, готовы были по примеру бугинцев Боромбая Бекмуратова и Качибека Шералина принять русское подданство. По слухам, к этому же склонялись сарыбагыш Джантай, солтинец Байтик и другие.

Парваначи Рустамбек безуспешно пытался остановить продвижение русских. В июле 1860 г. после неудачного нападения на Каспек он был разбит на реке Шеренайгыр полковником Циммерманом. В конце августа — начале сентября Циммерман вступил в Чуйскую долину и разрушил укрепления Токмак и Бишкек — опоры кокандского владычества в Северном Кыргызстане.

В ответ Малля-хан принял решительные меры. В ташкентское наместничество бал назначен Канат-Ша, наиболее способный военачальник. Новый главнокомандующий получил широчайшие полномочия: собирать и расходовать зякет с подвластных племен, наказывать непокорных, объявлять войну и заключать мир. В его ведение поступали все кокандские укрепления на границе с казахской степью, включая крупнейшие из них — Мерке, Аулие-Ата и разрушенный Пишпек.

В начале октября передовые отряды кокандцев появились в Чуйской долине. Канат призвал к себе кочующих здесь солтинцев Джангарача и Байтика.

— Я недоволен вами, — объявил он. — Вместо того, чтобы сражаться с врагами ислама, вы пошли к ним на поклон. Так-то вы служите хану!

Мананы сокрушенно разводили руками:

— Что оставалось делать? Великий хан далеко, а орусы — рядом. У них — ружья, пушки. Если сам Рустамбек бежал от них, что могли мы?

— Но Рустамбек не поздравлял русского начальника с успешным взятием Бишкека, как это сделали вы!

— Рустамбек собрал с нас чрезвычайную пошлину по золотой ана с семьи и ушел в Ташкент, где спрятался за высокими стенами. А куда идти нам со своей земли, где спрятаться?

— Коран учит: каждому воздается по делам его. Вы изменили хану и должны понести наказание. Однако хан милостив, он только требует доказательств истинной преданности.

Маналы ответили, что готовы к доказательствам.

— Вот наше решение, — сказал наместник. — Пригните пять сотен строевых лошадей. Войску нужны скакуны.

Маналы вздохнули и согласились.

— А также по два капа проса с каждого айла. Войску нужна пища.

Маналы опять вздохнули и тоже согласились.

— Это еще не все. Вы также оплатите все издержки на восстановление Бишкека и выставите тысячу человек для кладки новых стен.

И с этим пришлось согласиться родоправителям. А что им оставалось делать?

Когда они покинули негостеприимный шатер наместника, старый Джангарач сказал пожилому Байтику:

— Легко отделались. Была бы голова здорова, а волосы отрастут. Канаат мог бы разграбить наши айлы, перебить людей. Вот сколько пригнал войска!

— Ему теперь не до нас. Русские сидят у него на затылке. С ними шутить не приходится, он это понимает.

* * *

Во второй декаде октября 1860 г. войска Канаата выступили к Узун-Агачу.

Навстречу ему двинул все наличные силы начальник Алатавского округа полковник Г. А. Колпаковский. В долине реки Каракастек противники встретились.

У Колпаковского было около двух тысяч человек: пехота, казачьи сотни, сильная артиллерия.

Канаат вел против неверных двенадцати-пятнадцатитысячные войска, в основном конницу, вооруженную пиками и саблями. Пехоты насчитывалось тысяча сарбазов, набранных из всякого сброда, а также из рабов, купленных на базаре. Плохо обученные, скверно вооруженные (те же пики, сабли, изредка ружья старых образцов), эти части не могли идти ни в какое сравнение с русскими регулярными войсками. Еще одна пехотная часть 600 наемных «кызыл-башей» (персов) тоже не представляла особой ценности.

Несколько медных и чугунных пушек, заряжающихся с дула (так называемых «китайча»), составляли артиллерию. Их везли на скрипучих двухколесных арбах. Два десятка верблюдов тащили тяжелые фитильные ружья, стрелявшие картечью. Боеприпасы везли в особых сундуках.

Строевой состав кокандской армии состоял в основном из южных кыргызов и кыпчаков. Были и отряды под командой знаменитого алайского владетеля Алымбека-датхи — около четырех тысяч человек. Именно с их действий началось военное столкновение: Канат-Ша поставил перед Алымбеком задачу: овладеть пикетом Узун-Агач.

В течение 19–20 октября Алымбек-датха предпринял несколько атак на укрепление, но был отбит с большими потерями. У начальника Узун-Агачского пикета поручика Соболева было всего 350 солдат и казаков при двух легких орудиях: именно эти орудия и залпы стрелков остановили джигитов Алымбека. Современный историк пишет: «Кыргызы... вооруженные главным образом пиками и саблями, создавали много шума и крика, носясь нестройными толпами вокруг пикета, но (больше) решительных атак не предпринимали».

Узнав о неудаче, канат решил всеми силами обрушиться на отряды Колпаковского, надеясь подавить врага численностью. Колпаковский в это время двигался к кокандскому

лагерю в долину реки Кара-су. Канаат разделил войска на две колонны. С развернутыми знаменами под бой барабанов и завывание боевых труб кокандцы пошли в атаку. На окрестных холмах виднелись скопления всадников — джигиты Алымбека наблюдали за развертывающейся панорамой сражения.

Колпаковский, учитывая малочисленность своих частей, выдвинул вперед артиллерию и открыл шквальный огонь. Силу этого огня почувствовали и кыргызы, стоявшие на холмах.

...В этом бою Шабдан Джантаев впервые увидел армию европейского образца в действии. И был потрясен. Стройные роты со сверкающими штыками, повинующиеся единому слову начальников, лихие казачьи сотни на флангах и, главное, пушки, пушки, пушки! Когда сипаи пошли в атаку, первые ряды были буквально сметены ураганной картечью. До рукопашной дошло лишь в отдельных местах — все дело решили полевые орудия капыров. Это было что-то ужасное. Армия хана откатилась...

Во время этого сражения Шабдан совершил поступок, который привязал к нему сердце ташкентского кушбеги. Когда армия побежала, канаат с кривой саблей наголо вылетел навстречу конникам и завертелся между ними. Голос его прервался сквозь гром пушек.

— Куда, несчастные! Позор вашим отцам! Остановитесь! Аллах акбар!

Джигиты с посеревшими от ужаса лицами пронеслись мимо. Вот картечь свалила одного, другой покатился в снег вместе с лошастью.

Еще один мчался с оторванной рукой, кровь хлестала на халат.

Следом за конниками бежали пехотинцы-сарбазы с обезумевшими глазами. Роты преследовали их скорым шагом, беглый ружейный огонь безостановочно выдерживал одного, второго, десятого...

— Кокуй! Аллах! — кричали сарбазы.

Что могли поделаться они со своими пиками и саблями? Ударила картечь и скакун командующего, стоивший годового хараджа с целого селения, с жалобным ржанием пал на передние ноги, потом лег набок.

Кушбеги мрачно шагал по окровавленному истоптанному снегу, последние сарбазы перегоняли его. Все пропало... погребло. Как это могло случиться... Он пришел в себя, когда два спешившихся джигита взяли его под локти. Он узнал Шабдана и его слугу Баяке.

— Беклербек! Садись на моего коня! Смотри: оруссы приближаются.

— А как же ты? — анат слабо возражал, но уже вставлял ногу в стремя.

— Мы и на одном ускачем. Быстрее, быстрее! Вон джигиты орусов обходят нас с левого крыла.

Слева неслась казачья сотня, преследуя беглецов. Когда ташкентский правитель ускакал, Шабдан взгромоздился на круп сзади Баяке и они понеслись.

Недалеко бы ускакали двое на одной, но случилось то, на что Шабдан и рассчитывал: по полю металось множество лошадей без всадников. Аркан захлестнул шею скакуна и вот уже двое на двоих несутся прочь...

Казак замешкались самую малость.

* * *

Вечером 21 октября Канат-Ша собрал военный совет. На нем присутствовали виднейшие кокандские военачальники: пансаты (пятисотники) Ниязкул, Керимкул, Мулла-Кашук, парваначи Рустамбек, начальник ташкентских отрядов Шамаат-ходжа, Алымбек-датха Алайский, коменданты крепостей Мерке — Убайчи и Пишпека — Рахматулла.

— Я предлагаю вторично напасть на Узун-Агач, — сказал главнокомандующий. — Силы еще у нас есть.

— Опять попасть под чугунный град пушек! — воскликнул Рустамбек.

— Нужно действовать быстро и решительно. Калпак не ожидает сейчас удара, — возразил Канат. — Не можем же мы уйти, не победив врага!

Рустамбек полагал, что можно. Ушел же он, битый от Циммермана. Почему бы и канаату не очутиться с ним в одной упряжке?

— Мои ташкентцы на верную гибель не пойдут, — вступил Шамаат-ходжа. — Аллах дал правоверным жизнь не для того, чтобы ее отобрали капыры.

— А что скажет парваначи Алымбек?

Мрачный Алымбек ответил:

— Мои джигиты привыкли иметь дело с подобными себе. Пиками, саблями, боевыми топориками они владеют в совершенстве. Но против этих чудовищ, которые плюются раскаленными кусками чугуна и железа, я их не пошлю. Пожалуй, завтра уведу их домой. Советую беклербек присоединиться к нам.

— А что скажут пансаты?

Пансаты в один голос твердили:

— Благородный, уважаемый, достопочтенный беклербек сам видит: наше войско в тяжелом положении. Провиант на исходе. Снег покрыл землю. Наступили морозы. Люди одеты легко, а те, что из южных вилайетов — совсем плохо. Все ропщут, а ропот войска опаснее любого врага. Надо уходить.

— Но что мы скажем хану? — в отчаянии спросил канаат.

Алымбек надменно ответил:

— Скажем, что победили. И это будет правдой: мои лазутчики донесли, что Калпак со всеми своими сипаями отступил и ушел по дороге в Верный.

Сражение при Узун-Агаче навсегда положило конец господству кокандцев в Северном Кыргызстане. Родопраритители северо-кыргызских племен убедились в неспособности ханства противостоять русским войскам. У солтинцев, сарыбагышей, бугинцев не было никаких оснований для верности кокандскому трону — от ханской власти кроме всяческих притеснений, бесконечных поборов, а то и прямо грабежей они ничего не видели.

Чаша весов склонялась на сторону России.

Отступив в Чуйскую долину, войска канаата вскоре ушли и отсюда. Надвигалась зима. Кушбеги, организовав срочные работы по восстановлению Пишпека, отбыл в Ташкент. Перед этим он вызвал к себе Шабдана:

— Коран говорит: каждому да воздастся по делам его. Ты совершил подвиг, достойный песнопений. Хочешь остаться беком в Пишпеке?

— Да простит меня почтеннейший кушбеги — не хочу.

— Какова же причина отказа?

— Я не смогу собирать зякет и прочие подати с моих родичей так, как это делали Атабек-датха или Рустамбек-парваначи. Позволь мне служить хану возле тебя.

Приключения Шабдана в Ташкенте

Закончив неотложные дела, беклербек вызвал Шабдана.

— Джигит! Твой знатный род и твой подвиг, достойный песнопений, обязывает меня к тому, что я сейчас скажу. Ты отказался от бекства в Бишкеке. Платить золотыми тилла я не могу: сколько ртов! сколько расходов! По обычаю ты имеешь право на мюльк. Я даю в пользование тебе кишлак Алтын-Су. Это обельный мюльк: все предписанные законом сборы с этого селения принадлежат отныне тебе и ты можешь не вносить в ханскую казну ни единого пула.

Кишлак небогатый, но у меня нет пока лучшего. Потряси как следует жителей, и они развяжут пояса.

Узнав о награждении Шабдана, к нему подступили два приятеля: Пасим-Кулак и Али-Шир.

— Знаем этот кишлак. Он ничтожен, однако может приносить доход, если взяться умеючи, — сказал Пасим-Кулак.

— Надо поехать туда, все осмотреть хозяйским глазом. Если доверить дела амлякдару (сборщику налогов), тот непременно присвоит половину, — добавил Али-Шир.

— Мы поедem с тобой! — вскричал Пасим-Кулак, хлопнув Шабдана по плечу. — Ты неопытен, а неопытность подобна слепоте.

...Кишлак был приметен еще издали — по молодым полям. При ближайшем знакомстве он оказался маленьким, жалким, состоявшим из трех десятков лачуг в окружении огородов и совсем еще молодых садииков.

Али-Шир пояснил:

— Малля-хан, Повелитель наш, будучи в Ташкенте приказал устроить здесь селение, распахать бросовые земли. Из окрестных селений пришли безземельные и осели здесь: хан освободил их от податей на целый год. А потом еще год владел этим мюльком парваначи Рустамбек. Боюсь, он обобрал жителей до нитки и тебе нечего будет с них взять.

— Всегда можно найти, что взять, если умеючи, — заметил Пасим-Кулак.

— С одной овцы две шкуры не снимешь, — сказал Шабдан. — Но сначала увидим, потом решим.

У околицы гостей встретила небольшая толпа: угрюмые лица, рваные халаты. Лишь один человек имел свежее лицо и добротный халат.

Он принялся восклицать:

— Прибыли господа, подобные звездам! На колени, ничтожные, перед светлейшими беками!

Толпа рухнула на колени.

— Кто ты, о человек? — спросил Али-Шир,

— Я амлякдар на службе солнцеподобного хана.

— Ты больше не надобен. Это владение отныне принадлежит вот этому беку. Вот грамота на мюльк. Передай это своему серкеру (начальнику округа). Ступай. Кто из вас старший? — обратился он к толпе.

Выступил худой как жердь человек в рваном халате с козлиной бородкой.

— Я кишлачный аксакал Бабаджан, сын Амиджана.

Али-Шир и Пасим-Кулак расхохотались:

— Ну и аксакал! Сухая урючина.

— Я такой же чайрикер, как и мои соседи, а чайрикеры пузатыми не бывают.

— Ну и чайрикер! Кожа да кости, как ты не рассыпашься на ходу.

— Верно, господин, — ответил аксакал. — Кожа да кости — главное. Друг другу помогают. Кости держат кожу, чтобы не опала, а кожа — кости, чтобы не развалились, хотя известно, для тощей лошади и хвост — в тягость.

Гостей некуда было даже пригласить — для таких важных лиц жалкие мазанки, разумеется, были непригодны. Беки зашли в мазанку Бабаджана — на улице стоял мороз.

— Эй, а где угощенье? — спросил Пасим-Кулак.

Бабаджан поклонился.

— Я послал в соседний кишлак за китайским чаем. Сейчас прибегут.

— Прибегут? Что же, в кишлаке нет коня?

— Нет, пресветлый бек. Был один ишак, на нем уехал вчера за хворостом другой ишак по имени Максут и у него отобрали первого ишака сборщики хана.

— По какой причине?

— Он не смог уплатить отун-пули (подать за право собирать курай, хворост на топливо). Не нашлось самой мелкой монетки.

— Что же, во всем кишлаке нет денег?

— Нет, сиятельный бек. Все забрали сборщики.

— Да вы просто лентяи, потому и бедны! Разве не знаешь поговорку: будешь работать — к зиме оденешься, не будешь работать — всю зиму дрожать придется.

— Начальник что ни скажет, все правда! — ответил Бабаджан. — Только я всю жизнь работаю, — он показал свои руки. — И каждую зиму дрожу, — он потряс своим рваным халатом.

— Трудолюбие — отец достатка, бережливость — мать его, — поучал Али-Шир. — Если есть с оглядкой — останется целый баран; если есть умеренно — останется половина, если есть до отвала — что останется?

— Золотые слова, — подтвердил чайрикер. — У меня четвертый год один баран — и все целый...

Подали чай и к нему три просыные лепешки, серые от золы.

— Что это такое? — спросил Пасим-Кулак брезгливо. — Разве такой хлеб подают бекам?

Бабаджан поклонился в пояс.

— Да простит Высокорожденный мое жалкое слово: нет пшеницы во всем кишлаке. Сборщики нашего великого хана забрали в счет хараджа.

Али-Шир сделал глоток, скривился и выплюнул. Остатки плеснул в лицо Бабаджану:

— Пес! Да подавится твой отец таким чаем!

— Наглость твоя не имеет предела, — поддакнул Пасим-Кулак и пнул хозяина сапогом.

Шабдан тоже глотнул — отвратительный, чуть теплый напиток, похожий на ополоски.

Бабаджан кланялся, глухо бубнил:

— Сейчас будет мясо. Барана уже зарезали, хворост притащили.

Наконец подали баранину, а в щербатых кисах — крепкий бульон, сдобренный травами.

— Где соль? — скривился Али-Шир.

Бабаджан забеспокоился, раскрыл рот, но в это время вбежал запыхавшийся мальчишка с крошечным кулечком в руке.

— Вот соль, — Бабаджан развернул кулечек, положил перед гостями.

Пасим-Кулак недоверчиво разглядывал крупнотолченую соль: в ней темнели крапинки песка.

— Что же, у вас в кишлаке другой соли нет?

— У нас вовсе нет соли, еще в прошлом месяце кончилась. Пришлось посылать к соседям.

— Почему же вы не послали человека в соляные копи?

— За добычу соли тоже надо платить подать, — намак-пули.

— Никогда не поверю, чтобы кишлачному жителю нечего было продать на базаре и выручить десяток таньга! — сказал Али-Шир.

— А что продать? Все забрали доблестный парваначи Рустамбек и амлякдары. А если и повезешь полмешка урюка — что за него выручишь? За переправу требуют пошлину — кеми-пули, за место на базаре — пошлину — тегиджай. Если останется одна таньга, то ее не хватит уплатить за арычную воду — су-пули (а ведь арык мы сами проводили), чтобы было чем полить ту самую урючину.

— Так сложитесь и продайте одного барана — он стоит три тилла. Этим вы с избытком покроете все базарные и арычные пошлины. Или скажешь, у вас и баранов нет?

— Было несколько, да их забрали сборщики: одних в счет зякета, других — как подать с гумна. На весь кишлак осталось два барана, одного опять-таки забрали сборщики, потому что нам нечем было уплатить пошлину за пользование пастбищем — кок-пули.

— А второго?

— Второго подали вам.

— Послушать тебя, так у вас все сборщики забрали. Сдается мне, — Али-Шир обратился к Шабдану, — этот

староста — большой плут. Зря мы отпустили амлякдара — тот бы мигом нашел все, что эти бессовестные припрятали. Советую тебе: проучи его хорошенько, да пройдишь по дворам — сразу все отыщется.

Шабдан невольно вздохнул. Ему вспомнились многочисленные поборы, которыми ханские сборщики облагали его родные кочевья. Алал-зякет — по овце с каждой полусотни, иной раз — из сорока. Тюндюк-зякет — еще по одной овце с каждой юрты. И еще харадж — по три овцы с гумна, ведь кочевники обязательно имеют пашни, иначе где взять пшеницу и просо для лепешек, талкана, бозы, джармы? А золотая тилла — монета, равная цене трех баранов? Ее собирали раз в несколько лет на военные нужды, последнее время собирали каждый год.

И это еще не все. Кокандские власти требовали с сарыбагышских и солтинских родов каждую осень до 5000 пудов проса и пшеницы — на прокормление гарнизонов. Помимо всего этого, приходилось еще и кормить зякетчи, которые из осторожности ходили большими партиями.

За что про что все эти подати? Казии говорят: так велит шариат. Но земля с незапамятных времен принадлежала сарыбагышам, бугинцам, солто, саякам — причем здесь кокандский хан и его сборщики?

— Эй, староста! — сказал наевшийся Пасим-Кулак. — Поддай-ка мне вашего насвая, свой я забыл дома.

— Пусть простит господин печальное слово, но у нас во всем кишлаке нет насвая.

— Что же, вы не сеете табак?

— Посеяли немного, но его забрали сборщики в счет табачной пошрины — тамбаку-пули...

Пасим-Кулак так рассвирепел, что бедный староста в страхе выскочил за дверь.

— Я здесь больше не останусь, — кричал бек. — Сейчас же возвращаюсь в Ташкент!

— Я тоже, — поддержал Али-Шир.

— Я остаюсь, — отозвался Шабдан. — Надо же разобрататься с жителями.

— Советуем взять десяток сипаев и потрясти здешних скряг: без плетей и таньга не вытрясешь!

* * *

После ужина Шабдан вышел познакомиться с жителями кишлака. Они уже собрались у мазанки старосты — молодые, старые, прямые и сторбленные, в рваных халатах и жалкой обуви из сыромятной кожи. В толпе он заметил молодого парня в кыргызской шапке. На вопросы бека парень ответил: да, он кыргыз с Алая, живет вон в той мазанке пока один, жены нет — на калым средств не хватает. Да еще пошлина за женитьбу.

Шабдан велел парню отвести коня себе во двор.

В толпе перешептывались:

— Будет у него ночевать. Беда Ибрагиму: ведь у него только одна кошма да рваное одеяло — подушки и той нет! Надо собрать по дворам, иначе все мы отведаем плетей.

* * *

— Не бойся меня, парень, — сказал Шабдан. — Я вижу, ты беден. Угощения больше не нужно. Разве что принеси чаю — жажда одолевает.

Приняв пиалу, Шабдан протянул хозяину три золотые монеты, на каждой было выбито имя Малля-хана.

— Вот тебе на калым...

У Ибрагима глаза полезли на лоб. Он стоял как истукан.

— Бери, не бойся. Да садись, побеседуем. Я тоже кыргыз. Из сарыбагышей. Расскажи мне, как ты оказался здесь.

Ибрагим присел в отдалении, у самого порога. Лед недоверия растаял: золотые тилла оказали магическое действие. Поощряемый доброжелательной улыбкой и сочувственными возгласами удивленного бека, он неожиданно для самого себя рассказал все.

Когда-то давным-давно саякский бий Жамболот, дед знаменитого Тайлак-батыра, вывез предков Ибрагима с берегов реки Или. Жамболот прославился разбойничьими набегами на близких и дальних соседей. Из его пленников в Центральном Тянь-Шане со временем даже образовались маленькие роды — осколки соседних племен и народов: кытай, мундуз, кыпчак, саруу, калмак, таджик, казах. Прадед, дед и отец Ибрагима были рабами. И сам он от рождения наследственный раб — кул.

Каждый джигит должен знать семь поколений предков — джети ата. Он, Ибрагим, знает только четыре. Да и позволительно ли рабу иметь свою родословную? Он запомнил из рассказов умершей матери, будто ее отца выиграл как приз на скачках отец Алымбека-датхи Алайского. С тех пор они жили на Алае. Что может быть тяжелее рабской доли? Отец погиб при снежном обвале, спасая хозяйских овец. Мать умерла от укуса ядовитого клеща. Сам Ибрагим с детства был приставлен к Абдулла-беку, старшему сыну Алымбека-датхи и Курманджан. Молодой хозяин отличался властным и жестоким нравом, у раба выявился строптивый характер. Поэтому плети, зуботычины ему доставались каждый день.

Он не выдержал и сбежал. Поймали. Абдулла-бек лично задал ему знатную трепку и, не желая терпеть дерзкого подле себя, велел продать в Оше на базаре.

Правили в то время Кокандом Худояр-хан и тесть его кыпчак Мусульманкул. Тогда впервые некоторых преступников, приговоренных к смертной казни, стали отправлять на страшный свинцовый рудник Кан-и-Гут («Рудник смерти»). Попал туда и раб Ибрагим.

В глубине гор есть прикрытый со всех сторон холмами большой грот. Внутрь ведет узкий лаз. Там, под землей, он разветвляется на многие лазы, ведущие к рудным жилам.

Ходы тянутся на много сотен гязов, то сужаются так, что еле-еле пролезть тощему человеку, то расширяются

в залы и комнаты величиной с юрту — в таких местах выработали всю свинцово-серебряную руду многие поколения рудокопов при свете чадящих факелов.

Иногда в заброшенных штольнях встречаются кости и черепа. Попавшему сюда нет обратной дороги в мир, где зеленеют пастбища, блеют бараны.

Целый день несчастные долбят эту руду, из которой потом делают свинец для ружей и звонкие таньга. А того, кто возвратится из лаза с пустыми руками, стражники убивают на месте.

— Как же ты вырвался оттуда? — спросил Шабдан.

— Со времени цветения маков до времени откочевки на зимовье долбил я камень в горе. А потом... однажды... смеркалось... я вылез наружу с рудой, убил стражника и убежал...

Шабдан долго молчал, потом залез в пояс, вынул оттуда еще золотую монету и протянул Ибрагиму:

— Добавь к калыму... Ты настоящий джигит.

* * *

Наутро Шабдан уехал. Он твердо решил отказаться от пожалованного ему мюлька.

Сельчане собрались у мазанки Ибрагима (он никому не сказал о подарке бека, ведь соседи потребуют дележа. И тогда прощай навек мысли о женитьбе).

Старый Максут (тот, у кого отобрали последнего ишака) покачал головой:

— Как жить дальше? Там — ханские сборщики, здесь бековые сборщики. Заблещь — волк сожрет, не заблещь — чабан зарежет.

— Слушай, — спросил кто-то у старосты, — то, что поменялся у нас хозяин, — лучше или хуже?

— Какая разница! — отвечал Бабаджан. — Белая собака, черная собака — все равно собака. А теперь вот что скажу я вам, земляки. Был у меня баран, и того съели

гости. Что осталось? Эта развалюха, кетмень да рваный халат. Брошу все, пойдем-ка мы с халатом вдвоем в хадж.

Сельчане разом загомонили:

— Одумайся, Бабаджан! Куда от земли, от крыши?

— Утке потоп не страшен. Мертвый бык топора не боится. Когда ничего нет, и заботиться не о чем. Тридцать лет пытался жить я трудом рук своих, а что получилось? Живут беки да баи, а тот, у кого кетмень в руках, сам в булыжник превратится. Верно, что пеший конного не догонит.

Бабаджан запахнул полы драного халата, поклонился односельчанам:

— Да пребудет с вами Аллах. Пойду.

— Не делай этого! Везде есть беки, везде достанут ханские сборщики. К тому же говорят, на дорогах развелось много разбойников. Последнее отнимут.

— Чего мне бояться? С голого и семерым шайтанам штанов не снять. Прощайте.

Осада Ташкента

В самом начале весны 1862 г. весь Ташкент был взбудоражен известиями, поступившими из столицы. Их привез гонец на взмыленной лошади. Онбаши (десятник), охранявший ворота Карасарай, сразу узнал его: доверенное лицо Канат-Ша, сотник Пасим-Кулак. Вид у него был истерзанный. Он только сказал: «Большая беда» и добавил: «Скорей к беклербеку».

Канат-Ша принял гонца в личных покоях и коротко побеседовал. После этого был созван военный совет. Присутствовал и сотник Шабдан.

Вот что рассказал гонец.

В ханской ставке Урде давно уже плелись нити заговора. Многие высокопоставленные лица из ханского окружения были недовольны тем, что Малля-хан стал оказывать

предпочтение людям из коренной кокандской знати в ущерб могущественным предводителям кочевых родов. Он обладал Канат-Ша, чем вызвал зависть Алымбека, Алымкула и других.

И вот, в ночь на 24 февраля, когда дворец погрузился в сон, раздались крадущиеся шаги заговорщиков. Стража оказалась подкупленной. Алымбек, Алымкул, Кыдыр, датха Худай-Назар, мирза Мад-Ибрагим, и с ними еще трое, ворвались в спальню Малля-хана и убили его. А на другой день ханом был объявлен Ша-Мурат (Самрат) — сын давно убитого Алим-хана. В мечетях провозгласили здравницу новому повелителю,

— Более того, — рассказывал Пасим-Кулак, — собирается целое войско идти на Ташкент, сместить почтенного беклербека, а все наши головы отдать палачу. Я еле прорвался через заставы и за гнал трех лошадей.

— Что будем делать? — спросил Канаат. — Говорите.

— Может быть, следует поднять кочевников?

Все посмотрели на Шабдана. Тот молчал.

— Нет, — сказал Кушбеги. — Казахи связались с русскими, а чуйские кыргызы не пойдут: только что бишкекский бек закончил сбор зякета и они раздражены. Сделаем по-другому. Соберите всех сарбазов и джигитов в город. Укрепите стены. Готовьте оружие. Мы будем обороняться здесь. Я уже послал Али-Шира в Бухару за Худояр-багатуром. Он царствовал, он законный наследник трона своего отца Шералы. Как только он прибудет, провозгласим его повелителем правоверных. Тогда многие отойдут от Ша-Мурата. Аллах акбар!

* * *

Пятьдесят два дня кокандские войска осаждали Ташкент. С высоких крепостных стен были видны многочисленные отряды всадников — то южные кыргызы и кыпчаки. Сарбазы, завербованные из бадахшанцев, афганцев и даже

индийцев, раскинули большой лагерь, обставленный телегами, напротив ташкентских ворот Карасарай.

Изредка с обеих сторон постреливают медные и чугуновые пушки; от них много шума и мало пользы.

Кокандские предводители рассчитывали на скорую сдачу Ташкента. Но опытный военачальник Канаат-Ша успел хорошо подготовиться. В крепости значительный гарнизон, запас продовольствия велик, оружия достаточно. Осажденные чувствовали себя уверенно и с азартом участвовали в словесных перепалках с противником.

— Эй, собаки Канаата! — кричали снизу. — Погодите! Возьмем Ташкент и повесим вашего кушбеги вместе с Худояром на воротах. Переходите к нам, не опоздайте!

— Суньтесь только! — отвечали со стен. — Вот подпалим вам бороды — собственные жены не узнают!

Вечером того же дня Шабдан прогуливался вместе с Баяке по стене, разглядывая вражеский стан. Вдруг снизу он услышал знакомый голос:

— Щедрый господин!

Это был голос Ибрагима. Шабдан спросил для верности:

— Это ты, алайский беглец?

— Сбросьте конец аркана, щедрый господин.

Небольшой аркан у Баяке всегда с собой. Стена здесь не очень высокая, должно хватить. Что задумал Ибрагим? Вдвоем они стали быстро перебирать потяжелевшую веревку.

Кто-то заметил движение на стене, послышались громкие крики, просвистела стрела, грянул ружейный залп. Ибрагим тяжело перевалился через зубцы.

— Немножко ранили. Пустяк. Чуть не схватили.

У чайрикера оказалась содрана кожа на боку — от удара пикой и разорван халат.

Ибрагим рассказал: его насильно забрали в сарбазы и пригнали к стенам Ташкента. Селение разграбили до чиста, жители разбежались.

— Завтра они собираются брать приступом город. Я слышал: сарбазы будут наступать на ворота Карасарай.

Шабдан доложил беклербеку. Канаат опять созвал военный совет.

— Если сообщение верно и люди Самрата пойдут на приступ, надо сделать вылазку. Нельзя допустить, чтобы разбили ворота. Приготовьте храбрецов, вызовите охотников.

Наутро кокандцы осыпали защитников тучей стрел, палили из ружей, долго и безрезультатно бабахали из пушек. Потом притащили огромное бревно и под прикрытием деревянных щитов принялись разбивать кованые створки ворот.

— На вылазку! — приказал Канат-Ша.

— На вылазку! — скомандовали пансаты и туббаты.

Сипаи столпились у стен и ворот. Снаружи тяжело бил таран.

— Вперед, трусы! — кричали начальники.

Сипаи толкали друг друга локтями, переглядывались, но ни один не решался начать. Да и зачем им это нужно? За нищенское жалование?

Канаат, видя нерешительность своих людей, сказал с горечью:

— Неужели не найдется ни одного храбреца? Аллах, Аллах, зачем я дожил до этого дня?

Шабдан толкнул в бок Баяке.

— Ага! — сказал Баяке. — Можно через стену. А вот и лестница.

— Дозволь нам попробовать, — обратился Шабдан к беклербеку.

— Бери сотню молодцов и начинай с помощью Аллаха, — обрадовался тот. — А вы, — он грозно обернулся к притихшим сипаям, — если не последуете за храбрецами, горе вам!

Шабдан и Баяке подтянули лестницу к стене и полезли вверх. С ними полез и Ибрагим.

Важно начать первому. Тотчас десятки лестниц привалились к стене и сипаи, гремя саблями, дружно устремились на стену. Быстро перекинули лестницы на ту сторону. Шабдан, Баяке и Ибрагим спрыгнули первыми, за ними посыпались сипаи.

Осаждавшие с воинственными криками устремились навстречу. Завязалась рукопашная. К тем и другим беспрестанно прибывали подкрепления и скоро побоище стало всеобщим. Открылись ворота Карасарай, и сам беклербек во главе тысячи джигитов бросился в сечу.

С обеих сторон пало много людей. В конце концов ташкентцы взяли верх и кокандские войска обратились в бегство. Их гнали до самого лагеря.

Кокандцы вынуждены были снять осаду и отойти в ожидании подкреплений.

Но вместо этого к городу подошел Худояр с трехтысячным бухарским войском.

Тогда осмелевший Канаат повел своих сипаев на кокандцев. В том бою Шабдан опять отличился. Пятьсот сарбазов под его командованием ударили во фланг неприятеля и опрокинули его левое крыло. Опасаясь окружения, враги отступили к Коканду.

За подвиги Худояр-хан по представлению Канаата назначил Шабдана Джантаева Беком в Азрет-Султан (г. Туркестан).

Такая милость пришла совсем не по душе батыру. Но что делать? Пришлось благодарить. Шабдан все-таки ухитрился выпросить отсрочку для поездки на родину, Участливый Канаат помог, шепнув хану:

— Пусть едет. Влияние его на сородичей велико. Он, как верный слуга солнцеликого хана, донесет в те края весть о нашей великой победе.

Кокандская крепость Пишпек

Двое всадников подъезжали к знаменитой кокандской крепости Пишпек. Издалека были видны ее серые зубчатые стены, массивные угловые башни.

Кони шли полукарьером, всадники обгоняли многочисленных пешеходов, арбы и целые кавалькады окрестных скотоводов, трясшихся на неказистых лошадаках. Навстречу двигался такой же поток. Была пятница, и по этому случаю у стен крепости собирался базар. Крепость построили очень удачно — на перекрестке скотопрогонных и торговых путей, в самом центре Чуйской долины.

Когда подъехали ближе, шумный базар предстал перед ними во всей своей пестроте. В одном месте блеяли бараны под пристальным присмотром пастухов. В другом — кокандские купцы разворачивали перед покупателями целые тюки разноцветной хлопчатобумажной ткани. Тут гончары продавали свой товар, там кузнецы стучали молотком о наковальни, ржали кони, и все это покрывал говор людской толпы. Повсюду поднимались дымки от раскаленных жаровен, и дразнящий аромат жареной баранины заставил путников слотнуть слюну.

Один из них сказал, указав камчой на стены:

— Крепость-то перестроили. Стены выросли и зубцы на них исправны. А каждая башня — как малая крепость... Еще в Ташкенте я слышал: здешний бек Рахматулла — дельный человек. Теперь он может потягаться с урусами.

Второй покачал головой:

— Э, Баяке, не то говоришь. Вспомни Узун-Агач, ведь мы там вместе были. Разве устоят эти глиняные стены, вытяти их хоть до небес, против пушек русских?

— Вон, я вижу, на стенах тоже поблескивают пушки...

— Разве медные пушки кокандцев сравнятся с русскими? Все равно, что вороне тягаться с беркутом. Я уже не говорю о русских ружьях.

Двое всадников подъезжали к знаменитой
кокандской крепости Пишпек

Разговаривая, всадники подвигались к воротам. Под самыми стенами приютился целый городок — несколько сотен мазанок. Вились узкие улочки — еле протиснуться арбе. Более широкая дорога вела к мосту через ров; здесь стояло приземистое строение с высоким дувалом вокруг — местный караван-сарай.

У раскрытых крепостных ворот (по случаю базара) стража играла в кости. Рослый онбаши — начальник десятки — поднялся и лениво спросил:

— Кто вы и какая у вас нужда в крепости?

Всадник поменьше ростом выехал на полкрупа вперед и потряс свитком с печатями:

— Шабдан Джантаев, бек города Азрет-Султана. Прибыл к Рахматулле-датхе по велению Канаат-Ша. Должен передать это послание в его руки.

Они въехали через ворота. Шабдан услышал надтреснутый старческий голос:

— Благородный бек!

К ним семенил сгорбленный старичок с клюкой. Шабдан сразу узнал его: это был известный всей округе «хранитель ворот». Человек этот жил в крепости со дня ее основания. Прибыл он сюда молодым сарбазом вместе с Лашкар-кушебечи (в 1825 г.). Здесь и состарился. Тридцать лет он охранял эти самые ворота, знал множество кочевников в лицо, а также их родословную и этим самым был необходим пишпекским бекам (они часто сменялись) как ходячий справочник. Три года назад Шабдан помог ему с калымом, когда старик вздумал женить единственного племянника. С тех пор «хранитель» испытывал к молодому сарбагышскому манану искреннюю благодарность. Теперь он доживал свой век в мазанке у ворот.

Приблизившись, старик опасливо оглянулся и прошептал:

— Не ходи к датхе.

— Почему?

— Ох, не ходи. Беда может случиться.

— Какая беда?

— Твой отец... — старик метнул взгляд в сторону, испуганно замолчал, повернулся и засеменял прочь.

Осмотревшись, Шабдан заметил человека, наблюдавшего за ним издали. Человек как человек, тощий, в цветной бадахшанской чалме.

Всадники поехали дальше. В самой крепости располагался еще один город. Здесь мазанки были чуть лучше, в ином дворике виднелось одинокое урюковое или тутовое деревце. Во внутреннем городе жили поселенцы из самого Коканда — ремесленники, купцы, сипаи, ушедшие на покой. За плоскими крышами вздымалось второе кольцо стен — вокруг цитадели. Эти стены были еще толще и выше, чем наружные. И здесь, по случаю базарного дня, улочки полны народа, отовсюду раздается перестук молотков и зазывные крики продавцов из многочисленных лавок.

Шабдана опять окликнули. На этот раз он спешился и подошел к пятерым джигитам, угощавшимся бешбармаком из общего блюда. Ему и его спутнику Баяке почтительно уступили место, пригласили к трапезе. Шабдан признал в них родственников солтинского манапа Байтика Катаева, а одного даже знал по имени — Кокум Чайбеков, младший манап, крепкий детина с богатырской ухваткой.

После коротких взаимных приветствий и вежливых вопросов Кокум, оглянувшись, сказал:

— Если ты идешь к Рахматулле, да будет проклято его имя, не делай этого.

— Почему?

— Может случиться беда... Начальник урусов Колпак (Колпаковский) взял Мерке...

— Что такое вы говорите? И почему в таком случае вы находитесь здесь?

— Так повелел наш родоправитель. А ты уходи из крепости немедленно. Твой отец...

— Поздно! — сказал второй джигит. — Вон идет Доссарык.

К ним приближался тощий человек в цветной бадахшанской чалме. На лице его бродила кривая улыбка:

— Я вижу у вас гости...

Нетерпеливому Шабдану надоела вся эта таинственность. В конце концов, он кокандский воин в ранге бека. Отличился перед самим Худояр-ханом. Кого и чего ему бояться?

— Да мы гости! — сказал он надменно. — А кто ты?

— Я — Доссарык, верный слуга нашего правителя.

— У меня дело к твоему хозяину, — сказал Шабдан, поднимаясь.

— Я могу проводить вас к господину.

Шабдана удивило только, что солтинские джигиты смотрели на него как-то с сожалением...

Шабдан и Баяке в сопровождении Доссарыка прошли в цитадель. Острый глаз джигита сразу заметил кое-какие изменения. И здесь стены основательно укреплены, заново оштукатурены, на них ведут через каждые десять шагов прочные лестницы. Дома наместника и других начальников выкрашены белой глиной и выглядят очень нарядно. В хаусе (бассейне) свежая вода, не подернутая ряской, как обычно. Деревца аккуратно подстрижены. Видно, рачительный хозяин этот Рахматулла, хоть и скверный человек.

— Юрты нет, — сказал Баяке.

Действительно, юрты, в которой любил жить прежний пишпекский наместник Атабек, теперь не было. Атабек был кыргызом из рода баарын.

— Наш господин предпочитает дом, — ввернул со своей кривой улыбкой Доссарык. — В саманном жилище летом прохладнее, а зимой теплее. Юрта приличествует только кочевникам. Теперь у меня вопрос к тебе, Шабдан-батыр. Достаточно ли родовит твой спутник, чтобы его принял мой хозяин? Может быть, ты войдешь один?

— Это мой молочный брат, — отвечал Шабдан. — И мы войдем вместе.

Доссарык пожал плечами.

— Позволь мне предупредить хозяина о приходе столь почтенных лиц...

На пороге их встретил сам хозяин — об этом можно было догадаться по толстому брюху, величественной осанке и парчовому халату. На груди покоилась массивная золотая (или позолоченная) цепь. Огромная, как гумбез, белоснежная чалма украшена павлиньим пером, а перо закреплено драгоценным камнем, излучающим голубое сияние.

— Возношу благодарение Аллаху за то, что Он послал мне такого гостя! — тонким голосом (какой нередко бывает у толстых людей) пропел наместник.

Важное, лоснящееся лицо его расплылось в улыбке; эта улыбка показалась джигитам ничуть не лучше доссарыковой.

Глинобитный пол застлан огромным ковром — ширдаком местной работы. Слуги тотчас подложили под локти гостей расшитые подушки. В комнате царили полумрак и прохлада. Подали горячий чай в китайских пиалах.

После вежливых взаимных расспросов о здоровье и т. д. Шабдан подал хозяину свиток, запечатанный свисающими печатями, — послание Канаата.

Рахматулла приложил, в знак глубочайшего почтения, свиток к груди, ко лбу и отдал хмурому мальчику лет десяти-двенадцати, стоявшему рядом.

— Красивый у вас сынок, — вежливо заметил Шабдан. — Сразу видно: вырастет — лихим джигитом станет.

Рахматулла погладил мальчика по голове (тот недовольно отстранился) и притворно вздохнул:

— К великому нашему сожалению, это не мой сын. Байтик, манап солто, прислал мне сына на воспитание, хе-хе.

«Чему же ты его научишь, жирный курдюк, — неприятная тревожная мысль промелькнула в голове. — Паренек

очень уж смазлив». За два года жизни в Ташкенте Шабдан кое-что узнал о нравах кокандской знати. Достаточно слышал он и о Рахматулле. Надо будет сказать Байтику: пусть любимыми путями вытащит мальчишку из этого логова.

Подали плов. Пишпекский бек расспрашивал о Ташкенте, о положении дел в ханстве и все расхваливал Худояр-хана:

— Истинный государь! При нем держава расцветет райским садом, а меч его раздвинет наши пределы до границ мира.

— Я слышал, почтенному гостю предлагали должность пишпекского бека, — вкрадчиво говорил Рахматулла. — И слышал еще: гость отказался. Правильно сделал! Разве доблестному джигиту пристойно сидеть за стенами? Он одерживает блистательные победы в поле. Это мы, недостойные, не можем послушаться повеления хана и вынуждены заниматься сварам с неразумными кочевниками.

Рахматулла начал жаловаться. С севера угрожают русские. Крепость надо усиливать, перестраивать. Сипаи едят много, требуют жалованье, а где взять средства? Кочевники бунтуют, не хотят платить Аллахом установленные налоги. Известно ли уважаемому гостю о неразумном поведении его отца Джантая?

— Я ничего не знаю, — отвечал Шабдан. — Но уверен: мой отец поступает всегда разумно.

— И это не в первый раз! — продолжал наместник. — Еще более 10 лет назад, когда наше 20-тысячное войско прибыло в Пишпек, к манапам Джантая и Боромбаю бугинскому направили приглашение встретиться для переговоров. Как же они поступили? Прислали вместо себя бедных родственников, которых и на плаху послать не стоило по причине их ничтожности.

— Я был тогда слишком мал, — сдержанно ответил Шабдан. — Не мне судить об этом. Но думаю: если бы они приехали сами, то их бы послали на плаху уж точно.

— А два года назад? Сам Алымкул, правая рука хана, прислал твоему отцу «письмо упрека». Я помню его наизусть: «Высокопоставленный датха Джантай-батыр! Свидетельствуем вам поклоны», а затем следующая речь: «Несмотря на наши неоднократные предложения, вы ни разу не отозвались, даже не прислали самой короткой бумажки»... Что же сделал Джантай сарбагышский? Он не исполнился спасительного умиления, не поспешил с почтительной благодарностью к светлomu трону падишаха вселенной. Он даже не ответил!

— Мой отец стар и неграмотен, — ответил Шабдан. — Но он послал меня служить хану. Разве этого не достаточно?

— А теперь как поступает Джантай? Этот неблагодарный отторг свой народ от светлого трона и качнулся в сторону кяфыров!

Улыбки уже не было на жирных губах Рахматуллы, глаза его сузились, лицо дышало злобой.

Шабдан был ошеломлен. Неужели отец перешел на сторону русских, не предупредив сына?

— Это наговор злых людей, — начал он.

— Твой отец от имени народа принес присягу на верность падишаху орусов. Перебежал из одной юрты в другую. Позор на его голову!

Шабдан не успел ответить. Молчавший до сих пор Баяке вскочил с подушек, глаза его метали молнии:

— Как смеешь ты, безродный, оскорблять великого манана Джантая, за которым сорок поколений предков?

Рахматулла визгливо засмеялся и хлопнул в ладоши. Вбежали рослые сарбазы. После короткой борьбы оба джигита со скрученными руками оказались на коленях: сарбазы давили им на плечи. Рахматулла выпрямился во весь рост, выпятив толстое брюхо. Тяжело сопя от ярости, прорычал:

— Сейчас мы, как говорят орусy, будем делать небольшой скандалька. Ты, Шабдан, метивший на должность

пишпекского бека, будешь сидеть в зиндане до тех пор, пока не образумишься. А тебе, — он ткнул в Баяке, — мы велим отпустить сотню плетей. Это научит тебя почтительно разговаривать с подобными мне! Уведите их!

На маленькой площадке перед домом коменданта оголенного Баяке привязали к арбе. Два рослых воина — ферганских кыргыза — стали по бокам с тяжелыми плетями. Рахматулла злобно сказал связанному Шабдану:

— Посмотрим, как угостят твоего джигита! То же самое будет и с тобой, если вздумаешь осквернить мое славное имя непристойным поношением. Начинайте!

Вокруг глазела толпа.

Свистнули плети. На спине джигита сразу вздулись рубцы.

— Ох, собаки! — закричал Баяке.

— Так! Так! — Рахматулла посмеивался, чмокая толстыми губами.

«Вззвить! Вззвить!» — свистели плети.

— Дети, внуки и правнуки собак! — кричал Баяке. — А ты, Рахматулла, — жирный кабан! Пусть шайтан утащит твою гнусную душу!

— Не ленитесь! — закричал Рахматулла. — Дайте ему как следует! Иначе сами станете на его место.

— Шакалы вонючие! — кричал Баяке.

— Помолчи, брат мой! — сказал Шабдан; лицо его передергиваюсь.

Услышав совет господина, Баяке замолчал. Рахматулла покрутился еще немного, потом ушел, наказав Доссарыку считать плети: сто — и не меньше!

Шабдан обратился к палачам:

— Вы же кыргызы! Где ваша совесть?!

— Молчи, несчастный! — злобно сказал Доссарык. — Они выполняют волю моего повелителя.

Шабдан смерил его таким взглядом, что Доссарык невольно поежился.

— Вам придется всем держать ответ перед Аллахом, — продолжал Шабдан.

Экзекуция продолжалась в быстром темпе. Шабдан заметил: после ухода Рахматуллы кыргызы ослабили удары. Но это же заметил и Доссарык.

— Вот я скажу господину! — накинулся он на палачей.

— Мы бьем правильно, — отвечали те.

— Девяносто восемь, девяносто девять... Сто! Все! — закричал Шабдан.

Кыргызы опустили плети.

— Нет, только девяносто шесть! — заявил Доссарык. — Продолжайте!

— Но мы насчитали тоже сто, — возразил один из толпы.

— Конечно, сто! — закричала толпа.

Злобно ворча, Доссарык велел бросить пленников в зиндан — глубокий колодец, покрытый сверху решеткой.

* * *

В эту ночь Баяке чувствовал себя очень плохо. Нестерпимо горела спина, во рту пересохло. Временами он бредил. Шабдан сидел на гнилой соломе, положив голову верного джигита на колени: чем еще он мог помочь.

В полночь, после того как пробили барабаны, сверху послышался шорох и на фоне ярко горевших звезд Шабдан увидел неясную тень. Что-то темное просунулось сквозь решетку, быстро поползло вниз и мягко шлепнулось на влажную глину. Шабдан услышал шепот: «Отвяжите».

«Что-то» оказалось объемистым узелком, в нем были две лепешки, бурдючок с холодной водой и бычий пузырь, заполненный еще теплым растопленным курдючным жиром.

Шабдан дал Баяке напиток, напился сам, потом осторожно промыл израненную спину джигита (тот блаженно постанывал), вытер полый халата, а затем обильно смазал

жиром. Баяке почувствовал себя гораздо легче. Правда, есть он не мог. Шабдан съел за двоих.

Значит, наверху есть друзья? Еще не все потеряно.

* * *

В зиндане они сидели целую неделю. Жалкую пищу и теплую воду им спускали на веревке раз в день. Иногда подходил кто-нибудь из сипаев, с интересом всматривался в глубь колодца и отпускал разные словечки — в зависимости от симпатии или антипатии к пленникам. Сам Рахматулла ими пока не интересовался.

Зато каждую ночь неизвестный друг спускал им на волюном аркане добрую еду и бурдючок с прохладной водой, а один раз даже с кумысом. Шабдан пытался заговорить, выяснить, кто этот неизвестный друг? Ему не отвечали — поднимался аркан, и тень исчезала.

Баяке удивительно быстро поправлялся. Голова его была полна мстительных замыслов. Шабдан останавливал:

— Сейчас думать надо об одном: как выбраться.

— А как выберешься? До верха не менее 10 локтей (вязов). Да еще и решетка.

— Ты забыл о нашем благодетеле-кормильце.

— Почему же он не отвечает на твои слова?

— Значит, пока не может. Но помни поговорку: терпеливый всегда отыщет верную тропу.

Настала пятница — день общей молитвы. Узники слышали призывы муэдзина, веселые голоса сипаев, шедших в мечеть (она располагалась здесь же, в цитадели, недалеко от зиндана). Даже сюда, в колодец, доносился дразнящий аромат жареной баранины.

Полночь. Видимый сквозь решетку клочок неба усыпали звезды — из глубины колодца их сияние кажется особенно ярким. Шабдан и Баяке ждали своего благодетеля, но он не шел.

...Джигиты крепко спали, когда Шабдан очнулся от глухого стука. Он взглянул вверх: привычного переплета решетки не было. Зато на фоне звездного неба четко выделялась человеческая голова.

— Господин! Господин!

Шабдан вскочил, проснувшийся Баяке тоже.

— Вылезайте! Вылезайте! — шептал голос. — Быстро! Вдоль стены висела лестница из кожаных ремней.

— Давай! — приказал Шабдан.

Баяке проворно полез наверх. Подождав, пока он выберется, полез и Шабдан — иначе ведь лестница могла и не выдержать сразу двоих.

Наверху оказалось двое рослых молодцов. Тихо было в крепости в этот глухой час: судя по звездам, перевалило далеко за полночь.

Один из благодетелей уже сматывал лесенку, второй начал опускать решетку. Шабдан и Баяке принялись ему помогать. Баяке, взглянув на своего спасителя, произнес:

— Э-э...

Теперь и Шабдан узнал: эти двое оказались теми самыми палачами-кыргызами.

Один из них виновато обратился к Баяке:

— Не сердись, брат. Прости нас... Мы — люди подневольные. У нас семьи в Оше. Если бы ослушались — и женам, и детям пришлось бы плохо.

Второй добавил:

— Ты сам чувствовал: как только ушел проклятый Рахматулла, мы тебя били только для вида... Возьмите на дорогу... — и он протянул узелок — точно такой они получали каждую ночь.

— Значит, это вы нас кормили...

Оба энергично закивали:

— Все ночи не спим. Помогаем вам. Рахматуллу и пса его Доссарыка боимся, а не помочь — Бога боимся, — сказал один.

— Надо спешить, — добавил второй. — Вдруг кто-нибудь проснется? Вам придется лезть через стену — на той стороне уже ждут верные люди.

Стена была широченная — по такой могла проехать арба.

— Назовите ваши имена, — сказал Шабдан. — Может быть, я сумею вас отблагодарить.

Сарбазы испуганно замотали головами:

— Нет, господин, не нужно... мы боимся. Лезьте же, во имя Аллаха.

По ту сторону стены их уже ждали пятеро — те самые солтинские джигиты, родственники Байтика Канаева, во главе с Кокумом Чайбековым.

Ни слова не говоря, вся группа прошла вдоль стены к внешним воротам. Там их уже поджидал «хранитель ворот», старый узбек. Он немного повозился — и в створке ворот открылась крошечная дверца.

— Дальше нам нельзя, — сказал Кокум. — Вы пройдете до караван-сарая, а там, у коновязей, все приготовлено.

Беглецы нырнули в дверцу, она тотчас захлопнулась за ними.

Некоторое время они шли вдоль дувалов крошечных усадеб под глухой лай собак. У беглецов не было оружия, каждое мгновение они могли оказаться во власти ночной городской стражи. Но в маленьком городке у стен крепости ночную стражу еще не завели.

Вот и приземистая ограда караван-сарая. Послышалось фыркание лошадей. От ограды отделилась тень и тихо произнесла родовой клич сарбагышей рода тынай:

— Атаке!..

Шабдан узнал старого отцовского джигита Маматая.

— Можно ехать.

Все трое сели на коней и стали пробираться по узким переулкам, вызывая злобное брехание псов за высокими глиняными дувалами. Когда миновали последнюю мазанку,

пустили лошадей вскачь. Лишь отъехав на пять полетов стрелы, остановились на холмике и посмотрели на крепость. Ее громада вычерчивалась на фоне звездного неба. Оттуда еле доносился только лай собак.

Шабдан тронул коня. Баяке погрозил в сторону своей тюрьмы:

– Проклятый Рахматулла! Ну, погоди! А ты, Доссарык, трепещи, когда наша встреча произойдет.

Звезды предвещали скорый рассвет.

Байтик Канаев

В аиле чон-манапа сарыбагышей Джантая большое событие: он женит своего любимого сына Шабдана.

На той съехались многие сотни людей со всех концов Чуйской долины. Было тут все, что положено на таком празднике: и обильное угощение, и скачки, и народные игры, и состязания поэтов-ырчи. Все были довольны, последний бедняк не ушел голодным. Размах свадьбы восхищал всех. Говорили также, что манап уплатил за невесту сына умопомрачительный калым: тысячу овец, сотни коней и даже сорок пять рабов!

Все одобрили невесту: знатна, умна, красива. Лишь старики шамкали: хоть и красива, да все не сравнится с Ак-Моор, которую получил когда-то сам старый Джантай в благодарность за разрешение долголетнего спора между саяками и сарыбагышами. Молодежь только усмехалась. Всем известно, что старики любят хаять теперешнее и говорить: «Вот в наше время!..»

И еще передавали шепотом очень нехорошую новость (о нехороших новостях на свадьбе не принято говорить)... Будто бы пишпекский бек Рахматулла надругался (сделал «бачой») над малолетним сыном солтинского манапа Байтика Канаева, славного батыра.

Возмущенные люди говорили:

— Такого позора нельзя простить. Пусть Аллах покарает гнусного развратника.

— Байтик не из тех, кто прощает такое.

— Доколе ханские наместники будут обращаться с нами, как со своими рабами...

* * *

Отгремел той, разъехались гости. Шабдан дремал в своей юрте, когда прибежал мальчишка-племянник:

— Байке! Там тебя худой человек спрашивает.

— Совсем худой? — Шабдан накиннул на плечи халат и вышел из юрты.

В сторонке, держа коня в поводу, стоял Доссарык. Шабдан от неожиданности широко раскрыл глаза, потом грозно нахмурился.

Доссарык смиренно поклонился, коснувшись пальцами земли. На губах его заиграла все та же кривая улыбка, означавшая радость от встречи. Видимо, на другую улыбку он не был способен.

— Как ты посмел явиться ко мне, пес?

Доссарык поклонился еще раз:

— Светлый господин мой Рахматулла-датха посылает Вам, уважаемый, розы привета и тюльпаны добрых пожеланий.

— Эй, Баяке! — закричал Шабдан.

Из соседней юрты выскочил заспанный Баяке. Увидев Доссарыка, он так же как и хозяин, широко раскрыл глаза, потом лицо его озарилось хищной радостью:

— Ага! Вот это добыча! Кто его доставил?

— Сам пришел, — сказал Шабдан.

— Сам, — подтвердил Доссарык. — Я посланец, а посланца вы убить не можете. Аллах, акбар!

Баяке весь дрожал от негодования, все шарил по поясу — искал нож.

— Позволь, я задушу эту собаку голыми руками!

— Сначала послушаем, — остановил Шабдан.

— Я прибыл по важному и секретному делу. — Доссарык метнул злобный взгляд в сторону Баяке.

— Э! Какие могут быть секреты от моего верного джигита. Мы оба с ним сидели в зиндане, куда ты нас засадил.

— По распоряжению датки! Я — маленький человек, делаю, что прикажут.

— А плети мои кто считал? Не ты? Да еще хотел добавив лишнего.

— Прости, уважаемый, но я и сейчас утверждаю, что плетей было всего девяносто шесть...

— Нет, я его убью! — закричал Баяке.

Шабдан движением руки остановил джигита.

— Говори свои секреты,

— Прямо здесь! — Доссарык многозначительно поглядел на юрту. — Нашу речь могут услышать нежелательные уши... Устал я с дороги... Во рту пересохло...

Доссарык знал обычай: хозяин, угостивший человека в своей юрте, уже не поднимет на него руку.

— Не будет тебе угощения! — сурово сказал Шабдан. — Ты не гость, ты — собака Рахматуллы. А собак из юрты выгоняют. Говори!

— Напрасно уважаемый сердится. Такому большому человеку недостойно мстить за маленькие неприятности ничтожеству, подобному мне... Но я пришел по важному делу. Вот хирман нашего пресветлого хана; мой господин добился его для вас, уважаемый...

Он протянул свиток с печатью. Шабдан не шевельнулся.

— Я неграмотный. Прочти сам.

Доссарык осторожно сломал печать, развернул и начал торжественно:

«Он живой.

Наше Абуль-Музаффар Сеид-Мухаммед Худояр-Багадур-хана слово.

В силу того, что плодотворная деятельность верных, преданных и покорных наших должностных лиц составляет предмет Нашего просвещенного внимания и особого Высочайшего поощрения, Мы находим возможным проявить и выразить царскую милость в отношении преданнейшего Шабдана сына Джантаева назначением его правителем крепости Азрет-Султана и начальником ея населения.

К содержанию настоящего ярлыка...»

— Стой! Достаточно. Дай-ка сюда ярлык.

Шабдан взял ярлык-грамоту и стал внимательно рассматривать ее со всех сторон.

— Разве Рахматулла ездил в Коканд? Или ему доставили ярлык гонцы хана?

Доссарык замешкался, он не ожидал такого вопроса.

— Где радость по поводу ханской милости! — вскричал он. — Где благодарность? Благолепие в лице? Дрожь в голосе?

— Что еще передал Рахматулла?

— Он расстилает ковер извинения у Ваших ног. Он клянется никогда не вытрясать из рукава несправедливости шипы обид. Во имя Аллаха Милосердного, Милостивого он призывает Верховного манапа сарыбагышей Шабдана присоединиться к войску повелителя Миров Худояр-Багатур-хана для священной войны против неверных.

— Я еще не Верховный манап, — отвечал Шабдан. — Мой достославный отец жив.

— Он стар. А ведь никто не знает, сколько отпустил Аллах человеку дней на этой земле.

— Вот именно, — сказал Шабдан. — И поэтому уверен: мой отец еще долго-долго будет управлять сарыбагышами.

— Иногда человек вмешивается в судьбу, — вкрадчиво сказал Доссарык. — По воле Аллаха, конечно... Есть извечный закон жизни... Если конь по старости не тянет арбу, его заменяют. На смену одряхлевшему скакуну приходит

молодой. Вы, уважаемый, рождены, чтобы стать опорой государства. В эти тяжкие времена испытаний только вы должны возглавить сарыбагышей. И мой господин желает помочь Вам в этом.

— Каким образом?

Доссарык достал из-за пазухи тряпицу: в нее была завернута резная коробочка, а в коробочке оказался золотой перстень с камнем. Камень — бадахшанский рубин исторг кровавый огонь.

— Эту драгоценность датка Рахматулла-бек преподносит Вам в дар с уважением и в знак искреннего расположения.

— Понимаю, — сказал Шабдан. — Я должен предложить этот перстень отцу взамен его верховной власти.

— Не совсем, — Доссарык оглянулся по сторонам. — У этого перстня есть скрытые свойства, и эти свойства таковы, что повергают иных в изумление, иных в радость торжества, а иных — в холод могилы...

— Слишком уж ты напускаешь туману, — сказал Шабдан.

— Слушающий услышит, видящий увидит... Стоит только повернуть этот перстень вот так... — Доссарык символически показал, как это делается, — и опрокинуть его над пиалой кумыса...

— И что же?

— Выпивший кумыс отправится в райские сады...

— Эй, Баяке, — сказал Шабдан джигиту, который стоял в стороне, — принеси полную пиалу кумыса. Надо угостить посланца.

— Что? Этой собаке? — вскричал Баяке.

— Выполняй! — закричал в свой черед Шабдан.

Баяке, ворча, скрылся в юрте. Скоро он вышел:

— Вот бозо. Кумыса нет. — И поставил пиалу на землю.

— Не желаю, чтобы эта собака лакала из моих рук. Я ухожу.

— Подожди, — сказал Шабдан — Ты понадобишься.

Он поднял пиалу, отхлебнул, чтобы показать, что напиток не отравлен и подставил под нос посланцу:

— Опрокидывай свой перстень... Чего уставился? Исполни!

Доссарык исполнил. Белая горошина скользнула в чашу и тут же растворилась.

— А теперь пей.

Доссарык испуганно вытянул руки вперед и сделал шаг назад.

— Хватай его, Баяке!

Джигит в два прыжка достиг бадахшанца и повалил на землю.

— Держи крепко, — приговаривал Шабдан. — Мы заставим испытать его собственное угощение.

— Ага! — со злой радостью приговаривал могучий Баяке, скрутив противника. — Да не отворачивайся, сын Шайтана!

— Горе мне! — кричал Доссарык. — Пощадите!

Баяке зажал ему нос и в открытый рот полился напиток. Доссарык глотал, фыркал, плевал, захлебывался... Зрелище не из приятных.

Когда пиала показала дно, Баяке по знаку Шабдана отпустил пленника. Доссарык сел, покачиваясь.

— Горе мне! Я отравлен. — Он сунул пальцы в рот, корчился, пытаясь вызвать рвоту.

— Ты сам себя отравил, — сказал Шабдан.

— Будьте прокляты! Прокляты до седьмого колена! Аллах! Аллах!

Лицо его посинело, глаза почти вылезли из орбит; он хватал воздух широко раскрытым ртом и вдруг повалился на траву, содрогаясь от конвульсий. Джигиты стояли молча.

— Э-эй! Что случилось? — к ним, опираясь на карагачевую палку, шел старый Джантай.

Он постоял над трупом, сказал:

— Где гонцы и начало этого дела, сын мой?

— Я все расскажу, отец. А теперь, Баяке, посмотри: узнаешь эту печать?

И Шабдан сунул под нос джигиту ярлык-грамоту.

— Узнаю. Это печать Атабека, прежнего Пишпекского правителя.

— Верно. А теперь она досталась Рахматулле по должности. Этот жирный кабан сам испек фальшивый ярлык и поставил свою печать. Он хотел этим поддельным «хирманом» заманить меня в свой капкан в надежде, что я не разберусь...

Джантай выслушал краткий рассказ и ответил:

— А теперь я скажу вам хорошую весть: манап Байтик убил Рахматуллу и с ним множество джигитов. Он держит Пишпек в осаде. А из Верного уже выступил сам «Калпак» (Колпаковский) на помощь с солдатами и пушками!

* * *

Дело обстояло так.

...Байтик приглашает Рахматуллу в гости, делает вид, что забыл обиду, упирает на то, что общемусульманские идеи должны объединять и кыргызов и кокандцев и не след ссориться.

Рахматулла-датха приехал в сопровождении 60 джигитов, хозяева поставили для гостей 10 юрт, а для главного гостя — большую юрту в центре.

После чаепития гостям начали раздаваться подарки: богатые парчовые халаты, шелка, меха, серебряные уздечки, пояса, дорогие меховые шапки и коней. В то же время несколько джигитов Байтика потихоньку подрезали у кокандских лошадей стремяна и подпруги.

Подали бешбармак. И тут Байтик-батыр хлопнул в ладоши. По этому знаку началась резня.

Рахматулла, который все время был настороже, сумел выскочить из юрты. Верные джигиты подсадили его в седло, и он помчался прочь, нимало не заботясь об остальных.

А резня продолжалась. Все же большая часть кокандцев успела вскочить на коней. Многие из них тут же свалились вместе с седлами, так как кыргызы подрезали подпруги. А те, которым повезло вскочить на коня, устремились вслед за своим предводителем. Солтинцы бросились в погоню...

* * *

В яркий солнечный день по долине мчались всадники. Их было много. Они неслись по наезжей дороге, взметая густые клубы пыли, большинство же рассыпалось по дикому полю с зеленой травой. Передние, десятка три, несколько оторвались от основной массы, но все еще похлестывали коней, будто хотели взлететь.

Впереди всех летел толстый человек в разодранном халате со сбившейся набок чалмой. Конь под ним уже хрипел, бока лоснились, пена летела с губ.

Сзади слышалось тяжелое дыхание и еканье селезенки второго скакуна — постепенно он догонял первого. Седок на нем пригнулся, правая рука сжала длинную пику.

Впереди проступили глинобитные стены и башни крепости Пишпек. На них суетились вооруженные люди. Они что-то кричали, потрясали оружием. Несколько фигур возилось у пушки, установленной вверху над воротами.

Уже совсем недалеко осталось до крепости, когда преследователь с пикой настиг толстяка. Тот, оборотив искаженное лицо с обезумевшими глазами, пытался отбить смертоносное древо камчой. Напрасно.

Оба всадника поравнялись, и один, сильно оттянув руку назад, поразил другого. С предсмертным воплем тот покатился в пыль. Конь без всадника продолжал скакать к воротам. Туда же устремились остальные беглецы.

Широкие, оббитые железными полосами деревянные ворота растворились, из них выступили шеренги сарбазов с кремневыми ружьями.

**Впереди всех летел толстый человек
в разодранном халате**

В этот момент грянула пушка, вслед за нею — ружейный залп.

Преследователи стали притормаживать коней, потом остановились. Уцелевшие беглецы один за другим нырнули под спасительную защиту крепости. Ворота захлопнулись.

Со стен грянул второй залп, опять рывкнула пушка. Несколько всадников свалилось, остальные отхлынули. Раздалась громкая резкая команда. Отдавал ее всадник огромного роста: даже сидя в седле, он выглядел так внушительно, что гнедой скакун под ним казался игрушечным.

Тотчас вся лава всадников с торжествующим кличем «Байтик!» повернулась к крепости спиной и, вслед за предводителем, степенным шагом двинулась прочь.

* * *

— Отец! — воскликнул Шабдан, — теперь нам нельзя терять время: надо брать Токмак, стоящий на нашей земле!

— Верно говоришь! Бери джигитов и начинай, — благословил сына Шабдан.

Крепость Токмак стояла на обрыве левого берега Чу. Кокандцы построили ее во времена Лашкар-беги, одновременно с Пишпеком — три десятилетия назад. С севера и запада ее защищал овраг, с восточной стороны — речонка Шамши. Первоначальный Токмак имел двойной ряд зубчатых стен. Наружная стена достигала 2-х сажений (им) высоты, а внутренняя — даже 3-х. Шесть башен грозно топорщились по углам. Перед единственными воротами протянулся ров шириной до 5 сажений и глубиной больше человеческого роста. Для маленькой крепости не так уж плохо.

Но все это было два года назад. В 1860 г. полковник Циммерман разрушил ее. За два истекших года кокандцы сумели восстановить стены лишь частично, без зубцов, без амбразур и бойниц. Заваленный ров очистили лишь наполовину. И башни успели поднять чуть выше стен — вполнину прежнего. Гарнизон — всего 70 человек во главе

с комендантом-сотником. Кроме сарбазов в крепости жили сборщики-зякетчи да с десятков бродячих торговцев из Коканда.

...Сотник в сопровождении главного зякетчи поднялся на южную башню. Сарыбагышские дружины обложили крепость. Сверкали боевые топорики-айбалта, длинные пики вставали тростниковым лесом.

Зякетчи, старик с лицом вымогателя, в ужасе воскликнул:

— О Аллах! Тут их многие тысячи.

— Сотни четыре, не больше, — ответил комендант. — Для нас и это много. Я не знаю причины их бунтовства, но вижу — настроены решительно. Пожалуй, нам несдобровать. Эх, была бы у меня хоть одна пушка!

— У тебя есть сарбазы и ружья!

— На каждого сарбаза — десятков врагов, а ружья и у них есть... Вон, я вижу, тащат лестницы. Сейчас начнется штурм.

— Что же ты намерен предпринять, о юз-баши?

— Защищаться и погибнуть.

— Погибнуть! О Аллах, они же разорвут нас в клочья! Не лучше ли крикнуть «аман».

— Кричи, если они тебя услышат...

В этот миг раздался ружейный треск, и мимо уха зякетчи просвистела пуля. Он скатился вниз, крича:

— И почему я не уехал в Пишпек, о Аллах?

Наступавшие под ружейную пальбу перекинули через ров лестницы и полезли на стены. Защитники отвечали нестройными залпами. Вскоре в тех местах, где стену не успели достроить, завязалась рукопашная...

Токмак был взят.

* * *

Байтик Канаев отомстил. Он действительно убил Рахматуллу и со своими джигитами напал на крепость. Но кочевники, привыкшие лишь к открытым стычкам, не имевшие

ни навыка саперных работ, ни артиллерии, такой твердый орешек раскусить естественно не могли.

Манап поступил разумно: отправил брата своего Сатылгана к Колпаковскому с просьбой о помощи. А пока саяки ограничились тем, что дочиста разграбили городок аркатских сартов — так назывались выходцы из Коканда, осевшие на жительство у пишпекских стен.

По свидетельству современников, вокруг крепости насчитывалось около 1000 усадеб; каждая состояла из мазанки и ничтожного клочка земли. На этом клочке трудолюбивые сарты ухитрялись выращивать овощи и даже плодовые деревья, разводили мелкую живность, а также скот, привольно пасшийся в окрестностях.

Весь «пригород» занимал площадь около 10 га. Жил здесь разный люд: и последние бедняки, которым в богатой Фергане не нашлось места; и предприимчивые торговцы, искавшие выгоду в натуральном обмене с кочевниками; и всякого рода ремесленники — гончары, кожемяки, седельники, портные, сапожники, медники, хлебопеки, кузнецы. Вот на них-то и обрушилась ярость восставших. Отряды Байтика предали городок, так сказать, «огню и мечу». Было угнано свыше 50000 голов скота, во вьюки грузили скарб побежденных, гнали толпы плачущих женщин и детей. О мужчинах в свидетельствах современников не говорится ничего... Но мы знаем жестокие нравы того времени, беспощадные законы войны и легко представляем их участь. Вон лежит в своем дворике проткнутый ударом пика седельник Якуб, рядом со своей собакой... А там — гончар Али; в переулке вытянулся на окровавленной земле наш старый знакомец Бабаджан, экс-староста из Шабданова кишлака под Ташкентом. Он забрел сюда в поисках куска хлеба. И вот — нашел... А у самого моста приткнулся зарубленный боевым топориком старый «Хранитель ворот...»

Гнев толпы слеп. Истинные угнетатели — наместники, сборщики налогов и прочая ханская администрация отсиделась за крепкими стенами.

* * *

Полковник Г. А. Колпаковский выступил из Верного 3 октября. Его силы насчитывали 8 рот пехоты (по 150 чел.), двух сотен казаков, дивизиона легкой артиллерии, двух взводов горных орудий и ракетные станки. В людском составе — около полутора тысяч человек.

Двумя колоннами — через Курдайский перевал и по Кастекскому ущелью вдоль реки Каракуруз — отряды Колпаковского за 10 дней преодолели расстояние от Верного до Пишпека и 13 октября стали лагерем на берегу Ала-Арчи.

В тот же день в лагерь прибыл манап Байтик. Почти двухметрового роста, широкоплечий, с решительным выражением лица, со сверкающими черными глазами и окладистой белой бородой на груди — настоящий богатырь из сказаний — он произвел сильное впечатление на полковника.

Байтик обратился через переводчика:

— Скажи Большому начальнику: я и мои джигиты в полном его распоряжении. А также готов предоставить ему вьючный скот, продовольствие и рабочую силу для разрушения крепости. А в том, что она будет разрушена — не сомневаюсь.

Полковник отвечал:

— Весьма признателен любезному батыру-маналу. Скот, продовольствие и рабочую силу принимаю с благодарностью. Однако же вооруженная помощь не потребуется. У меня достаточно своих сил и рисковать жизнью его джигитов нет нужды.

К вечеру крепость была взята в кольцо и сразу же начались осадные работы. Энергичный полковник не терял времени зря.

Гарнизон Пишпека насчитывал 800 человек пеших и конных. Была артиллерия — чугунные и медные ружья,

а к ним — достаточно пороха и пуль, отлитых в руднике Кан-и-Гут. Командовал батырбаши Тюрекул, бывший помощник Рахматуллы.

Тюрекул рассчитывал на недолгую осаду: идет середина октября, впереди морозы и снегопады. Надо только продержаться, а там русские уйдут. С высоты башни он наблюдал за осадными работами и понимал, что орусы роют подкоп, чтобы взорвать стены. Это его не тревожило: глубокий и широкий ров, наполненный водой, остановит саперов.

Русская артиллерия день за днем била по стенам. Навесной огонь мортир причинял много неприятностей в самой крепости: пробиты крыши домов, появились убитые и раненые. Но комендант не унывал: на то и война.

Тюрекул оказался мужественным человеком и опытным командиром. Сипаи сражались отчаянно.

Сам Колпаковский вынужден был отметить: «Действительно, гарнизон оборонялся весьма деятельно: во всем видна была энергия, изобретательность и некоторое искусство: разрушения, причиненные днем, всегда исправлялись в течение ночи, производились новые приспособления, пробивались новые амбразуры и бойницы и, сообразно с ходом наших работ, перетаскивались орудия, появились у неприятеля и ракеты».

Так продолжалось десять дней, десять ночей. И наступил перелом. Утром 23 октября в русский лагерь прибыл из Верного новый транспорт со снарядами. Артиллерия Колпаковского открыла по глиняной крепости ураганный огонь, по сравнению с которым все предыдущее казалось шуткой. Кокандские орудия были выведены из строя. Стены и башни во многих местах оказались разрушены настолько, что Тюрекул убедился: за ночь их не восстановить. И все-таки сдаваться он не хотел.

К 24 октября подкоп был доведен до рва и начался переход через него. Тюрекул убедился: для русских саперов

даже ров с водой не преграда. Он бросил на этот участок все наличные силы и средства. Решалась судьба Пишпека. Г. А. Колпаковский отмечал, что «ров в это время в буквальном смысле горел от бросаемых со стен горючих материалов».

Все, что было в человеческих силах, комендант и его гарнизон сделали.

Однако упорство русских оказалось непреодолимым: они одолели ров, настала очередь стены. Это означало конец.

В 11 часов пополудни осажденные неожиданно прекратили огонь. Из-за стены раздались выкрики «аман», «аман»! — нечто вроде белого флага. Велел прекратить огонь и Колпаковский.

Вскоре открылась калитка в полуразбитых воротах и вылезла человеческая фигура в дорогом, но порванном халате, с пятнами пороховой гари. Это был Тюрекул. Пешком он одолел мост и потребовал провести его к командующему. Батыр-баши вручил Колпаковскому «хирман» — письмо о сдаче Пишпека, и свою личную комендантскую печать, доставшуюся от Рахматуллы.

Гарнизон сдался на правах военнопленных. Всем им была сохранена жизнь.

Мирное население крепости со своим скарбом тронулось в сторону Ташкента.

Двадцать шестого декабря началось разрушение Пишпека — этим занялись отряды манапа Байтика Канаева...

...В донесении генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю Колпаковский отметил особые заслуги солтинского манапа Байтика. 19 ноября 1962 г. он писал: «Означенный манап как до прибытия под Пишпек отряда, так и во время осады этой крепости вел себя чрезвычайно похвально и своим усердием и преданностью вполне заслужил достойной награды. Усердие, преданность и открытая вражда Байтика к сартам выходит из ряда обыкновенного, то я награждение его кафтаном нахожу не вполне достаточным,

почему я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство исходатайствовать ему в награду большую золотую медаль на Анненской ленте для ношения на шее, и орден Станислава III степени».

Сохранилась фотография Байтика Канаева в военной форме, с орденами и медалями на груди. На плечах — погоны капитана Российской армии. В 1867 г. в числе представителей среднеазиатских народов ездил в Санкт-Петербург на представление государю-императору Александру II.

Так правительство отметило его заслуги...

Взятие Пишпека означало: господству Кокандского ханства в Северном Кыргызстане пришел конец.

* * *

Около того же времени произошел и первый бой Шабдана Джантаева — теперь уже в роли сарыбагышского манапа, — с кокандским отрядом.

В Коканде происходила смута. Поднял восстание против Худояр-хана временщик Алымкул, соратник и злейший враг недавно убитого им Алымбека-датхи. К Алымкулу присоединились многие кыпчакские и южнокыргызские феодалы. Северные же манапы колебались между русскими и ханством.

В этих условиях верные Худояру военачальники организовывали нападения на отложившиеся кыргызские племена, дабы наказать их и привести к покорности.

...Шабдан получил известие, что его родственник Сарымсак, манап рода багыш, подвергся нападению кокандцев. Нужна была срочная помощь.

Шабдан действовал оперативно — прямо как этакий мини-Цезарь. В считанные часы он собрал отряд и двинулся в багышские кочевья.

Бой с кокандцами был кратким и победоносным: пришел, увидел, победил. В своей биографии Шабдан говорит:

«Мне удалось нанести поражение сартам, причем два их предводителя Пасим-кулак и Алишир были убиты, один мной, а второй джигитом моим Баяке...»

Инцидент с майором Загряжским

Начало русскому селению Токмак положил генерал Черняев. В середине мая 1864 года он приказал рядом с кокандскими развалинами возвести укрепление. Цель — обеспечить безопасность сообщения между Аулие-Ата и Верным, а также создать опорный пункт против возможных поползновений кокандцев.

Постройка укрепления должна была вселить уверенность среди местного населения, что Россия окончательно взяла их под свою защиту. Первым комендантом был назначен воинский старшина Бутаков. Ему также вменили в обязанность исправление дорог, транспортировку военных и продовольственных запасов.

И как это всегда бывает в мирное время, вокруг укрепления стало быстро оседать гражданское население: ремесленники, торговцы, разный пришлый люд. А когда в 1867 году Токмак стал центром одноименного уезда, число жителейполнили чиновники разных ведомств, многие с семьями.

Сыграло свою роль и удобное местоположение. Через Токмак проходили скотопрогонные тропы местного населения и древний торговый путь еще со времен усуней — из казахских степей через горные перевалы и ущелья на Иссык-Куль и дальше — в Кашгар, Хотан. Яркенд.

Русский исследователь Радлов, проезжавший из Чуйской долины на Иссык-Куль в 1869 году, писал, что Токмак устроен «у подножия южных гор, здесь здоровый и свежий ветер, и откуда можно <...> с удобством защищать южные ущелья».

Первым уездным начальником Токмака стал майор Г. С. Загряжский. Это был человек, не похожий

на обыкновенных провинциальных служаках, ограниченных и корыстных.

О широте его интересов говорит хотя бы тот факт, что статистические работы Г. С. Загряжского по кыргызскому быту, судопроизводству, социальному расслоению и т. д. служат и по сей день для нужд исследователей.

Загряжский постарался установить дружеские отношения со всеми родоправителями, кочевавшими на вверенной ему территории, и в первую очередь с Шабданом Джантаевым, победителем кокандцев. От него он почерпнул множество сведений об укладе жизни кочевников, записал некоторые предания; в свою очередь молодой сарыбагышский манап бойко осваивал русскую речь, знакомился с чужими обычаями, дивился вещам, ранее им не виданным. Очень понравился ему самовар, из которого майор частенько угощал приятеля. Но более всего поразила Шабдана «муха, которая делает сахар», — у Загряжского служил отставной солдат Аким Чуриков, замечательный пчеловод...

В 1867 году вышло Положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях, входящих в образованное Туркестанское генерал-губернаторство. Царское правительство приступило к организации управления завоеванным краем.

С начала 1868 года уездный начальник майор Загряжский отправился по кыргызским кочевьям. Перед ним стояли задачи: перепись податного населения, разбивка айлов на волости, выборы старшин. Вместе с ним (как его помощник) отправился на Тянь-Шань и Шабдан со своими джигитами.

Все последующее произошло в бывших кочевьях саякского манапа Осмона Тайлакова, в местности Кетмень-Тюбе.

Отделившись от основного отряда, Загряжский с несколькими кыргызами, переводчиком и писарем отправился в соседний аил.

— Мало людей берешь, майор, — заметил Шабдан.

— Больше и не требуется, — отвечал Загряжский. — Кокандцы далеко, а здешние кыргызы — российские подданные.

— А Якуб-бек? Я слышал, его люди баламутят здешний народ.

Загряжский только усмехнулся. И, как выяснилось впоследствии, напрасно.

Якуб-бек, правитель соседнего Кашгара, науськиваемый английскими агентами, готовился, по слухам, к вторжению в Кыргызстан. Здесь, на Тянь-Шане, у него имелись сторонники, в числе их манап Осмон Тайлаков. Еще недавно Загряжский задержал его сына Мамыркана и отправил в качестве заложника в Верный, узнав о связях Осмона с Якуб-беком. В ответ Осмон откочевал со своими аилами — 700 юрт — в кокандские пределы.

Весь последующий день уездный начальник проводил выборы айльных и волостных старшин. Из соседних аилов съехалось много народу, был шум и споры. Наконец, к ночи все уладилось. Уставший майор отправился в свою юрту и с удовольствием растянулся на одеялах. В соседней юрте укладывалась свита. Аил затих: лениво брехали собаки, со стороны развалин кокаидской крепости Тогуз-Торо доносилось мрачное уханье филина... Майор заснул.

Разбудили его истошные крики в соседней юрте. Он различил голоса писаря, переводчика и еще пронзительные и воинственные — чужие. Военному человеку не нужно много времени, чтобы осознать опасность. Через двадцать секунд он уже выскочил наружу с двумя револьверами в руках.

При звездном свете сновало множество фигур: вот вспыхнул один факел, второй, третий... Какой-то всадник властно приказывал по-кыргызски:

— Ищите начальника, дети шайтана!

Кто-то набросился сзади, майор двинул плечом и выстрелил наугад. К нему кинулись сразу несколько человек, один высоко держал факел. Майор послал пули в эту

группу, факел упал и продолжал гореть на земле коптящим пламенем. Раздались крики боли и проклятья. Еще несколькими выстрелами он отогнал нападавших и помчался в сторону горного склона, где темнел лес. За ним устремилась погоня...

...После обильного чаепития за дареным самоваром Шабдан сладко спал, когда ворвался Баяке и на правах верного друга и советника грубо закричал:

— Спишь? Чай пьёшь? Твоего майора взяли в плен, а сейчас, может быть, убили!

Шабдан вскочил, таращась.

— Ну да! — говорил уже более спокойно Баяке. — Только что прискакали табунщики и все рассказали. У Тогуз-Торо напал Осмон, сын Тайлака... Беда!

Шабдан искренне симпатизировал Загряжскому, но ещё больше любил он свой народ. Перед глазами встал Узун-Агач, непобедимые стройные роты, гром артиллерии и сарбазы Канаата, снопами валившиеся на мерзлую землю... Безумец этот Осмон! За гибель уездного начальника отомстить придут войска! Нельзя терять времени!

Может быть, в Шабдане Джантаеве не реализовался великий полководец: он всегда действовал в нужную минуту решительно и хладнокровно.

— Поднимай джигитов! — приказал он и сам выскочил из юрты.

Через какой-нибудь час двести всадников — все, которых можно было собрать за такой срок — уже скакали к месту происшествия.

На рассвете они обрушились на людей Осмона... Шабдан потерял в бою двоих, под ним самим убили двух лошадей, но враг был разгромлен, Осмон бежал. Как выяснилось, бежал не с пустыми руками — увел в плен всю свиту майора, двух волостных старшин и одного кандидата на должность айльного старшины. Юрта Загряжского оказалась разграбленной, исчезли многочисленные подарки,

заготовленные для старшин: часы, пояса, халаты. Самого же майора нигде не было.

Шабдан страшно расстроился.

— Кто видел начальника? — обратился он к толпе айльных жителей.

Никто не видел. Майор бесследно исчез.

— Может быть, его увел все-таки Осмон? — предположил кто-то.

— Пай, пай! — закричал другой, показывая в сторону леса. — Смотрите, смотрите!

К айлу четкой военной походкой (слегка прихрамывая) шел, как ни в чем не бывало, Загряжский. Шабдан радостно завопил и побежал ему навстречу.

Встреча была поистине умильной. Уездный начальник и батыр крепко обнялись и троекратно расцеловались по-русски.

За спасение административного чина правительство пожаловало Шабдана золотой медалью и почетным халатом второй степени.

Что касается дальнейшей судьбы Осмона Тайлакова, то она прискорбна. Русский путешественник Н. Северцов писал: «Сам же Осмон дорого поплатился за этот бунт. <...> Он бежал в кокандские владения и собрал большую часть последнего имущества на подарки андижанскому беку, чтобы получить разрешение кочевать в горах Кугарт. Бек подарки принял, а в гостеприимстве отказал, сославшись на волю хана. А Худояр-хан велел беку выдать Осмона русским пограничным властям. Тогда Осмон бежал в Кашгар». Но там оказалось еще хуже: «Кыргызы захватили его с шайкой и пленными <...>, — пишет Н. Северцов, и выдали всех заключенных высланному Якуб-беком небольшому отряду. <...> Все были дочиста обобраны и посажены в кашгарскую тюрьму, а затем чуть ли не казнены. <...> Русских же пленных Якуб-бек у Осмона отобрал и возвратил в наш ближайший форт Нарынский, тогда строящийся».

На родину Осмон Тайлаков возвратился только через 10 лет, совершенно обедневшим. Авторитет его среди саяков так больше и не поднялся на прежнюю высоту.

Кокандский поход

В 1873 году в Кокандском ханстве развернулось грандиозное восстание южно-кыргызских и кыпчакских племен против режима Худояр-хана. Некогда обширное и достаточно могущественное (по среднеазиатским меркам), а теперь урезанное наполовину в результате военного поражения, попавшее в прямую зависимость от Российской империи, ханство переживало агонию. Последние годы правления Худояр-хана, этого «наименее талантливого и наиболее жестокого» (по отзывам современников) правителя, были отмечены усилением налогового пресса до крайних пределов. Помимо старых, привычных налогов хан ввел неисчислимое количество новых буквально за все. Подданные не могли ступить и шагу, чтобы тут же не попасть в лапы алчных сборщиков. К налогам прибавились бесконечные трудовые повинности, к исполнению которых население принуждалось с крайней жесткостью.

И народ восстал. Поднялись свободолюбивые кочевники, во главе их встал простой кыргыз Мулла-Исхак из племени бостон. Он принял имя Пулат-хана, внука Алима, то есть принца из царствующей династии Минг — этакий вариант среднеазиатского Путачева. Это восстание угнетенных, принявшее было яркую социальную окраску, вскоре слилось с движением кокандских феодалов во главе с Абдуррахманом Афтобачи. Афтобачи, бывший главнокомандующий ханских войск в русско-кокандской войне, объявил газават против «неверных». Таким образом, восстание стало антиханским и антирусским. Наиболее непримиримые руководители восстания, собравшись в кишлаке Бута-кара близ Андижана, подняли по древнему обычаю на белом войлоке

самозванного Пулат-хана и провозгласили его правителем Коканда. Худояр-хан, а затем и его преемник Наср-эд-дин отдались под защиту русских властей.

Русские войска начали военные действия. Общее руководство осуществлял генерал-губернатор Кауфман, действующей армией фактически руководил генерал Скобелев.

* * *

В 1875 год Шабдан, несший службу со своими сорока джигитами на русско-кокандской границе при казачьей сотне барона Штакельберга, по вызову генерал-губернатора Кауфмана отправился в Фергану. Разумеется, Кауфману был нужен не малочисленный Шабданов отряд, а само имя Шабдана, знатнейшего кыргызского манапа, вставшего на сторону русских. Пусть многие кара-кыргызы, участники газавата, задумаются!

Тронулись в путь безотлагательно. Подъезжая к Сузаку, услышали досадную новость: перед Андижаном в селении Аим-кишлак стоит Пулат-хан с большим войском. Не пробиться?

Шабдан думал недолго, подозвал одного из своих джигитов:

— Мамыркан! Возьми запасную лошадь и скачи к генерал-губернатору под Андижан. Расскажи о нашем положении. Жду тебя через три дня.

Прошел день. Второй. Третий. Четвертый. Пятый. В кишлак, где они остановились, доходили противоречивые слухи: кто говорил, что русские разбиты под Андижаном, а кто — наоборот.

Передавали также леденящие кровь подробности о ежедневных казнях, проводимых по приказу самого Пулат-хана. Будто бы внук Алим-хана каждое утро садится на трон, вершит суд и расправу, а двенадцать палачей-кыргызов в особых красных одеждах и большим набором ножей всех размеров тут же приводят приговоры в исполнение.

Ожидание становилось тягостным. Сначала Шабдан потерял терпение. Потом закралось подозрение: добрался ли вообще его посланец до войска Кауфмана? И Шабдан решился. Он сказал хозяину мазанки, где ночевал:

— Уважаемый Мамед-улы. Дай мне твою старую одежду и твою лошадь. Возвращу завтра в полдень. За пользование плачу три серебряных таньга.

Мамед-улы, пожилой оседлый кыргыз, пожевал губами:

— Какая нужда знатному батыру превращаться в чайрикера?

— Э! — отвечал весело Шабдан. — Разве ты не знаешь историю Мурад-бека, хана кокандского посла Шералы? Он правил семь дней, потом семь лет скрывался, а следующие семь лет торговал красным товаром на кокандском базаре. Что не зазорно хану, то не зазорно и мне.

Переодевшись, Шабдан стал неузнаваем — вот что значит одежда! Он сказал разинувшему рот Баяке:

— Ждите меня завтра в полдень. Если не вернусь, поворачивайте коней навстречу Штакельбергу, — и уехал.

Он проезжал разграбленные селения, где почти не видно было людей, — последствия беспощадной войны. И прохожие не встречались. Ближе к Андижану стали попадаться отдельные всадники и группы всадников — южные кыргызы и кыпчаки, судя по одежде. Все вооружены. На одинокого бедняка на старой кляче никто не обращал внимания.

В селении Аим-кишлак пеших и конных оказалось видимо-невидимо. Здесь временно стояло войско Пулат-хана, готовящегося нанести удар по русским, осаждавшим Андижан, — это Шабдан узнал из разговоров без особого труда. «Тысяч десять—пятнадцать, — мысленно прикинул он. — И все они обречены». Прослужив столько среди русских, Шабдан отлично понимал: с таким скопищем плохо вооруженных, плохо обученных, не знавших дисциплины вчерашних табунщиков Пулат-хану никогда не победить.

Смеркалось. Шабдан проехал селение из конца в конец в поисках ночлега. Все дома оказались заняты. Всюду во дворах войны, вьется дымок из-под казанов, пахнет бараниной. Но нигде не видно хозяев — местных сартов, извечных земледельцев. Лишь в одной усадьбе он подсмотрел, как пятеро джигитов перетаскивали через дувал стожок сена для своих коней. Из дверей выскочил хозяин, чем-то похожий на пишпекского «хранителя ворот», и принялся надтреснутым голосом кричать. Следом выскочила женщина в парандже и втащила за руку старика обратно.

В сумерках Шабдан решил проехать через площадь, где стоял дом богатого купца — по слухам, временная резиденция Пулат-хана. Перед домом он увидел виселицу, а на ней неподвижные фигуры со склоненными набок головами; в одной из них, крайней справа, он узнал своего посланца Мамыркана... Невдалеке сидели стражники и угощались лепешками, запивая кумысом из бурдючка. Шабдан проехал, не останавливаясь.

Была вторая половина сентября — бабье лето. Однако ночью чувствовалась прохлада с гор. Шабдан переночевал на заброшенном поле, завернувшись с головой в старый халат. Он узнал все, что нужно, и мог бы уехать, но какая-то сила толкала остаться: очень уж хотелось посмотреть на этого самозванца Пулат-хана.

Чуть свет, голодный и продрогший Шабдан вернулся в селение, с великим трудом раздобыл чашку горячего бульона с куском лепешки за полтаньга — цена неслыханная — и стал ждать. И все-таки чуть не прозевал. Когда он пробился на площадь, Пулат-хан уже уходил. Двое джигитов почтительно поддерживали его под локти. На вид мужчина еще совсем молодой, не старше Шабдана, невысокого роста, щуплый, с тонкой шеей и нервным лицом, на котором выделялись реденькая бородка и черные глаза — такие черные, будто сажа от казана. Они и блестяли как сажа, по которой проведешь мокрым пучком травы

Высоко над морем голов вознесся помост. Там действительно суетилось несколько фигур в ярко-красном — палачи.

Шабдана передернуло. На краю помоста в роскошном халате с саблей на боку стоял рослый мужчина и громко читал по свитку.

— Абдумумын, кураmineц, — шептались в толпе. — «Карающая рука» Пулат-хана.

Выводили осужденных. Из оглашённого списка явствовало, что казнили ростовщика, обманувшего повстанцев; трех бедно одетых людей — шпионов урусов, а также бека, сторонника Наср-эд-дин-хана, и с ним шестерых его джигитов.

Заработали палачи. Шабдан не стал дожидаться окончания зрелища. Выбравшись из толпы, он сел на свою клячу и поехал узкими переулками. Скорей выбраться отсюда. Было бы сейчас под рукой сотни три-четыре его джигитов, да столько же казаков — и от этого воинства ничего бы не осталось, они рассеялись бы как осенние листья под бурным порывом ветра.

Дробный конский топот послышался сзади. Шабдан ехал не оборачиваясь. Топот приближался. Шабдан благоразумно съехал на самую обочину, как и подобает ничтожному чайрикеру. Догонявший всадник, поравнявшись, начал теснить своим конем Шабданову клячу, потом протянул руку, схватил ее под уздцы и резко осадил коня, заставив остановиться и Шабдана.

Это был рослый воин с круглым злым лицом, за плечами его торчало дуло ружья.

— Что хочет бек от мирного путника? — кротко произнес Шабдан (в это мгновение он пожалел, что нет с ним револьвера, давнего подарка друга-тамыра Загряжского).

— Мирный путник, говоришь? — всадник прищурил и без того узкие глаза. — Эй, собака! Я еще со вчерашнего вечера за тобой наблюдал, как ты шнырял по кишлаку, высматривал, вынюхивал. Ты — шпион!

— Какой я шпион?! Побойся Аллаха!.. Отпусти меня: ты — кыргыз, я — кыргыз...

— Говори, кто тебя послал? Кауфман? Наср-эд-дин? Или оба вместе?

— Вот я пожалуюсь самому — Пулат-хану...

Воин зловеще расхохотался.

— Мы каждый день вылавливаем шпионов — много развелось вас, проклятых. И ни один еще не осквернил слух нашего хана! С тебя достаточно Абдумумына и его палачей. Там все расскажешь! А ну, поворачивай!

Вдвое массивнее Шабдана, он склонился к нему и схватил за плечи:

— Дай-ка я тебя сейчас свяжу покрепче.

И в этот миг Шабдан ударил. Ножом, спрятанным в рукаве старого халата, — прямо в грудь. Удар был так силен, что отбросил тело врага обратно в седло. Лицо воина стало изумленным на мгновенье, потом он повалился на гриву своего коня и затих. Как видно, умер сразу.

Далеко впереди маячили всадники; далеко позади трусил кто-то на ишаке. Шабдан осторожно свел коней с дороги и стал удаляться в поле. Поднявшееся солнце грело всюю, поле было пустынно — конец сентября. В дальнем сухом арыке он уложил труп и еще долго гнал перед собой чужого коня подальше от этого места. Потом выехал снова на дорогу.

Он успел вовремя: Баяке и джигиты в страшной тревоге за своего друга-господина собирались уже, вопреки приказу, отправиться по его следам.

— Будем ждать казаков, — сказал Шабдан. — Пробиться нет никакой возможности.

К вечеру подошла сотня барона Штакельберга.

* * *

Читая автобиографию знаменитого манана, порой сталкиваешься с чисто фольклорным материалом в этом

былинном духе. Например, Шабдан пишет: «Около городков Баткара и Спискена Пулат-хан опять загородил нам дорогу, но был отбит. Мне удалось при этом с двумя джигитами вогнать в городские ворота до тысячи неприятеля. На другой день я с десятью джигитами обратил в бегство пятьсот человек, чему свидетелями были Штакельберг и [казачий офицер] Дубровин».

И далее, когда отряд соединился с войском Скобелева: «Вечером, заметив около двухсот человек неприятеля по ту сторону Сыра, Скобелев, Штакельберг, я и еще трое казаков переправились через реку и обратили неприятеля в бегство».

Прямо подвиги Ильи Муромца или Манаса! Автобиографию Шабдан писал на склоне лет; человеческая память коварна тем, что сплошь и рядом выдает нам из прошлого желаемое вместо действительного. Кто из стариков не склонен преувеличивать успехи молодости? Может, дедушка Шабдан балагурил у камелька в окружении внуков?..

Но тут есть одно «но». В русской армии среди многих наград была одна особенная — Георгиевский крест. Его давали очень скупно: ни связи, ни высокое происхождение, ни политические мотивы — ничего не помогало. Только личная храбрость, проявленная в бою! Не было в армии такого офицера или генерала, который не мечтал бы о солдатском «Георгии», а получив его, не гордился бы им больше, чем всеми остальными наградами, вместе взятыми.

А Шабдан Джантаев и восемь его джигитов (в том числе и Баяке) именно за «дело» под Баткаром и Спискеном получили каждый по «Георгию». Может, не так уж и присочинял дедушка Шабдан? Есть, над чем задуматься...

Алайский поход

2 ноября 1875 года под селением Балыкчи генерал Скобелев нанес поражение воинству Пулат-хана. 9 января 1876 года под Андижаном Пулат-хан был окончательно

разбит. Скобелев занял город. 28 января царские войска захватили последний опорный пункт повстанцев — крепость Уч-Курган. А 19 февраля Пулат-хан, предательски схваченный кыргызскими феодалами Мырзакулом (из рода доолёс), Бекжаном и другими, был выдан царским властям.

В тот же день специальным указом Кокандское ханство было ликвидировано, а его территория присоединена к Российской империи под названием Ферганская область.

Однако наиболее решительные из противников не сложили оружия. Самим известным из них был Абдуллабек, сын Курманджан-датхи. В прошлом он занимал пост андижанского хакима, от имени Пулат-хана одно время даже управлял Кокандом. Теперь он занимал подступы к Алаю.

* * *

После того, как генерал-губернатор наградил Шабдана и его товарищей крестами, почетными халатами и немалыми деньгами, Шабдан отпросился домой. Несколько месяцев он наслаждался миром и покоем в кругу семьи, в родных кочевьях. Но вот фельдъегерь привез манапу послание с личной просьбой генерал-майора Скобелева прибыть к месту военных действий. И Шабдан во главе все тех же сорока джигитов выступил в поход.

Штаб Скобелева находился в Оше. Командующий встретил Шабдана с распростертыми объятиями:

— Вовремя! Вовремя! Вынужден признаться, старый тамыр, нынче без тебя, как без рук, — и генерал шутливо развел руками.

Тотчас подали самовар — всем была известна слабость манапа, а к чаю — сахар, «который делает муху», т. е. мед.

— Для тебя берег, да-с! Бери ложкой побольше, не стесняйся.

Шабдан вытирал вспотевшую шею, отдувался не хуже сибирского купца. Когда же генерал скажет дело? И генерал сказал. Теперь, после упразднения ханства, требуется

установить мир во всем крае. Если мира не будет, народ вправе спросить: зачем тогда русские? Фергана успокоена, а вот на Алае засел Абдуллабек и никак не хочет мириться. Русские не знают местности, нужны проводники; генерал нанял было 25 джигитов из аргынов, но коварный Абдуллабек заманил их в ловушку и перерезал всех до единого. Тут нужен сам Шабдан со своим авторитетом.

— Уже апрель, — говорил Скобелев. — Дороги подсохли... Медлить далее нельзя. Выступаем завтра.

Шабдан неумело отдал честь.

* * *

На краю ошского базара, недалеко от Ак-Буры Шабдан завернул в чайхану — после обильного генеральского угощения снова захотелось пить. Он велел подать себе чаю на открытую террасу. Апрельское солнце клонилось к закату и обливало щедрым светом все вокруг: и начавшую пустеть базарную площадь, и быструю речку, и висячий мост через неё, и стены медресе с двумя минаретами по углам на том берегу... Шабдан задумался.

Это медресе построил когда-то Алымбек-датха Алайский; теперь мутаваллием (распорядителем) стал наследник Алымбека, его сын Абдуллабек. Шабдан очень хорошо понимал Абдуллабека. Русские ему не нужны. Пуповиной связаны его интересы с кокандским престолом. Разве не оставил ему знаменитый отец торговые ряды и целый жилой квартал в Оше? А земли, которыми он владеет в Ферганской долине? Отец провел половину жизни в Урде — ханской ставке, был и датхой, и парваначи, и великим визирем. Частенько ханы становились игрушкой в его руках, а когда они начинали действовать вопреки его интересам, Алымбек уничтожал их. Пример тому — злополучный Малляхан. Сын, конечно, намеревался идти той же дорогой. Он уже был андижанским ханом при Худояре, а во времена Пулат-хана даже управлял Кокандом. Кто ему северные

кыргызы? Всего-навсего те, кто должен платить зякет. Точно так же смотрел и Алымбек: разве не он угрожал бутинцам и сарбагышам страшными карами, если они не пойдут под руку кокандского хана? Правители южных племен срослись с оседлой кокандской знатью: им бы стоять у трона и обирать народ. Все они породнились между собой, и все желают таскать бешбармак из общего казана.

Еще в Ташкенте Шабдан основательно разобрался в родословной не только кокандских ханов, но и многочисленных вельмож, окружавших трон. Дома он привык, подобно остальным, считать главными угнетателями сартов оседлых жителей Ферганы и кыпчаков. Теперь, узнав многое, он начал смотреть на это несколько иначе.

Попробуем разобраться и мы. Обратимся к фактам истории.

Не следует думать, будто во времена Кокандского ханства оседлые народы — узбеки и таджики выступали угнетателями кочевых кыргызов и казахов. Угнетение шло по массовой линии: феодалы всех мастей эксплуатировали одинаково рьяно и земледельцев, и скотоводов.

Факты? Пожалуйста. С 1842 года именно кочевые аристократы меняли ханов на кокандском престоле по своему усмотрению. Казахский бий Турзат-Ногай говорил в 1864 году верненскому приставу: «Кокандом управляют черные кыргызы, кыпчаки и адыгене, сарты же положительно присмирели».

С начала и до конца в Коканде правила одна, узбекская династия Минг. Но с XIX в. в неё влилось по женской линии изрядное количество кыргызской крови. Мать Шералы-хана (1842–1844 гг.) была кыргызкой. Сам Шералы провел большую часть своей жизни среди таласских кыргызов, женился на кыргызской красавице Яркин-Аим. В жилах его сыновей Малля-хана и Худояр-хана уже на три четверти текла кыргызская кровь, и оба они провели детство и возмужали в кыргызских кочевьях.

Теперь о феодалах-временщиках и чехарде ханов. Шералы-хана посадил на престол Юсуф, ферганский кыргыз из рода кырк-огул. При Мададл он занимал одну из высших должностей в государстве — минбаши, но затем впал в немилость и был отправлен хакимом (правителем) в Маргелан. Юсуф обиделся, и когда пришел удачный момент, выступил. Ему помогли отряды таласских кыргызов во главе в Сеид-Али-беком. Шералы был поднят на белом войлоке, а Юсуф получил вожделенный титул минбаши. В этом звании он усердно обирал как земледельцев, так и кочевников, не делая различия.

Свалил Юсуфа и его сторонников другой кочевой феодал — кыпчак Мусульманкул.

Узбек Рахматулла-мырза и кыргыз Сатыбалды (исфаринский хаким) организовали заговор против Шералы. Они вызвали одного из сыновей давно умершего хана Алима, а именно — Мурада, находившегося в Ура-Тюбе, и провозгласили его ханом; важную роль сыграл отряд кыргызов в 100—200 человек. Самого же Шералы, по словам хрониста, «заставили испытать напиток мученичества».

Но тут опять вмешался кыпчак Мусульманкул. Мурадхан бежал, процарствовав 7 дней (по другим источникам — 2), а на престол был возведен малолетний Худояр.

При новом хане власть совершенно захватила клика Мусульманкула, куда входили кыргыз-кыпчакские феодалы. Сам Мусульманкул был женат на кыргызке из Кетмень-Тюбе, а Худояр-хана женил на своей дочери.

Лишь возмужав, Худояр сумел освободиться от опеки тестя, опять-таки при помощи другого кыпчака — ташкентского кушбеги Нурмухаммеда. Мусульманкул был казнен, а с ним — великое множество кыпчаков перебито в городах и по всей стране. Русский исследователь В. Наливкин писал спустя 30 лет: «Мусульманкул пал; при жизни он опутал кыпчаков сетями своего чрезвычайного честолюбия; когда он пал, эти самые сети повлекли за ним его народ

в бездну ужасов, воплей бесприютных сирот и вдов, в бездну материального разорения всего того, что успело спастись от шашек и ножей убийц».

Настал 1858 год. Старший брат Худояра — Малля-бек во главе кыргызского ополчения Хасан-бия изгоняет брата и занимает престол.

При Малля-хане выдвигаются такие значительные фигуры, как Алымбек из племени адыгене и кыпчак Мулла Алымкул.

Алымбек-датха, почти независимый правитель Алая, становится первым визирем ханства. Придворная борьба за власть между кыпчакско-кыргызской феодальной группировкой, с одной стороны, и узбекской земледельческой знатью, с другой, заканчивается тем, что Алымбек, Алымкул, тюрк Худай-Назар и другие убивают хана в его собственной спальне.

Наступают смутные времена. Кочевые феодалы жонглируют ханами, как искусные фокусники. Трижды изгонялся Худояр-хан. За короткий срок на престоле сменили друг Шамурад, 12-летний Султан-Сеид, 16-летний Худай-Кул-бек...

В 1873–1876 гг. под ударами восставших кыргызов, кыпчаков, казахов и оседлого узбекско-таджикского населения трон династии Минг зашатался. Вступление русских войск довершило дело: Кокандское ханство перестало существовать.

...Очнулся Шабдан от стука топора. Слуга в рваном халате рубил тополевыя жерди на топливо. Что-то знакомое почудилось в наклоненной спине, в движениях и даже в посадке бритой головы с чудом державшейся засаленной тубетейкой на макушке.

Выскочил толстый повар, закричал:

— Эй, Кривой! Долго же ты возишься!

Слуга понес охапку дров за угол. А через минуту опять раздался стук топора. Подождав, пока слуга, отложив топор, стал поднимать новую вязанку, Шабдан негромко окликнул:

— Ибрагим!

Слуга обернулся. Да, это тот самый Ибрагим, в мазанке которого Шабдан ночевал когда-то в подаренном ему селеении под Ташкентом. Но какой у него вид! Постаревший, обросший бородой; на месте правого глаза — опухшее веко с узкой красной щелкой под ним...

Ибрагим тоже узнал манапа: поленья с грохотом посыпались на землю. Он стоял как вкопанный, только выдохнул:

— Щедрый господин...

— Подойди же.

— Не смею, щедрый господин...

Случайно выглянувший чайханщик грозно напустился на слугу:

— Эй, оборванец! Кривой, сын кривого и внук кривого! Как смеешь ты задерживать внимание знатного бека!

— Подожди почтенный! — остановил его Шабдан. — Этот человек мне нужен, а чтобы ты не потерпел ущерба, вот тебе, — он бросил несколько монет на низенький столик. — И пусть принесут еще чаю и лепешек!

Принесли чай. Шабдан позвенел ногтем о пиалу:

— Ешь и пей.

Когда слуга чайханщика жадно утолил голод, Шабдан сказал:

— А теперь не будем ходить вокруг ишака давай сразу на него сядем. Рассказывай! Так же, как тогда, в кишлаке Алтын-сай.

Горестный был рассказ Ибрагима...

— Когда ты, щедрый господин, дал мне еще серебра после ташкентского дела, я решил жениться. Однако ни в одном селеении не нашлось девушки для меня, чужака-бродяги. Времена-то были неспокойные... Тогда я сложил все деньги, полученные от тебя, и купил на кокандском базаре калмачку-рабыню. Очень хорошей женой стала она мне... В селеении Базар-Курган мы нанялись в игенчи к одному

зажиточному земледельцу. Он дал нам мазанку, ишака в хозяйство и несколько старых одеял. Мы с женой трудились от зари до зари, хозяин был справедлив — на еду хватаю. Потом родился сын, сынок Арзымат. Такой хороший сынишка... На пользу пошли твои таньга, щедрый господин..

— Что же было потом?

— Так мы прожили многие годы; сынок стал уже большевиком. У нас завелось имущество: и казан, и миски, и кувшины, и горшки. Я дважды покупал одежду жене и сыну. Появились коза, она давала молоко. Хорошо жили...

— Ну а потом?

— А потом началась смута. Появился Пулат-хан и начал воевать с Худояр-ханом. Пулат поначалу был добрым человеком, а потом совсем другим стал: окружили его знатные беки и простому народу не стало возможности пробиться к нему...

Тут Ибрагим посмотрел на богатый халат собеседника и замолчал.

— Глаз как потерял?

— Сарбазы Абдуррахмана Афтобачи заставили меня идти в ханское войско. Дали красную одежду, пику, саблю. Под Андижаном сошлись с войском Пулат-хана. Тут Афтобачи взял да и перешел на сторону Пулат-хана, а с ним — и мы... Худояр испугался и убежал к русским. Думали — конец войне. Я хотел вернуться потихоньку к жене, сыну, да вмешался шайтан: попался на глаза андижанскому хакиму, давнему моему господину Абдуллабеку. Он сразу закричал: «Вот шпион Худояра и орусов». Меня схватили палачи и три дня выпытывали, шпион ли я.

Ибрагим распахнул халат, под которым не было рубахи, и показал шрамы на теле.

— А потом?

— Хотели меня казнить, а когда возвели на помост и палач уже топор приготовил, Пулат-хан заговорил со мной (он сидел ни белом войлоке) и велел отпустить. Хорошо,

Абдуллабека близко не было... Зачислили меня опять в войско, теперь уже Пулат-ханово. Мы обороняли Андижан от орусов. Пуля ударила мне и лицо и выбила глаз. А может, не пуля... Потом Абдуррахман Афтобачи разругался с Пулатом и сдался орусам. Я сильно раненый побрел домой. Пришел — а дома нет. Хозяина зарезали, усадьбу ограбили, а жена моя с сыном пропали...

— Кто же ограбил?

— Одни говорят сарбазы Худояра, другие — кыргызы-кыпчаки. Целый год я искал свою семью, да где же найдешь? Соседи ничего не знают: какое им дело до прошлого игенчи и его семейства? Теперь вот вторую луну служу у чайханщика за лепешку и чай...

* * *

Апрельские дороги и тропы в горах опасны: на освещенных солнцем местах скользкая грязь, в тени еще лежит ноздреватый подтаявший снег, по утрам тоже скользкий от корочки льда.

Большой отряд пехоты и кавалерии втянулся в ущелье, ведущее к перевалу. Там, наверху, засели джигиты Абдуллабека. Спрятавшись за наваленными стеной камнями, они чувствовали себя в безопасности. Изредка оттуда гремело эхо выстрела, щелкала рядом о камни пуля, испуганный конь шарахался в сторону, и лишь потом там появлялся дымок.

Скобелев осмотрел вражеские позиции.

— Да-с, каналы, сидят крепко. Пожалуй, малой кровью этот орешек не разгрызть. И пушки сюда не втащишь. Если бы можно было в обход?.. Друг Шабдан, — сказал генерал подъехавшему кыргызу. — Не посоветуешь ли чего? Ведь если позиции взять в лоб, много наших лягут.

— В обход надо, начальник.

— Дорогу знаешь?

— Нет.

| Там, наверху, засели джигиты Абдуллабека |

Скобелев с досадой махнул рукой и опять устремил взор на другой конец ущелья.

Шабдан тихонько тронул его за рукав. Удивительно большие (для кыргыза) глаза его были прищурены.

— Зачем торопишься, Михаил Мытрич? Я не все сказал. У меня есть человек, который знает дорогу.

Скобелев сразу оживился.

— Давай его сюда. Ох, и хитрец же ты, братец!

Шабдан подал знак. Подъехал Ибрагим. В добротном, хоть и поношенном халате (с Шабдановых плеч), с саблей на боку, аккуратной черной повязкой на лице он выглядел настоящим, заслуженным джигитом.

— Берешься провести наших солдат к этим канальям в тыл? — спросил генерал.

— Он не понимает по-русски. — Шабдан быстро заговорил. Ибрагим кивнул.

— Вот и славно. Капитана Куропаткина ко мне!

...Ибрагим пошел вперед. Весь отряд, задрав головы, смотрел как джигиты Шабдана, ведя коней на поводу, один за другим скрывались за гребнем. Вслед за ними карабкалась рота капитана Куропаткина.

Лишь когда град пуль обрушился на тыл засевших на перевале, те обнаружили, что противник их обошел. Минутами растерянности, естественной в таких случаях, воспользовался генерал Скобелев и ударил из ущелья. Зажатые в тиски, отряды Абдуллабека были разбиты и бежали. Генерал выглядел весьма довольным.

— Обошлись малой кровью! — рокотал он, не скрывая радости. — Быть тебе, друг Шабдан, с чином! Уж я похлопочу. Где твой проводник? Передай ему от меня... Вот, джигит, получай, — Сказал он подъехавшему Ибрагиму и протянул ему пачку ассигнаций.

Но Ибрагим хмуро покачал головой.

— Не берет! — удивился Скобелев — Ага! Он, наверное, не видел бумажных денег... Пстой-ка, есть у меня в сумках несколько золотых...

Но Ибрагим и от золотых оказался. Шабдан перевел:

— Он говорит — награды не надо. Я отомстил Абдуллабеку за себя, за отца и мать. А за месть денег не берут.

— Ишь! — только и сказал генерал, с интересом разглядывая одноглазого воина. — Вот вам, господа офицеры, истинное понятие о чести. И у кого? У бедного туземца, которому завтра, может быть, не на что купить лепешку. Да-с! Выдать ему почетный халат.

И почетный халат Ибрагим не взял. Шабдан попытался сунуть ему несколько золотых тилла, оставшихся от кокандских времен.

Но Ибрагим спрятал руки:

— Не надо, щедрый господин. Лучше отпустите меня — буду опять искать жену и сына

— Для поисков нужны таньга. Это тебе не награда, а жалованье за службу. От жалованья не отказываются. Да и что сделаешь без денег?

Ибрагим взял и уехал.

Скобелев и Шабдан

Чтобы посеять панику в стане врага, Скобелев приказал Шабдану с его джигитами «почебарить» окрестные айлы (т. е. предать разграблению). А главное — найти Абдуллабека. Шабдан скрепя сердце выполнил приказ: доставил в лагерь большую добычу и сорок пленных мужчин, способных носить оружие.

Когда он подъехал к Скобелеву, лицо его выражало смущение:

— Прости, начальник. Абдуллабека нигде нет. Все, что нам досталось, — вот. Принимай. — И он показал на толпу пленных, множество овец и навьюченных лошадей.

— Все это принадлежит тебе и твоим людям, — сказал генерал.

Шабдан обернулся, оценивающе посмотрел.

— Награда знатная, — сказал он. — Однако нам ничего не нужно. Я пришел служить русским, а не грабить.

— Как? Ты не хочешь взять добытое тобой же?

— Нет, — отрезал Шабдан.

— А что скажут твои джигиты?

— Я их снарядил за свой счет. Я их содержу.

Глаза Скобелева как будто увлажнились.

— Друг! — сказал он. — Дай я обниму тебя. Ты — настоящий дворянин!

В своем донесении Скобелев так и написал: «Храбрый и достойный Шабдан, прибывший с джигитами из Токмака и предложивший свои услуги, отказался от своей доли добычи, сказав, что он пришел служить, а не барантовать»

— Быть тебе с чином! — повторял генерал.

* * *

Преследуя Абдуллабека, русские войска поднялись на Алай. Скобелев еще надеялся как-то поладить с упрямым экс-хакимом Андижана. Для этой цели он послал Шабдана на переговоры. Но ничего не вышло. Шабдан чуть не поплатился свободой и жизнью, однако, в конце концов, с честью вышел из трудного положения. Когда через день подошел с двумя казачьими сотнями князь Витгенштейн, Шабдан передал ему знамя, отбитое у Абдуллабека, и восьмерых пленных.

28 июня 1876 года на перевале Кызыл-Арват Абдуллабек был опять разбит и отступил дальше, в глубь Памира.

Шабдан отправился в погоню со своими джигитами в качестве передового отряда. За ними следовали казаки Витгенштейна.

Последний бой прогремел за Сохом. Абдуллабек, окончательно разбитый, с немногими джигитами бежал в Афганистан.

³⁰ Том XIV. В. М. Плоских

* * *

Царица Алая Курманджан-датха, страшась нашествия «кяфиров», откочевала со своими аилами в долину Коксу на кашгарскую границу. Ведь в Кашгаре правил Якуб-бек, истинный мусульманин, как и все его поданные.

Однако подданные Якуб-бека (не без ведома последнего) разграбили беззащитные аилы Курманджан и выпроводили вон. Потеряв большую часть стад, датха возвратилась на Алай, а оттуда предприняла еще одну попытку уйти в Афганистан.

Однако и это не удалось: 29 июля ее нагнал капитан Ионов со своим отрядом. Ионов, проявив большой такт и искусство политика, сумел внушить царице доверие и склонял ее к миру. Курманджан согласилась даже поехать в лагерь Скобелева.

С большой свитой из знатных кыргызов, в сопровождении сына Камчибека и внука Мырза-Паяса, она прибыла в русский лагерь. Генерал, как и капитан, оказался на высоте: Курманджан приемом осталась довольна. Вскоре она призвала население Алая вернуться к мирной жизни и такой же приказ послала своим сыновьям.

Сыновья послушались. Один лишь упрямец Абдуллабек отказался подчиниться матери и с немногими спутниками отправился в далекую Мекку на поклонение гробу пророка Мухаммеда. В дороге он умер.

* * *

Учитывая большие заслуги Шабдана в Алайском походе, Скобелев настойчиво ходатайствовал перед Кауфманом о присвоении Джантаеву чина войскового старшины. Генерал-губернатор отклонил просьбу по одной простой причине:

— Простите великодушно, Михаил Дмитриевич, не могу-с. Ведь вы, Шабдан Джантаевич, насколько мне известно, неграмотны?

— Так точно, да-с, — отвечал Шабдан.

— Надо, надо овладеть грамотой. Чин довольно высок. Как же вы будете читать распоряжения начальства или сами подписывать приказы? Научитесь письму, и чин вам обеспечен.

Чтобы смягчить отказ, генерал-губернатор выдал Шабдану 2000 рублей, одарил его и всех его джигитов почетными халатами и отпустил домой.

Уже в Токмаке Шабдан получил по почте еще 1600 рублей — «возмещение расходов по содержанию джигитов в Алайском походе». Кауфман опять не забыл упомянуть и о грамоте...

* * *

Экспедиция Скобелева на Алай была не только военной. В ее составе находились специалисты по самым разным областям знаний; в их задачу входило провести всесторонние исследования далекого экзотического края.

Освободившись от военных трудов, Шабдан несказанно удивлялся, наблюдая, как полковник Бенкендорф, заслуженный воин, вместе с господином Михельсоном колдуют над какими-то приборами, а по ночам глядят на звезды через трубу. Другой полковник, Лебедев, тоже глядя в трубу на треноге, но уже не в небо, кричал солдату с шестом в руках, стоявшему поодаль:

— Вправо на три шага возьми, голубчик! А теперь влево на шаг. Да не пяться ты назад, сукин сын!

Третий полковник, Костенко, все ходил с толстой тетрадью, пером и чернильницей и приставал к айльным жителям с разными вопросами, будто кокандский зякетчи...

За время этой военно-научной экспедиции были сделаны астрономические и барометрические наблюдения, произведены топографическая съемка местности и статистические исследования. Зоогеограф В. Ф. Ошанин собрал богатую коллекцию материалов.

* * *

Так закончился Алайский поход, а вместе с ним — и война в Туркестане. В военных кампаниях многие русские офицеры дослужились до генеральских чинов. Генералами стали полковники Черняев и Скобелев — будущий герой Шипки; подполковник Колпаковский, майор Загряжский, капитаны Ионов и Куропаткин.

* * *

В 1883 году в Петербурге проходила торжественнейшая церемония — коронация очередного государя-императора великой Российской империи Александра III. Собственно, Александр III правил уже два года, поскольку его предшественник Александр II Освободитель был убит народовольцами в 1881 году. Из-за траура церемония все откладывалась.

В числе почетных гостей на этом торжестве присутствовали родовитые фамилии Кавказа, казахские султаны, самые заслуженные кыргызские манапы... Среди последних бок о бок стояли офицеры Российской армии капитан Байтик Канаев и войсковой старшина Шабдан Джантаев. Грудь обоих украшали золотые медали на орденских лентах, а грудь Шабдана — еще и Георгиевский крест.

Рядом с великаном Байтиком невысокий Шабдан ничуть не терялся: искусный акын сравнил бы их с могучим стареющим беркутом и стремительным, в расцвете сил белым речетом — у каждого свои достоинства, своя статья...

НАУЧНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Долгий путь к России

Начало... Где оно? Действительно, его поиски — едва ли не самые трудные, в которые пускается пытливый человеческий ум. Кажется, добрались до истоков..., а оказывается, они уводят еще дальше в глубь веков. Перебирая четки фактов, мы все далее удаляемся в прошлое, осознавая, что вся история является итогом длительного процесса, взаимосвязанными звеньями превращений одного явления в другое. Ибо история развивалась не только во времени и в пространстве, но и в сознании, а еще больше — в подсознании народов, которые являются творцами самой истории.

* * *

Сегодня можно считать установленным, что древние индоарии и их потомки — саки и древние иранцы, расселившиеся во II — начале I тыс. до н. э. в Великой степи, на Иранском плато и в среднеазиатском Междуречье, обитали долгое время по соседству с предками славян и финноугров — древних тюркских и других евразийских этносов, вступали с ними в многосторонние различные взаимоотношения.

Одно из самых заметных межэтнических перемещений, оставивших след в истории славянских и тюркских народов, к одним из которых относятся русские, к другим — кыргызы, началось на рубеже до новой и новой эры. В истории оно закрепилось как «великое переселение народов».

В своих популярных лекциях о русской истории знаменитый историк С. М. Соловьев так писал о наиболее ранних контактах славян и кыргызов: «В южной России,

которая и теперь разнится от северной тем, что представляет степное пространство, тогда как северная покрыта лесом, — в южной России с незапамятных пор шатались кочевые народы, похожие на нынешних калмыков и кыргызов. Приходили они большими толпами из Азии и надолго оставались в нынешней России, на Волге, на Дону, по берегам Черного моря, нападали друг на друга, покоряли, выталкивали друг друга, двигались дальше на запад».

Правда, названных здесь «кыргызов» нельзя понимать буквально как этнос, или народность. Это, скорее, собирательный образ восточных кочевников, например гуннов. Контакты, мирные и немирные, были настолько тесными, что можно говорить о начале формирования единого тюрко-славянского мира, тем более, что нередко русского князя рождала кыпчачка, и редко какой кыпчакский хан не называл самым дорогим словом «эне» (мама) славянскую женщину. Вот где сливались Восток и Запад.

Как и когда конкретно в истории произошли первые кыргызско-русские контакты, где это было, кто стоял у их истоков, мы пока не знаем. Вообще много еще неизвестного и дискуссионного в истории кыргызов и русских, как и любого другого народа, да и во всемирной истории.

* * *

Все, о чем мы говорили — преамбула. Или предыстория. Должно было пройти тысячелетие, пока не вступила в свои законные права письменная, документально подтверждаемая история кыргызско-русских взаимоотношений. С конкретными именами кыргызских родоплеменных лидеров, русских правителей и их заместителей в крае, точными датами и хроникально зафиксированными событиями кыргызско-русских взаимоотношений мы встречаемся лишь с XVIII столетия.

Что же мы увидим, если мысленно представим себе Среднюю Азию второй половины XVIII столетия?

Раздробленные межфеодальными усамибами кыргызские племена, только что освобожденные от жестокого ига Джунгарского ханства, вдруг оказались перед лицом новой угрозы двух воинственных государств. Цинская империя, завоевавшая Восточный Туркестан и создавшая на его территории новое свое наместничество — Синьцзян, уже посылала на земли кыргызов разведочные отряды. Быстро возникшее в Фергане и вскоре усилившееся Кокандское ханство уже завоевало исконно кыргызские Ош и Узген, направило войска на Алай и готовилось поглотить весь Кыргызстан. Не было мира и с соседними, казалось бы родственными, казахами. Погрязшие в междоусобных распрях, они не прочь были пожить за счет ослабленных соседей — кыргызов. И здесь постоянно надо было держать ухо востро, а ноги — в стремени.

Как в таком окружении выстоять? Как отстоять свободу? И мудрый Атаке-батыр, неоднократно разбивавший отряды джунгар, предложил обратиться к России. Государство большое — от моря до моря, с ним не станет тягаться даже Китай, не говоря уже о Коканде. С другой стороны, государство далеко и прямой опасности для власти кыргызских лидеров не представляет. Если принять его подданство и получить заверение в покровительстве, можно не опасаться и войска соседей.

Так примерно рассуждал бий Атаке, готовя первое посольство кыргызов к Екатерине II. От тех далеких времен сохранились подлинные документы, отложившиеся в архивах, и — самое важное — два письма от Атаке-бия: одно — сибирским властям, другое — императрице Екатерине II.

События связанные с первым кыргызским посольством в Россию хорошо, по нашему мнению, отражены в первой новелле Амана Газиева.

* * *

В 1824 г. на Сибирской линии побывала очередная делегация представителей иссык-кульских кыргызов.

Три бугинских бия — Акылбек Олджобаев, Алгазы Шералин и Алымбек Джапалаков — с четырьмя своими «старшинами» представляли в России интересы 50 тысяч соплеменников.

Кыргызские посланцы просили, чтобы их препроводили на аудиенцию к императору Николаю I. Но в Санкт-Петербург послов не направили. Прибывший генерал П. М. Капцевич от имени правительства заверил депутатов в дружеском расположении России к кыргызам. Лично от себя он преподнес каждому по перстню. Всем сшили платья, одарили сукном, парчой, плисом, ситцем, бархатом. Генерал-губернатор Западной Сибири начал ходатайство о правительственных наградах: трех биев он представил к золотой медали на Александровской ленте, а одного — наиболее почетного и уважаемого в горах бия, отца депутата Джапалакова — к золотой медали на Андреевской ленте и золотой именной сабле с надписью «по-русски и по-татарски».

* * *

О контактах кыргызов с Россией в следующие два десятилетия (с 1827 по 1848 г.) сведений в первоисточниках почти нет. Здесь какой-то исторический «провал памяти». Но виновата в этом не история: просто пока не выявлены и не введены в научный оборот архивные документы.

А о том, что разрыва в отношениях между кыргызами и Россией не было, свидетельствует письмо манапа Боромбая, направленное в 1848 г. западносибирскому генерал-губернатору.

Обратимся к содержанию одного из писем несущем интересную историческую информацию о прошлом.

Стремясь обрести могущественного покровителя и избавителя от кровавых феодальных междоусобиц среди самих кыргызов, бугинский манап писал, что все кыргызы якобы уже несколько лет состоят подданными государя, что назад тому 35 лет ездил туда сын Шапака Качыбек. Что после этого ездил сын Джапалака Акылбек. И минуло с тех пор 23 года. Боромбай просил, если можно, прибыть на Иссык-Куль и воздвигнуть здесь город. У него, мол, в подчинении находится 10 тыс. кибиток солто и других кыргызов. Они кочуют, находятся в междоусобной вражде, и утверждение здесь «российского дивана» (ведомства) привело бы к общему спокойствию.

В ходе сбора материалов о «пугачевском бунте» знакомится с «кыргызами», «отличными от кыргыз-кайсаков», и великий русский поэт А. С. Пушкин. Восточные мотивы в поэзии А. С. Пушкина, его строки о кыргазах свидетельствуют, что поэт отметил эти два народа и был достаточно осведомлен о далеких «киргизцах», о которых появилась даже строка в черновом варианте его знаменитого «Памятника»:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И внук славян и финн, и ныне полудикой
Тунгуз, Киргизец и Калмык».

* * *

После многолетней переписки в 1854 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд (согласовав это с управляющим Министерства иностранных дел тайным советником Л. Г. Сенявиным) «во исполнение высочайшего повеления» предложил кыргызским манапам прислать в Омск своих депутатов, снабженных полномочной доверенностью «для принятия присяги на верноподданство России».

Бугинцы по инициативе верховного манапа Боромбая избрали своим представителем для столь важного поручения манапа Качыбека Шералина.

Процедуру присяги обставили пышно, в восточном духе. 17 января 1855 г. под сводами Омского губернаторского дворца взволнованный Качыбек Шералин, положив руку на Коран, произносит присягу на верность России. Присутствующие скрепили присягу подписями, султаны и бии приложили свои печати и родовые тамги. Текст присяги в фотокопиях и русский перевод ее неоднократно публиковались. К сожалению, и сегодня не сделан квалифицированный научный перевод оригинала на современный кыргызский язык

Было совершено действие большого политического звучания: положено начало принятию кыргызским народом российского подданства. Верховный манап племени бугу Боромбай возводится в полковники русской армии. Ему были направлены богатые подарки.

В 1862 г. чуйские кыргызы племени солто во главе с манапом Байтиком восстают против кокандцев и осаждают их крепость Пишпек. С помощью русских войск они изгоняют кокандцев и принимают российское подданство.

Текст присяги на подданство России рода черик был тождественным присяге бугинцев. И принимали ее также в Омске, 13 октября 1863 г., в присутствии высоких чиновных лиц Сибири, которые подписали присягу вместе с кыргызскими биями.

Однако было бы неверным утверждать, что все население Северного Кыргызстана одновременно выразило желание добровольно принять подданство России. Некоторые манапы проявляли нерешительность, непоследовательность в отношениях с Россией. Так, в июле 1863 г. тьяншаньский манап Осмон Тайлаков (сын Тайлак-батыра) открыто выступил против России. Со своими джигитами он напал на небольшой русский отряд под началом майора

Г. Загряжского и держал его в осаде всю ночь. На помощь русским пришел со своими джигитами сарыбагышский манап Шабдан Джантаев, уже принявший ранее российское подданство и имевший к этому времени чин капитана царской армии. Этот сюжет также красочно описан в одной из новелл Амана Газиева.

В мае 1864 г. начальник Зачуйского отряда полковник М. Г. Черняев рассылает кыргызским манапам письма для установления дружественных отношений: «По воле великого государя я вступаю в земли ваши с тем, чтобы на вечные времена водворить в них спокойствие и порядок. Намерения нашего правительства теперь, как и прежде, заключаются в том, чтобы защитить преданное нам население от грабежей и насилия, обеспечить следование караванов, покровительствовать торговле и промышленности, примирить враждующие между собой роды, и тем доставить возможность каждому спокойно пользоваться трудами рук своих».

Призыв возымел действие. Уже в октябре 1864 г. кетмень-тюбинский манап племени саяк Рыскулбек обращается с письмом к полковнику М. Г. Черняеву с просьбой о принятии им российского подданства.

В течение двенадцати лет — с 1855 по 1867 г. племена Северного Кыргызстана, озабоченные внутренними проблемами, под давлением внешних обстоятельств принимают российское подданство. И процесс этот в основном был добровольным и протекал в целом мирно.

* * *

Совсем иной характер носило присоединение к России Южного Кыргызстана. Первоначально, в ходе восстания кыргызов и кыпчаков против гнета кокандского хана Худояра, начиная с 1871 г. повстанцы регулярно обращались к русским властям за помощью, с просьбой разрешить им перекочевать из кокандских пределов на территорию,

занятую русскими, и с просьбами о принятии ими российского подданства. Когда же российские власти, связанные договором с Кокандским ханством, поддержали не повстанцев, а Худояр-хана, прислали ему на помощь свои войска, гнев восставших обернулся против русских войск.

5 декабря 1875 г. генерал-губернатор Туркестанского края, он же командующий войсками Туркестанского военного округа К. П. Кауфман в своем донесении военному министру Российской империи пишет: «...В настоящее время в Кокандском ханстве господствует беспорядочный дикий элемент, кочевое население ханства кыргызы и кыпчаки, тот элемент, который, постоянно уклоняясь от наших ударов, в минувшую кокандскую кампанию сего года, видимо, намерен продолжать борьбу с нами. Помимо враждебности нашему владычеству, эта грубая сила, по самому существу ее не подчинялась и не подчиняется никакой законности, никакому порядку.

...История Кокандского ханства представляет собою целый ряд беспрестанных восстаний кыпчаков и кыргызы и борьбы государственной власти ханства Кокандского с этим беспокойным элементом его населения...

Я высказываю поэтому мое твердое убеждение в необходимости действовать скоро и решительно. Способ действия заключается в занятии предстоящею раннею весной 1876 года всего Кокандского ханства...».

Русские войска действуют быстро и жестоко. Они разгромили повстанцев, казнили их предводителя из кыргызов по имени Исхак, принявшего имя Пулат-хана, и заняли всю территорию ханства.

Из информации генерала М. Д. Скобелева: «Поражение неприятеля окончательное. Наших несколько раненых, сколько — неизвестно... 29-го явились [в] Андижан Турсункуль и все знатные люди Маргелана с покорностью. Явились депутаты из Оша, Узгента и самого Кокана; ханство изъявляет покорность; ожидает решения своей участи».

Кокандское ханство, в том числе и территория Южного Кыргызстана, по указу императора Александра II от 19 февраля 1876 г. присоединяется к России.

Первым военным губернатором Ферганской области назначается завоеватель Кокандского ханства и соответственно всего Южного Кыргызстана свиты его императорского величества генерал-майор М. Д. Скобелев. Манап Шабдан Джантаев и алайская «царица» Курманджан-датха становятся верными слугами царизма, сохранив за собой правление собственными родоплеменниками.

На этом заканчивается серия новелл Амана Газиева, хорошо и, главное, документально-художественно осветившего действия кыргызских лидеров в этот судьбоносный для кыргызского народа период.

Сегодня мы с полным основанием можем говорить о характере присоединения Кыргызстана к России, которое на севере протекало мирно, на юге же вызвало вооруженное сопротивление кыргызов, и Алай был завоеван силой оружия.

Оценивая в целом кокандскую военную кампанию, туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман тогда написал: «Война в 1875 г. проходила не с ханами или эмирами, а с народными страстями... Никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испытать такой длительной и упорной борьбы. Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и узнали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств».

В. А. Воропаева,
профессор

СОДЕРЖАНИЕ

БАРС-БЕГ, КАГАН КЫРГЫЗОВ

Историческая повесть

Утопленник	7
Человек с двумя головами	11
В ставке Барс-бега	16
Принц неистовый и нетерпеливый	20
Что могут бакши	25
Владыки степи	32
Страшная ночь	36
Последний бой в черни Сунга	39

Эпилог	43
Эпитафия в честь Барс-бега	44
Кошок (плач) по Барс-бегу	45

ТАЛАССКАЯ БИТВА

Историческая повесть

Тюргеши	49
Вестник	56
В согдийском селении	62
Брачный договор	69
В арабском лагере	75
Видения Гао Сяньчи	82
Праздник «Звезды дождя»	91
Нападение	101
Возвращение купцов	106
Навстречу друг другу	111
Битва	116
Битва (продолжение)	123
После битвы	130
После битвы (продолжение)	137

Эпилог	142
---------------------	-----

ВО ВРЕМЕНА КАРАХАНИДОВ

Историческая повесть

В горах Баласагуна	149
Караван-сарай	153
Первая встреча с «Кутадгу билиг»	158
Баласагун	163

Шахристан	171
В бане	175
Свидание с «Кутадгу билиг»	184
Сон	192
Во чреве Баласагуна	200
Купец Бадан	208
Тайна колодца	213

ПЕРВОЕ ПОСОЛЬСТВО

Историческая новелла

Сон	231
Думы о былом	234
Утро	238
Курултай	241
Послы	247
В пути	250
Петербург	254
Перед аудиенцией	256
Аудиенция	263
После аудиенции	266
В Сибири	268
Выжидание	273

Эпилог	276
---------------------	-----

БЕЛАЯ КОСТЬ (АК-СУЁК)

Историческая новелла

I. Барымта (кровавые междоусобицы)	279
Случай с Айдаке-батыром	279
Сарыбагыши и саяки	284
Саяки и бугу	289
«Красная шапка бывает одна»	296
Война с Кенесары	299
Калыгул	307
Бугу и сарыбагыши. Игра в ордо	311
Последний бой хана Ормона	316
Уметалы наносит удар	321
Качыбек Шералин	326
Присяга	339
Время испытаний	344

II. Путешественник-мироходец	353
Первые впечатления	353
Дорожные грабители	355
Самая тревожная ночь	358
В айылах Уметалы	360
У Боромбая	365
Сарыбагыши	368
Трагедия кыдыков	372
Уметалы делает жест	377
Что увидел скромный караванщик	379
Последнее явление Уметалы	381
III. Джантай и Шабдан	389
Сражение при Узун-Агаче	389
Приключения Шабдана в Ташкенте	399
Осада Ташкента	408
Кокандская крепость Пишпек	413
Байтик Канаев	426
Инцидент с майором Загряжским	442
Кокандский поход	447
Алайский поход	453
Скобелев и Шабдан	464
Научное послесловие	
Долгий путь к России	464

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Аман Газиев

ТОМ XIV

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*
 Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 09.09.2020. Заказ № 49.

Формат бумаги 60 × 84¹/₁₆. Объем 30 п. л.

Тираж 500 экз.

ООО «НЕО ПРИНТ»

